Александр Торин

Дурная компания

Copyright © 1995 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Издательство «Геликон Плюс»
Санкт-Петербург 2000, СПб. 376 стр.

твердый переплет - Цена: 70 руб.

Редактор В.Я. Васильев
Обложка Дм. Горчева

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

Содержание:

Вместо предисловия 3
Глава 1. Полет. 5
Глава 2. Рейс Москва–Амстердам откладывается. 14
Глава 3. Долги, которые нас выбирают. 21
Глава 4. Скромный кожаный пояс с золотой пряжкой. 27
Глава 5. Первый день. 34
Глава 6. Разговор у писсуара. 44
Глава 7. Дружеский ужин в Правильном месте. 49
Глава 8. Жить надо в Литтл-Три. 54
Глава 9. Вселенная Пусика. 62
Глава 10. Команда. 66
Глава 11. Беженец. 71
Глава 12. Эйнштейн был неудачником! 76
Глава 13. Академик. 83
Глава 14. Эдик. 89
Глава 15. Совет. 95
Глава 16. Автопоезд из Кембриджа. 102
Глава 17. Академия Пусика. 109
Глава 18. Кембридж в сборочном цехе. 118
Глава 19. Дырки. 126
Глава 20. Совещание в верхах. 131
Глава 21. Кто нашу бабушку зарезал? 137
Глава 22. Практическая Теория. 145
Глава 23. Немного о толковании снов. 151
Глава 24. Шпиндели для Красного Китая. 163
Глава 25. Выставка. 173
Глава 26. Лотерея Жизни. 185
Глава 27. Сигнализация. 196
Глава 28. Бред. 201

Вместо предисловия

Где вы, все эти тени прошлого, со мной ли все это происходило, да и происходило ли это вообще? Жизнь, в которой я жил, что-то делал, говорил, ходил, думал, дышал. Холодный ветер весной на Калининском проспекте в Москве, колонны Ленинской библиотеки, невысокий ряд домов на улице Герцена, аккорды, несущиеся из консерватории, сугробы, яркий, какой-то неестественно белый свет и источенные временем камни в пригороде Иерусалима, торжественный простор Невы, набережная, Марсово поле и величественные решетки Летнего сада, горячий воздух, наполненный возгласами людей на незнакомом языке и пропитанный запахами кофе, фруктов и буйного цветения. Ах, как прекрасно захватывало дух на подъезде к Иерусалиму, когда за каменными террасами древних земледельцев вдруг вырастал город упираясь домами прямо в небо, неестественно низко нависшее над верхушками лысых гор Иудейской пустыни. И дул, дул свежий ветер с Балтики, гоняя сизые тучи над мостами Петербурга, и ряд домов на другой стороне Невы напоминал аккорд из какой-нибудь симфонии. И чинно шли по улице ортодоксальные евреи в широких шляпах, а в саду кустарник рос над склепом, которому было уже несколько тысяч лет, и кто знает, чьи кости когда-то в нем лежали, торговца, священника или знатного гражданина. Иерусалим пал через много веков после его похорон, и прах его был развеян по ветру под грохот маршировавших мимо римских легионов. Подъезд из дома открывался прямо в сад, буйно цвели кусты какого-то неизвестного растения, и воздух был прозрачен настолько, что казалось – сейчас зазвенит. Только небольшое углубление в белом камне скалы светилось среди зелени и цветов. И свет, неестественно яркий свет, исходящий от всего вокруг...

«Бррр, куда это меня занесло?» – Я трясу головой, и шепчущий ветерок воспоминаний тускнеет и уходит куда-то, как улетевшая легкая дрема. Я смотрю по сторонам и вижу перед собой привычную стерильную обстановку, чем-то напоминающую больницу: белые пластиковые плитки, белый чуть мерцающий свет люминесцентных ламп, шелестение кондиционера, выбрасывающего из сеток, тут и там нарушающих однообразный узор пластиковых плиток потолка, некое подобие воздуха, которым можно дышать, но нельзя надышаться. Единственное свойство этого воздуха – его постоянная температура. Почему-то решетки кондиционера покрыты узорами, поразительно напоминающими свастику. Жужжат бесчисленные серые коробки, светятся, как глазками, маленькими зелеными лампочками. Эти коробки – основной источник существования нескольких десятков людей, спрятанных в чреве компании Ефима Пусика. Некоторые из коробок разворочены, и наружу торчат их внутренности – пучки проводов, черные жучки микросхем. Люди, сидящие в большом зале, склонились над ними, как хирурги над больным во время операции, и сосредоточенно копаются в их чреве.

Я перевожу взгляд на окно. На горизонте возвышаются безжизненные лысые горы, покрытые выжженной травой. У их подножия белеет комплекс построек, напоминающий нефтеперегонный завод. Это канализационная станция, перерабатывающая продукты жизнедеятельности, выделяемые обитателями большого индустриального города, расположенного неподалеку. Иногда вечерами сладковатый ветерок омывает эту станцию, подкатывает к нашему зданию, просачивается через вентиляционные решетки, испещренные подобиями свастик, и оседает в коридорах, создавая иллюзию присутствия в большом общественном туалете.

По улице ходят два человека с наушниками и странными машинами, висящими у них за спиной. На первый взгляд может показаться, что они посмотрели мультфильм про Карлсона, который живет на крыше, и хотят взлететь, так как машины издают рычание, вой, чихание и иногда извергают клубы ядовитого сизого дыма. На самом деле, это бензиновые двигатели, нагнетающие воздух в шланги, которыми они разгоняют листья, лежащие на дороге. Метла, как оружие пролетарского дворника, им явно недоступна, как, впрочем, недоступно им и осознание полной бессмысленности их деятельности. Только что сдутые ими листья мгновенно подхватываются налетевшим ветерком и разлетаются по

сторонам с какой-то особенной силой. Я некоторое время размышляю над физической сутью этого явления. Лист, пассивно лежащий на дороге, не впитывает в себя никакой энергии, но, подброшенный неистовым потоком воздуха с запахом масла и бензина, он впитывает энергию, и даже слабое дуновение резонирует в нем и подбрасывает его в воздух с удесятеренной силой. Спустя несколько секунд, пока эти мысли проносятся в голове, становится ясно, что моя теория не выдерживает никакой критики с точки зрения современного естествознания.

Две фигурки удаляются в плоское безжизненное пространство пейзажа, продолжая с методичной бессмысленностью развеивать сухие листья. Они бредут по дороге, чихают и жужжат моторы, поднимается пыль. Эти люди и их действия представляются мне философским обобщением проходящей человеческой жизни.

Из здания напротив выходит полный человек в хорошем костюме. Он несет под мышкой пузатый кожаный портфель, в котором обычно носят протоколы крупных деловых сделок, проходит под развевающимся звездно-полосатым флагом и садится в огромную блестящую американскую машину, более напоминающую небольшой автобус. Машина ревет всей мощью своего восьмицилиндрового двигателя, взвизгивает шинами и уносится, оставляя после себя лишь маленькое облачко выхлопных газов. На вид этот человек похож на преуспевающего бизнесмена, но здание, из которого он вышел, принадлежит религиозному центру. Впрочем, в Америке одно немногим отличается от другого. Недавно выяснилось, что святые отцы, работавшие в этом центре, развращали малолетних прихожан, был крупный скандал, но на чувства верующих это видимого влияния не оказало.

Широкая асфальтовая дорога течет мимо одинаковых зданий, напоминающих грибы, выросшие после дождя. Здания эти похожи на упаковочные коробки, в которых кто-то проделал отверстия для окон и застеклил их темным стеклом. Большинство коробок пустуют – компании разоряются одна за другой и уезжают из райского уголка в более скромные и дешевые штаты Америки. Процветает только религиозный центр, в избытке производящий туманное облако проповедей. Второй процветающей фирмой в округе является компания Пусика, которая, в отличие от проповедников, производит вполне осязаемые предметы материального мира.

Я мысленно возвращаюсь к той цепи событий, которые привели меня в эту странную точку жизненного пространства и времени. Начиналось все хорошо, но когда же впервые у меня в груди и в желудке возникло странное посасывающее тревожное чувство, приходящее в роковые моменты судьбы, засасывающей тебя в водоворот событий, которые ты уже не в силах изменить, и только подсознание отбрасывает смутную тень из будущего на действительность и шепчет тебе: «Берегись, берегись, берегись...»

Глава 1.
Полет.

Огромный, не вполне чистый, трясущийся автобус, совершенно не соответствующий представлениям бывшего советского человека о загранице, а тем более о цитадели империализма и крупнейшей и богатейшей стране Запада, вез меня с центральной автобусной станции Манхеттена в аэропорт имени Кеннеди. По представлениям моей юности, прошедшей под сенью марксизма-ленинизма, такой автобус мог передвигаться только где-нибудь в африканской стране, вставшей на осознанный курс социалистического строительства и утилизирующей отрыжку прошлых ошибок, в виде доставшегося в наследство от колонизаторов проржавевшего допотопного средства передвижения человеческих тел, с сиденьями, черными от пота и грязи тысяч перевезенных им аборигенов.

За рулем автобуса сидел сморщенный китаец, почти совершенно ничего не понимающий по-английски и, казалось, умеющий произносить только названия остановок, да и те с жутким акцентом. Совершенно непонятно было, каким образом он умудрялся управляться с огромной рычащей неповоротливой махиной, набитой разношерстной публикой – лопочущими японцами, слегка помятыми, но не утратившими остатки лоска туристами из Европы, совершенно бандитского вида группой странных мужчин, молчаливых, в грязных одеждах и подозрительным образом не имевших абсолютно никакого багажа. В соседнем ряду сидели веселые старушки в кружевных белых воротничках, замотанные в длинные серые платья, и православный, невесть откуда взявшийся поп, с круглым, довольным и лоснящимся лицом, похожим на свежевыпеченный блин.

Автобус несся среди нагромождения дорог, автострад, неприглядных, даже жутковатого вида домов красного кирпича, по совершенно разбитой дороге, лавируя между громадными выбоинами в асфальте, иногда попадая в них, причем при каждом таком ударе раздавался жуткий скрип и скрежет, и я внутренне сжимался, ожидая, что проржавевшие конструкции развалятся и мы никогда уже не доедем до аэропорта. Но сморщенный водитель был виртуозен и, не прошло и получаса, как копошащееся чрево грязной железной коробки было вытряхнуто у дверей аэропорта.

Я вошел в просторный и ярко освещенный зал, прошел регистрацию и оказался среди пассажиров, ожидающих самолета голландской авиакомпании, отлетающего в Амстердам. Мое тело совершало странные и довольно-таки нелогичные перемещения в пространстве. Три десятка лет моя физическая оболочка прочно проживала в Москве, правда, в последние годы совершая недолговременные и относительно недалекие вылазки на Европейский континент. Затем, под влиянием внешних и внутренних обстоятельств, она перенеслась в Израиль. В текущий момент современные средства передвижения помогали мне совершить странный и, на первый взгляд, совершенно бессмысленный виток в пространстве: улетая из Америки, я возвращался в Москву, оттуда улетал обратно в Израиль, и все это для того, чтобы вскоре снова улететь в Америку. Если бы я тогда знал, что в результате этого сумасшедшего витка, покрывающего больше половины нашего маленького голубоватого шарика, я вернусь в маленькое подобие огромной России, перенесенное на американский континент, все происходящее окончательно потеряло бы всякий смысл и тем более рациональное содержание...

Объявили посадку, и хорошо одетая толпа, пахнущая по-европейски французской косметикой, дорогим табаком и кожей, журча полилась сквозь небольшой коридор к огромному Боингу, светящемуся огнями, сверкающему крахмальными белыми салфетками и улыбающемуся приветливыми улыбками молодых, светловолосых и неправдоподобно опрятных стюардесс. Толпа как будто заворчала от удовольствия и принялась рассаживаться в креслах. Холеные бюргеры в шерстяных костюмах, с запонками, галстуками, усами, вызывающие в памяти детские книжки с изображениями буржуазии и

господ, среднего возраста дамы в элегантных костюмах, с косыночками на шее, более демократичного вида молодые парни, все, как один, высокие, в ослепительно белых кроссовках и голубых джинсах, светловолосые нордические девочки с рюкзаками, строгие американские бизнесмены с портативными персональными компьютерами, несколько японцев в одинаковых голубоватого цвета костюмах, галстуках и черных лаковых ботинках- все они устраивались на своих местах, журчала иностранная речь, а за окном светился разноцветными огнями огромный аэропорт. Тихо шумели турбины Боинга, опрятные стюардессы сновали между рядами, и вот огромное тело лайнера стронулось с места, покружилось между ангарами, взревели турбины, и земля мягко и незаметно унеслась вниз. В иллюминаторе засветилось, чуть мерцая, море цветных огней, огромные небоскребы уплыли из вида, и внизу расстелилась черная холодная мгла Атлантики.

Мягкий убаюкивающий свет, мерный шум моторов, горячий обед и бокал коньяка настраивали на вечерний отдых и предвкушение встречи с родителями, которых я не видел уже несколько лет, и с семьей, по которой я уже успел соскучиться. Жизнь была прекрасна, тем более что впереди меня ожидали новые впечатления, просторы и заманчивые перспективы. Только странное чувство тревоги, почему-то поселившееся у меня в груди, изредка сдавливало дыхание, и на душе становилось как-то тоскливо. Неясные образы, какие иногда бродят в сознании после кошмарных снов, как тени, передвигались перед глазами. Я посмотрел в иллюминатор на едва видное в лиловой тьме крыло Боинга, закрыл глаза и мысленно вернулся на три недели назад...

Три недели тому назад я еще находился на берегу океана в знаменитой долине, зеленой и залитой солнцем, несмотря на зимнее время. В долине этой располагался мировой центр электронной промышленности, а по соседству зеленели лужайки нескольких известных американских университетов. Настроение у меня было хорошее, я только что сделал успешный научный доклад и выслушал поздравления коллег. Моя научная карьера, оборванная хаосом, воцарившимся в России, и возобновленная практически с нуля на берегу Средиземного моря, казалось, начинала свой новый виток.

Долина встретила меня свежим, пахнущим солью морским воздухом, зеленью сосен, соседствующих с пальмами и секвойями, блестящими роскошными автомобилями, неслышно несущимися по автострадам, чистенькими зданиями, покрытыми красными черепичными крышами и уютными кафе, в которых, по слухам, собираются Нобелевские лауреаты. Люди вокруг ходили без автоматов, на входе в магазины не проверяли сумки на наличие взрывных устройств, и дома обывателей были, на мой взгляд, совершенно не приспособлены к отражению ракетных и химических атак. Самое поразительное, что местных обитателей все это совершенно не удивляло, равно как и то, что за чрезвычайно умеренную плату из их кранов круглые сутки текла горячая вода. Эта удивительная возможность в любой момент открыть кран и встать под душ особенно поразила меня, привыкшего к безденежью и к спартанским условиям израильской зимы.

Во время конференции произошел смешной случай, заставившийся меня задуматься о материальной стороне жизни. Я встретил нескольких русских ребят, работающих теперь в Америке. Как это всегда бывает, мы разговорились, делясь друг с другом своими впечатлениями, вспоминая общих знакомых, и после заседания зашли в уличное кафе и купили несколько бутылок пива.

Я с удивлением смотрел на то, как мои спутники долго пытались отвернуть металлические крышки. Оказалось, что на американских бутылках была предусмотрена специальная резьба, позволяющая без труда их откупорить. Однако пиво оказалось немецким и бутылки были запечатаны самым что ни на есть обычным способом.

– Чего же делать? – в недоумении спросил один из моих новых знакомых.

– Надо магазин поискать, купить открывалку, – уверенно произнес второй и уже начал приподниматься со стула.

– Мужики, вы чего, охренели? – я продемонстрировал бывшим советским гражданам традиционный способ открывания бутылок путем прикладывания пробки к краю столика и легкого удара по горлышку. Мои спутники вначале с удивлением посмотрели на меня, потом друг на друга, и в глазах у них промелькнуло смущение. Случай этот окончательно убедил меня в правильности марксистского тезиса о том, что бытие определяет сознание.

Буквально в нескольких минутах от центра, временно собравшего под своей крышей ученых мужей, работал мой старый друг, с которым мы вместе учились в институте. Еще встретившись с ним в аэропорту, я успел заметить, что он не только стал солидным, хорошо одетым господином, но и заметно посвежел. Куда-то пропал болезненный, землистый цвет лица, вместо этого на его щеках играл здоровый румянец, пробивавшийся сквозь светло золотистый загар.

Андрей работал в процветающей местной фирме, основанной выходцем из России времен стабильного застоя Ефимом Пусиком. Компания Пусика производила уникальное электронное и механическое оборудование, с каждым годом богатела все больше и больше, что сказывалось на благосостоянии сотрудников и естественным образом заставляло меня вспоминать о скромной университетской зарплате. Моя старенькая и первая в жизни машина, стоившая больше вырученного от продажи новой кооперативной квартиры в Москве, к этому времени проржавела, и в салоне после дождей хлюпала вода. Предстоящая починка нависала надо мной своей унылой неизбежностью, обещая оставить солидную брешь в семейном бюджете и вызывая некоторое чувство неуверенности в завтрашнем дне, по слухам, довольно типичное в капиталистическом мире.

Конференция подходила к концу, и в один из вечеров Андрей заехал за мной на своей новенькой Тойоте. Лицо его было важно и торжественно, щеки слегка надуты. Он посмотрел на меня оценивающим взглядом. Глаза его скользнули по туфлям, десять лет назад купленным по талонам перед свадьбой в магазине для новобрачных, австрийскому костюму, по случаю выхваченному тещей в период конца застоя в Москве на распродаже для ветеранов, по израильскому галстуку и рубашке, с едва заметной надписью «Москва» на нагрудном кармане, пересланной родителями из Москвы для бедствующих научных сотрудников в Израиле. По-видимому, мой внешний вид, хотя и оставлял желать лучшего, его удовлетворил. Он раскрыл рот и произнес, тоном диктора советского телевидения, объявляющего о визите важной государственной особы: «Я рассказал Ефиму о тебе, и он хочет с тобой встретиться».

Мы уже как-то обсуждали эту тему, и я отнесся к подобной идее без особого энтузиазма, так как мои познания совершенно не совпадали с той областью, в которой Пусик сделал свой бизнес. Время было уже довольно позднее – начало девятого вечера – и лицо мое, по-видимому, выразило некоторое недоумение, замеченное Андреем.

– Сейчас мы поедем к нам в компанию! – по-военному отчеканил он. – Ефим ждет. – Эти последние слова были произнесены с каким-то особым оттенком значимости, с придыханием. Наверное, так же когда-то вызывали какого-нибудь деятеля искусств на ночное совещание к Сталину в Кремль – тоном, не терпящим возражений и объясняющим непонятливому товарищу всю неуместность его мягкотелого замешательства.

Через четверть часа мы уже подъехали к зданию компании Пусика. «Pusik» – гласила крупная эмблема у входа. Меня поразило, что, несмотря на поздний час, окна просторного двухэтажного здания были ярко освещены, а стоянка была плотно заставлена машинами сотрудников. «Вот это работа», – подумал я, и вдруг в голову полезли полосы старой газеты «Правда», описывающие суровую и напряженную борьбу за существование, которую приходится вести среднему американскому труженику. Труженик этот потому и обладает сравнительно высоким уровнем жизни, что все свои силы отдает работе. Правда, все это напускное, так как труженик этот не обладает уверенностью в завтрашнем дне, потому в душе его усиливается напряженность и усталость. Я потряс головой, и белые газетные полосы развеялись, как разлетающиеся бабочки-капустницы.

Мы поднялись по небольшой лестнице и зашли в здание. Недалеко от входа, в ярко освещенном холле, стоял довольно крупный, благообразный джентльмен лет пятидесяти-пяти – шестидесяти. Он был одет в плотный черный шерстяной пиджак дорогого покроя, в белоснежную рубашку, брюки со стрелочкой, и до синевы выбрит. Ярко выраженные еврейские черты пожилого одессита совмещались в нем с аристократичностью облика, властностью и осознанием собственной силы.

– Это Ефим, говори с ним только по-английски! – шепнул мне Андрей, и на лице у него появилась почтительная улыбка.

Рядом с Ефимом стоял седой пожилой господин благообразного вида с римским профилем и с маленькими седыми усиками. Он держал в руках огромный чертеж какого-то устройства, с деталями, разметками, отверстиями и бог знает чем. Судя по его безупречной английской речи, господин этот родился и прожил всю свою жизнь в Западном полушарии. Голова его была втянута в плечи, и вся фигура изображала некоторую подобострастность и полную готовность исполнить любое распоряжение хозяина.

– Ефим, посмотрите, пожалуйста, – говорил он. – Мы сделали отверстия в этой планке: я предусмотрел четыре по бокам, чтобы можно было повернуть блок, но решил, перед тем как пускать деталь в производство, еще раз показать вам чертеж.

– Слушай, – лицо Ефима брезгливо сморщилось. – Слушай, слушай, слушай, – он раздраженно закрутил головой. Звучало это по-английски так: «Листен, листен, листен, листен» с сильным русским акцентом, – Потом, потом. Я ничего не хочу видеть. Делайте все сами, я в эти дела не вмешиваюсь. Мы же говорили об этом вчера. Вообще никаких отверстий не надо, не нужны они и всё, я же тебе все уже объяснил.

Лицо пожилого господина с усиками выразило недоумение.

– Ефим, вы же вчера сами попросили меня сделать отверстия, вот я и пришел вам показать...

– Листен, листен, листен, сколько можно меня отвлекать? – небрежно сказал Ефим. – Ну, сделал ты эти отверстия, хорошо, пускай деталь в производство. Черт с ним, мы потеряем пару десятков тысяч, что я могу поделать? Просверлим отверстия, пусть будут. Да, сделай их, это неплохо даже смотрится. Красиво, да? – Ефим надел очки и стал рассматривать чертеж. – Сделай, только не четыре, а шесть. Но вообще-то они не нужны, я же вчера тебе говорил, что не надо никаких отверстий! Ну сделай парочку, может быть, они пригодятся. Ну ты же видишь, никаких отверстий не надо. Я чего хочу, чтобы вы все сами думали. И берите на себя смелость принимать решения. Вот ты просверлил отверстия, приди ко мне и скажи: «Ефим, я их просверлил». Ну представим себе, что ты не прав, да, конечно, не прав! Ну и что? Так и скажи: «Не прав!», не бойся признаться в ошибке. Я тоже делал много ошибок. Но отверстий никаких не делай, не трать время, все эти дырки убери и пускай деталь в производство. Ты понял, о чем я говорю?

– Хорошо, Ефим, все понял, Ефим, будет сделано, уже иду! – седой господин свернул чертеж и быстрым пружинящим шагом ушел куда-то в глубь здания.

Только что услышанный диалог меня поразил, но я пока решил ничему не удивляться. Андрей сделал шаг навстречу Ефиму.

– Ефим, – вот это тот самый парень, о котором я вам говорил, – сказал он по-английски.

– Так вот ты какой! – Ефим перешел на русский, чуть посмеиваясь и одновременно окидывая меня взглядом с ног до головы. Взгляд его пробежал по моим черным лаковым ботинкам с длинными носиками, брюкам, пиджаку, галстуку. Ноздри его чуть раздулись, и мне вдруг показалось, что он принюхивается. По-видимому, мой облик его устроил, он улыбнулся и приветливо протянул мне руку. – Ну пошли, поговорим. Я так мучаюсь, ты же сам видел, вокруг сплошные идиоты. Ну ты же слышал, дырку не в состоянии просверлить! Не могут элементарную вещь сделать уже два года, я двадцать миллионов на этих дырках потерял! Совершенно не могу найти толковых, да даже не толковых, просто нормальных инженеров. Сейчас поговорим, только давай на минутку в сборочный цех зайдем. Мне надо проверить, что эти бездельники там натворили! – Он подошел к двери, на которой было написано «Вход только для сотрудников компании», и потянул за ручку.

За дверью открылся огромный, ярко освещенный зал, с рядами столов и огромным количеством ящичков и полочек с металлическими деталями, проводками и винтиками.

– Пошли, пошли, посмотришь на то, как мы живем. – Ефим, усмехаясь, прошел в дверь. Мы следовали за ним в некотором почтительном отдалении. За ближайшим столом сидела

женщина с характерными мексиканскими чертами. Она доставала пинцетом из маленькой коробочки крохотные детальки, ловко соединяла их с детальками побольше и складывала в другую коробочку. Ефим остановился около стола.

– Ну, как дела? – спросил он, снова перейдя на английский. Не дожидаясь ответа, он надел очки и стал похож на доброго старого дедушку -часовщика. Неожиданно лицо его помрачнело. – Где новое крепление? – он пристально поглядел на Андрея. – Я же говорил Леониду, чтобы он прекратил собирать старые подставки, вы меня до инфаркта доведете! Ну-ка, вызови его сюда!

Андрей семенящим шагом подбежал к телефону, нажал на кнопку, и с потолка заревел его голос, с неистребимым русским акцентом, усиленным громкоговорителями: «Леонид, 278! Леонид, Ефим по номеру 278!». В голосе Андрея слышалась грозная решительность, не оставляющая сомнений в том, что произошло нечто серьезное. Тут же раздался гудок, и Ефим взял трубку.

– Леонид, – прорычал он, – что происходит? Я подхожу и вижу, что вы до сих пор собираете старые подставки! Я же вчера приказал остановить все и отправить всех сборщиков домой до тех пор, пока новые детали не поступят!

На другом конце линии еле слышался объясняющий и извиняющийся голос Леонида.

– Листен, листен, листен, листен, к черту заказчиков! – Повысил голос Ефим. – Они подождут, я не желаю больше старую подставку видеть. Хорошо, я завтра проверю. – Он бросил трубку. – Иди домой, иди домой, отдыхай, к детям, уже поздно, – ласково сказал он женщине. – Они дают тебе бесполезную работу, не думают. Один я должен за всех думать. Приходи завтра с утра, начнешь собирать новую подставку. А это все выкини, все равно не нужно.

Женщина с уважением смотрела на Ефима снизу вверх.

– Хорошо, хорошо, Ефим, – пробормотала она, накинула пиджак и встала из-за стола.

– Что значит хорошо? – Ефим начал раздражаться. Он схватил ящик с маленькими блестящими металлическими детальками и швырнул их в мусорную корзину. Детальки с шорохом скользили по обрывкам бумажных листов, проваливаясь в темную глубину ящика. – Вот это хорошо! – Ефим удовлетворенно отряхнул руки. – Ну вот видите, – уже спокойным голосом и по-русски сказал Ефим, обращаясь к нам. – Вот такие неинтересные проблемы приходится решать. А что делать, ведь в одну секунду прогоришь и по миру пойдешь. Ну пойдем, поговорим.

Мы поднялись на второй этаж и зашли в кабинет Ефима. На письменном столе стояли несколько фотографий, на которых Ефим сидел с женщиной и маленьким ребенком. На другой фотографии ребенок был уже постарше, и в нем можно было узнать симпатичную девочку, похожую на отца. На третьей фотографии Ефим был в компании друзей, российского происхождения, с безошибочно узнаваемыми лицами интеллигентов шестидесятых годов. Впрочем, фотография эта была сделана уже за пределами одной пятой части суши, что можно было определить по просторной комнате, камину и обилию импортных напитков на столе.

Ефим сел за стол и вздохнул.

– Ну, рассказывай, – сказал он, обращаясь ко мне. – Вот он, – и он кивнул в сторону Андрея, на лице которого мгновенно возникла почтительная улыбка, – рассказывал о тебе. Значит, наукой занимаешься, в Израиле живешь? Там хорошая наука, есть сильные люди, я ведь там почти год прожил, только сбежал – работу в Англии предложили, но вот попал сюда и застрял, здесь затягивает, ты знаешь? Удивительное место! Ты вроде нормальный, я ведь людей хорошо вижу, у меня интуиция, парень толковый. И по-английски говоришь. – Ефим вдруг перешел на английский. – Машину водишь, знаешь, как на Западе жить, самостоятельный. Ведь когда в Израиль уехал, никто тебе не помогал, сам карабкался? А там условия жесткие, не то, что здесь. Я это в людях уважаю. Здесь ко мне ребята приезжают из России, на все готовое, жизни не знают, получают все сразу, квартиры, машины, деньги. Я, когда приехал, полы мыл за тридцать центов в час, не то, что они, – и он качнул головой в сторону Андрея. – Ведь нет у тебя проблем, правда? И зарплаты хватает?

Андрей качнул головой и расплылся в натянутой улыбке. Он не сводил глаз с Ефима, полураскрыв рот и ловя каждое его слово.

– Я думаю, с тобой проблем не будет, – снова перешел на русский Ефим. – Ты знаешь, у нас сейчас имеется небольшая проблема. Промышленность меняется, то, на чем я деньги сделал еще пару лет доход давать будет, а потом придется уходить. Они какие-то новые методы придумали, статьи пишут, и никто не знает, что это такое. Есть какие-то профессора, но они даже толком объяснить не могут, о чем это все. У нас были гениальные ребята, ушли, жалко, такие типчики, из принципа по-русски с родным отцом не разговаривали. Или вот инженеры, они ходили в халатиках, с калькуляторами, идиоты, считали что-то. Ну, при чем здесь желтые носки, да, да, они ходили в желтых носках! С умным видом, а носки желтые, брюки короткие, и калькуляторы из кармана торчат! Представляешь, желтые носки и такие короткие брюки, чуть ниже колен! Я когда пришел, за неделю все сделал, то, что они год в своих носках вычисляли!

Ефим продолжал говорить, переходя то на русский, то на английский. Его мягкий баритон обволакивал моё сознание. Все, о чем он говорил, было понятно, но раздроблено на мелкие, изолированные друг от друга островки, и я с ужасом почувствовал, что уже давно потерял нить разговора и совершенно не чувствую взаимосвязи между инженерами в желтых носках, новыми идеями в электронике, отверстиями и гениями, не разговаривающими с родителями по-русски. Временами мне казалось, что Ефим переходит еще на какой-то третий язык, смысл которого я не вполне понимал. Странное чувство туманной прострации возникло у меня в голове. Ефим все продолжал говорить.

– Ты понимаешь, о чем я говорю? – вдруг спросил он и пристально посмотрел мне в глаза слегка настороженным, неподвижным, оценивающим и цепким взглядом. Я вышел из оцепенения и почувствовал некоторую неловкость. Переспрашивать Ефима было как-то неудобно.

– Да, да. – ответил я.

– Хорошо! – сказал Ефим и сразу как-то успокоился. – Ты знаешь, трудно найти толковых людей. Вот и он тебя рекомендовал, – и Ефим качнул головой в сторону Андрея, который сразу же покраснел, расплылся в застенчивой улыбке и покачал головой, как будто хотел сказать, что хотя и рекомендовал меня, но сам он при этом не при чем. – В общем, я долго уже говорю. Если захочешь, мы сделаем на тебя все документы, визу, приедешь, устроишься. Поработаешь год-другой, захочешь – оформим тебе грин-кард. Я вижу, ты парень толковый, может, справишься. Очень надо бы разобраться в этой теории, они понаписали статей, сами ничего не понимают. Так что смотри, денег тебе подбросим, будешь жить нормально, привези семью, купишь новую машину себе и жене. Я от тебя ничего не хочу, чувствуй себя свободно – читай, разбирайся, в библиотеку ходи, может, чего придумаешь, нам объяснишь. Не получится – как хочешь, можешь найти другую работу, уйдешь - в университет или в Израиль вернешься. Ну потеряем мы твою зарплату за пару лет, это не проблема. Я с этими идиотами, которые дырки просверлить не могут, в сто раз больше уже потерял! Так что поработаешь спокойно, не торопясь, накопишь денег, ведь это тоже важно, у тебя же наверняка зад голый! Да? Правильно я говорю? Ты меня поправь, если я не прав. Ну все, я закончил! – Ефим резко встал и улыбнулся мне: – По рукам? – спросил он.

Противоречивые чувства овладели мной. Предложение звучало заманчиво, каков размах, – на дырках потерять миллионы! Такое бывает, быть может, раз в жизни – пожить и поработать в знаменитом месте, да еще и хорошую зарплату получать! Я вспомнил мучительный процесс подготовки заявок, десятикратное переписывание статей, ответы на идиотские замечания рецензентов и все увеличивающуюся неопределенность по поводу того, получу я место на факультете в следующем году или нет.

– По рукам! – неожиданно для себя и бодро ответил я и пожал руку Ефиму. Только холодок вдруг родился где-то в горле, как маленький холодный комок пробежал по груди и спустился в область желудка. Стены на мгновение поплыли перед глазами, и из-за серой пелены подсознания на долю секунды я увидел себя, день изо дня поднимающегося по лестнице на второй этаж компании под ярким, чуть мерцающим светом люминесцентных ламп. Видение качнулось и исчезло.

– Все, поздравляю, ты Ефиму понравился, – прошептал Андрей. – Считай, что дело в шляпе, у нас все делается быстро. Собирай вещи и готовься к жизни в Америке.

Этим вечером я смотрел на проплывающие за окном окрестности, мягко светившуюся зеленым светом панельную доску машины, читал знаменитые, знакомые с детства названия окрестностей и компаний. Меня ждало интересное и пока что неизвестное будущее. Я старался не думать о холодке, иногда возникающем внутри, и списывал его на счет предстоявших перемен и связанных с ними трудностей и хлопот...

На востоке поднималась заря, алюминиевая махина огромного лайнера осветилась первыми лучами солнца, белые редкие облака висели внизу над бескрайней голубой равниной океана. Я физически ощущал, как крохотная песчинка моей плоти отдаляется от солнечного мира дикого Запада и с каждой минутой приближается к древней, просыпающейся Евразии, где в заснеженной Москве ждут и надеются увидеть меня люди, давшие мне жизнь и носившие меня на руках по маленькой комнатке в доме, около сада Эрмитаж, а на берегу Средиземного моря спит в своей кроватке малыш, который, Возможно, когда-нибудь будет вспоминать обо мне, пролетая в небе над полоской земли, давшей ему жизнь.

Над Амстердамом висел густой белый туман. Боинг погрузился в него и плюхнулся на покрытую инеем посадочную полосу . Разноязычная толпа вытекла наружу под прощальные улыбки очаровательных светловолосых стюардесс. Через сорок минут я уже поднимался по трапу летевшего в Москву самолета той же голландской авиакомпании.

Неведомым образом близость столицы пяти морей начала ощущаться с первых секунд моего пребывания на борту. Самолет был поменьше размерами и весь неустроенный. Ковер был покрыт пятнами от кофе, кресла - серыми и обтрепанными. В рукоятке моего кресла, из открытой пепельницы, торчала раздавленная сигарета со следами яркой женской помады. Обслуживали нас несколько заспанных женщин с усталыми лицами и угрюмый стюард с явными признаками утреннего похмелья. «Вот так и приехали!» – подумал я. Лететь предстояло всего часа три, так что неустроенность можно было легко пережить, тем более, что вскоре мне предстояла встреча с родными и друзьями, которых я не видел уже несколько лет.

Я с интересом осматривался по сторонам. Пассажиры, летевшие в Москву, резко отличались от людей, которых я видел в последние годы. Кроме нескольких бизнесменов, большую их часть составляли бывшие советские граждане, к которым я присматривался с особенным интересом.

Мимо меня прошла дама средних лет с крупными бедрами, мускулистыми ногами, в юбке и пиджаке. Весь ее облик ассоциациировался одновременно с инспектором РОНО, преподавателем истории КПСС и с начальником отдела кадров крупного секретного учреждения. Дама была полна чувства собственной значимости и превосходства над окружающими. В руках она несла огромную хрупкую шляпную коробку , разукрашенную лентами и кружевами. Я представил себе, как, сидя где-нибудь в министерском кабинете за столом с зеленым сукном, она будет доставать шляпку и примерять перед зеркалом, а потом, спрятав её в шкаф, проводить рабочие совещания. Тем временем дама с опаской обследовала отделения для багажа, выбрала самое свободное, и осторожно задвинула туда коробку со шляпой.

Следовавшие за дамой персонажи словно вышли из той славной поры, когда крупные деятели районного масштаба ездили на черных Волгах и проводили заседания, посвященные битве за урожай. Первым шел пожилой мужчина со скуластым, слегка отекшим лицом, закутанный в серое добротное пальто и почему-то в каракулевой шапке. За ним семенил мужик помоложе, в таком же пальто, с пробором и угодливым лицом, по виду явно подчиненный первому.

– А все-таки, Николай Иванович, – сказал он, – хорошо, что с голландцами о сотрудничестве договорились. И договорчик подписали о намерениях, надо будет непременно Трофиму Федоровичу показать.

Начальник оставил это замечание без внимания. Он указал на набитый бумагами кожаный пузатый портфель и сухим голосом сказал:

– Петр Семенович, потрудитесь определить портфельчик.

– Сейчас, сейчас, Николай Иванович, – засуетился второй, сейчас быстренько определим. Он открыл дверцу багажного отделения и принялся засовывать туда портфель. Раздался хруст картона и одновременно стон дамы – инспектора РОНО.

– Товарищ, товарищ! – визгливо закричала она, – Осторожнее, там шляпа!

– Да вы своей шляпой, понимаете, всю секцию заняли, надо и с другими пассажирами считаться! – неожиданно агрессивно отвечал Петр Семенович, продолжая деловито засовывать портфель. Дама в отчаянии вскочила со своего места и низким грудным голосом закричала на весь салон:

– Граждане, ну скажите же ему! – Она посмотрела на меня, явно ища поддержки, но импортный плащ и растерянное выражение лица видимо смутили ее. – Ничего не понимают, басурмане! – раздраженно буркнула она, и, вскочив, ловко оттолкнула Петра Семеновича, с необычайной легкостью выхватила у рук из него портфель, вытащила из секции слегка помятую коробку со шляпой и положила ее себе на колени, раскрасневшись и раздраженно сопя.

– Вы, гражданочка, поосторожнее, – заметил Петр Семенович. –Так вот, Николай Иванович, – продолжал он, – вы уж обязательно по приезде доложите Трофиму Федоровичу о договорчике. И совещаньице надо собрать, а то как бы Александр Гаврилович не подсуетился, он ведь у нас из рук работу выбить может!

Николай Иванович не очень хотел показать подчиненному, что он внимательно слушает его и отвечал в довольно сухой и неопределенной манере:

– Да, Петр Семенович, будет вам. Обсудим с товарищами, обмозгуем, Александру Гавриловичу рука коротка до нас дотянуться! – Неожиданно голос его повысился и сорвался: – Хрена чертова он у меня получит! Я ему яйца откручу, да я до самого Ивана Леонидовича доберусь если что. Они у меня все вот тут ходить будут! – Рука его сжалась в кулак и наглядно продемонстрировала, где именно и как будет ходить зловредный конкурент, если он позволит себе чего лишнего.

Они уселись, и обрывки их разговора уже более не долетали до меня. На меня повеяло забытым и даже родным . Эти люди были плоть от плоти той огромной страны, в которой я родился, и все их интонации, жесты, обороты речи были мне понятны до глубины души, как будто я жил с ними бок о бок на протяжении многих лет. Я уже мог прикрыть глаза и фантазировать о том, как Петр Семенович приедет в свою квартиру с паркетным полом и гардинами, полная жена в халатике нальет ему рюмку холодной «Столичной» и он, закусывая селедочкой, будет рассказывать ей о диковинных товарах и культурном обращении в заморской стране Голландии.

Тем временем в проходе появились два осоловевших и распространявших крепкое пивное дыхание мужичка в заштатных, грязноватых, физкультурного покроя куртках. Глазки у них были маленькие и круглые, одинаковые рыжие усы свисали с губ. Напоминали они слесарей автопарка, которые хотели закусить пивко воблой, но подкативший самолет помешал им это сделать. За мужичками тянулись две совершенно неразличимые бабенки, тащившие огромные сумки и аромат каких-то дорогих импортных духов, совершенно не сочетающийся с их обликом.

– Коль, а Коль, куда садиться-то? – залихватски спросила одна из них.

– Да не суетись ты, все рассядутся! – Коля ожесточенно продирался сквозь узкий проход. – Погуляли и будя, пора по домам. – Коля снял физкультурную куртку, обнажив рубашку грязного розового цвета с закатанными рукавами. – Щас пивка понесут голландцы, гуляем ребята! Катерина, – протяжно скомандовал он, – занимай позиции, кавалерия!

Бабы, сопя, начали суетливо запихивать раздутые сумки в багажные секции, явно не предназначенные для этого. Под их напряженное сопение в проходе появились невесть откуда взявшиеся в Амстердаме эскимосы в меховых полушубках, меховых же сапогах, с огромными, грязными, пахнущими кожей и сырой рыбой баулами. Баулы они несли за плечами, причем, проходя мимо, один из них больно задел меня по голове.

– Ой! – с удивлением от внезапной боли вскрикнул я. Эскимос повернулся и посмотрел на меня. Он был довольно-таки молодым парнем, его карие раскосые глаза смотрели

прямо в мои. Меня поразила застывшая космическая пустота и неподвижность этих глаз. Я вспомнил, что когда-то в детстве мама водила меня в зоологический музей и точно такие пустые, бездонные глаза были у огромного темно-коричневого чучела морского льва, лежащего на цементной скале в большом сумрачном зале.

Я понял, что объясняться далее совершенно безнадежно. Казалось, парень тоже это понял, отвернулся и тут же огрел воняющим рыбой баулом пожилого голландца, сидевшего на пару рядов впереди от меня.

Наконец, все пассажиры расселись по местам. Самолет с неожиданной бойкостью разогнался, нырнул в белое марево тумана, и вскоре за иллюминаторами засияло солнце. Запахло свежим кофе, и взбодрившиеся и проснувшиеся стюардессы разнесли обед.

Я уже допивал офе, как вдруг с кресла передо мной раздалась странная, жужжащая космическая мелодия, резанувшая своей первозданной дикостью по нервам и заставившая меня вздрогнуть. Мне неожиданно стало жутко. В этом заунывном напеве, резонировавшем где-то в обшивке самолета, казалось было все: долгая темная полярная ночь, бескрайние белые просторы, холод, ледяными иголочками пронизывающий кожу, синеватые глыбы льда, лай собак, скрип нарт по снегу, радость добычи и запах тюленьей крови, запах дыма, чувство насыщения и тепло, распространявшееся по замерзшему телу после еды.

Я с ужасом и любопытством посмотрел в просвет между передними креслами. Передо мной полуобернувшись сидел один из представителей народов Севера, снявший меховую шапку и раскинувшийся на кресле. Лицо его выражало какое-то лучезарное удовольствие, вызванное сытным горячим обедом. В зубах у него была вставлена пластинка, с помощью которой он и издавал эти странные жужжащие звуки. Эскимос поймал взгляд и, не переставая жужжать, уставился мне прямо в глаза тем же бездонным и ничего не выражающим пустым взглядом карих неподвижных глаз. Мелодия поднялась до высоких тонов, снова спустилась вниз и продолжалась в своей космической заунывности.

Шестым чувством я понял, что я уже почти дома, и неожиданно слезы навернулись на глаза.

Глава 2.
Рейс Москва–Амстердам откладывается.

Москва была покрыта снегом. Самолет покружился над рощицами голых берез, каналом имени Москвы и, подпрыгивая на ухабах, наконец приземлился посреди заледеневшего поля, по которому мела поземка. На непродолжительное время я снова оказался в той точке пространства, в которой прошла почти вся моя сознательная жизнь, где я любил, работал, смеялся и плакал.

Почему-то все официальные лица аэропорта были в омерзительной форме серо-зеленых цветов. Сразу же у выхода из самолета стоял солдатик с каким-то приспособлением и, щелкая кнопкой, остервенело считал пассажиров, сошедших с зарубежного лайнера. Бесформенные женщины в серых мышиных таможенных костюмах, чекистского вида солдаты в зеленых мундирах на паспортном контроле, пристально смотревшие в глаза приезжим, словно пытаясь выявить классовых врагов и шпионов, милиционеры серых пиджаках - все создавало впечатление, что я попал в огромную военизированную зону. Таможня не работала, и в единственное окошечко выстроилась огромная очередь ничего не понимающих иностранцев и привычно ожидающих бывших советских граждан. Над последними контрольно-пропускные органы почему-то издевались особенно злобно и изощренно, перетряхивая все чемоданы, как будто мстили им, прибывшим из-за кордона, за свою неприглядную жизнь.

За линией, разделяющей Россию и нейтральную зону, стояли постаревшие мать и отец и вглядывались в толпу, надеясь увидеть меня. Я помахал им рукой, и мама, увидев меня, сложила руки на груди, словно благодаря Бога за то, что я прилетел и нам довелось-таки еще раз свидеться. За родителями стояла шеренга бандитского вида типов, предлагающих свои услуги по подвозу богатых иностранцев в примечательные места города Москвы. Услуги эти зачастую совмещались с элементарным грабежом доверчивых и мягкотелых жителей мира западной демократии.

В подъезде дома, в котором я провел свое детство, стоял запах запустения и разрухи. На лестницах было темно, так как еще работающие лампочки сразу же выкручивали, а новых достать было невозможно. Убогие старухи в платках бродили по темным лестницам. У входа стоял самосвал, с которого два мужика в ватниках, ушанках и кирзовых сапогах разгружали рваные бумажные мешки с синими размытыми надписями «Санотходы». В одном из мужиков я узнал бывшего маленького мальчика, которого я, когда-то, видел каждый день катающимся на велосипеде. От мешков, которыми был уже под завязку забит один из лифтов, пахло гнилью.

– Что же это вы таскаете, Ванечка? – спросила мама.

– Да вермишель на фабрике сгнила, нам с батей её и отдали. Будем кур разводить, – с готовностью ответил он.

Москва, хотя и изменилась, но не так сильно, как я ожидал. Все было почти что по-прежнему, даже люди такие же, только появились нищие старухи и дорогие импортные машины. Последующие несколько дней прошли в веренице встреч, знакомых и впервые встреченных людей, с надеждой глядящих на меня, спрашивающих: «А где все-таки лучше жить – в Израиле или в Америке?» и ожидающих, что я открою им истину в последней инстанции. Я авторитетно объяснял им особенности жизни за рубежом, описывал красоты и размах Америки, в которой русские инженеры процветают и каждая просверленная дырка приносит фирме миллионы.

Время от времени я аккуратно прислушивался к холодку, то возникавшему и медленно тлеющему у меня внутри, то затухающему и на время совершенно не дающему себя знать. Время пролетело незаметно, голова у меня кружилась, и уже пора было улетать...

Я проходил таможню в том же месте, из которого мы улетали глубокой ночью несколько лет назад. И так же с отчаянием в глазах стояли старики и махали мне руками,

и из глаз их текли слезы. Сейчас через этот узкий проходик между стойками проходили подтянутые иностранцы, насмотревшиеся уже вдоволь на заснеженное золотое кольцо России, Красную площадь и Сергиеву лавру. Они везли домой лаковые матрешки, игрушечные самовары и хохломские ложки. Отполированные поручни тускло светились мертвым металлическим светом.

– В прошлый раз мы разбудили в час ночи нашего малыша, которому было всего два с небольшим года. «Вставай, зайчик, в Израиль полетим,» – сказали мы ему. – «Там в аэропорту всем детишкам дают конфетки». Он с готовностью вскочил и, как взрослый, оделся, только глазки были заспанные. Мы в последний раз вошли в лифт нашего нового кооперативного дома, квартиру в котором мы с такими мучениями ждали долгих пять лет, а прожить в котором успели всего два года.

– Малыш, мы сюда больше не приедем, – сказали мы.

– Приедем, – ответил он уверенно, – конфетки съедим и приедем!

В аэропорту царил жуткий бардак, огромная толпа, нагруженная тюками, баулами, в большинстве своем состоявшая из беженцев из начинавших полыхать республик Средней Азии, штурмовала тот же полированный барьер таможни. Нас чуть не смели с ног, чудом удалось протащить положенные нам четыре чемодана и поставить их на барьер, предназначенный для погрузки в самолет. Ребенку было жарко, ночь была в разгаре. «Ну, где же конфетки?» – хныкал он.

Неожиданно ко мне подошел нагловатый парень с припухшей физиономией, едва пробивавшимися редкими русыми усиками и веснушками на лице.

– Слушай сюда, чемоданчик у тебя негабаритный, грузить нельзя.

– Ты чего, спятил, – удивился я – все по закону, ты посмотри, какие тюки люди везут, и ничего, а у нас обычный чемодан, маленький, я только на прошлой неделе в универмаге купил.

– Ну, как хочешь, пропадет. Неси назад, сдавай провожающим.

– Сколько? – спросил я, наконец поняв, чего он хочет.

– Триста рубчиков давай - и погрузим все в лучшем виде! – бодро ответил парень.

Я только что сдал таможенникам все остатки советских рублей с профилем Ленина. Ситуация была идиотская, но делать было нечего. Я подбежал к барьеру и зашипел: «Триста рублей дайте, быстро!» Родственники заметались, но не подвели. Незаметно зажав деньги в кулаке, я уже направился к покрытому веснушками зевающему парню, но передо мной невесть откуда возник усатый гражданин в сером костюме. «Пройдемте, товарищ, со мной», – сказал он. Делать было нечего. Я был заведен в небольшую комнату и раздет догола. Кроме трехсот рублей ничего компрометирующего у меня обнаружено не было и под общее разочарование присутствующих меня отпустили, деньги, правда, конфисковав.

Судьба чемоданов продолжала меня мучить и, выйдя из роковой комнаты, я подошел к грузчику. Тот спрятал голову в плечи и глухо сказал: «Отойди от меня, паря, я все видел. Да погрузил я твои чемоданы, мне светиться ни к чему, отойди быстрее!».

– Папа, ну где же ты был, когда же дадут конфетки, – хныкал сын. – Я хочу спать!

В пустынных коридорах ночного Шереметьево постепенно накапливалась толпа отъезжающих. Очередей было две. Одна из них улетала в Америку на огромном, специально зафрахтованном с этой целью Боинге, который уже призывно светился огнями на взлетном поле. Вторая ждала самолет Аэрофлота, который должен был отвезти нас в Будапешт, где нам предстояла еще одна пересадка на рейс израильской компании «Эл–Аль».

Внешне две толпы ничем не отличались. Правда, очередь отъезжающих в Америку чувствовала внутреннее превосходство перед будущими жителями Ближнего Востока. У тех даже не было паспортов, заранее отобранных заботливыми сотрудниками УВИРа. Сбившиеся в кучу, они с завистью и любопытством поглядывали на внешне неотличимых от них будущих жителей Америки, ожидающих щедрой поддержки правительства и самого

президента Соединенных Штатов. Те, в свою очередь, немного свысока поглядывали на неуверенных будущих подданных молодой ближневосточной демократии.

Все отбывающие на Ближний Восток еще не знали того, что произойдет в недалеком будущем. Многие из садившихся на тот самолет штурмом взяли бы барьеры таможни и приползли на коленях в УВИР, моля вернуть им советское гражданство, если бы узнали, что в недалеком будущем усатый иракский диктатор будет, усмехаясь, посылать устаревшие советские ракеты с кулачковым механизмом наведения на города Израиля и все они будут сидеть в противогазах, прислушиваясь к сиренам и взрывам и проклинать тот момент, когда они решили уехать из заснеженной России.

Вместе с нами сидела девочка лет семи, прижимающая к себе потрепанного плюшевого медвежонка. Она держала его на груди и не желала с ним расставаться ни на секунду. На соседней скамье расположились старичок, грудь которого была увешана боевыми орденами, и старушка, тоже с несколькими медалями и с большой авоськой, набитой вещами. На лице ее было отчаяние. Старички как будто сошли с фотографии, изображающей встречу ветеранов, только лица были испуганными, как будто началась новая война.

– Куда, куда мы летим? – шептала старушка. – Вы не знаете, молодой человек, там действительно по субботам нельзя выходить из дома и есть? – спросила она меня.

– С чего вы это взяли? – удивился я.

– Да дочка пишет, они живут в каком-то религиозном квартале. А мы остались совсем одни, друзья все умерли, есть нечего. Кроме детей, ничего в жизни не осталось, да тут еще соседи напились и на двери свастику нарисовали. Боже мой, была встреча ветеранов, пошли на кладбище, так там рядом старая могила была и по-еврейски написано, так ее всю разворотили. За что нам до такого дожить пришлось? Нам все равно умирать, так хоть рядом с детьми. Я так боюсь, не хочется никуда ехать, а что остается делать? Все из-за Горбачева, нельзя было людям свободу давать! – Она поджала губы и замолчала, медленно раскачиваясь. Старичок посмотрел на меня, на малыша, как-то натянуто, через силу улыбнулся и отвел взгляд в сторону.

Объявили посадку, и неожиданно на входе в самолет возникла целая бригада таможенников. «Предъявите сумочки!» – пронзительно закричала толстая дама в мышиного цвета пиджаке, и несколько сытых ребят в серых костюмах принялись пропускать народ в самолет. Люди, прошедшие уже таможенный досмотр, совершенно такого не ожидали. Многочисленные семейные реликвии, серебряные ложечки, кольца, цепочки, разложенные по дамским сумочкам и сеткам, теперь из этих сумочек вытаскивались, сверялись с таможенной описью и при нахождении несовпадений сразу конфисковались. Над толпой стоял стон, какая-то полная женщина отчаянно рыдала. Толстая дама с погонами довольно и злорадно улыбалась.

Когда самолет с ревом поднялся в воздух, у нашего малыша заложило ушки. Он заплакал, начал вырываться из кресла и кричать: «Папа, мама, я хочу к себе домой, в мою кроватку!» Этого мы уже не могли выдержать и расплакались.

В Будапеште потную и уставшую толпу затолкали в тесный и прокуренный зал ожидания. У дверей зачем-то поставили двух туповатых венгерских пограничников с огромными автоматами. При каждой попытке приоткрыть дверь на улицу, чтобы впустить в зал хоть немного свежего воздуха, они грубо кричали по-венгерски и заталкивали взрослых и детей назад в сизое марево. Глаза закрывались от усталости, дети плакали. Парализованная старуха с морщинистым землистым лицом лежала прямо на каменном полу на расстеленном белом платке.

Через несколько часов приехали автобусы и отвезли людей в большой зал со множеством стульев. Здесь нам предстояло провести еще девять часов, пока под покровом ночи израильский лайнер не увезет нас в Землю Обетованную.

Я с интересом смотрел на разнородную толпу, мучительно без дела сидящую и слоняющуюся между стульями. Беженцы из Средней Азии сидели по-узбекски на корточках, черные смуглые дети бегали между рядами. Несколько упитанных и плохо выбритых парней провинциального вида, в потертых джинсах сидели за длинным столом и строили блестящие планы на будущее. Планы эти заключались в открытии мастерской

по выправлению битых автомобилей, что упитанные ребята, видимо, умели делать виртуозно. Я с завистью смотрел на них. Радужные перспективы выпрямления груды мятого металла освещали жизнь бывших обитателей советских республик. Для них все было просто, жизнь была очерчена ясно намеченными штрихами, и окружающее нас полуфантастическое зрелище, напоминавшее Исход из Египта, интерпретированный кинорежиссерами Голливуда, их совершенно не интересовало.

Вскоре мужчин собрали: привезли багаж. Мы разгрузили один грузовик, затем второй, потом третий. Напрасно я с надеждой обходил горы сумок: наши чемоданы бесследно пропали. Пропали и мои статьи и рукописи. К счастью, мы взяли в ручную кладь небольшую сумку с детскими вещами. Жизнь начиналась почти с абсолютного нуля...

Я вспомнил о том, как несколько раз ездил на склад вещей в аэропорт Бен-Гуриона в надежде найти пропавшие чемоданы. В огромном, сумрачном ангаре лежали на полках горой сумки, чемоданы, брезентовые и кожаные баулы. От них исходил запах кожи, ношеных вещей, старого тряпья, гнили, пустоты, тоски и заброшенности. Многие сумки были вспороты ножом. Из них торчали наружу тусклые застиранные женские кофточки, детские ползунки с заштопанными дырками на пятках, ворохом лежали на полу фотографии. На этих черно-белых карточках еще бушевала исчезнувшая навсегда жизнь. У деревенских домов стояли группы людей, они женились, рожали детей, целовались, сидели за столами в своих квартирах, уставленных буфетами с рюмками и хрустальными вазами. Потерянность и пустота светилась в огромном зале. Вещи, лишенные своих хозяев, еще хранящие прикосновения их рук... Тут и там светились боками бутылки водки, этой универсальной российской валюты смутных времен. Водка была произведена в различных уголках бывшей российской империи, по этикеткам можно было изучать географию. По коридорам темного амбара бродили, как тени, новоиспеченные граждане государства Израиль с потерянными лицами и с надеждой найти наконец груду своего тряпья, увидеть свои жалкие пожитки, связывающие их с прошлой жизнью, которая безвозвратно ушла в прошлое.

Я отвлекся от воспоминаний. Пока что я находился в Шереметьево и грузчики бросали чемоданы на транспортер. Быть может, кто-нибудь из них несколько лет назад украдкой в пьяном угаре потрошил наши жалкие пожитки, в то время как мы ездили на склады бесплатной поношенной одежды.

Мой старый чемодан, сделанный в Румынии во времена уже расстрелянного Чаушеску, развалился где-то в штате Айова, и мне пришлось купить вместо него солидный зеленый американский кейс на колесиках. На этот раз вместилище моих вещей, покрытое кучей импортных наклеек, достойно уплыло куда-то вниз по транспортеру, и я облегченно вздохнул.

Погода окончательно испортилась. По взлетному полю мела поземка. Казалось, вся земля была покрыта маленькими вихрями, поднимающими снежинки в воздух, кружащими их и снова бросающими на ледяной асфальт. Возбужденные туристы делились последними впечатлениями, обменивались открытками и проспектами. Самолет медленно откатил от здания, вот уже оно почти скрылось в белой мгле.

Заработали турбины, и мы медленно покатились по заснеженной равнине все дальше и дальше от копошащихся, как муравьи, людей в серо-зеленых форменных фуражках и погонах. Неожиданно в ровный гул турбин ворвалась диссонирующая нотка. Вверх-вниз, вверх-вниз, что-то слегка заскрежетало и толкнуло тело машины, как от порыва ветра. Я с ужасом увидел, что мы остановились. Стюардессы взволнованно забегали, объясняя что-то пассажирам. Турбины еще немного пожужжали и затихли. Стало слышно, как снаружи завывает ветер.

Тем временем командир объявил, что одна из турбин не выдержала русских морозов и ее придется заменять. Пока что ведутся переговоры с контрольной службой Шереметьево о том, что делать с застрявшим на взлетном поле самолетом.

Неожиданно я вспомнил фотографию, увиденную еще в детстве в журнале. На фотографии были обломки американского самолета. Подпись под картинкой гласила: «Хваленая американская техника часто подводит». Кем и когда хваленая, так и осталось навсегда невыясненным. По крайней мере, в нашем случае все закончилось далеко не так

трагично, как на этой фотографии из детства. Я уже чувствовал, что ожидавшая меня пересадка в Амстердаме откладывается на неопределенное время и, скучая, посмотрел в иллюминатор.

По бескрайнему снежному полю, устеленному перекатывающимися маленькими вихрями поземки, семенил мужик в валенках, ватнике и ушанке. Увидев застывший самолет, он на мгновение замер от изумления, потом почему-то снял шапку, стукнул себя по голове и от удивления развел руками, что-то при этом сказав. Я с холодной уверенностью понял, какие именно слова были им произнесены в этот момент и, оглянувшись вокруг, понял также, что я был единственным пассажиром в самолете, который был в состоянии произвести это нехитрое умозаключение. Наверное, так же реагировал бы крепостной Петровской поры, увидев на поле у барина огромную алюминиевую махину с распахнутыми крыльями. Мужик нахлобучил шапку на голову и вприпрыжку, таща за собой правую ногу, устремился куда-то и вскоре скрылся в бушевавшей белой мгле.

Через несколько минут из пурги вынырнула легковая машина, казалось, только что побывавшая на Курской дуге. Весь ее корпус был черен от гари и испещрен рваными дырами, напоминавшими следы от реактивных снарядов. Ветровое стекло и одна из дверей отсутствовали вовсе, вторая дверь была наполовину прикручена к корпусу толстой проволокой и болталась при езде. Машина подкатила к самолету, из нее вылез мужик в валенках, нашедший наш самолет, и мрачного вида сутулый мужчина в куртке, кирзовых сапогах и меховой ушанке. Первооткрыватель железной птицы начал оживленно жестикулировать руками, подпрыгивать и показывать свою находку обладателю кирзовых сапог, похлопывая себя руками по груди и по голове. Его ужимки явно не возымели действия, так как водитель подбитой автомашины почесал затылок и неопределенно махнул рукой, сделав резкое движение в сторону. Он сел в подбитый автомобиль и уехал, почему-то оставив мужика в валенках на месте. Брошенный первооткрыватель явно ругнулся, пару раз постучал по голове, оживленно жестикулируя, затем зачерпнул снег и со злостью бросил его в сторону отъезжавшей машины, сплюнул, повернулся, пошел, разводя руками и постепенно скрываясь в снежной мгле.

Я вспомнил о пересадке в Амстердаме, и отчаяние, совершенно иррациональное, охватило меня. Мне казалось, что нас завалит снегом в этом заснеженном поле, и мы потеряемся в неумолимо наступающем жутком колыхающемся белом безмолвии среди деревьев с голыми ветками, обгоревших машин и мужичков в валенках. По весне, когда солнце растопит сугробы, проржавевшее тело Боинга откатят в сторону и бросят догнивать на свалке.

Через несколько часов за нами все-таки послали захудалый буксир. Он откатил нас обратно, и я снова вошел в коридоры аэропорта, из которого, как думал, улетел надолго.

Мысль о родных не давала мне покоя, но ни одного телефона-автомата в свободной зоне не нашлось. В большой, не вполне чистой комнате ожидания на кожаных диванах сидело огромное количество негров в длинных национальных одеждах. Некоторым из них места не хватило и они терпеливо ожидали своего рейса, сидя на корточках. У входа на широком столе стоял телефон ярко-красного цвета. За столиком суетилась высокая светловолосая девица, ярко накрашенная, в короткой юбке, при каждом повороте приподнимающейся и обнажающей скрывающиеся в таинственном полумраке интимные части стройных аппетитных ног. Поднималась юбка довольно часто, иногда совсем высоко, так как девица все время крутилась вокруг телефона, то и дело наклоняясь и почти что ложась грудью на стол. Фантастическое это зрелище это явно увлекало своей динамикой нескольких ожидающих жителей развивающихся стран, в национальных костюмах сидящих на корточках. Их рты, раскрывшиеся в довольных улыбках, обнажающих яркие белоснежные зубы, казалось, не собирались закрываться, а головы исполняли подобие танца змей, неотступно следуя за колышущимся полумраком.

Девица была занята странным делом. Она подпускала очередного страждущего к телефону, разрешала ему набрать код родной африканской республики, а сама при этом глядела на наручные часики и записывала в тетрадке время. По окончании разговора на калькуляторе подсчитывала причитающуюся ей сумму и пыталась изъять ее у поговорившего. На этой стадии у нее возникали многочисленные конфликты, так как ни

одного языка, кроме русского, она не знала, а нетерпеливые абоненты яростно спорили по поводу времени, проведенного у телефонной трубки.

Только что какой-то курчавый пигмей отказался платить и долго кричал и доказывал, что говорил не восемь, а пять минут. Наконец, он в ярости бросил девушке двадцатидолларовую бумажку и ушел, проклиная все на свете.

– Девушка, а можно с вашего телефона позвонить в Москву? – спросил я. Она вспыхнула и с облегчением вздохнула.

– Ой, хорошо-то как, я уже не знала, что мне делать, я с ума с ними сойду, как же хорошо, что вы по-русски говорите! Ну объясните этой чукче, что он мне деньги недоплатил! Пожалуйста, всего один доллар минута.

Я несколько обомлел от этой цифры, но делать было нечего, и я, вздохнув, положил на стойку пять долларов и набрал свой номер. Голос мамы был совсем близко, но я уже не мог выйти из аэропорта, сесть на автобус, идущий к Речному вокзалу, и через час оказаться дома...

Через несколько часов я уже был в Амстердаме, смешавшись с разноязычной толпой, и вскоре приземлился в аэропорту имени Бен-Гуриона в Тель-Авиве. Теплый летний ночной воздух, пропитанный влажным ароматом пальм и цветов, ударил в лицо, как когда-то, когда мы впервые сошли по трапу на эту землю.

Автобус подвез пассажиров к стеклянным дверям аэропорта. Картина, которую я увидел, совершенно не укладывалась в привычные рамки. Я не мог поверить своим глазам. У узких будочек, в которых сидели смуглые девушки, ставящие в паспортах штампы, дающие разрешение на въезд в Израиль, плескалась огромная русская толпа, казалось, перенесенная сюда высшей волей прямо из волжских степей.

Я неожиданно вспомнил грозные предупреждения раввина из Министерства по делам религий о том, что в последнее время большое число иммигрантов в Израиль приезжают обманным путем, покупая документы и не имея ни малейшего отношения к еврейской национальности.

Такого массового и явного подтверждения своих слов он явно не ожидал. Толпа была точной копией зала ожидания где-нибудь на Казанском вокзале в Москве. Крестьянского вида востроносые бабы с котомками, скуластые, повязанные платками, по виду откуда-то из Мордвы, совершенно советского вида мужчины в поношенных костюмах, тоже почему-то с котомками, в которых белели вещи, завернутые в рваные газеты, девушки помоложе с широкими бедрами, в меховых сапогах, похмельные парни, напоминающие сельских хулиганов на прогулке, от которых хотелось по старой привычке шарахнуться в сторону. На каменном полу лежал один из них, без рубашки, в грязных туфлях и громко стонал, явно ничего не соображая. Мужчина постарше, с бледным, опухшим лицом сочувственно наклонился над ним.

– Парень, паспорт-то у тебя есть? – спросил он.

– Где мы? – нечленораздельно спросил парень и снова громко застонал.

– В Израиле, в Израиле, дурень! Упился, паспорт у тебя где, дурак? – Он схватил парня под руки и несколько раз встряхнул его.

– Ребята, оставьте, я полежу, – промычал парень, но мужик рывком поставил его на ноги и потащил за собой к очереди.

Я на секунду закрыл глаза и с ужасом понял, что дела в России, видимо, совсем плохи, если измученное население рвется въехать в крохотный клочок земли, с трудом заметный на политической карте мира. Жалкий ручеек пассажиров, доставленный рейсом из Амстердама, совершенно потерялся в огромной степной толпе, с ужасом пытаясь избежать ее. За будочками паспортного контроля сиял белизной пустой зал аэропорта, и на плакате бородатый основоположник сионизма Теодор Герцль иронично скрестил руки на груди, словно наблюдая за всем происходящим. «Добро пожаловать в Израиль», – гласила надпись и плавно переходила в рекламу лимонада «Спрайт» и израильского банка «Дисконт».

Ощущение от всего происходящего было совершенно нереальное, впечатления и переживания последних недель переполнили меня, и я уже не пытался анализировать

иррациональность наблюдаемой сцены. Усатый таксист, похожий на араба, ласково усадил меня в свой старенький Мерседес, и мы помчались вдоль моря на север. Над горами поднимался нежный розовый рассвет, белые домики с черепичными крышами осветились розоватыми бликами, и воздух, наполненный ароматами цветения, бил в лицо и наполнял собой все окружающее.

Загадка сцены, которую я наблюдал в аэропорту, разрешилась только через несколько дней, и вся ее ночная магия и загадочность сразу поблекла, приобретя вполне рациональный оттенок. В эти дни в Израиль приехал на гастроли бывший Кировский театр оперы и балета, и степная толпа состояла из плясунов, работников сцены и участников огромных массовок, изображающих половецкие пляски, князевы дружины и татар.

Кто же мог до такого додуматься?

Глава 3.
Долги, которые нас выбирают.

Я вышел из просторного стеклянного здания аэропорта. Я находился в Америке. Все хлопоты и трудности прошедших нескольких месяцев были позади.

Мной были уговорены изворотливые и подозрительные чиновники, получены многочисленные официальные бумаги, выстояны очереди в пыльных и грязных прихожих ведомств, занимающихся взиманием долгов с неблагодарных репатриантов, а также ведомств, занимающихся призывом последних в армию и уточняющих их возможные связи с разведывательными органами страны, из которой они бежали.

Ведомство, взимающее долги, которые за время моего проживания на берегу Средиземного моря достигли весьма значительных размеров, находилось на маленькой улочке в пыльном портовом районе, застроенном складами и бесчисленными маленькими лавочками. Вход в ведомство пролегал через галантерейный магазин, и дремлющий усатый араб, в прохладном полумраке сидевший за стойкой, увешанной брюками и кофтами, всякий раз просыпался и зорким взглядом впивался в лицо потенциальному покупателю. Русских, пришедших платить свои долги, он различал сразу же и мгновенно прикрывал глаза, предаваясь сладкой нирване.

На втором этаже, по темному и душному коридору, ходила жуткого вида старуха, ругалась и протирала пластиковый пол со следами от окурков грязной тряпкой, оставляющей коричневые разводы. В конце коридора находился сортир, в котором стояла мутная, испускающая зловоние лужа и, сквозь пыльное битое стекло, наполовину заколоченное фанеркой, виднелась узкая серая портовая улица, забитая продирающимися сквозь нее машинами, складами и крохотными конторками.

На старом кожаном диване, скамейках, деревянных, серых от грязи, и стульях сидела очередь задолжавших бывших граждан Советской империи, которым, по каким-либо причинам необходимо было пересечь границы исторической родины еврейского народа. Часть из них явно хотела сбежать, куда глаза глядят, отчаявшись от нищеты и отсутствия работы, другим действительно необходимо было посетить родных или просто уехать в командировку. За дверью, обитой дерматином, сидела вершительница их судеб – пожилая дама с недобрым лицом, одинаково подозрительно относящаяся и к тем, и к другим, стоящая на страже финансовых интересов государства.

Дама эта около двадцати лет назад была молодой советской женщиной, возможно, активной комсомолкой, но вовремя принятое решение воссоединиться с Народом Книги и солидный срок пребывания в «стране молока и меда» явно возвышал ее над относительно свежими эмигрантами, с которыми она разговаривала исключительно на иврите с заметным русским акцентом. Люди путались, пугались, особенно старики, тогда дама с недовольным видом разъясняла по-русски суть дела и затем снова безжалостно переходила на иврит.

В коридор выходило несколько дверей, за которыми располагались мелкие конторы. Сразу же при входе, напротив лестницы, на одной из таких дверей висело объявление, неумело написанное по-русски с несколькими грамматическими ошибками: «Долги дальше! Не Стучат! Просьба дверь не открыть!». Над объявлением висела табличка на иврите: «Саша Кац. Помощь в составлении долговых обязательств». Из двери изредка выходил старик, совершенно не вязавшийся с самим местом и всем обликом грязного коридора. Он был в солидном пиджаке и туго завязанном галстуке с золотой брошкой. Саша Кац долго возился, обстоятельно запирая массивную дверь ключом, висевшим на толстой металлической цепочке. Ходить он мог только опираясь на резную трость и, покряхтывая, исчезал на лестнице. Из-за другой двери доносился оживленный иврит, и примерно раз в десять минут выходила средних лет смуглая женщина в просторных восточных одеждах. Она шла набирать воду для очередной порции кофе и всякий раз презрительно и с некоторым подозрением окидывала взглядом жалких просителей,

сидящих в ожидании своей судьбы. Вода находилась в специальной пластиковой бутыли в комнатке, запирающейся на ключ. Если бы не эта мера предосторожности, бутыль бы была выпита страждущими русско-еврейскими должниками.

Долги, из-за которых происходило чрезвычайное количество мелких и крупных неприятностей, включали стоимость провоза человеческих тел из далекой России, доставку багажа, а также материальную помощь, выдаваемую вновь прибывшим в первые полтора года их вживания. Хотя помощи этой хватало лишь на съем квартиры, деньги по израильским понятиям были немалыми и, накрепко привязывали вновь прибывших к древней земле. Через пять лет жизни на исторической родине долги прощались. Хотя вопрос с долгами был весьма противоречивым, новоиспеченным эмигрантам, решившим пересечь границы государства, приходилось претерпевать многочисленные унижения. Им не выдавался иностранный паспорт, приходили домой повестки в суд, а по возвращении на историческую родину паспорт зачастую отбирался. Мне довелось знать человека, спокойно вернувшегося из командировки в Америку и не обратившего внимания на роковую повестку, требующую сдать паспорт в министерство внутренних дел с целью дальнейшего невыезда. В скором времени он был вызван в полицию и оштрафован на значительную сумму, причем паспорт у него все равно отобрали.

– А что, уеду назад, – отчаянно говорил мужчина лет пятидесяти с худым, небритым лицом, нервно куря. – Что я здесь имею? Работы нет, денег нет, крыши над головой нет. А я слесарь четвертого разряда, у нас в Житомире меня на любой завод возьмут, не пропадем.

– Тише ты, идиот! – шипела полная дама, – что распинаешься? Услышат – фига с два выпустят. Столько денег на гарантов потратили!

Я усмехнулся. Вокруг жестких правил, требующих выплаты долгов или предоставления гарантов на зарубежные поездки, расцвел пышный бизнес предоставления финансовых поручительств за солидную сумму, обычно много меньшую, чем сумма долгов. В случае невозвращения уехавших долги их взимались с гарантов. Каким образом они выкручивались из этой ситуации, оставалось тайной.

Из-за обитой дерматином двери вышли молодая женщина и мужчина с раскрасневшимися лицами и, не в силах сдержать эмоций, крепко и радостно обнялись. Сидевшие на скамейках люди с завистью посмотрели им вслед. Все это анекдотично напоминало очередь в УВИРе в добрые старые времена.

– Ой, ой, зачем мы уехали! – раскачивалась на стуле отекшая старуха. – И чего нам плохо было, жили как люди. Ой, как жили, все было.

– Вот к тебе домой из общества «Память» бы постучались, тогда узнала бы, – желчно сказал сидящий рядом мужчина средних лет.

– Да какая «Память»? – заголосила старуха. – У нас в районе ее и на дух не было. Поверили радиостанциям, родственникам, приехали сюда. И вот на тебе, долги они придумали, проклятые.

– А вы знаете, что Коля, который на автостанции работал, попал в аварию? – с жадным интересом рассказывал сухонький старичок полному, плохо выбритому мужчине средних лет с багровым лицом в помятом пиджаке и грязно-фиолетовой советской рубашке с вытертым воротником, из которого торчали наружу белые нитки. Эти односельчане явно только что встретились.

– Да ты шо? Во дает! – удивлялся краснолицый здоровяк с украинским акцентом, вытирая со лба капли пота.

– Да-да, понимаете, напился и разбился в лепешку! – тоном старого садиста продолжал сухонький должник. – А Гриша, вы же его точно знали – разбогател и открыл большую мастерскую, к нему даже из города теперь приезжают клиенты.

– Во дает! – упавшим голосом отвечал собеседник, явно сравнивая нынешнее положение ловкого Гриши со своим.

Из-за двери вышел седой мужчина с растерянным лицом.

– Отказала, сволочь! – со злостью сказал он. – А у меня мать умерла, ее в холодильник положили, не хоронят без меня. Ну куда же я сбегу, у меня дочь здесь, квартира, машина.

Где я ей найду гарантов? Мне лететь надо. А она говорит - езжай в Тель-Авив, к начальнику, пусть разбираются.

Очередь молча смотрела на него. Он растерянно постоял еще немного в коридоре и быстрым шагом ушел прочь.

Я проходил эту очередь уже несколько раз. Перед каждой моей поездкой за рубеж и сама очередь, и процедура однообразно повторялись. Полная дама, с уважением отнесясь к моему ивриту, значительно лучшему, чем у большей части очереди, и, тем более, к бумаге с печатью знаменитого университета, выдавала мне заветную справку. Она не знала самого главного. Заветная бумага не имела юридической силы, так как университет поручиться за меня отказался и директор моего факультета, житель Израиля в третьем поколении, матерясь по-русски, выписывал мне псевдо-гарантию на покрытие моих долгов в случае моего невозвращения и скреплял письмо факультетской печатью. После этого он, пыхтя и продолжая материться, писал гневные письма в Министерство иностранных дел, пока ему не ответили, что, к сожалению, установленный порядок отменить пока невозможно, так как это откроет дорогу массовому отъезду русских эмигрантов.

На этот раз я был совершенно спокоен, так как собирался вернуть долги. Потраченная на меня сумма изрядно обросла процентами и была привязана к курсу доллара, периодически совершавшего космические скачки, вследствие чего мне пришлось просить Ефима о покрытии моих долгов мировому еврейству. Пару дней назад на мой счет была перечислена необходимая сумма. Дверь открылась, и через минуту я уже объяснял полной даме свою ситуацию.

– Какие подлые люди, – с возмущением сказала дама с молдавским акцентом. – Кого они хотят обмануть? Меня? Они думают, что я поверю, что у него покойница мать лежит в холодильнике? В первый раз про такое слышу! – Она с возмущением посмотрела на меня. – Послушайте, молодой человек, – неожиданно по-русски сказала она. – Зачем же вам выплачивать долги, принесите справку от гарантов и уезжайте себе спокойно.

– Но я уезжаю по крайней мере на два года, – уверенно парировал я. – И я готов уплатить, назовите мне точную сумму.

– Нет, нет, ну зачем же, такие огромные деньги? – настаивала дама. – Положите их на счет, накопите проценты, а затем приедете, и долги с вас спишут.

– Ну, вы знаете, мне бы хотелось их уплатить полностью и не испытывать никаких неудобств в дальнейшем – сказал я. – А то начнете в суд вызывать, посылать повестки.

Дама каким-то подозрительным взглядом посмотрела на меня.

– Одну секундочку, я проверю ваши данные. – Набрав что-то на клавиатуре компьютера, она наклонилась ко мне и таинственным шепотом произнесла: – То, что я вам сейчас скажу, я говорить не должна. Но у вас особый случай. Я не имею права принять у вас деньги.

– Почему? – удивился я.

– Вышло новое постановление, что те, кто прожил в стране уже больше двух с половиной лет и находился на территории Израиля во время войны, от уплаты долгов освобождаются.

Я не верил своим ушам. Выходит, что, сами того не зная, мы больше никому ничего не должны! Мы купили это право, сидя в противогазах и вздрагивая при звуках взрывов.

Когда я, покачиваясь, вышел на улицу, портовый пыльный район показался мне прекрасным, и мне стало жаль уезжать отсюда. Я смотрел на уютные магазинчики, нагловатого парня, продававшего фалафель и зазывающего покупателей, одновременно делая сомнительные комплименты проходящим девушкам, всю эту уличную суету и чувствовал, что мне будет грустно без запаха кофе и апельсинов, шума, гортанных звуков иврита, ребят и девочек в военной форме с автоматами, гор, покрытых соснами и кипарисами, лазурного моря, студентов с пытливыми глазами, улицы, на которой мы жили, солнца и яростных дождей зимой.

Я вздохнул и вспомнил, что для пересечения границы мне также требовалась бумага, удостоверяющая то, что я не собираюсь уклониться от армейского призыва. Обычно

бумагу эту выдавали безо всякой волокиты, но на этот раз мне не повезло, и меня послали на какую-то дополнительную проверку.

В многоэтажном, прокуренном здании военкомата по лестнице ходили возбуждающие воображение симпатичные белокурые девушки в военной форме. На стене висели картины, как две капли воды напоминающие творения неизвестного армейского художника, которые я на всю жизнь запомнил после первого юношеского визита в районный военкомат города Москвы. Даже сюжеты этих картин были совершенно неотличимыми. Под теми же серыми валами моря перекатывались зелеными боками пузатые подводные лодки, похожие на жирные селедки, в голубом безоблачном небе парили самолеты, а по полю неслись танки, поднимая за собой облака желтого цвета, по-видимому, пыль, смешанную с выхлопными газами. Только на тех, давно виденных картинах, сияла красная пятиконечная звезда, а не звезда Давида.

Я был почти уверен, что картины эти принадлежали руке одного и того же художника. Они были одинаково непропорциональны, как будто нарисованы детской рукой, и отличались искаженной перспективой. Тот факт, что я недавно посещал Москву, кого-то насторожил, так как, по непонятной мне логике, это неизбежно свидетельствовало о том, что я был завербован уже несуществующим КГБ. В свете этого моя предстоящая поездка в Америку выглядела как повод, скрывающий предстоящие встречи с разведчиками-чекистами и выдачу им географических координат Министерства внутренних дел, а также содержания моих лекций, прочитанных студентам в течение последних двух лет.

Молодой парень с жесткими неприязненными глазами около часа уговаривал меня признаться, как же именно и с какой целью я был завербован при пересечении государственной границы в Шереметьево-2, а также куда и зачем я еду в Америку, с кем буду встречаться и где именно установлено место явки для сношений с русскими. Разговаривал он со мной по-русски и неодобрительно щурился.

– Нам все известно, – в двадцатый раз повторял он. – Расскажите, где именно в Америке у вас запланированы явки и встречи с агентами КГБ. – Иногда он менял тактику: – Расскажите, как именно вас в Москве завербовало ГРУ.

Я рассвирепел, но деваться было некуда, моя судьба зависела от этого недоумка, отрабатывавшего на мне свое профессиональное мастерство или просто вымещавшего на случайной жертве свое плохое настроение.

– Меня никто не вербовал! – стоял я на своем. – И даже в КГБ, в старые времена, со мной разговаривали вежливее.

Паренек недоверчиво посмотрел на меня, и в его глазах промелькнуло сомнение.

– А почему же в таком случае ты нервничаешь и твои родители живут в Москве? – спросил он.

Я вышел на улицу и закурил. Руки у меня дрожали от боли и возмущения, и я с трудом сел за руль. Если бы еще вчера мне рассказали об этом, я бы посмеялся и не поверил.

Несколько месяцев назад я чудом избежал гибели, когда так и не найденные террористы полили горный склон маслом и рассыпали на дороге шипы. Покрышки у моей старенькой машины сразу лопнули, и ее закружило на склоне и выбросило в кусты. Идущие за мной машины столкнулись, одна из них перевернулась, покатилась кубарем по склону и загорелась. Тогда, и во время войны, когда рядом громыхали взрывы и взлетали ракеты «Пэтриот», я чувствовал себя частью этой маленькой, окруженной врагами страны, давшей прибежище сотням тысяч людей и надрывавшейся в попытках обустроить их, в то время как огромная Америка, только что кричавшая о правах человека, как-то вдруг стыдливо примолкла и ввела жесткую иммиграционную квоту. Сейчас, после этого позорного допроса и унижения, я хотел уехать отсюда...

Ввиду неожиданного прощения долгов мне предстояла полулегальная и бессмысленная операция по обмену шекелей на доллары и вывозу для возвращения Ефиму Пусику. По существующим правилам, я мог вывезти из страны весьма скромную сумму. К счастью, по соседству с факультетом в механической мастерской, расположенной на разогретом солнцем, поросшем соснами склоне горы, работал университетский пролетарий физического труда, знаменитый слесарь Изя.

Изя был здоровым верзилой с курчавыми черными волосами, вечно ходившим в зеленоватой майке, вымазанной в ржавчине. Я часто видел его на различных подсобных работах. Перед приездом важных правительственных делегаций или проведением международных симпозиумов главная аллея университета украшалась бело-голубыми государственными флагами Израиля. Изя был одним из основных действующих лиц в проведении этих предпраздничных торжеств. Он бегал по территории с пачкой флажков под мышкой, суетился и давал указания мрачной группе рабочих, нанятых для этого случая из числа бывших советских специалистов.

– Сюда, сюда втыкай! – Изя подбегал к неразумному подручному и наглядно показывал ему, как флагшток попадает в предназначенное для него отверстие в фонарном столбе. – Ни слова не понимает! – Он свысока и с жалостью глядел на неразумного подопечного. – Что с ним говорить? Вот я, рабочий, а все умею. А они, они все инженеры или доктора наук, двух слов связать не могут! – и Изя с гордостью почесывал волосатую грудь.

После завершения подготовительных хлопот Изя обычно сидел в тенистом кафе на небольшой площади с журчащим фонтаном, пил крепкий кофе, курил и болтал с похожими на него крепкими биндюжниками, местными таксистами, ожидающими клиентов, и владельцами маленьких магазинчиков.

– Что с ними разговаривать? – риторически спрашивал он. – Я рабочий человек и, слава Богу, – при упоминании Бога он на секунду замолкал, – у меня все есть! – Он загибал пальцы: – Дети есть, квартира есть, машина есть, работа есть. А эти, – он презрительно смотрел вокруг, – приехали, все культурные, а двух слов связать не могут! – Изя был явно ошарашен тем, что существуют вокруг темные люди, не разговаривающие на иврите. Собравшиеся вокруг завсегдатаи кафе одобрительно кивали.

Изя работал в подобии подсобного помещения, в котором стояли верстаки, лежала груда ржавых водопроводных труб и старого электрического хлама. У стены, в маленькой каморке за столом, сидел Изя под фотографиями, изображающими гоночные мотоциклы, спортивные машины, голую девицу с огромными розовыми грудями и бывшего министра обороны Моше Даяна с черной повязкой на глазу.

Когда я вошел, Изя с аппетитом жевал, обмакивая зеленый лук в соль и заедая его спелым помидором. Всем давно было известно, что Изя подрабатывает подпольным обменом валюты, и сотрудники университета, от профессоров до студентов, частенько заглядывали в его обитель.

– Изя, – начал я. – Я хотел с вами договориться. Мне надо обменять крупную сумму денег. Давайте назначим день, вы принесете доллары, и я все обменяю.

– Сколько? – с интересом спросил Изя.

– Восемь тысяч долларов. – Я назвал сумму и зажмурился. Обычно у Изи меняли долларов двести-триста для помощи родственникам в России. Мне и в голову не приходило, что в свободном обращении скромного слесаря могут ходить тысячи.

– Дружок, ты что, думаешь, я нищий, да? Деньги при тебе? – Изя весело рассмеялся, почесывая волосатую грудь. Деньги были при мне. Изя подошел к небольшому сейфу, открыл его, и я увидел, что сейф весь забит банкнотами. Он достал тоненькую пачку бумажек, пересчитал и забрал мой бумажный пакет, набитый шекелями. – Желаю удачи! – Израильский пролетарий осклабился и снова обмакнул лук в соль и аппетитно им захрустел.

– Оттуда не возвращаются, – сказала мне грустная худая высокая библиотекарша, когда сотрудники факультета провожали меня в дорогу. – Там слишком хорошо. Я уже многих друзей провожала, пока что никто не вернулся. Купили дома, говорят, что вернутся в следующем году. Но продолжают жить. Не забывай нас...

Я уезжал ранним утром. Автобус собирал хмурых мальчиков в очках с висящими через плечо автоматами. Этой ночью в небе летали реактивные самолеты, а на севере глухо бухали разрывы. Я чувствовал себя предателем. Эти дети ехали туда, где пахло порохом и можно было погибнуть в любую минуту. Я же уезжал в беззаботную, залитую солнцем и продуваемую океанским ветром долину. В кармане у меня лежали доллары, извлеченные из глубины Изиного сейфа и уже принадлежавшие Ефиму Пусику. От них исходил

холодок, проникающий внутрь и смешивающийся с маленьким пульсирующим снежным комочком, сидящим в груди.

Глава 4.
Скромный кожаный пояс с золотой пряжкой.

На въезде в Америку сидел курчавый молодой паренек с черно-лиловой кожей, так сказать, местный архангел. Он деловито проставлял штампы в паспорта, улыбаясь приезжающим своей широкой белозубой улыбкой. Мой паспорт, открывающийся сзади наперед, вызвал у него затруднения. Архангел с лиловым отливом, в белой рубашке и в галстуке, вертел его во все стороны, то переворачивая сверху вниз, то листая его справа налево, пытаясь определить мое происхождение.

– Откуда? – наконец непонимающе буркнул он.

– Израиль. – Я был настроен решительно.

– Как? – страж был явно поставлен в тупик.

– Израиль.

Паренек недоверчиво посмотрел мне в глаза и достал толстую засаленную книгу. Он некоторое время изучал список стран и народов, затем снова посмотрел на меня, и лицо его прояснилось.

– Это в Африке! Фрукты, растения, змей везете? – Парень с ловкостью фокусника извлек цветные картинки с изображениями экзотических плодов, покрытых странными наростами, и разноцветных, гадко выглядящих змей с пестрыми пятнышками и ромбиками на боках.

– Нет, ничего не везу! – я решил не уточнять географического расположения исторической родины.

Архангел махнул ладонью и шлепнул штамп в паспорте. Я был свободен!

Андрей ждал меня у выхода из аэропорта. Его розовые щеки, которые, как мне показалось, еще более округлились со времени нашей последней встречи, были надуты, что придавало лицу встречавшего важное и начальственное выражение. Я обратил внимание на то, что он был одет так же, как и несколько месяцев назад. Физическая оболочка старого знакомого была покрыта полосатой рубашкой без галстука, напоминающей матрац, серыми, с металлическим оттенком брюками и добротными кожаными туфлями. Вид у Андрея был озабоченный и крайне деловой.

– Привет, – отрывисто сказал он. – Наконец-то ты соизволил приехать. Нам надо в темпе двигаться. Поговорим в машине!

Он выхватил у меня один из чемоданов и, рассекая шумную толпу, побежал к лифтам, ведущим в подземный гараж. Я с трудом поспевал за ним. Мы швырнули чемоданы в багажник блестящей Тойоты, Андрей резко взял с места, и вскоре мы вырулили на широкую автостраду, по которой бесшумно мчались разноцветные машины, казавшиеся гигантами после компактных европейских моделей. Их черные, блестящие шины мягко шуршали по асфальту, изредка постукивая на дорожных швах.

На горизонте возвышались зеленые горы, покрытые лесом, и серо-свинцовые тучи перекатывались через вершины и мягко спускались по лесистым склонам. С другой стороны от дороги закатное солнце проглядывало сквозь небольшие облака, обнажавшие клочки голубого неба. Я нажал на кнопку. Стекло бесшумно опустилось, и в машину ворвался свежий воздух, наполненный ароматами моря, хвои и трав. После влажной духоты бушевавшего израильского лета он показался мне эликсиром жизни. Голова слегка кружилась после бессонных суток.

– Здорово здесь у вас, – сказал я, глубоко дыша. – А в Из...

– Давай-ка перейдем к делу! – неожиданно резко, даже, как мне показалось, грубо оборвал меня Андрей. – Ты уже разобрался с работой, о которой с тобой говорил Ефим?

Я был ошарашен таким вступлением. Тогда, несколько месяцев назад, никакого конкретного разговора не было, и я не подозревал о том, что предполагалось, что я привезу вместе с собой какие-либо конкретные результаты. Напротив, я наивно полагал, что факт физического перемещения моего тела в компанию Пусика предполагает начало соответствующей деятельности. Конечно же, я нашел в библиотеке гору статей, но работа оказалась неожиданно сложной. Настроение у меня сразу упало.

– Как тебе сказать, – осторожно начал я. – Я кое в чем разобрался, но пока до конкретных результатов еще далеко. Видишь ли, у меня было очень мало времени, все эти хлопоты, бюрократия...

– Это очень плохо. – Андрей произнес это ледяным тоном. – Ефим только вчера интересовался тем, что же именно ты успел сделать.

При этих словах я вдруг почувствовал неловкость и даже некоторый стыд за свою нерасторопность. Маленький ледяной холодок, который уже давно не давал себя знать, встрепенулся, как бабочка, собирающаяся взлететь с цветка, зашелестел крылышками холодного белого пламени и вдруг ровно засветился, как лампочка Ильича. Неожиданно я даже обрадовался этому ровному свечению.

– И еще, – вдруг жестко добавил Андрей. – Имей в виду: в Америке никого не интересуют твои личные проблемы. В Америке никому не жалуются и не объясняют, почему не сделана работа. Здесь интересуются только тем, сделана работа или нет! Так что не вздумай ссылаться на твои личные обстоятельства, если с тобой будут разговаривать!

В автомобиле воцарилось тяжелое молчание. Андрей напряженно и недовольно смотрел на дорогу. Меня уже ничего не радовало. Угораздило же угодить в такую дурацкую ситуацию! Почему же Ефим разговаривал со мной таким доброжелательным тоном? По-видимому, ситуация за эти месяцы изменилась.

Тем временем мы съехали с автострады, и машина уже неслась по небольшой дороге среди аккуратных домиков. Андрей посмотрел на меня.

– И скажи спасибо за то, что я тебе об этом говорю, – сказал он деловым тоном. – Я же это по-дружески, как-никак мы с тобой хорошо знакомы. А другой мог бы специально промолчать и перед Ефимом тебя подставить, или даже нажаловаться пойти. Да, еще имей ввиду: держи язык за зубами. Если ты увидишь что-то странное, необычное, никого не расспрашивай, лучше всего иди ко мне, и я тебе все объясню. Чуть не забыл, всегда улыбайся, на все вопросы отвечай: «Отлично», даже если дела идут плохо. Иначе тебя не поймут – мы же в Америке! Как только переступишь порог фирмы, говоришь только по-английски, даже если вокруг только русские. Понятно?

Мне было немного не по себе. Обида, недоумение, разница во времени, усталость - розоватый туман, плывший перед глазами, смешался с нереальными, чужими и непривычными окрестностями и странными событиями.

– Да, да. Мне все понятно, – с трудом произнес я.

– Вот и прекрасно. – Андрей приободрился. – Главное, постарайся хорошо работать. А сейчас мы поедем тебя одевать, тебе нужен новый гардероб.

– Как? – удивился я. – У меня на первое время все есть. И костюм приличный, и рубашки, и туфли.

– Нет, нет! – запротестовал Андрей. – Ефим очень придирчиво относится к одежде. Между прочим, он сам попросил тебя обмундировать. К твоему сведению, если бы не его просьба, нам бы сейчас пришлось ехать прямо на работу. Пойми, ты в первый раз придешь в компанию, все с тобой будут знакомиться. В костюмах и в галстуке у нас на Пусике никто не ходит. У тебя должна быть полосатая рубашка, ну, примерно, как у меня, темно-серые или черные брюки, скромный кожаный пояс с золотой пряжкой, черные или коричневые кожаные ботинки и темные строгие носки.

Я пришел в ужас.

– А трусы тоже должны быть скромные и темные? – спросил я.

– Ничего нет смешного. – Андрей произнес это с угрозой в голосе. – Трусы могут быть какими угодно. Но представь, что сотрудник придет на работу в джинсах! Какое

впечатление о компании сложится у наших клиентов? У нас, между прочим, каждый день бывают несколько покупателей. И вот, когда их встречает инженер в строгой полосатой рубашке, в темных брюках, они понимают, что здесь не хиппи какие-то работают, а солидные люди.

– По одежке встречают, по уму провожают! – не удержавшись съязвил я, хотя в словах Андрея был некоторый резон.

– Послушай! – повысил голос Андрей. – Заруби себе на носу, ты приехал сюда и должен подчиняться установленным правилам. Я тебе очень не советую выделяться, не говоря уже о том, что ты и меня подведешь. Ведь это я тебя рекомендовал! Не забывай, это не Россия и не ваш дикий Израиль, это Америка, и здесь внешнему виду придают особое значение.

Хотя я знал, что в Америке принято особенно тщательно следить за одеждой, на меня напал дух противоречия. Особенно я разозлился за «дикий Израиль». Я-то знал, что когда у Андрея не клеилось с его будущей поездкой в Америку, он серьезно рассматривал вариант отъезда на Ближний Восток. «Да посмотрел бы я на тебя, голубчик, – думал я, – попади ты туда. Вся бы твоя спесь сошла после первой бомбежки, после первого интервью с какой-нибудь бабой, ведающей выдачей пособий. И сидел бы ты в босоножках и в потертых джинсах, и ходил бы с авоськами на рынок, торгуясь, чтобы подешевле купить картошку и лук.»

– Ну хорошо, – иронично сказал я. – Я все понимаю. Но почему же тогда не ходить в костюме с галстуком? Кстати, еще полагается, чтобы из нагрудного кармана торчал платочек в мелкий горошек. – Андрей, казалось, не понял иронии.

– Ты понимаешь, – уже не так агрессивно сказал он и как-то грустно вздохнул, – не принято. В пиджаке и в галстуке у нас в компании ходит только Ефим, у рядовых инженеров считается хорошим тоном расстегнутый воротник. Это придает демократичность. Нет, ну мы иногда одеваем галстуки на важные приемы или на выставки. Да, еще запомни, от тебя никогда не должно ничем пахнуть. Здесь этого не выносят. Если Ефим почувствует, что от тебя пахнет потом или изо рта, твоя карьера закончена! Сейчас мы заедем в магазин и купим дезодорант и полоскание для рта.

– Боже, куда я попал, – думал я, выходя из машины. – Демократично расстегнутый воротник на полосатой рубашке! – Мы зашли в огромный магазин, как я впоследствии понял, один из самых дорогих в округе. Вдоль стены стояли стеллажи с рубашками, и я с ужасом узнал дурно и безвкусно скроенные, полосатые, похожие на пижамы рубахи из плотного, напоминающего дерюгу синтетического волокна. Когда я посмотрел на цены, нервный импульс пробежал у меня по позвонкам, и я начал протестовать.

– Умоляю, не надо их покупать, – взмолился я – у меня в чемодане пять абсолютно новых итальянских рубашек, из них три точно в такую же полоску и гораздо симпатичнее этих. К тому же они из чистого хлопка!

Андрей недовольно повернулся. Глаза его сердито сверкнули, а щеки и лысина мгновенно налились кровью.

– Послушай, ты меня уже до белого каления довел! – процедил он сквозь зубы. – Пока ты не встанешь здесь на ноги, будешь меня беспрекословно слушаться, для твоего же блага, дурак! У твоих рубашек есть сзади складочка и вешалка? Нет? То-то же, – и он указал на странную и раньше невиданную мной деталь, о существовании которой я не подозревал, вернее, не обращал внимания. – Учти, – продолжал Андрей уже более спокойно, – рубашка без защипочки и вешалочки сзади – неправильная, и любой, кто на тебя посмотрит, сразу обратит на это внимание! Тебе нужно по крайней мере семь - восемь рубашек: на каждый день и запасные. Рубашки будешь сдавать в прачечную и крахмалить. – Он прошел по рядам и вернулся с горой рубашек, отличающихся количеством и цветом полосочек. «Сколько?» – Он протянул кассиру кредитную карточку. – Дома отдашь, – утвердительным тоном сказал он. – Надеюсь, у тебя есть деньги?

Я был ошарашен наличием складочек и вешалочек на рубашках и уже представлял, как барахтающихся сотрудников берут и подвешивают к крюку, вделанному в стену. Мы двигались от отдела к отделу, покупая темные брюки, скромный пояс с золотой пряжкой и

темные носки. Я был благодарен судьбе за то, что в компании Пусика галстук носит только ее президент: галстуки в этом магазине стоили целое состояние. К тому моменту, когда мы вышли из ярко освещенного магазина, уже стемнело, и вечерние фонари сверкали на фоне черного неба. Тускло светились далекие созвездия, и в моих карманах недоставало месячной университетской зарплаты. В бесчисленных пластиковых и бумажных пакетах шуршало форменное обмундирование, распространял приторный запах дезодорант и плескалась жидкость ядовито-голубого цвета для полоскания рта. Жидкость напоминала денатурат.

«Денатурат – дегенерат, – крутилось у меня в голове. – Человек, что колбаса, во что его одеть, то и получится», – мне казалось, что эта странная фраза светится розоватым неоновым цветом на фоне реклам, фонарей и далеких звезд. Спать уже расхотелось, какая-то эйфорическая пьянящая легкость дурманом наполняла организм, и все происходящее казалось совершенно нереальным, как сон или глупый фильм в пустом темном кинозале. «Вернуться, вернуться!» – повторял я, понимая, что это не очень реально, что денег у нас нет, с работы я уже уволился и жена с ребенком через месяц должна приехать ко мне...

Через несколько минут мы подъехали к дому Андрея, в котором мне предстояло жить до тех пор, пока я не получу первую зарплату и не сниму отдельное жилье.

Андрей снимал квартиру в двухэтажном доме серого цвета. Дом этот напоминал большой барак, в котором, по чьей-то прихоти, построили подземный гараж и подвесили балконы. Внутри находился цементированный дворик, вызывающий ассоциации с тюремным колодцем для прогулок. Впрочем, посередине дворика светился голубым цветом маленький бассейн, правда, огороженный от окружающего мира железным забором с массивным навесным замком.

Квартира была не очень просторной, но вполне приемлемой для жилья. Пол покрывал синтетический ковер грязно-коричневого цвета, покрытый множеством темных пятен. От невысокого потолка веяло жаром. Я с удивлением поднес руку к потолку, почувствовав жар, как от раскаленной духовой плиты и на всякий случай вышел на балкон. На улице было уже совсем прохладно, но крыша так прогрелась за день, что в квартире было нечем дышать.

– Располагайся! – Андрей был решителен. – Кстати, надо тебя будет познакомить с ребятами. В этом доме живут несколько наших сотрудников с Пусика: Петя, Игорь и, кстати, сам Борис. Но они еще на работе.

– В такое время? – удивился я.

– Между прочим, у нас в компании бездельничать не полагается, и у всех много работы! – с показной гордостью ответил Андрей. – Ты пока приведи себя в порядок. Боря собирался с тобой поговорить, когда вернется домой.

Я обомлел. Разговоры не входили в мои ближайшие планы, особенно учитывая, что завтра утром предстояло идти на работу и я надеялся хоть немного поспать.

О Борисе я много слышал еще в старые времена в Москве и даже несколько раз встречался с ним в молодости, в основном в гостях у Андрея. О нем ходили легенды. Происходил он из потомственной академической семьи, пострадавшей от советской власти. В моей памяти Борис остался высоким, чуть рыжеватым очкариком с интеллигентным, но в то же время сильным и волевым лицом, с широкими плечами и громовым голосом. Выпускник престижной физико-математической школы, не страдающий родственными связями с малым, но вредоносным народом, победитель всевозможных олимпиад, он с легкостью поступил в Московский университет в тот самый год, когда я провалил вступительные экзамены в одноименный ВУЗ вследствие подпорченного происхождения. Вскоре Боря стал блистать, защитил диссертацию и остался работать на кафедре. О нем говорили, как о лучшем программисте Союза. Он вызывал уважение быстротой ума и прямолинейностью суждений.

Попав к Пусику, Борис работал днями и ночами и сделал блестящую карьеру, всего за пару лет став вице-президентом компании. Судя по рассказам Андрея, он уже через неделю досконально изучил приборы, выпускавшиеся фирмой Пусика, выучил электронику и знал на память все принципиальные схемы.

Примерно через час раздался телефонный звонок, и Андрей подошел к телефону.

– Ну что, все в сборе? – я узнал низкий голос Бориса. – Гость твой не заснул? Хорошо, привет ему передай, я из машины уже звоню, скоро буду. Кстати, у нас большая проблема. – Он перешел на описание того, как были перепутаны детали при сборке каких-то печатных плат. – Ефим бушевал, искал тебя, но я ему напомнил, что ты гостя встречаешь. Ну ладно, я скоро буду, – и Борис повесил трубку.

Андрей заметно помрачнел.

– Вот видишь, пока я катался с тобой, у нас ЧП приключилось! – недовольно сказал он.

Я чувствовал себя полным идиотом. Выходило, что я был виноват по всем статьям. Я проклинал тот момент, когда я принял роковое решение, занесшее меня на этот, такой с виду милый океанский берег.

– Неожиданно пол квартиры заходил ходуном. Стаканы в шкафу зазвенели.

– Землетрясение! – вскочил я со стула.

– Это просто кто-то по лестнице поднимается, – меланхолично махнул рукой Андрей.

В этот момент дверь отворилась, и в комнату вошел Борис. Облик его сохранил еще что-то от того очкарика, которого я запомнил, но внешне он довольно сильно изменился. Передо мной стоял широкоплечий мужчина с властным лицом, мускулистыми руками и квадратным подбородком. Тонкие губы были поджаты и немного скривлены, что придавало его лицу несколько презрительное выражение, напоминающее смесь хищного оскала с садистской улыбкой. Вице-президент компании был одет в уже знакомую мне форменную полосатую рубашку с защипочкой на спине.

– Привет! – Борис крепко пожал мне руку. – Не заснул еще? – Он повернулся к Андрею. – Значит, информирую тебя, это добром не кончится. Люди распустились, вот в чем наша основная проблема. Я сегодня потратил почти полтора часа на то, чтобы им мозги вправить, как всегда, пришлось самому во все влезать и разбираться! Не те детали заказали, припаяли все задом наперед! Завтра с утра срочно этим займись!

Сказано это было все очень серьезно. Передо мной стоял полководец, определяющий стратегию боя и анализирующий потери в живой силе и технике.

– Да, ребята, чувствую, что у вас здесь жизнь серьезная... – попытался я разрядить обстановку.

– Серьезнее, чем ты думаешь! – оборвал меня Борис. – Здесь капитализм, законы жесткие. Я сегодня потратил полтора часа, Андрей ушел с работы раньше, чтобы тебя встретить. А ты знаешь, во что обходится компании час рабочего времени? Ведь фирма оплачивает и страховку, и кондиционер, и свет. Набегают многие тысячи!

Мне снова стало не по себе из-за убытка, причиненного мной компании. Особенно меня поразила железная уверенность Бориса в своих словах и его немигающий строгий взгляд. Наверное, с такой же убежденностью произносили сотрудники НКВД приговоры врагам народа.

– Ну ладно, – Борис сел на стул. – Время уже позднее. Я, собственно, пришел с тобой определиться, а то завтра у меня на работе не будет времени с тобой разговаривать. Ефим решил тебя взять. Вообще-то у нас так не принято. Что ты, собственно, умеешь делать?

– Я несколько обомлел.

– Ефим со мной разговаривал, – промямлил я. – Я собрал литературу, хочу заняться...

– Это неважно! – резко оборвал меня Борис. – Ефим уже сам забыл, что он от тебя хотел. Ты электронику хорошо знаешь?

– Почти совсем не знаю, – честно признался я. – Я занимался теорией.

– Собрать макет сумеешь? – Борис пристально посмотрел на меня.

– Думаю, что нет. Я никогда в жизни этим не занимался.

– Да, – процедил Борис. – Не знаю, что с тобой делать. Мне и посадить-то тебя особенно некуда. У меня с тобой проблема. Не знаю, что я объясню людям, которые круглые сутки вкалывают, что ты сюда приехал книжки читать? Придется тебя посадить

за починку старых приборов. Разберешься, потом будешь помогать нам с технической поддержкой, отвечать на звонки клиентов. – Он победоносно посмотрел на меня. – С английским у тебя, надеюсь, нормально?

– Ребята, – взмолился я, чувствуя, что холодок в груди снова затрепетал и что происходит что-то ужасное и непоправимое. – Я ничего не понимаю, я ехал сюда совсем не за этим. Здесь какое-то недоразумение. Если я вам не нужен, ради бога, я сейчас же возвращаюсь назад, пока еще не поздно.

– Поздно. – Борис откинулся на спинке стула и щелкнул костяшками пальцев. – Компания уже потратила большие деньги на оформление твоей визы, на адвоката. Если ты уедешь, не проработав у нас хотя бы одного года, будешь обязан эти деньги вернуть.

Я промолчал. Волны отчаяния перекатывались в моей черепной коробке, хотелось проснуться и забыть весь этот кошмар.

– Давай-ка посмотрим, на что ты способен, – Борис взял ручку и листы бумаги.

– Экзамен? – с садистской и подобострастной улыбкой спросил Андрей.

– Да, проверим нашего гостя, – по-деловому ответил Борис, что-то быстро чертя на листе бумаги. – Так, это повторитель, это инвертор, теперь замкнем связи. Какой у этой системы коэффициент усиления?

Я ничего не понял, но напрягся изо всех сил, как студент-двоечник на экзамене. Моя прошлая жизнь, полная уверенности в себе, радости открытий и признания отошла в прошлое. Неожиданно для себя я написал ответ. Скорее всего, это была телепатия.

– Неплохо, – с некоторым удивлением заметил Борис. – А говорил, что ничего не знаешь. Теперь объясни вот это. – Его рука быстро забегала по листу бумаги. Я снова напрягся, но телепатические способности явно покинули меня. – Ну, – неуверенно промямлил я, – напряжение на выходе будет вначале расти...

– Неправильно, – Борис был явно удовлетворен. – Ну ничего, не все профессионалы могут на этот вопрос ответить. Хотя бы думать умеешь. – Он слегка оскалился.

Я чувствовал себя оплеванным, но последнее замечание немного подняло мой моральный дух.

– Теперь проверим абстрактную алгебру. – Борис написал цепочку символов. Некоторые из них напомнили мне операции над матрицами, и я попытался раскрыть скобки.

– Нуль, абсолютный нуль! – тоном приговора сказал Борис. Он посмотрел на Андрея. – Ну что, Давидыч, –назвал он его по отчеству. – Ты видишь проблему? – Губы его скривились набок в издевательской улыбке. – Нам ее с тобой теперь вместе расхлебывать.

– Ничего, он справится. – Андрей как-то заискивающе и сконфуженно улыбнулся.

– Ну хорошо, – Борис вдруг зевнул и потянулся, я заметил, что у него на груди блеснул золотой крестик. – Разберемся. Другие еще хуже отвечали, не расстраивайся. – Он неестественно приободрился и хлопнул меня по плечу. – Учти только, у нас каждый сам находит себе работу и доводит ее до конца. Первый день посидишь с прибором, будешь изучать систему «Пусик». Понажимаешь на кнопки, я принесу тебе описания, только напомни... – Неожиданно лицо его помрачнело. – Ладно, господа, – протяжно, по дореволюционному сказал он. – Пора спать. До завтра.

– Если верить часам, завтра уже наступило.

– А он здорово изменился, – сказал я Андрею, когда входная дверь захлопнулась. Пол снова заходил ходуном, видимо, это Борис спускался по лестнице.

– Да ты не переживай, – Андрей задернул шторы на окнах. Он уже казался мне старым и близким другом. – Боре нелегко приходится, на нем знаешь, какая ответственность лежит! Если ты не справишься с работой, Ефим с него будет спрашивать.

– Ну почему я должен не справиться и почему надо мной можно издеваться? – Я начал выходить из себя. – Я ничего не понимаю, я бросил свою работу, уважение, студентов, сломал всю жизнь, приехал сюда и выясняю, что меня хотят на починку старых ящиков посадить!

– Прекрати! – Андрей начал злиться. – Запомни, ты здесь никто, абсолютный нуль! Если хочешь знать, я, когда приехал, почти полгода ночами чуть не плакал. Но когда я сюда ехал, я был готов на все. Даст мне Ефим метлу и скажет полы подметать – буду подметать. Я тоже в ремонте сидел, мной все командовали и за идиота считали, и ничего, справился!

– Но я же не ехал сюда мыть полы! – вскипел я. – Это ты, падла, хотел из России сбежать и был на все готов. Я же поддался на обещания золотых гор и свободы! – Кровь ударила мне в голову, я схватил Андрея за полосатую рубашку и мы покатились по грязно-коричневому полу, как когда-то в студенческие годы.

– Тише, тише! – прошипел Андрей. – Соседей снизу разбудишь, они у меня нервные.

– Словно в подтверждение его слов раздался жуткий грохот.

– Дверью хлопают... – испуганно прошептал Андрей. Мы замерли. Тут же зазвонил телефон. – А это она управляющему позвонила. – Андрей подбежал к телефону и начал униженно объясняться. «–Да, Да, мы очень извиняемся, да, уронили. Простите. Да, я понимаю...»

– Меня из-за тебя выселят! – прошипел он.

Все смешалось у меня в голове. «Может быть, я сошел с ума?» – думал я. Мозг уже отказывался анализировать безумие происходящего. Я добрался до постели, упал на нее, и мое сознание отключилось, как электрическая лампочка от легкого прикосновения руки к выключателю.

Глава 5.
Первый день.

Спал я недолго, голова была переполнена событиями последнего дня, которые смешались в сознании с мучительными и нереальными обрывками сна, и уже окончательно было невозможно разобрать, что же происходило на самом деле. Мне совершенно отчетливо снилось, что я лежу в своей постели и за окном расстилается ночной город, тускло светятся дома, облепившие склон горы, спускающийся к Средиземному морю. Я отчетливо чувствовал аромат кипарисов, свежий ночной ветер и слышал протяжные крики кукушек, доносившиеся из прохладной темноты. Вдруг, как от какого-то внезапного толчка, я вспомнил, что нахожусь на краю земли, что за горами находится огромный холодный океан, и что вчера произошло что-то ужасно гадкое, и внезапно проснулся.

На часах было около четырех утра. Лунный свет падал на стену и призрачно поблескивал в стаканах с недопитой кока-колой, стоявших на столе. Из окна тянуло свежестью, и в ветвях деревьев изредка вскрикивала ночная птица. Редкие машины проносились по дороге. В тишине было особенно заметно, что при их приближении дом начинал слегка вибрировать.

«Неужели все это было на самом деле?» – думал я и не мог найти разумного ответа. В темноте все казалось нереальным, как дурной сон после сытного ужина. Мое тело лежало в темноте на краю земли, безумно далеко от дома и ожидало своей судьбы. Что же предстоит мне завтра? Заснуть я уже не мог. Я исчезал во мраке, казалось, руки и ноги где-то ужасно далеко и мне уже не принадлежат, а смутное сознание, отделившись от физической оболочки, парит в ночном воздухе. Что-то не пускало душу подняться ввысь и пронестись над спящей долиной, окунуться в холодные волны океана, перевалить через хребты лесистых гор, по которым ползут серые свинцовые облака холодного тумана, наступающие с огромных ледяных просторов водной глади. Это нечто было таким же холодным, как этот туман, и сжимало грудь.

«Огонек, лампочка Ильича,» – вспомнил я и даже обрадовался тому, что душа оказалось явно связанной с телом, хотя бы и столь малоприятным образом. Я еще раз прислушался к собственным ощущениям. Холодный комочек горел ровно, напоминая мятный леденец во рту. К этому ровному покалыванию вполне можно было приспособиться. Те периоды, когда он замолкал, а потом вновь трепыхался, были куда более неприятными.

За окном постепенно начало светать. Я встал и залез под душ. Теплые струи придавали ощущение реальности текущему моменту жизни, и все прошлое постепенно покрывалось какой-то дымовой завесой, сквозь которую все более и более тускло просвечивал вчерашний день. Я достал из пакета новенький, блестящий бритвенный прибор, кучу пузырьков с пенами и лосьонами и с наслаждением побрился. Запах американского одеколона оказался на удивление приторным и сладким. Так пахло в моем детстве от лысоватых мужиков в кургузых костюмах, выходящих из провинциальной парикмахерской. «Тройной!» – вспомнил я давно забытое название, и осенний холодок, запах прелых листьев и сладковатого дымка, свежесть детских воспоминаний нахлынули на меня. Я налил в стакан ядовито-голубую жидкость для полоскания рта. Во рту что-то зашипело, начало ужасно щипать небо, десны и носоглотку, и ветерок воспоминаний испарился. Я окончательно проснулся.

Андрей, видимо, еще спал. Я подошел к горе сложенных пакетов и со вздохом натянул новенькую полосатую рубашку со складочкой на спине и темно-серые брюки. Синтетические брюки сразу же начали взаимодействовать с синтетической рубашкой и синтетическим ковром, явно руководствуясь законами физики. Вначале одна из штанин встала торчком, затем она завернулась вокруг ноги и распрямить ее обратно уже не было никакой возможности. Я почувствовал, что все мое тело покрывается мелкими колючими

иголочками, и тут же между рукой и тумбочкой проскочила голубая искра. От неожиданной боли я подпрыгнул и крепко выругался.

– Ты что там хулиганишь, бездельник? – раздался сонный голос Андрея. – Сейчас попьем чай и поедем на работу, хватить дурака валять. – Раздалось шуршание, и в двери появился мой хозяин, застегивающий на груди полосатую рубашку. Я с ужасом увидел, что и рубашка и брюки были точно такими же, как и одетые мной.

– Тебе не кажется, что мы напоминаем двух цыплят из одного инкубатора? – с издевкой спросил я.

Андрей в недоумении посмотрел на себя, затем на меня и затем опять на себя.

– Да, как ты только выбрал точно то же самое? – недовольно проворчал он. – Сейчас пойду переоденусь. – Он исчез в комнате и начал копаться в шкафу.

На плите загудел чайник. Темно-золотистая, горячая жидкость, растекающаяся по организму, несколько взбодрила и примирила меня с недалеким будущим. Мы еще сидели за столом, когда раздался резкий телефонный звонок. Андрей взял телефон.

– Боря, – радостно и оживленно высказался он с улыбкой на лице, – мы готовы. Да, да, будем. – Он повесил трубку. – Сегодня нас повезет Борис. Мы по очереди водим машину, – объяснил он, видя мое недоуменное выражение лица.

– А если кому-нибудь из вас нужно куда-то уйти? – удивился я.

– Такого не бывает. Мы на работу и с работы уезжаем в одно и то же время. – На лице Андрея снова появилось важное и многозначительное выражение начальника и наставника, поучающего неразумного и заблудшего младшего по рангу товарища.

Мне оставалось только подчиниться. Свеженький Борис с еще влажными после душа волосами уже ждал нас в гараже. Он показался мне совсем не таким страшным, как вчера.

– Поехали, господа! – Борис распахнул двери небольшого микроавтобуса, и мы залезли внутрь. Он быстрым и волевым движением дернул рычаг, переключающий передачи и нажал на газ, шины завизжали, в гараже запахло резиной. Машину занесло на резком развороте, но он, казалось, ничего не замечал и выскочил на улицу перед носом у несущихся машин. Раздались гудки и скрип тормозов.

– Ну что, выспался? – Борис посмотрел на меня. – Ничего, я тоже приехал и на следующее утро пошел на «Пусик». Надо добавить физической нагрузки, и справишься. – Неожиданно лицо его помрачнело. – Сегодня тебя будут оформлять, бумажки, страховки и прочее. Так ты учти, что читать и заполнять их будешь в нерабочее время. После шести имеешь официальное право, а с утра тебе нужно срочно изучать систему. Обязательно напомни, чтобы я тебе книги дал.

Машина снова вошла в стремительный вираж.

– Ах, черт, – ругнулся Борис, – не дал этот грузовик маневр закончить. – Шины завизжали, и мне стало не по себе, так как в мои планы явно не входило погибнуть по пути на работу в первый рабочий день. – Надо сегодня будет с народом разобраться, – на этот раз Борис уже обращался к Андрею. – Мне не нравится, как они в последнее время ходят в перерыв кофе пить. Получается какое-то увеселительное заведение. Сидят, болтают, распустились. Я думаю, надо пожаловаться Ефиму. У нас и так слишком много работников. Раньше было всего несколько человек, и все были заняты. А теперь отлынивают от работы, и это еще полбеды. Ведь среди них есть недовольные, они и специально навредить могут! Хорошо бы уволить двоих-троих для острастки, тогда остальные сразу испугаются и будут детали собирать. Я ненавижу, когда люди получают зарплату за чаепития! – и лицо его побелело от злости.

Андрей слушал его, одобрительно кивая. Меня поразило то, как он смотрит на Бориса, слегка приоткрыв рот, с неизбежной заранее поддержкой и оправданием всего, что тот скажет. Я с тоской вспомнил о том, как в процессе работы чуть ли ни каждый час ходил к кофеварке, наливая себе все новые стаканы кофе. Впрочем, предстоящее ограничение потребления сотрудниками фирмы «Пусик» возбуждающих жидкостей было явно на пользу здоровью.

Тем временем мы неслись по широкой автостраде. Утро было прохладным и пасмурным. По сторонам дороги тут и там торчали бесконечные аккуратные здания знаменитых на весь мир компаний, в сером небе над автострадой взлетали и садились большие и маленькие самолеты. Казалось, вся Америка несется на работу в автомобилях или, на худой конец, спускается с небес в серебристых авиалайнерах. Мы свернули на дорогу поменьше, и вскоре на горизонте возникло двухэтажное здание компании Пусика. Оно надвигалось с невероятной быстротой и вот уже закрыло собой далекие лысые горы и поле с зеленеющей травой и цветами.

– Так что мы обязаны навести дисциплину! – Борис неожиданно перешел на английский, отчего я испуганно вздрогнул.

Стеклянная дверь отворилась. Мы вошли в чрево здания, поглощающего маленьких человечков, вылезающих из своих жучков-автомобилей. Внутри было прохладно, немного пустовато и как-то торжественно, как в пустом концертном зале перед представлением. На втором этаже рядами стояли серые коробки с зеленоватыми лампочками, издавая мерное жужжание. Между ними носился маленького роста китаец, на ходу соединяя провода и нажимая на кнопки. Движения его напоминали хорошо отработанные операции робота. Казалось, руки и ноги движутся сами по себе в одинаковом мерном ритме.

– Вот еще один пример. – недовольно сказал Борис. – Один Донг пришел работать заранее, остальные подтянутся минута в минуту, как будто не понимают, что по крайней мере десять минут будут усаживаться и раскладывать свои вещи. – Мы подошли к небольшой комнатке, уставленной компьютерами и незнакомыми мне приборами. – Это твое место на сегодня, – указал Борис. – Если будут вопросы, обращайся ко мне или к Андрею.

Я остался один. За дверью проходили какие-то люди, раздавались голоса, но ко мне никто не заглядывал. В каком-то смысле это было даже неплохо. Я с опаской посмотрел на приборы. «Прежде всего ищите кнопку включения питания», – вспомнилась шутливая инструкция написанная одним из физиков для своих коллег. Я начал ощупывать серую металлическую коробку и быстро нашел выключатель. Зеленая лампочка засветилась и раздалось мерное гудение. Эта картина совпадала с только что увиденным в большом зале, и настроение у меня немного улучшилось. Компьютер замигал и на экране показалась программа с множеством команд. Одна из команд называлась «Старт». Я нажал на эту кнопку. Неожиданно металлическая штуковина, стоявшая немного в стороне, закрутилась и начала двигаться взад и вперед по сложной траектории. Экран ожил и на нем появились графики и числа. Эта связь между железкой и экраном увлекла меня... Начинался мой первый рабочий день в компании Пусика.

Через час с небольшим в дверях показался Андрей.

– Ну, разобрался? – К моему удивлению, он заговорил со мной по-русски, нарушая одну из своих заповедей. – Отвлекись от работы, я тебя сейчас познакомлю с сотрудниками.

Мы вошли в средних размеров комнату, заставленную столами. В углу около больших книжных шкафов сидел Борис и подробно объяснял по телефону неведомые мне технические особенности системы Пусика. Напротив расположился китаец непонятного возраста, в рубашке без полосок, да к тому же с закатанными рукавами, обнажающими пухлые, женские руки. Он сосредоточенно глядел на экран компьютера, и руки его быстро бегали по клавишам.

– Это Вонг, – объяснил Андрей, – один из ведущих инженеров и работает с Пусиком уже много лет. Кстати, хотя он и родился в Америке, почти не разговаривает по-английски. Зато понимает все хорошо. Кстати, Ефим его очень уважает.

Вонг молча кивнул мне, причем глаза его оторвались от экрана лишь на секунду, а пухлые белые руки и вовсе не прекращали своих размеренных движений.

За соседним столом сидел широкоплечий парень, напоминающий донского казака с русыми, свисающими вокруг губ усами и грустным взглядом. Судя по полосатой рубашке и черным брюкам, он принадлежал к элите.

– Знакомьтесь, – Андрей перешел на английский, – это Петя. А это наш новый сотрудник, из Израиля.

Петя недоверчиво посмотрел на меня, потом снова на Андрея. – Очень приятно, – сказал он с жутким русским акцентом и сжал мою руку.

– И мне тоже, – ответил я по-русски, несмотря на предупреждения. Петя явно удивился.

– Как, вы еще оказывается и по-русски разговариваете? – он непонимающе взглянул на Андрея, который умирал со смеху.

Петя был одним из сильнейших специалистов по математике и компьютерам в Москве, – шепотом объяснил мне Андрей, когда мы отошли в сторону. – Он работал с Борисом и тот, когда приехал в Америку, рекомендовал его Ефиму. Теперь он досконально разобрался в электронике и разрабатывает сложные схемы.

Я был поражен такой трансформацией и проникся уважением к донскому казаку с усиками.

– А вот это - Игорь, тоже один из ведущих наших специалистов, – Андрей подвел меня к невысокому худенькому мальчику с маленькими острыми глазками, бегающими за выпуклыми линзами очков. Он казался студентом-первокурсником, но морщины и легкая седина выдавали его возраст.

– Я вижу, что количество сотрудников фирмы «Пусик» возрастает, – вежливо сказал Игорь со смешанным британско-русским акцентом, и глазки его как-то странно забегали.

– Игорь тоже попал сюда по рекомендации Бориса, – доходчиво объяснял Андрей. – Они вместе занимались большим проектом в Москве и мы решили, что Игорь хорошо справится с работой у Пусика. Он каждый день работает до полуночи! А это Джон, один из немногих коренных американцев, работающих у Ефима. Но на самом деле его тоже Борис рекомендовал. – Андрей продолжал выполнять свою роль гида-экскурсовода. У стены сидел симпатичный молодой парень с живым лицом. Он радостно помахал мне.

Мы зашли в другую комнату. Эта комната была более тесной, чем предыдущая. С потолка спускались черные, жирные кабели, в воздухе пахло жженой изоляцией, а на столах громоздились многочисленные приборы.

– Здесь у нас сидят люди рангом помельче. – Андрей как-то приосанился и надул щеки. – Знакомьтесь! – важно сказал он. – Наш новый сотрудник из Москвы.

Сидящие в зале люди подняли головы. Я обратил внимание на то, что головы их втянуты в плечи и лица у всех бледные, землистого цвета. Они пытливо и молча смотрели на меня.

– Здравствуйте, – тихо, по-русски сказал один из них. Мне бросилось в глаза то, что он явно испуган. Безымянные люди с интересом посмотрели на меня и снова склонились к своим приборам.

– Это так, среднее и младшее звено. – Андрей явно чувствовал себя на высоте. – Ты с ними держи дистанцию. Они все совки, из эмигрантов-беженцев, приехали сюда и маялись на пособиях. Ефим их пожалел и взял на работу. Ты видел, как они все перепугались? Теперь думают, что тебя взяли вместо кого-нибудь из них. Несколько дней будут дрожать как зайцы. Кстати, вот этот в очках, который тебе ответил, был профессором. Приехали сюда, и оказалось, что они ни с чем справиться не могут... А тот другой, с черными волосами, бывший доктор наук, начальник отдела. Советские специалисты... Язык хорошо выучить не в состоянии! Тот третий, в углу, в Ленинграде был крупным изобретателем, у него чуть ли не сорок патентов. А на деле оказалось, что он только и способен на то, чтобы гайки закручивать! Мы их держим в строгости, особо не балуем, денег платим мало... Но эти хоть на что-то способны и в младших инженерах ходят. А сейчас я тебе круглых идиотов покажу. Ефим их на сборку поставил.

Мы спустились на первый этаж. Здесь кипела активная деятельность. Люди в халатиках таскали выточенные железные детали округлой формы с просверленными дырками, прилаживали их к блокам побольше, вращали получившуюся конструкцию, скручивали разноцветные провода, выходящие из глубин серых ящиков.

– Вот тот, с седыми усами, – Андрей показал на пожилого мужчину с брюшком, одетого в несвежую рубашку с пятнами на животе, – секретный профессор по космической технике, уехал в Париж на Конгресс и сбежал! А семью его не выпустили, об этом много

шума по «Голосу Америки» было. Так он спился с горя. Ефим ему помочь хотел, на работу взял. И что ты думаешь? Профессор он оказался аховый, только свои форсунки и жидкие смеси и знал, теперь фильтры собирает. Или вот этот, маленький черненький, – тоже заведовал лабораторией, а дубина дубиной. С трудом выучился отверткой в шуруп попадать.

Я с ужасом посмотрел на секретного космического профессора. Тот деловито поднял очередную деталь, отдал ее бывшему заведующему лабораторией, и они начали суетливо прилаживать ее к серому ящику.

Экскурсия подействовала на меня угнетающим образом. Я многого навидался в Израиле, но совершенно не ожидал увидеть еще худшее повторение той же картины в Америке...

Нашу улицу подметал мужчина лет сорока с помятым лицом, который, говорят, был известным ученым-филологом по русской словесности. Поскольку филология, а тем более русская, никому не была нужна в крохотном и постоянно воюющем государстве, все обитатели которого пишут справа налево, филолог этот день за днем собирал мусор и часов в одиннадцать утра уже заправлялся стаканом-другим водки «Тройка», на бумажной этикетке которой была нарисована летящая гоголевская Тройка-Русь. Он спивался у всех на глазах, и никто не мог ему ничем помочь. Улица, правда, поддерживалась в неизменной чистоте...

Я вспомнил передачу, недавно увиденную по израильскому телевидению. Перед репортерами сидела здоровенная девица с лошадиной челюстью. Ее мечтой было работать на стройке. И мечта эта сбылась. Сидевший рядом пузатый волосатый прораб прокомментировал это так: «Мы дали ей пробное задание: перетаскать мешки с цементом со второго этажа на третий. Так представьте, она сделала это за десять минут. У меня работают пять русских докторов наук, они целый день не могли этого сделать, а она взяла и за десять минут все перетаскала!» Он разводил руками, демонстрируя, насколько никчемны были усилия тонкокожих русско-еврейских ученых по сравнению со здоровой плотью девицы, которая довольно скалила лошадиные зубы...

– Имей в виду, – Андрей оторвал меня от ностальгических воспоминаний. – Ты человек избранный, тебя лично Ефим пригласил, так что с подсобными работниками не общайся, во время обеда за один стол не садись и по-русски не болтай. Они у нас получают мало, опустились, так что держи дистанцию.

Мы прошли в комнату, в которой сидела пожилая женщина. Ей предстояло провести процедуру оформления моих документов.

– Добро пожаловать, добро пожаловать, мы так вас ждали, мы так рады вас видеть! – голос у нее оказался грудной.

Женщина улыбалась с неистовой приветливостью, и я с ужасом заметил, у нее при этом сжимаются зрачки и в глазах загорается какой-то легкий огонек безумия. Во всей этой сцене явственно чувствовалось что-то нездоровое, хотя я не мог точно объяснить, что именно меня насторожило. С ловкостью фокусницы дама начала доставать толстые пачки каких-то бумаг, давая мне их подписывать и на ходу объясняя их смысл.

– Имейте в виду, теперь все, что вы изобретете, реализуете, напишете, всецело принадлежит компании Пусика. – Глаза у нее снова стали сумасшедшими. – Вы получите тетрадь с пронумерованными листами, и записывать все будете только в ней. Вы не имеете права спать на рабочем месте, за это вас немедленно уволят. Запрещено также приносить на работу огнестрельное и холодное оружие и драться с сотрудниками. – Она сделала многозначительную паузу. – Ефим очень, очень щедр! – женщина закатила глаза и потрясла головой, чтобы продемонстрировать мне всю глубину его щедрости. – Он решил помочь вам скомпенсировать ваш перелет в Америку. – Она продолжала трясти головой, и я с испугом подумал, что присутствую при начале сильнейшего неврологического припадка. – А также дать деньги на первые расходы – квартиру, машину и прочее. – Голова прекратила свои судорожные движения, и на душе у меня полегчало. – Пожалуйста распишитесь вот здесь... – и дама вручила мне конверт с чеком.

Я не знал, как мне реагировать – тоже закатывать глаза и трясти головой или не изъявлять лишних эмоций. В договоренность о моем приезде входила оплата проезда для

меня и моей семьи. С другой стороны, я не знал точной суммы, проставленной в чеке. Квартира, машина? На всякий случай я решил показать, что я доволен и рассыпался в благодарностях.

– Не благодарите меня, благодарите Ефима, – сказала она с придыханием. – Он так щедр!

Я принес в комнату гору бумаг, которые мне предстояло прочесть после шести вечера, и открыл конверт с чеком. Сумма, стоявшая в нем, покрывала расходы на билеты, не включая посылки нескольких коробок с книгами. Остатка явно не хватало на квартирную плату и расходов на униформу, произведенных вчера вечером. Ну что же, это было все-таки лучше, чем ничего.

– Ну как? – в комнату снова заглянул Андрей.

– Вот, получил чек. – Я не проявил лишних эмоций.

– Сколько дали? – Андрей с жадным интересом приоткрыл рот, и глаза его заблестели. Я назвал сумму.

– Ну, прекрасно! – Он сложил губы трубочкой, от чего голос его приобрел бархатистый оттенок, надул щеки и начал разводить руками, показывая всем своим видом, что по отношению ко мне было только что произведено величайшее благо. – Поздравляю! Обязательно поблагодари Ефима за щедрость! И с тебя ресторан, у нас так принято. Надо всех пригласить, Леонида, Бориса, Петю...

– Да, неплохо, – я начал раздражаться. – Но почему собственно ты считаешь, что произошло что-то необыкновенное? Ведь эта сумма едва покрывает билеты...

– Ну знаешь, – Андрей надулся. – Пойми, ты не принес фирме еще никакой прибыли и кто знает, принесешь ли, а Ефим уже тебе платит деньги! И учти, все, что ты здесь получишь, тебе придется отрабатывать тяжелым трудом, так устроен капитализм. А насчет обеда договоримся. – Он снова исчез.

Я тщетно попытался сосредоточиться на загадочном ящике с надписью «Пусик», стоявшем передо мной, но в голову лезли бесконечные поучения, только что увиденный мной дружный коллектив, предстоящий дружеский ужин в ресторане в приятной компании и люди с бледными лицами, сидящие в соседней комнате...

– Привет! – за спиной у меня возник Андрей с невысоким худым мужчиной с сединой, острым, хитроватым лицом и пронзительным взглядом быстро бегающих глаз. От него исходила энергия, он на ходу пританцовывал, руки и ноги его подергивались в разные стороны как у бегуна перед стартом, готового броситься вперед. Казалось, он одновременно просчитывает несколько десятков ситуаций, как гроссмейстер на сеансе одновременной игры.

– Леонид, – он крепко пожал мою руку. – Ефим спрашивал, как у тебя успехи, что-нибудь удалось уже сделать? Нет? О’кей, посмотрим. Ну, как в Израиле? Интересно? Нам надо рвать вперед со всей силой. Будем работать вместе. Кстати, у нас в производстве не хватает рук. Работа несложная, надо настраивать образцы. Так что сегодня поучись, а с завтрашнего дня поможешь ребятам собирать машины. О’кей? Отлично! – он выпалил все это на лету, четко обрубая фразы, при этом совершенно не дожидаясь и не ожидая какой-либо моей реакции. – Уже снял квартиру? Не успел? Ну хорошо, еще поговорим.

Он, наконец, рванулся с места и вылетел из комнаты. Легкий ветерок мягко ударил меня в щеку. Леонид напоминал часовой механизм, сорвавшийся с пружин и сметающий все на своем пути.

– Леонид – великий инженер и наш вице-президент, – с обожанием сказал Андрей. – Он был лучшим инженером Союза, и ты не представляешь себе, сколько на нем держится... Вся компания! Он приезжает на работу в семь утра и уходит в одиннадцать вечера, а то и позже. Если бы он не гонял сотрудников, Пусик бы давно уже прогорел, а Леонид никому спуску не дает.

Я снова уставился в экран, но практически ничего не успел сделать, так как в комнату забежал Борис с горой толстых книг.

– Это описания, – раскаты его низкого громового голоса вошли в резонанс с какой-то железкой, и она завибрировала на высокой ноте. – Уже разобрался в чем-нибудь? Почему

не контролируешь выходные сигналы? Сейчас привезу осциллоскоп. – Он вывалил гору книг на стол, выбежал из комнаты и тут же появился с прибором, стоявшим на тележке с колесиками. – Так, – руки Бориса забегали с огромной скоростью, подключая ворох проводов ко внутренностям прибора, – сигнал отсюда, индекс, тактовый генератор, второй бит. Понятно? Теперь включаем специальный режим, – его руки снова залетали, нажимая на кнопки на панели прибора и время от времени давая команды на компьютере. – Готово! Дальше продолжай сам! – он удовлетворенно хрустнул пальцами и убежал.

«Ну и местечко... – думал я. – Никогда ничего подобного не видел!» Меня охватило отчаяние. Я влип, причем влип по своей воле. Из свободного, уверенного в себе, хотя бы и относительно, человека я каким-то неведомым образом превратился в раба, придаток серых ящиков с надписью «Пусик». Никому здесь не были нужны мои знания, звания и заслуги, вся моя предыдущая жизнь и карьера. И все это произошло в результате секундной слабости, малодушия. Я был сам в этом виноват, польстился на обещания золотых гор. Моя машина была мне, видите ли, мала и протекала! Ну и черт бы с ней, и протекала бы дальше, главное что ездила. А, может быть, еще не поздно убежать? Нет, эти деятели достанут из-под земли и заставят уплатить по счетам. Еще и Пусику надо деньги за прощенные долги отдать...

Про меня, казалось, все забыли. Я предавался своим мыслям в небольшой комнатке без окон, с мерно жужжащими приборами и чуть мерцающим люминесцентным освещением.

– Ефим, Ефим, вот он! – я не узнал этого голоса, лебезящего, тоненького и суетливого, и обернулся. За моей спиной стоял Ефим, в пиджаке и в белоснежной рубашке, с повязанным пестрым галстуком. Около него семенил Леонид, с которым произошла удивительная трансформация. Из помеси бегуна-марафонца и сорванной часовой пружины, он превратился в заискивающего маленького человечка со втянутыми плечами, наклоненной головой, подобострастной улыбкой и худыми тонкими ручками, сложенными на груди. – Вот, Ефим, приехал только что, – лепетал он. – Мы постарались его приодеть, привели в форму.

Ефим внимательно осмотрел меня снизу вверх, особенно его внимание привлекли лакированные новенькие кожаные туфли, узорчато испещренные маленькими дырочками. В туфлях отражался потолок и Леонид. Все молчали. Ефим уставился в блестящую поверхность моих туфель. Наконец оценивающий взгляд его скользнул вверх по полосатой рубашке, и на лице появилось ироничное и одновременно удовлетворенное выражение.

– Ну что же, неплохо, неплохо. Нормально долетел? Пойдем, пойдем, поговорим. – Ефим пригласил меня следовать за ним. Леонид на цыпочках следовал за нами.

– Ефим, – осторожно, словно боясь вызвать гнев, спросил Леонид, – ты хочешь, чтобы я присутствовал?

– Иди, работай. Ты мне не нужен. – Ефим лениво махнул рукой и Леонид мгновенно испарился.

– Идиоты, – раздраженно буркнул Ефим по-русски, то ли обращаясь ко мне, то ли высказывая вслух свои мысли. – Они думают, что они работают, бегают, что-то собирают, до ночи сидят! А какого черта они штаны просиживают, если в голове пусто. Правильно? Ты понимаешь, о чем я говорю? И Борис такой же. Он носится, скандалит, ты увидишь все это. Сегодня, например, пришел жаловаться, что рабочие в столовой кофе пьют. Ну и пусть пьют, раз они там сидят, значит, Леонид с Борисом виноваты, это они их не загружают. Когда люди работают, им некогда кофе пить! Правильно? Я уволю одного - двоих для порядку. Нет, не буду увольнять, я никого не выгоняю. Они сами уйдут. Я, может быть, тебя вместо Бориса поставлю. А что, там любой дурак справится, верно? Я думаю, ты не хуже его справишься. Да, поставлю тебя на его место!

– Ефим... – с ужасом произнес я.

– Листен, Листен, Листен, Листен! Не перебивай меня. Разберешься, не бог весть что мы тут делаем. Я понимаю, ты только что приехал, ты в шоке находишься. Я тоже, когда приехал, вообще думал, что жизнь кончилась. Я ничего не знал. Это я в России гением был, а здесь пришлось полы мыть. Ничего, со временем оказалось, что все те, кто мне

гениями казался, такие же идиоты, только хуже. – Ефим подошел к кофеварке и налил себе стакан кофе. – Боря жалуется, что они кофе пьют! Правильно. Они сидят и болтают по-русски. Я им запретил на русском в компании разговаривать, ведь что получается – они языка не знают. Как мелкая рыбешка, варятся в своей среде, уходят на дно. Пескари... В Одессе такие рыбки были, на Привозе, вяленые... Я так и сказал, купим хороший кофе, дорогие кофеварки, пусть пьют сколько угодно на рабочем месте. И пирожные закажем с коньяком. От этого много зависит, в хороших местах так полагается. Я хочу марку компании поддерживать! Понимаешь, из мелочей все складывается. Пусть жуют пирожные... – Ефим ухмыльнулся. – А Борису я врежу для острастки. –Ефим прошел в комнату и сел. – Ну что, как самочувствие? – спросил он, откидываясь на спинке стула.

– Ефим, прежде всего спасибо за деньги – начал я. – Я хочу вернуть вам ту сумму, которую вы мне выслали для уплаты долгов. – Я достал из кармана заготовленный пакет с хрустящими долларами.

– Хорошо, – он с удовольствием засунул пакет с деньгами к себе в карман. – Ты знаешь, я ведь сам оттуда сбежал. В трюме, они меня тоже не выпускали. У меня ведь спонсора не было... – он усмехнулся и посмотрел мне в глаза. – Да, не было, но там было хорошо, я однажды на минное поле забрел! Да, я о чем говорю, ты не обращай на них внимания, на Леонида, Бориса, Андрея. Они же идиоты, совки, приехали из России, не понимают ничего, что происходит вокруг. Конечно, они очень делу помогают, но и я их не обижаю. Так что ты будь независимым, работай спокойно. Мне не важно, если у тебя ничего не получится, уйдешь в другое место. Ну, конечно, если тебя просят помочь производству или в чем-то разобраться, это другое дело, здесь я их поддержу. Но будь понезависимее, ты понимаешь, о чем я говорю? А там посмотрим, может быть, я тебя во главе компании поставлю. Почему бы и нет? –Ефим затряс головой.

«Началось», – подумал я. Правда, частота и амплитуда встряхиваний была поменьше, чем у пожилой дамы, и быстро прекратилась, неожиданно направив мысли президента в другое русло.

– Главное, в России был какой-то дурацкий принцип недоносительства. Все всех покрывают. И у ребят это есть, еще не изжилось. Я о чем говорю, в Америке принято жаловаться друг на друга и это не считается чем-то предосудительным. Вот и ты, если видишь, что что-то не так, иди сразу ко мне и говори: «Ефим, Борис завалил дело».

При этих словах на лице у меня появилось, по-видимому, какая-то гримаса, что не прошло незамеченным.

– Ну что, что тебе не нравится? И ты тоже? Слушай, перестань, я тебя прошу! Пойми, это для дела полезно и ничего в этом такого нет! Это только в России считается, что стучать неприлично. Вот и доигрались со своими принципами до коммунистов и разрухи. Нет, ну конечно, доносить плохо, я ничего не говорю. Но для дела, если это важно и правда, я прошу тебя – не покрывай никого!

Ефим отхлебнул кофе и снова качнул головой. В результате мысли его снова потекли совершенно в другом направлении, как будто в голове его находился патефон, иголка которого при тряске попадала на различные звуковые дорожки.

– Я хочу другую компанию создать. Или научный центр, чтобы написано было «Ефим Пусик». Собрать сильных людей, дать им возможность поработать. Это важно, да, да, такое тщеславие возникает. Хочется как-то оставить о себе след. Куплю здание рядом с университетом в Литтл-Три, здесь не такое место, не научное. Там атмосфера особенная, это тоже важно. Поработай немного, у меня друзья, они мне нескольких крупных ученых рекомендовали. Создадим лабораторию, потрачу несколько миллионов, все равно с налогов списывать, может быть, туда уйдешь. Но пока надо тебе для компании поработать. Сходи в библиотеку, почитай статьи, может быть, что-нибудь предложишь. Ты знаешь, какие инженеры работали со мной здесь? Кретины! У них из каждого кармана торчало по калькулятору и ходили в желтых носках!

Я вспомнил, что уже слышал про желтые носки, но не подал виду.

– Так вот, продолжал Ефим. – Я уже тебя заболтал. Ты осмотрись, помоги ребятам. Я тебе денег дал, сдай на права, купи машину. Машину лучше новую купи, хорошую. Не жмись, не жадничай! Ты будешь в хорошей машине ездить, это приятно, настроение у

тебя будет хорошее, и работать будешь лучше. Это психология такая, все друг за друга цепляется, пирожные, машина, квартира. – Ефим увлеченно сцепил пальцы и продемонстрировал принцип зацепления. – Ты понимаешь, о чем я говорю? – и он пристально посмотрел на меня.

– Да, да! – поспешно сказал я. – Я очень хорошо понимаю. Бытие определяет сознание.

– Молодец, – Ефим удовлетворенно откинулся назад и улыбнулся. – Я сразу почувствовал, что с тобой проблем не будет, когда тебя увидел. Я вижу людей, знаешь, у меня интуиция. Мне достаточно издали человека увидеть и я чувствую, что у него внутри. И с приборами так же. Мне достаточно было подойти к прибору, и я точно знал, где у него проблема. Они все на меня молились... – Ефим неожиданно замолчал. – В коротких брюках и в желтых носках. Из карманов калькуляторы торчали и логарифмические линейки. Идиоты... Устроишься, снимешь квартиру. Да, сними хорошее что-нибудь, в центре Литтл-Три. Это прекрасное место, Андрей ведь там же живет, да? Ты знаешь, там атмосфера другая, университет рядом. Поэты на улицах читают стихи, музыканты, Нобелевские лауреаты. Я как-то зашел чашку кофе выпить, разговорился с соседом по столику. А он Нобелевскую премию по химии получил. Это приятно, совсем другая жизнь. – Ефим замолк, видимо углубившись в воспоминания. Лицо его на секунду помрачнело, он встрепенулся и снова начал трясти головой. – Там цены подороже, но я ребятам достаточно плачу денег. Так что сними квартиру, купи машину, семья приедет. И, – он пристально уставился мне в глаза, – срочно сходи к врачу. У Леонида узнай, у меня есть хороший врач, к нему все у нас ходят. Это надо сделать, пусть он тебя посмотрит, обследует. Обязательно сходи и как можно быстрее. А там посмотрим, что он скажет... Ну, что я тебя буду учить? Монолог окончен, у меня встреча назначена с адвокатом. – Ефим встал и махнул рукой, показывая, что я могу удалиться.

Я вышел из кабинета, слегка покачиваясь. Разговор с Ефимом одновременно обнадежил и запутал меня. Он, по сути, был иррациональным, и я даже не пытался анализировать происходящее. Главное, я понял, что мое текущее положение вроде бы было не очень страшным, особенно в свете приобретения новых кофеварок. При этом возникало чувство, что на самом деле все не так просто и мне не надо обольщаться.

«В конце концов, я здесь человек новый и не знаю местных особенностей,» – подумал я и немного успокоился. Перспективы, обрисованные Ефимом, слегка кружили голову.

Через несколько минут ко мне опять прибежал Андрей.

– Ну что, разговаривал? – с интересом спросил он.

– Да, все нормально, – я пристально посмотрел на него.

– Что рассказывал? – настойчиво продолжал допытываться Андрей.

– Предлагал создать научный центр, – нагло отпарировал я.

– А еще, на Бориса с Леней жаловался?

– Не то, чтобы жаловался, – я был осторожен, – больше мне советовал как себя вести.

– Ну ладненько, – Андрей немного успокоился, хотя явно что-то подозревал. – В выходные ведешь нас обедать, я уже столик заказал! Пожалуйста, скажи об этом всем.

Я неожиданно вспомнил, что сегодня ничего не ел. День пролетел как-то незаметно, и за окном уже стемнело. Вздохнув, я принялся перебирать многочисленные документы, из которых следовало, что мое тело и душа, а также все, что они производят, отныне принадлежат компании «Пусик». Ужасно хотелось спать, но сон на территории компании был запрещен. Время потянулось густым и медлительным потоком, как сироп.

– «Восемь, Девять, Десять,» – считал я часы, подписывая бесконечные юридические соглашения.

В начале одиннадцатого ко мне заглянул Борис. Он выглядел уставшим, рубашка его была мятой, а глаза отекшими.

– Поехали домой, – сказал он. – Много успел сделать?

– Кое в чем разобрался, – осторожно ответил я.

– Отлично! – он фальшиво взбодрился и взмахнул рукой. – Завтра продолжим!

На улице стрекотали цикады, и расстилалась чуть сладковатая вонь: ветер дул со стороны канализационной станции. Андрей тоже был весь как побитый. Мы залезли в машину.

– Ефим сегодня шумел, господа! – Борис сказал это по-русски, и я снова вздрогнул от этого неожиданного перехода. – Он предложил сократить перерыв для рабочих с пятнадцати до десяти минут и купить более дорогой кофе и несколько специальных кофеварок, чтобы делать «Эспрессо» с молоком. Еще он хочет, чтобы в кафетерии всегда были пирожные.

Я молчал, хотя всегда предпочитал черный кофе.

– Он ничего тебе не говорил? – Борис оглянулся на меня.

– Нет, в основном давал рекомендации, какую машину купить и прочее.

– Ты к ним прислушивайся. Он ничего не забывает, если он тебя о чем-то попросил, обязательно проверит. Андрей, завтра с Леонидом утром надо решить, что нам делать с генератором.

Я молчал. Ночь надвигалась на нас, на горизонте висела огромная желтая луна, и редкие фары встречных машин неслись нам навстречу. У меня до сих пор не было чувства, что все происходящее реально и я действительно сижу в машине, несущейся по автостраде за многие тысячи километров от Европейского материка и огромный черный холодный океан плещется за горами. При чем тут Борис, Ефим, инженеры в желтых носках, серые коробки с надписью «Пусик», пирожные, кофе с молоком, Америка и Россия, когда огромный шар несется в космической пустоте, вращаясь вокруг своей оси, и все мы, как крохотные микробы, копошимся на его поверхности, пытаясь устроить свои микроскопические жизни.

Я почувствовал, что эти два дня сильно меня изменили, и жизнь моя уже не будет такой, какой была до этого, когда казалось, что мир управляется рациональными законами физики, религии и экономики.

Глава 6.
Разговор у писсуара.

Следующий день начался точно так же, как и предыдущий, только за рулем на этот раз сидел Андрей. Уже на подъезде к фирме мы застряли среди огромного множества машин, передвигающихся со скоростью черепахи. Где-то впереди произошла авария, полицейские машины и скорые помощи с надрывными сиренами развозили тела, покрытые белыми простынями, и автострада была практически парализована. Посвежевший Борис, казалось, забыл обо мне и объяснял Андрею своим громовым голосом проблемы сборки управляющего модуля системы «Пусик». Я с тоской прислушивался к их разговору. Мы медленно ползли среди моря автомобилей, пока, наконец, не удалось свернуть в сторону. В результате, наше появление в компании произошло с опозданием на несколько минут.

Поднимаясь по лестнице, мы наткнулись на Ефима, который спускался нам навстречу. Лицо его было налито кровью.

– Доброе утро, Ефим! – сказал Борис.

Ефим ничего не ответил и прошел мимо. Андрей и Борис переглянулись.

– Что это с ним сегодня? – Андрей был удивлен. – Он никогда не приезжал в компанию раньше одиннадцати утра.

Мне отвели место в общей комнате, и я с ожесточением пытался понять основные принципы работы гениального устройства, разработанного Ефимом. Неожиданно это увлекательное занятие было прервано жутким криком. Кричал Ефим. Спина у меня похолодела, я никогда в жизни не слышал, чтобы кто-нибудь так кричал.

– К черту, негодяи, не желаю этого слышать! Убирайся отсюда! – и он вставил несколько непечатных слов. – Сколько можно терпеть, черт возьми!

Я осторожно повернул голову. Ефим орал на бородатого парня, которого я раньше не видел.

– Ефим, – пытался оправдываться парень, – я тут не при чем. – По языку сразу чувствовалось, что этот парень родился в Америке.

– Как это ты не при чем? – орал Ефим. – Уже неделю идут разговоры, и ничего не сделано. Где материалы, черт возьми! Где заказчики?

Я счел за лучшее отвернуться и не проявлять излишнего любопытства.

– Не кричите на меня, Ефим, – неожиданно тонким истеричным голоском запищал бородач, – это возмутительно!

– Я тебе сейчас покажу возмутительно! – взревел Ефим. Неожиданно раздался жуткий металлический грохот и наступила тишина. Мне стало жутко. Я снова осторожно повернулся, ожидая увидеть бородача с проломленной головой, лежащего в луже крови. Вместо этого я увидел один из приборов Пусика, лежащий на полу. Зеленоватые платы с пучками проводов валялись вокруг. Живой и невредимый бородач с красным, малиновым лицом тяжело сопел. Он собирал свои вещи, тщательно укладывая их в портфель. Поймав мой взгляд, бородач развел руками и вышел из комнаты.

– Вонючая, дерьмовая компания! – крикнул он сорванным тоненьким голоском и громко хлопнул дверью...

Сцена эта не выходила у меня из головы, и я с трудом заставил себя продолжать работать. Через некоторое время молодая девушка, работающая секретаршей, раздала всем сотрудникам по листку бумаги с большой размашистой подписью Пусика. На листке было написано:

Всем сотрудникам компании «Пусик».

1. В последнее время участились случаи опоздания сотрудников фирмы на работу. Сегодня ровно в девять часов утра более половины сотрудников отсутствовали на рабочих местах, что несовместимо с правилами компании.

С целью поддержания трудовой дисциплины с завтрашнего дня будет введен строгий контроль за временем прихода на работу. Любой сотрудник, покидающий помещение компании в рабочее время, должен иметь разрешение руководства. К нарушителям будут применяться финансовые санкции вплоть до увольнения.

2. Инженер Майкл Вильсон уволен за невыполнение возложенных на него функций и несогласие с указаниями президента компании.

Ефим Пусик, Президент.

Я встал и прошел в соседнюю комнату, в которой сидел Андрей.

– Ты рекомендовал узнавать у тебя о том, что случилось. – Я начал издалека, будучи неуверен в том, что Андрей в курсе последних событий.

– У Ефима потрясающее чутье. – Андрей был грустен и совершенно утратил свой важный начальственный вид. – Он как будто почувствовал, что сегодня на дороге будет пробка, и приехал в компанию рано утром. Впервые за несколько месяцев. Естественно, все опоздали, и его это привело в ярость.

– А что произошло с этим парнем с бородой?

– Он попался Ефиму под руку. Жалко, он был толковый инженер. Ефим решил послать его в Японию, а Майкл захотел лететь первым классом. Ефима это взбесило. А сегодня он наткнулся на опоздавшего Майкла, и началось...

– Леонид, Леонид, листен, листен! – вдруг раздался из-за двери рычащий голос. Я дернулся было в сторону, но бежать было уже некуда. В комнату вошел Ефим с раскрасневшимся сердитым лицом. Он шел впереди, напоминая быка на корриде и, казалось, сметал все на своем пути. За ним семенил Леонид, изредка забегая вперед и заглядывая Ефиму в лицо.

– Ефим, Ефим, – вставил он во время очередного маневра, – сегодня была на дороге огромная пробка, ты же знаешь, все опоздали. И я опоздал. У меня все сотрудники всегда приходят вовремя, можешь в любой день проверить!

– Слушай, прекрати это! – Ефим продолжал выходить из себя. – Ты опять всех покрываешь? Ничего не сделано, в системе дефекты, и тебе наплевать! Ты не в России, где можно было ни хрена не делать! Я хочу видеть планы, черт побери! Где эти чертовы планы, у тебя они есть?

– Ефим, – оправдывался Леонид, – новых планов у меня еще нет, но я их сегодня же тебе...

– Слушай! – голос Ефима взревел как паровоз, и он неожиданно перешел на русский. – Я прихожу в девять утра и что я вижу? Пусто! Я не заплачу никому зарплату, пусть знают! Ни одна сволочь в девять утра не стояла на сборке. Что они делают? Они бездельничают, кофе пьют, лясы точат! И это ты их распустил! Я с сегодняшнего дня вообще отменю перерывы. Тебе хочется пить, – налил стакан и иди на свое рабочее место! И что ты думаешь, я встречаю сегодня с утра Бориса, а он издевательски мне говорит: «Ефим, доброе утро!» – Ефим вдруг резким движением присел на корточки и расставил в сторону руки, лицо его сморщилось в страшной гримасе и глаза вылезли из орбит. – Вот так: «Доброе утро, Ефим!» Мать твою так! Издевается! И ты с ним заодно!

– Ефим! – униженно залепетал Леонид, забегая с другой стороны.

– Прекрати меня перебивать! Ты понимаешь, о чем я говорю? – Ефим выпрямился и совершенно неожиданно, как от толчка, успокоился. – Я же знаю, что люди до полуночи сидят, стараются, – спокойно, ровным голосом сказал он, – но порядок должен быть. Листен, Листен, Листен! Пусть все уходят домой в семь, в шесть часов, но в девять утра ты должен быть на рабочем месте! – он снова перешел на крик.

– Хорошо, хорошо Ефим, – повторял Леонид. Его маневры, напоминающие движения спутника по орбите земли закончились неудачей: во время очередного виража Ефим раздраженно повернулся и вышел из комнаты. Леонид по инерции описал полукруг и растерянно остановился. Он расправил плечи, вдруг как по мановению волшебной палочки снова стал похож не бегуна, лицо его прояснилось и приобрело выражение гладиатора, выходящего на арену Колизея. Он взял телефонную трубку и включил громкоговорящую связь.

– Алекс, Илья, Виктор – в сборочный цех! – рявкнул он голосом, не предвещавшим ничего хорошего. Леонид как-то неодобрительно посмотрел на меня, проходя мимо, и из-за угла донеслись его сердитые крики. – Чтобы с завтрашнего дня – ... в девять утра... замечу... не сдобровать! – доносилось до нас.

– Леонид сотрудникам вставляет, – с уважением заметил Андрей.

– А тебя разве это не касается? – спросил я с издевкой. Андрей пожал плечами и склонился над огромным чертежом.

Я вернулся на свое место и попытался осмыслить происходящее. Руки у меня слегка дрожали. Все происходящее было совершенно непривычным и непохожим на виденное до сих пор.

– Как дела? – вдруг раздался голос из-за спины. Ефим подкрался совершенно бесшумно. – Ты слышал, наверное, как я кричал, – продолжал он, – не обращай внимания. Тебя это не касается. По крайней мере, пока, – добавил он с ухмылкой. – Иногда на меня находит, и я не могу себя сдержать. Извини, я понимаю, что с непривычки это неприятно. Ты знаешь, это довольно редко бывает, не чаще чем раз в две недели, просто тебе не повезло. – Он пристальным и изучающим взглядом посмотрел на меня.

– Конечно, Ефим, я понимаю, – я старался не смотреть Ефиму в глаза. – Раз в две недели это совсем не страшно, я понимаю, если бы это происходило каждый день, тогда совсем другое дело.

– Да? Ты так считаешь? – Ефим как-то подозрительно посмотрел на меня, резко повернулся и, ничего не сказав, ушел.

Я вдруг вспомнил, что сегодня пятница, и почувствовал всплеск радости в связи с приближением выходных. Этот симптом был для меня нов, в прежней жизни мне обычно хотелось ходить на работу.

Близилось время обеда, и я зашел в кафетерий. В большой комнате стояли три длинных стола. Во главе одного из них сидел Борис и Пусиковская элита, включая Игоря, Петю и нескольких работающих в компании коренных американцев. Борис посматривал в газету и громко излагал свои взгляды на недавнюю победу республиканцев в региональных выборах.

Второй стол делили между собой китайцы, что-то оживленно обсуждающие между собой на непривычно чирикающем языке, и мексиканцы, грассирующая речь которых вызывала в памяти испанских грандов, Дон Кихота и конквистадоров.

Третий стол был занят бывшими докторами наук и секретными специалистами по ракетной технике. Они тихо разговаривали по-русски. Сбежавший из Парижа профессор в рубашке с пятном на животе был слегка небрит и громко засасывал вермишель, политую томатным соусом. Соус разбрызгивался, и брюшко бывшего профессора было покрыто мелкими кровавыми пятнышками. Я прислушался. Пусиковские пролетарии с наслаждением вспоминали свои прошлые мытарства с починкой автомобилей в Москве.

– Я приезжаю на автосервис в Каховке, который Жигули обслуживал, – воодушевленно, с горящими глазами, рассказывал чернявый заведующий

лабораторией, – а слесарь мне говорит: гони сто рублей. А сто рублей тогда целым состоянием были. А я его и спрашиваю: за что целый стольник?

Компания завороженно слушала. Я огляделся. Места были только за «русским» столом.

– Привет! – сказал я и подсел к компании. Чернявый завлаб вдруг замолчал, наступила тишина, и стол уставился на меня.

– Добро пожаловать, – седой бледный мужчина в очках с втянутыми плечами произнес это с некоторым удивлением, и наступила тишина, нарушаемая только громкими неприличными звуками втягиваемой вермишели, производимыми ракетным профессором. Я почувствовал, что нарушил какие-то правила внутреннего этикета, и принялся жевать свой бутерброд, с трудом проталкивая его внутрь из-за возникшего чувства неловкости.

Наступил вечер. Компания Пусика жужжала, как разворошенный палкой улей. То и дело по громкоговорителю раздавался сердитый голос Леонида, требующий к себе все новых и новых сотрудников. После каждого такого объявления он с грохотом бросал трубку. Мимо меня носились сотрудники с озабоченными лицами, иногда целеустремленно пробегали Борис с пачкой дисков и Леонид с разложенными схемами, которые он читал на бегу.

– Кстати, – Леонид неожиданно остановился и со строгим выражением лица посмотрел на меня, – Ефим тебя уже посылал к врачу?

– Да, он говорил вчера что-то... – я смутился.

– Вот тебе талончик, – он достал из нагрудного кармана маленькую карточку. – Я уже ему позвонил и все уладил. Доктор Пиндераст, он тебя примет во вторник в восемь пятнадцать утра. И не вздумай откручиваться, Ефим к этому относится очень серьезно. – Леонид приобрел совершенно грозный вид. – Да, имей в виду, прием будет стоить около трехсот пятидесяти долларов, а доктор Пиндераст берет только наличными, так что заранее сними деньги со счета.

– Простите, Леонид, – испуганно спросил я, – а зачем мне собственно идти к врачу? Я вроде бы здоров и недавно проходил осмотр...

– Дело в том, – в глазах у Леонида появилось какое-то неуловимое скользкое выражение, и он отвел взгляд в сторону, – что Ефим очень доверяет именно этому врачу. Да и потом у нас в компании сложилась такая традиция, все через него проходят... Так что не вздумай увиливать в сторону, у нас был один такой инцидент несколько лет назад, и я не завидую сейчас этому человеку...

Я с испугом начал прислушиваться к своим внутренним ощущениям. Прохладный огонек в груди все так же мерно горел, но в животе периодически поднималось странное покалывание, перемещающееся из области желудка вверх и немного вбок. Раньше я этого покалывания не замечал и постепенно начал убеждаться в мысли, что нахожусь на грани серьезного заболевания и визит к доктору мне просто необходим. Тут пробежал мимо с многозначительным выражением лица Андрей и бросил на ходу:

– Первый выговор! Зачем ты к русским за обедом подсел? Борис был возмущен. Имей в виду, каждая такая мелочь учитывается, и у начальства зубик вырастет еще на миллиметр. Миллиметр, еще, глядишь - зубик и вырос! Смотри, Ефиму пожалуются. Да, имей в виду, бездельник, завтра все будем работать. Леонид распорядился. Кстати, в восемь вечера ты всех ведешь в ресторан, надеюсь, не забыл?

Покалывание в боку неожиданно исчезло. Я встал и с тяжелым вздохом пошел в туалет. Спасения не было и там. У белоснежного писсуара, широко расставив, ноги стоял Ефим и энергично мочился. Рядом с ним в почтительном полупоклоне с развернутым чертежом склонился седовласый джентельмен, которого я видел во время своего первого визита к Пусику.

– Да, да Ефим! – говорил он, как мне показалось, заглядывая в писсуар.

– Ты понял, о чем я говорю? – спрашивал Ефим, продолжая справлять потребности.

– Хорошо, я просверлю две дырки и все проверю.

– Листен, Листен, Листен! – Ефим начал орать и всплеснул руками, на секунду отвлекшись от писсуара. По-видимому, этот жест создал для него некоторые неудобства, так как он судорожно вернулся к исходной позе. – Вначале проверь, а потом просверли! Ты понял? Мы уже целый год с этими дырками возимся. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да, конечно Ефим, все понял, – по-военному ответил господин.

– Вот и хорошо, что понял. Иди и не показывайся мне на глаза. – Ефим застегнул ширинку и подошел к умывальнику. Господин следовал за ним примерно на полтора шага позади, дождался, пока Ефим ополоснет руки, и почтительно вышел из туалета.

Я остался один и посмотрел в зеркало. Оттуда на меня глядел всклокоченный небритый тип с безумными глазами. Мне вдруг показалось, что стены поплыли в стороны и я схожу с ума.

Глава 7.
Дружеский ужин в Правильном месте.

Ранним, хмурым субботним утром, по пустынным автострадам к едва заметному в тумане зданию «Пусика» подтягивалось его невыспавшееся, одушевленное наполнение. Леонид, как всегда, уже с раннего утра находился на посту. Его непосредственные подчиненные боялись вызвать гнев своего начальника и тоже старались приехать пораньше. Андрей был хмур и немного помят, зато Борис выделялся показным оптимизмом и наигранной бодростью. По случаю выходных он проявлял демократизм и был одет в просторную майку, кроссовки и джинсы.

День начался как обычно, с бесконечных вызовов по громкоговорящей связи и оживленной беготни действующих лиц, держащих в руках аксессуары их профессиональной деятельности: папки с бумагами, провода или детали. О том, что был выходной, напоминала только неформальная одежда пробегающих мимо действующих лиц. Как ни удивительно, атмосфера вокруг была деловая, будто отсутствие полосатых рубах сразу сняло с людей оковы и освободило их души. Это начинало нравиться, и я впервые за прошедшие несколько дней, почувствовал желание работать.

Общая картина того, чем занималась компания Пусика, хотя и смутная и во многом неясная в мелких деталях, начинала постепенно вырисовываться в моем сознании. Я уже не обращал внимания ни на кричащий динамик, ни на бегающих вокруг меня людей, и с каким-то мазохистским увлечением решал различные задачки. В каком-то смысле это даже напоминало творческий процесс познания природы: я что-то менял в стоящей передо мной серой коробке с зеленой лампочкой, внутри ее послушно замыкались и размыкались электронные цепи, цифры появлялись на экране компьютера. Время летело быстро, как никогда, и я подумал о том, что долгие рабочие дни, судя по всему, неизбежно предстоящие мне в здании Пусика, можно попытаться сделать интересными, если немного напрячь серое вещество.

Единственным, что портило мое настроение, был предстоящий визит в ресторан. Я чувствовал по этому поводу некоторую неловкость и плохо объяснимое беспокойство.

По случаю выходных и званого вечера, работа закончилась довольно рано. В начале восьмого у Андрея начали собираться приглашенные. Пришли Петя и Игорь с супругами, которых я видел впервые. По случаю события, скрашивающего их однообразную жизнь, женщины были накрашены и одеты в шуршащие платья с блестками.

Супруга Пети напоминала дородную казачью атаманшу, у которой почему-то отобрали саблю, накрасили и нарядили вместо штанов с голенищами в вечернее платье, совершенно не сочетающееся с ее внешностью. Она излучала непоколебимую уверенность в прочности бытия, плоти и благосостояния. На жену Игоря я не обратил особого внимания. Если не считать бросающегося в глаза толстого слоя косметики и длинного платья, она ничем не отличалась от сотен усталых, начинающих вянуть женщин в московском метро, одетых в дерматиновые потертые плащи, стоптанные сапоги и возвращающихся в свое Медведково после работы, держа в руках пузатые авоськи с продуктами, завернутыми в грубую серую бумагу.

Ждали Леонида. Он должен был подъехать с минуты на минуту. Женщины, явно радуясь случаю, радостно чирикали о своем.

Наконец подошел Борис с супругой. Жена вице-президента была похожа на румянную, радушную украинскую хозяйку, готовую вот-вот подать гостям наваристый борщ с чесноком и горилку. При этом она держалась с достоинством светской дамы, подобающим ее положению, и вежливо раскланивалась с окружающими.

Через несколько минут подкатил и Леонид, как всегда энергичный и суетливый.

– Привет, все в сборе? – энергично закричал он с порога. – Знакомьтесь, кто еще не знаком, это Валечка!

Валечка была небольшой, суховатой, по виду явно умной женщиной, с острыми, въедливыми глазами. Она сразу же впилась взглядом в наряды дам, тщательно оценивая туалеты. На ее остром личике появилась целая гамма эмоций. Она явно на ходу выносила суждения, далеко не всегда благоприятные для окружающих.

– Это вы новенький? – спросила она меня, одновременно тщательно изучая, и протянула руку. Я пожал ее, рука была сухой и неожиданно сильной. – Ой, как же мы рады, что вы приехали! – неестественно, с деревенскими интонациями вскрикнула она. Таким голосом в русских мультфильмах обычно озвучивали лису, забравшуюся в курятник. Валя снова посмотрела на меня острым оценивающим взглядом, от которого в деревнях скисало молоко, и я поежился.

– Ну что, решили, куда идем? – бодро осведомился Леонид.

Все задумались и начали называть незнакомые мне названия местных заведений общественного питания.

– Нет, нет, нет! – Леонид был настроен решительно. – Я знаю одно правильное место, мне его показал Ефим.

– Правильное? – с восторгом переспросил Андрей, и глаза его загорелись.

– Объясни своему другу, что такое правильные места. – Леонид не дал Андрею открыть рот и обратился ко мне. – Привыкай, здесь магазины, рестораны и все остальное делятся на две категории: правильные и неправильные. Пользоваться надо правильными местами, хотя они могут быть гораздо дороже неправильных. Неправильные заведения не для нас!

– А что вы называете правильными местами? – я был заинтригован.

– Ну, например, ты идешь в дорогой магазин одежды, к тебе кидаются, примеряют, предлагают варианты. Это приятно. Я когда сюда приехал, этого вначале не понимал, вроде бы всюду продаются почти одни и те же вещи. Но поживешь здесь и начнешь различать: эти туфли из правильного магазина, они в несколько раз дороже, а этот галстук из неправильного. То же и с ресторанами, так что мы сейчас пойдем в правильное место.

Правильным местом, в котором по слухам любил обедать Ефим, был экзотический восточный ресторан, в котором подавали сырую рыбу и национальные блюда. Внутри действительно было красиво, били разноцветные фонтаны, в которых плавали чудовищных размеров золотые рыбки, во льду среди зелени и лимонов лежали бывшие обитатели морских глубин, с ужасом глядя своими застывшими рыбьими глазами на толпу ввалившихся двуногих посетителей, которые в ближайшем будущем собирались их съесть.

Цены в правильном месте были внушительными, но все же не настолько космическими, как этого можно было бы ожидать. Я с некоторым облегчением отметил про себя, что это место, видимо, все-таки не вполне правильное. В абсолютно правильных местах блюда доставляли самолетами на заказ с других континентов, и ужин обходился в тысячи долларов.

Леонид был здесь, видимо, знатоком, так как быстро и со знанием дела заказал разнообразных морских тварей. Разнесли пиво и пряную горячую водку с дымящейся закуской, и сотрудники «Пусика» оживились и зашумели.

– Тише, тише! – Леонид поднялся и взял в руки рюмку. – Мы здесь собрались не без повода. Вот этот человек, – и он показал на меня, – вливается в наш дружный коллектив. Если вы знаете, Ефим лично его пригласил. – Леонид сделал многозначительную паузу. – Поэтому я предлагаю выпить за то, чтобы мы хорошо вместе работали.

Компания оживилась, подняв рюмки.

– За работу! За успех фирмы!

– За будущие успехи, которых пока нет, – строго сказал Борис и холодными глазами посмотрел мне в лицо. Внутри у меня что-то неприятно екнуло. Я выпил, и горячая волна пряной жидкости протекла по груди и наполнила жаром щеки.

Водка и экзотические морские гады развязали языки. Разгорячившаяся компания подробно объясняла мне основы правильной жизни в Америке.

– Когда Ефим послал нас отдыхать на Гавайи, мы остановились в правильной гостинице, – важно излагал Андрей.

– В каком смысле послал? – удивленно спросил я.

– Он нам выдал на Рождество специальную премию с условием, что мы всем дружным коллективом поедем отдыхать на Гавайи, – с достоинством объяснил Леонид.

– Ой, девочки, как там было здорово! – сладким голосом вставила Валя.

– Так и сказал, кто не поедет, премии не получит! – Андрей приобрел таинственное и многозначительное выражение лица, свидетельствующее о его принадлежности к узкой группе особо приближенных к Ефиму лиц. – Мы тогда сняли целый многоквартирный дом на берегу океана, четыре просторные комнаты и огромный открытый балкон, выходящий на пляж. Утром встаешь и бежишь купаться. Мне достаточно было только посмотреть на этих туристов, мыкающихся в многоэтажных гостиницах, чтобы понять, что мы поселились в правильном месте!

– Фу, Андрюша, не напоминай мне про них, – Валя поморщилась.

– Да, ребята, это было здорово! – Леонид довольно укусил что-то длинное, белое и скользкое. – А какие там красоты под водой, когда с аквалангом плаваешь. Так и надо жить!

– Ефим потом прилетел на два дня, специально посмотреть, как мы устроились, – Андрей надул щеки, – и, я вам скажу, – голос его приобрел бархатный оттенок, и он утвердительно покачал головой, – он остался доволен! Так и сказал: «Молодцы, правильное место!»

Жена Игоря с жадным интересом смотрела на беседующих, слегка приоткрыв рот и ловя каждое сказанное ими слово.

– Или взять, например, продукты, – продолжал Андрей. – Казалось бы, здесь во всех магазинах все одинаковое. Но нет, когда я в первый раз зашел в правильный магазин... – Он важно надулся и сделал многозначительную паузу. – Это небо и земля. Там каждая клубничка, каждый огурец завернут отдельно и лежит на своем месте... Я был шокирован!

– Правильно, – поддержал его Леонид, – ты там теперь все покупаешь?

– Конечно, – Андрея, казалось, оскорбила сама мысль о том, что он может покупать огурцы в обычном магазине.

– А мясо? – вступила в беседу казачья атаманша, плоское лицо которой при этом оживилось и впервые за вечер выразило какие-то эмоции. – Я никогда такого вкусного мяса не ела. А купишь то же мясо в обычном супермаркете, и никакого сравнения нет!

– Кстати, я недавно видела жену Вадима, она покупала дешевое мясо в оптовом магазине! – возмутилась тихая завядшая женщина из метро, которой не хватало авоськи. На ее бледном лице загорелся негодующий румянец.

– Да ты что? – атаманша была шокирована. – Они так жмутся во всем, даже противно. Нет, я понимаю, что у ее мужа маленькая зарплата, но нельзя же себя так не уважать! Я ей говорила, что мясо надо покупать только в правильных местах, а она юлит! Мне говорит: «Да, да, Ирочка, конечно, я куплю», а сама - по дешевке норовит!

– А ты специально сходи к ней в квартиру и проверь, что у нее в холодильнике, – продолжала жительница Медведково. – А что такого? Спроси, где мясо купила, пусть ей стыдно будет! – В глазах у нее горел огонь собственной правоты и превосходства.

– Совсем себя не уважают, – поморщилась Валя.

– Да, она, между прочим, в старье ходит, и машина у них не новая. А ребенок в школу в таких туфлях пришел, я чуть со стыда не провалилась! Совсем люди совести не имеют! – атаманша была возмущена до глубины души и никак не могла успокоиться.

– Ох, девочки, – Валя подхватила тему. – А магазины одежды? Я ни разу не смогла себя заставить даже подойти к дешевым магазинам. Достаточно на витрины посмотреть, чтобы увидеть разницу.

Жена Леонида почему-то пристально, с презрительной улыбкой рассматривала платье казачьей атаманши. Та сразу же почувствовала ее взгляд, с испугом посмотрела себе на

грудь, ожидая увидеть там какое-нибудь грязное пятно, такового не обнаружила и, поняв, что презрительная улыбка относится к ее туалету, постепенно начала волноваться.

– Это же для нищих! – Валя поморщилась. – Мне кажется, если я зайду в такой магазин, я уже не смогу себя потом уважать.

– Ну, одежда на самом деле всюду почти одинаковая, – глухо прогудела атаманша. – А вот мясо действительно разное.

– Да что это ты такое говоришь? – Валя презрительно посмотрела на нее. – Я теперь даже в дорогих магазинах ничего не покупаю, у меня все только от дизайнеров. Ко мне знакомая из Москвы заезжала, все хотела подешевле купить. Я ей сказала: «Милочка, извини, я тебя к магазину подвезу, но сама внутрь заходить не буду!».

– И что, даже не зашла? – атаманша была явно сбита с толку.

– И не подумала! Сидела в машине. – Валя злорадно усмехнулась, и глаза ее блеснули презрением.

Борис в это время вещал, объясняя жующей мужской компании, почему они, собственно, могут себе позволить собраться за таким столом.

– Имейте в виду, – грохотал он суровым басом. – Времена, когда наша фирма преуспевает, не вечны, и могут закончиться в любой момент, стоит хотя бы одному из нас расслабиться и потерять бдительность. – Тут он многозначительно посмотрел на меня. – Пока что у нас конкурентов нет, но достаточно одного-двух человек, разлагающих коллектив, и нам конец. Это как гангрена. Почему коммуняги диссидентов сажали в лагеря? Да потому, что хотя и были они идиоты, но понимали, что достаточно одному микробу в обществе завестись и пошло-поехало!

– Правильно говоришь! – одобрительно рявкнул Леонид. – Мы не для того здесь собрались, чтобы оказаться в неудачниках.

Петя и Игорь, как будто загипнотизированные, смотрели на начальство, Андрей, чуть приоткрыв рот, кивал. Щупальце осьминога застыло в воздухе, недонесенное до рта, и ожидало окончания тирады, чтобы быть пережеванным проверенным членом доблестного коллектива.

– Вы легко можете увидеть, до чего доходят американцы, особенно демократы. Республиканцы – те нормальные ребята. – Борис увлекся. – Зайдите в любую соседнюю компанию, там же социализм, профсоюзы, экскурсии, только что продовольственных заказов нет. Пять вечера, и их с работы как рукой сдуло. И что же, все эти компании социалистические лопаются, как мыльные пузыри. Выживают сильнейшие, крепкие, – и он сжал мускулистый кулак. – Вот так вот надо народ держать, тогда будет толк!

– Кстати, – вступил в разговор Леонид, – я такое место недавно откопал! Закачаешься. Здесь недалеко, отличный тир. Можно выбирать любое оружие, хочешь полуавтоматическую винтовку, хочешь револьвер, а можно и автомат!

– Автомат? – Борис оживился. – Это здорово, поехали туда сразу после ужина. А по каким мишеням они стреляют?

– Ну, у них два стрельбища. Из револьвера можно стрелять по стандартным мишеням, с кружками. А из автомата у них выстроены фигуры с разметкой. Надо прямо в сердце метить.

– Отлично! – Борис резко взмахнул рукой. – Игорь, Петя, поедете? Присоединяйтесь, это здорово! Я тут тоже отличное место разыскал. Такой зал с лабиринтами, пластиковыми горами, туннелями. Тебе выдают лазерные пистолеты и вешают на тебя фотоэлементы. Если в тебя попадает луч лазера, ты убит. Играющие разбиваются на команды и надо друг друга как можно быстрее перестрелять. Отлично! – он увлекся и раскраснелся от переживаний. – В прошлый раз мы выиграли, я быстро перебегал и уложил пять человек из другой команды! – У Бориса запотели очки, и он снял и протер их салфеткой. – Колоссальное удовольствие - и всего за десять долларов!

– Надо сходить, – Леонид довольно потер руки. – Я в таком месте еще не был.

– Ну, вы хоть расскажите нам про Израиль! – ко мне обращалась дама с авоськой, видимо исчерпавшая местные сплетни и мясо-молочную тему. Я обратил внимание на то, что у нее сильно накрашены щеки и ресницы. – Чего, неужели там всех в армию призывают?

– А что делать? – неопределенно ответил я.

– И девушек тоже? Кошмар! Какая-то военная диктатура, – она с презрением поморщилась, и это меня задело.

– Понимаете, обстановка там сложная, каждые несколько лет войны, а населения всего несколько миллионов, – начал объяснять я.

– Ну, а чего вы все время воюете? Что вам не сидится?

– Ну, это сложная история, – я чувствовал, что мои слова не играют в этом разговоре никакой роли.

– Потому что не надо было вообще это государство создавать. Вы чего хотели, отберете чужие земли у людей и тихо будет? Фига с два, сами виноваты! – агрессивно сказала жительница Медведково и положила ногу на ногу. Платье задралось, и я вдруг заметил, что ее ноги покрыты густыми длинными черными волосами.

– Ну, согласись, – вступил в разговор Андрей, – у арабов, да и у всех народов есть, где жить: у русских, у индусов, у англичан. Надо же и евреям иметь свой дом...

Я был удивлен этим сионистским пассажем, нетипичным для Андрея. К происходящему диалогу с каким-то хищным полуоскалом-полуулыбкой прислушивался Борис.

– Зато евреи всюду живут! – парировала дама. – Где их только нет, и в России, и в Америке. У них весь мир как дом. Да что там, ты на себя посмотри! – она победоносно усмехнулась и наморщила носик, довольная своей логикой.

Я смотрел на маленький плоский лобик этой, быть может, когда-то милой женщины и совершенно не хотел ничего ей объяснять и вообще участвовать в этом разговоре. Дама без авоськи только что проглотила какого-то моллюска и явно прочно стояла на ногах. От окружающего мира ее охранял непробиваемый панцирь, содержащий отрывки из программы «Время», усвоенные в молодости. Ей повезло. Она больше не ездила в метро и жила мирной, обеспеченной и комфортабельной жизнью вдали от родины, на земле, когда-то принадлежавшей истребленным индейцам. Судя по всему, это ее вполне устраивало. Из своей маленькой скорлупки она считала себя вправе выносить приговоры не только своим соседкам, посещающим неправильные магазины, но и далеким, никогда не виданным ей людям и целым странам.

– Эх, у меня родственники там, – вдруг мечтательно сказал Леонид. Надо как-нибудь съездить, посмотреть, как они живут, да все времени нет!

Званый ужин подходил к концу. Мне пожелали производственных успехов.

– Так ты понял про правильные места? – оптимистично осведомился Леонид. – Учти, как ты себя поставишь, так и будет. И Ефим очень это в людях отмечает. Если ты держишь себя подобающе, живешь на широкую ногу, то и к тебе отношение соответствующее. А если жмешься, квартиру подешевле ищешь, в дешевые магазины на распродажи ходишь, то повышения и успешной карьеры не жди! Так что поддерживай марку, ну и работать постарайся получше, конечно. – Он залез в машину.

На улице было прохладно, и дул ветерок, пахнущий морем и водорослями.

– В тир, граждане, в тир! – Борис был оживлен в предвкушении стрельбы. – Да, завтра с утра в церковь, господа! Не забудьте! – Он с усмешкой и немного снисходительно посмотрел на меня. – А вы с Андреем, если хотите, можете сходить в синагогу, у нас в Америке демократия!

Глава 8.
Жить надо в Литтл-Три.

Мне снился кошмар. Я опять лежал в маленькой комнате на скрипящей постели, притащенной со склада. На соседней кровати сопел малыш и безмятежно спала жена. Было абсолютно темно. Я включил свет, лампочка загорелась, но настолько слабо, что даже ее саму с трудом было видно в непроглядной черноте. Я всматривался в спираль лампочки и с трудом находил ее, растерянно щелкая выключателем и каждый раз убеждаясь, что она светится все слабее и слабее, почти сливаясь с темнотой. Где-то высоко в небе ревел самолет, и я вдруг понял, что это не самолет, а ракета, советская ракета, сделанная послушными бледными людьми из почтового ящика.

Рев все раздавался, и я явственно увидел слякотный зимний день, голые деревья вдоль шоссе, обочины, чуть прикрытые грязным тающим снегом и прогалины, покрытые жухлой прошлогодней травой, подкатывающий дребезжащий автобус с трясущимся двигателем, чихающий и воняющий бензином, потухшую, невыспавшуюся женщину, сидящую на дерматиновом сиденье среди сонных сослуживцев. За окном тянулись серые обочины и маленькие домишки. Автобус въехал в бетонную коробку завода, и люди начали методично присоединять, прикручивать детали к продолговатой, металлической блестящей сигаре, несущей смерть.

Эта женщина, она думала о маленьком, пускающем слюни ребенке в изорванных застиранных колготках и с русым пушком на голове, о молоке, которое надо купить, о ползунках и теплом аромате сладкой каши на крохотной кухоньке с засаленными стенами, покрытыми грязно-зеленой масляной краской...

Сигара летит на нас, начиненная смертоносным газом... Что же я делаю, ведь слышна уже далекая, чуть различимая запоздавшая сирена. – «Проснитесь!» – хотел крикнуть я, но не мог произнести ни звука. Раздались пугающие звуки недалеких взрывов, и вдруг дом тряхнуло, и от грохота заболели барабанные перепонки, и я услышал гадкое шипение. Я попытался вскочить, но ноги и руки замерли, как гири, и я не мог пошевелиться. – «Не спите!» – пронеслось в мозгу, скорее, надо одеть противогаз, ребенку, чтобы он его не срывал, – аккуратно, если его резко разбудить, он его сорвет, нужно время, противогаз, вот он в коробке, здесь, рядом. – Жуткое бессилие и отчаяние овладели мной. Я снова попытался крикнуть, но во рту стало горько и противно. «Все, поздно!» – с холодным бесстрастием подумал я, и тут же проснулся.

На пустой предрассветной улице громыхала машина, собирающая мусорные баки. Я лежал молча, наслаждаясь невинными звуками жизни, стыдливо пытающейся ликвидировать разлагающиеся пластиковые пакеты, забитые объедками, пустыми консервными банками и яркими рекламами, призывающими срочно купить удешевленное средство для отбеливания унитазов. Металлическое скрежетание мусорных баков казалось мне райской тишиной, но во рту стоял какой-то горький привкус, и я с опаской вспомнил вчерашний ужин. Некоторое время я прислушивался к ощущениям в своем желудке, но, по-видимому, сырые обитатели моря каким-то чудом были усвоены организмом. Это было явным подтверждением тезиса о правильных и неправильных местах.

Андрей еще спал, но утренняя газета уже лежала около двери. Мне предстояло заниматься поисками квартиры. «Little Tree Weekly» было написано на газете и, видимо, с целью иллюстрации, на первой странице было нарисовано рахитичное деревце с раскидистыми ветвями.

По преданию, лет триста назад, группа первопроходцев, истребляющих мирных и немного заторможенных местных индейцев, заблудилась в поисках океана. Путешествуя по долине, они наткнулись на поле, посередине которого стояло крохотное деревце, и разбили поблизости лагерь. Деревце это, скорее всего, было ими же и срублено, но, тем не менее, вошло в историю.

Центр Литтл-Три состоял из улицы, длиной примерно в километр, застроенной магазинами и ресторанчиками. Улица упиралась в ворота знаменитого университета, что придавало городку особую атмосферу, которую, правда, почувствовать можно было разве что вечером в выходные, когда по аллее бродили толпы студентов и в кафе сидели хорошо одетые люди. По обеим сторонам улицы тянулись жилые районы, довольно аккуратные и неправдоподобно дорогие. Центральная улица тянулась еще пару миль и упиралась в восточный Литтл-Три.

В восточной части города жила только черная беднота. Если оценивать по количеству убийств на душу населения, это место было самым опасным в Америке. Андрей убеждал меня, что обитатели Восточного города практически не заходят в его западную часть, но уже в один из первых вечеров к нам в дверь постучал худой грустный негр и попросил денег.

Обитатели Восточного Литтл-Три частенько тянулись по центральной улице с колясками, набитыми какими-то лохмотьями, копались в мусорных ящиках престижного города, поедая объедки, и просили милостыню на перекрестках. Как ни удивительно, если верить официальной статистике, западный Литтл-Три был абсолютно безопасным местом, что наглядно доказывало тезис о том, что я находился в стране контрастов.

В самом центре Литтл-Три жили свои постоянные городские сумасшедшие, правда, довольно безобидные. Один из них каждый день стоял на центральном перекрестке в плавках, в черных очках, с наушниками и, балансируя на одной ноге, делал вид, что регулирует уличное движение. Другой, довольно пожилой мужчина, день и ночь торчал около знаменитого кафе, завывая на непонятном языке, строя рожи, высовывая изо рта белый, несвежий язык и заглядывая в глаза прохожим.

Университетская, интеллигентная атмосфера чувствовалась также и в разнообразных удивительных событиях, часто происходивших в этом маленьком городке. Как-то раз я был удивлен, увидев машины с полицейскими, вооруженными какими-то палками и веревками. Полицейские внимательно осматривали большие и маленькие деревья. Оказалось, что один из чудаковатых профессоров решил завести у себя дома редкую и крайне ядовитую африканскую змею, забыл закрыть клетку, и бедная тварь, озверевшая от непривычной зелени и прохлады, мгновенно убежала, вернее, уползла и скорее всего скрывалась в ветвях одного из городских парков. Жителям Литтл-Три также почему-то рекомендовали в эти дни не пользоваться унитазами, так как ядовитая гадина, по слухам, могла проникнуть в городскую канализационную сеть.

Я открыл страницу, посвященную объявлениям о съеме жилья. «Маленькая уютная студия в викторианском стиле. Только девушкам, желательно студенткам». Это мне не подходило. «Двухкомнатная квартира, гараж, бассейн», – я встрепенулся, но заметил маленькую приписку: «без детей». «Роскошная, просторная, недалеко от центра» – я увидел цену и пришел в ужас. За один месяц проживания в этой квартире мне пришлось бы отдать всю сумму аванса, выписанную мне Ефимом. «Маленькая, уютная из двух комнат». Цена была такой же, как и та, которую платил Андрей. Я посмотрел на адрес, по понятиям компании Пусика место было правильным. Это обнадеживало, и я тихо оделся и вышел на улицу.

Идти пришлось всего несколько минут. Заветный домик был маленьким и довольно непритязательным, но это меня не очень смущало. «Менеджер» – было написано на двери. Я нажал на звонок.

Из-за двери появилось недовольное лицо пожилого китайца. Он подозрительно посмотрел на меня.

– Я по объявлению в газете, – начал я.

– Русский? – спросил китаец.

– Да, – начал я, – я ...

– У Пусика работаешь? – оборвал он меня.

– Да, откуда вы знаете?

– Здесь все его знают. Все дома его сотрудниками забиты. У тебя дети есть?

– Есть, сыну шесть лет.

– Иди, гуляй! – грубо сказал китаец. – У меня жила одна русская семья с детьми, и больше их здесь не будет!

Он громко захлопнул дверь. Я стоял как оплеванный, не понимая, что произошло. Делать было нечего, я вернулся домой и принялся снова изучать газету. Как ни странно, в центре Литтл-Три больше не сдавалось ничего подходящего, зато газета пестрела заманчивыми предложениями жилья в соседних, неправильных районах.

– Ты с ума сошел! – с возмущением воскликнул Андрей, когда я рассказал ему о результатах своих поисков. – О том, чтобы жить в пригородах Литтл-Три, не может быть и речи! Ефим же тебе напрямую сказал, что жить надо в центре Литтл-Три!

– Ну нет, он, насколько я понял, не был столь категорично настроен, – оправдывался я. – И потом, это ведь тоже Литтл-Три и всего десять минут отсюда.

– Я сказал «нет»! – Андрей нахмурился. – Я по-хорошему тебе советую сделать так, как сказал Ефим. Ведь ты хочешь, чтобы к тебе на работе хорошо относились, продвигали...Тебе же Леонид вчера все объяснил!

– Но что же мне сделать, если в центре Литтл-Три почти нет свободного жилья, а моя семья скоро должна приехать. Ведь не можем же мы жить у тебя!

– Ничего, если очень стараться, обязательно что-нибудь найдешь. В конце концов, снимешь очень дорогую квартиру или будете жить у меня. Если только Ефим узнает, что ты осмелился его ослушаться...

Я возмутился. Никогда в жизни никто не диктовал мне условий того, где и как жить. К тому же районы, находящиеся в нескольких минутах от центра Литтл-Три, гораздо более подходили для жизни. Маленькие, уютные домики располагались среди высоких деревьев, и от этого пейзажа будто исходил какой-то покой.

– Это черт знает что! – вскричал я. – Меня не интересует, что и как считает Ефим, и он и все вы мне осточертели. Эта компания какое-то ненормальное, сумасшедшее место, и какого черта ты меня сюда рекомендовал? Тебе что, скучно было?

– Ах вот ты как заговорил! – Андрей явно обиделся. – Тебя силком сюда никто не тащил, ты сам согласился на уговоры Ефима. А возмущаться я тебе не советую. Здесь у многих длинные языки, и до Ефима это обязательно дойдет. Вот у нас работает Виктор, он тоже возмущался, что его заставляют жить в Литтл Три. И что же? Когда мы сделали новую систему, все получили очень крупные премии, а он ничего! Так и сидит на своей крохотной зарплате.

– Мне плевать на вас всех, я возвращаюсь! – Я в ярости хлопнул дверью.

– И объяснишь всем в Израиле, что ты неудачник и что Америка не по твоим зубам! – донеслось из комнаты.

Я шел по зеленым улочкам, и ярость слепила мне глаза. Все окружающее было мне ненавистно, как и я сам. – «Идиот, кретин, тупица! – корил я себя. – Сам себя посадил в тюрьму. Бред какой-то, дурдом.»

Я шел все дальше и дальше, куда глаза глядят, пересек огромное зеленое поле и, сам того не замечая, оказался на территории университета. На зеленых лужайках валялись молодые ребята в джинсах, целовались с девушками, читали тетрадки, играли в волейбол. Группа волосатых, раздетых до пояса парней упражнялась в игре на тамтамах, и глухие, ритмичные удары заставляли вибрировать сердце и перекачивали кровь по жилам.

Впереди возвышалась арка с прохладной и темной колоннадой. Мои шаги отдавались гулким эхом, и я почувствовал, что начинаю успокаиваться. За колоннадой открылась площадь, покрытая разноцветной каменной плиткой, а за ней - часовня изумительной красоты с золотой мозаикой. На мозаике Иисус Христос что-то объяснял ученикам на фоне столь знакомого мне восточного пейзажа. Я осмотрелся. Местность была божественно красива. – «Правильное место.» – машинально отметил я, усваивая местный лексикон . – «Черт с ними со всеми, попытаюсь найти что-нибудь в Литтл-Три,» – подумал я и пошел назад.

Поиски оказались весьма сложными. Я каждый день покупал газеты и просматривал повторяющиеся из номера в номер объявления. Хотя цены были очень высокими, на

каждое мало-мальски разумное место находились десятки желающих. По воскресеньям я отправлялся в походы по окрестностям, надеясь увидеть заветное объявление «Сдается». Все было тщетно. Наконец, в один из вечеров я заглянул в газету и не мог поверить своим глазам: сдавалась квартира с гаражом и бассейном и всего на сто долларов дороже, чем квартира Андрея! Я кинулся к телефону и дрожащими руками набрал номер.

На другом конце линии довольно долго раздавались длинные гудки, потом трубку сняли, и я услышал старческий голос, отвечающий на каком-то непонятном языке. «Но, Но» – только и могла ответить старушка. Я был в отчаянии, когда неожиданно трубку взял мужчина и ответил мне по-английски.

– Я по объявлению, – начал я, ожидая услышать обычный отказ.

– А вы долго собираетесь там жить? Мы хотим сдать эту квартиру только на длительный срок.

– Я сниму ее надолго, – радостно крикнул я. – Учтите, что у меня ребенок шести лет.

– Прекрасно, приходите в воскресенье в одиннадцать утра. – И он назвал мне адрес.

Я не верил долгожданной удаче и с трудом дождался выходных. Разыскав дом, я не мог поверить своим глазам. Квартира находилась в одном из двух многоэтажных и явно очень дорогих домов, построенных в Литтл-Три. В дом вела красивая тенистая аллея, по обеим сторонам которой возвышались высокие ели. В просторном, уставленном диванами и коврами холле, охраняемом сигнализацией, сидел служитель в ливрее, распахнувший мне дверь. Я поднялся на лифте на десятый этаж. Квартира превзошла всякие ожидания. Она была просторной, светлой, прилично отделанной, с огромным застекленным балконом, с которого открывался вид на самый центр Литтл-Три. Хозяин куда-то торопился, и мы сразу же подписали договор. «Наслаждайтесь этим райским уголком,» – со странной усмешкой сказал он и исчез.

Я стоял посередине пустой комнаты, держа в руках прохладные и позвякивающие ключи и не мог поверить своей удаче. Прекрасный, добротный и явно дорогой дом. За такую цену в Литтл-Три обычно предлагали гораздо худшие варианты... – «Стойте-ка! Что это за усмешка была на лице у хозяина? Здесь что-то не так!» – Неожиданно у меня возникло страшное подозрение, что в квартире скрывается какой-то жуткий дефект, например, с кухни ползут тараканы, а в кладовке каждое лето выводятся малярийные комары. Я с подозрением начал щелкать всеми выключателями, спускать воду в унитазах, открывать и закрывать двери. Внешне все было в порядке, но беспокойство не оставляло меня.

Я открыл дверь и от неожиданности вздрогнул. Напротив моей двери стояла древняя старушка, с ужасающе худыми руками, покрытыми сморщенной дряблой кожей, с распущенными седыми волосами. Она была одета в длинную ночную рубашку, волочившуюся по полу.

– Дорогой мой, – сказала старушка, – я знаю, вы новый жилец?

– Да, – в недоумении ответил я.

– Будьте добры, молодой человек, я так боюсь. Вы знаете, совсем недалеко от нашего дома проходит глубокий овраг.

– Да? – я был удивлен и мечтал скрыться в своем новом жилище.

– Я так боюсь, что когда пойдут дожди, овраг может размыть, и наш дом упадет. Я уже несколько ночей не могу спать! – Она сложила худые руки на груди и неожиданно пошатнулась и потеряла равновесие. Я поддержал ее за локоть.

– Спасибо, дорогой. – Старушка облокотилась о стену. – Правда прекрасный цветочек? – и она с любовью посмотрела на горшок с каким-то растением, стоящий на резном столике в стиле «Ампир». – Я очень расстраиваюсь, когда этот цветочек отодвигают с середины столика. Кто-то все время его сдвигает. Вы не видели, кто?

– Нет, нет, не видел.

– Мне так нравится здесь наверху. – Старушке явно хотелось поговорить. – Здесь совершенно нет муравьев и пчел и этих противных, безобразных птиц!

Неожиданно отворилась еще одна дверь и в коридор выглянула еще одна старушка с кудрявыми седыми локонами. Она была маленькая, сухонькая, с бегающими живыми глазками и, видимо, немного моложе моей собеседницы.

– Дорогая моя, – вскричала она. – А я слышу, что вы с кем-то разговариваете. – Ах, ах, молодой человек, очень приятно, очень-очень приятно. Вы из шестой квартиры, видите, как я угадала. Вы знаете, в ней все время сменяются жильцы, вот уже двадцать пять лет мы с Марией за этим наблюдаем. Перед вами здесь жила такая распутная девушка, фу! – кудрявый старенький ангел начал строить гримасы. – Нам было очень интересно за ней наблюдать, к ней все время приходили какие-то мужчины. Мы все обратились к управляющему с просьбой ее выселить. Ну, я надеюсь, вы не будете приводить сюда девушек? – и она с интересом заглянула мне в лицо.

– Нет, нет, что вы, я женат, у меня скоро приедет жена. – Я не знал куда деться

– Ох, такой молодой и уже женаты. У вас акцент, вы из Европы? А я сегодня пойду на седьмой этаж на вечеринку, – и она кокетливо улыбнулась. – Миссис Грин сегодня исполняется сто десять лет! Это для нас всех большой праздник. Хорошо, что вы сюда вселились. Вы знаете, в этой квартире очень многие жильцы умерли, такое странное место. Как только кто-нибудь вселяется, так вскоре приезжает скорая помощь, и его увозят, и вскоре вселяется новый жилец. Ужасно интересно!

Мне стало не по себе.

– Извините, у меня срочные дела, – сказал я и захлопнул за собой дверь. Теперь я видел эту квартиру в совсем другом свете. Мне стало жутко – тени многочисленных умерших жильцов, казалось, населяют пустое пространство салона и спален. «Чертовщина какая-то!» – подумал я и тряхнул головой. Встречаться с любопытными старушками мне больше не хотелось, и я осторожно приоткрыл дверь в коридор и убедился, что престарелые одуванчики разошлись по своим комнатам.

«Что это, дом престарелых?» – думал я, выходя из лифта. К моему ужасу, в холле стояла еще одна живая мумия, судя по виду ей было все сто двадцать.

– Где мои деньги? – с гневом стонала она. – Я имею право знать, где мои деньги! – Мумия пыталась взмахнуть тростью и ударить мужчину лет пятидесяти с брезгливым и неприветливым лицом. Тот ловко избегал ударов.

– Успокойтесь, госпожа Уилкер, – говорил он. – Вы забыли о том, что деньги были уплачены почти что пять лет назад. Уже пять лет прошло, в этом году вы ничего еще не платили!

– Жулики, – кричала старуха. – Верните мне деньги! Я все помню как вчера.

– Ирэн, – обратился мужчина к строгого вида даме, сидевшей за перегородкой. – Может быть, вы сможете объяснить ей, что к чему. Мистер... – он поглядел на меня. – Я менеджер этого здания, Ник. Нам необходимо поговорить. – На лице у него вдруг появилось выражение брезгливости.

Мы прошли в его комнату.

– Насколько я понимаю, – начал Ник, – вы сняли квартиру на десятом этаже. К сожалению, ваш хозяин нарушает порядок, установленный в этом здании. Вы, наверное, уже обратили внимание на то, что дом этот не совсем обычный...

– Да, – осторожно ответил я.

– Мой долг и обязанность ознакомить вас с правилами внутреннего распорядка. Прошу иметь в виду, что правила эти необходимо строжайшим образом соблюдать. В противном случае мы будем вынуждены рассмотреть ваше поведение на собрании домового комитета. Вы понимаете? – Он с брезгливой гримасой посмотрел на меня.

– Да, конечно, не волнуйтесь, мы не создадим вам никаких неудобств. – Я чувствовал себя не в своей тарелке.

– Наш дом, – Ник многозначительно посмотрел на меня, – является объединением владельцев кондоминиумов и управляется двенадцатью комитетами жильцов, избираемых тайным голосованием на ежегодном общем собрании членов дома. – Он поморщился и достал толстую пачку бумаг. – Комитеты самоуправления состоят из комитета по

безопасности здания, комитета по хозяйственным вопросам, комитета по управлению двориком, комитета по гаражу, комитета по социальным вопросам, комитета по финансовым вопросам ... – голос его поднимался и опускался, а пухлый палец следовал по листам бумаги. – Прошу вас срочно ознакомиться с распорядком и расписаться. Вами займется комитет по социальному приему новых жильцов. Вообще-то у нас принято не принимать никого в дом до знакомства с ним ведущих членов комитетов и обсуждения кандидатуры на общем собрании комитетов. Но ваш хозяин грубо игнорирует наши правила. Что поделать, мы не можем лишить его частной собственности и надеемся, что вы поймете всю ответственность сложившейся ситуации. – Ник поджал губы и внимательно смотрел на меня. – Учтите, – продолжил он. – Жильцы нашего дома люди в основном пожилые, поэтому вы не имеете права шуметь. Хочу отметить, что шуметь запрещается не только вечером, но и во время тихого часа. Вы не имеете права никого приводить в дом без тщательной проверки его личности и записи в книгу посетителей. Особо обратите внимание на ...– и он назвал какой-то незнакомый мне термин, напоминающий по своему произношению «Манай».– Вот наши правила по уходу за манаем. – Он достал из шкафа толстенное руководство и торжественно вручил его мне. – Прошу вас привести ко мне вашу жену и ребенка в первый же день их приезда, так как я обязан их проинструктировать. – Ник снова брезгливо сморщился, словно в ожидании предстоящего инструктажа.

Я с трудом дотащил до лифта гору бумаг, которую предстояло изучать. За время разговора с менеджером на стене лифта появилось объявление. Первым пунктом было извещение о смерти жильца с пятого этажа и выражение соболезнований его жене. Вторым пунктом было поздравление миссис Грин с седьмого этажа по поводу ее ста десятилетия. В третьем пункте жильцов дома извещали о моем появлении на десятом этаже и информировали о своевременном проведении со мной инструктажа и проявленном мной понимании традиций дома и правил внутреннего распорядка, которыми так гордятся жильцы.

Я вошел в квартиру и бросил ненавистную пачку бумаг на пол. В руках у меня остался только тоненький циркуляр, заинтриговавший меня частым упоминанием непонятного слова «Манай».

«Манай», – прочел я, – является важным и неотъемлемым архитектурным элементом здания, обеспечивающим его устойчивость, гармоничность и безопасность. По решению домового комитета объединения владельцев Кондоминиумов города Литтл-Три, манай объявляется предметом особой ценности и заботы жильцов. Комитет просит жильцов дома, в случае возникновения проблем с манаем, немедленно извещать администрацию и полицию города Литтл-Три. Запрещается: красить манай, просверливать дырки в манае, затыкать манай материей, препятствующей выполнению манаем своей важной функции...»

Я с ужасом захлопнул руководство. Самое интересное, что слова этого я так и не нашел ни в одном словаре, а спрашивать у Ника, что это такое, было неудобно...

На улице стемнело. Я подошел к застекленному окну. Внизу открывался вид на вечерний Литтл-Три. Вдалеке мигали красные лампочки маяков на вершинах лысых выжженных гор, над которыми, как светлячки, сновали десятки самолетов. Поближе к дому шумели деревья, и переливалось море огней. Далеко внизу по улице ходили люди, проезжали автомобили, и бурлила ярко освещенная центральная улица. Она стрелой уходила в темноту и терялась среди далеких огоньков где-то в восточной части города. Я приоткрыл окно, и в комнату ворвался свежий ночной воздух.

«Бух» – неожиданно громыхнуло вдалеке и я увидел вспышку. «Бух» – раздалось снова. В восточном секторе явно происходила перестрелка, совершенно обычное дело по вечерам. Практически каждый день, начиная часов с десяти вечера, оттуда доносились глухие раскаты. По выходным разборки обычно активизировались.

«Бух–Бух–Бух–Бух–Бух» – раздалась ответная очередь. Некоторое время на улице было тихо, затем снова полыхнул огонь, и донеслось эхо выстрела.

«Отстреливается,» – понял я. «БухБухБухБухБух» – на этот раз очередь была особенно ожесточенной, и наступила тишина. По-видимому, одним обитателем Восточного Литтл-

Три стало меньше. Словно в подтверждение этих мыслей, раздался вой сирен, и по центральной улице пронеслись полицейские машины. Стены квартиры озарились голубыми отблесками мигалок. Через пару минут снова раздался вой сирен, только на этот раз мигалки были ярко-красными, и по улице в обратную сторону прокатили несколько машин скорой помощи. Они неслись в знаменитый медицинский центр, расположенный в не менее знаменитом университете.

Я шестым чувством понял, что буду наблюдать эту картину каждый вечер и должен привыкнуть к вою сирен и блеску маячков. Начало самостоятельной жизни в Литтл-Три было весьма многообещающим.

На следующий день я рассказал Андрею о своей удаче, умолчав, впрочем, об оживленных старушках и неприветливом управляющем. Не прошло и получаса, как у меня на столе зазвонил телефон.

– Алло? – я вслушивался в шумы, и вдруг откуда-то издалека ворвался голос Ефима.

– Молодец, – Ефим говорил по-русски. – Это Ефим, не узнал меня? Плохо слышно, да? Это я из машины звоню. Мне Леонид только что рассказал, что ты квартиру снял в многоэтажном доме. Молодец, всем им нос утер! Я этот дом знаю, когда-то хотел там несколько квартир купить. Отличное место, тихое и дом солидный, со швейцаром, не то что они все в курятниках ютятся. Я Леониду сказал, пусть придет с женой, посмотрит, как люди живут! Молодец! Я тебе со следующего месяца зарплату повышу, чтобы было чем за квартиру платить, скомпенсирую. Ни в чем не стесняйся, понял?

– Да, Ефим, да, спасибо! – я был потрясен таким поворотом событий.

– Ничего, все нормально! – Ефим был радостен. – Всем им фигу показал. А Леня мудак! Ну что он живет в своем сарае? Ему давно уже пора дом покупать, снимает черт его знает что! Я приеду квартиру твою посмотреть, пустишь меня?

– Да, да, конечно Ефим, о чем Вы говорите!

– Молодец, молодец! Поздравляю, хорошо начал! – Ефим повесил трубку.

Через минуту у моего места появился униженно-смирный Леонид. Его вид заставил меня предположить, что сидящая внутри него часовая пружина полностью сорвалась с винтиков и раскрутилась до конца.

– Ефим с тобой говорил? – спросил он одновременно утверждающе и заискивающе. – Ты знаешь, он просил меня посмотреть на твою квартиру. Поехали прямо сейчас, я жену подхвачу. О кей? Ты молодец, он очень хорошо отзывался о твоем выборе. – Леонид вызвал Андрея и снова преобразился. – Мы сейчас уедем. – решительным тоном сказал он. – По приказанию Ефима... А ты не давай спуску людям, проконтролируй, чтобы работали получше.

Мы вышли на улицу и сели в машину. Леонида будто подменили. Он был воплощением приветливости, с интересом расспрашивал меня о моей предыдущей работе, жизни в Израиле, а также рассказывал о себе.

– Надо тебе постараться хорошо работать, – мягко, по-отечески объяснял он. – Ефим это в людях очень уважает, да и компании будет полезно.

Мы подобрали Валю, со странным завистливым блеском в глазах посмотревшую на меня, и подъехали к легендарному зданию. – «Где же у него манай?» – подумал я. У входа в дом полный негр в ливрее запихивал в огромный Кадиллак старичка на инвалидной коляске. Коляска была автоматической, и старичок, нажимая на кнопки, игриво пытался удрать и пускал слюни.

– Ну, ты молодец, – Валя говорила неестественным, сладковатым и даже слегка упавшим голосом. – Какой балкон огромный, а какой вид! Правильное место. – Она с завистью оглядела салон, и мне стало не по себе.

– Да, хорошая квартира и дом отличный. А вид-то какой! Правильное место, правда, Валюша? – Леонид оживленно бегал по пустым комнатам. Неожиданно у него в кармане зазвонил переносной телефон. – Да, да Ефим, мы уже на квартире, да смотрим. Дом? Нет, еще не купили. Нашел дом? Отлично, сейчас выезжаем. – Он оторопело посмотрел на меня.

– Ефим? – с любопытством спросила Валя.

– Да, Валюша. – Леонид был слегка напуган. – Ефим нам дом присмотрел. Сейчас его покупать поедем.

Я с интересом думал о неисповедимых путях судьбы. Не проработав в компании и двух недель, я неведомым образом был приобщен Ефимом к местной элите, возвышен над двумя вице-президентами, получил прибавку к зарплате и поселился в престижном месте. Достаточно было снять квартиру в другом доме, и кто знает, как обернулась бы моя дальнейшая жизнь...

Я вышел на лестницу и заметил, как щелочка в двери, за которой жил курчавый старенький ангел, торопливо захлопнулась. Мне вдруг захотелось заткнуть манай тряпкой и просверлить в нем огромную дырку.

Глава 9.
Вселенная Пусика.

Мягкие и настойчивые указания Ефима по поводу средства передвижения, гармонирующего с образом скромного сотрудника фирмы Пусика, явно входили в противоречие с тайными мыслями о скромном подержанном американском автомобиле, кое-как собранном расслабленными американскими пролетариями на умирающих автомобильных гигантах лет эдак пять-семь назад. С другой стороны, постоянные мытарства с ремонтом и заделыванием дыр в старой машине и определенно позитивный опыт со съемом квартиры в Литтл-Три подсказывали, что мое положение в компании отнюдь не укрепится, если я осмелюсь приехать на работу в подержанном Олдсмобиле или Шевроле.

Дождавшись ближайших выходных, я направился в автомобильный магазин. В просторном, застекленном здании автомобильного салона болтался мужичок довольно-таки заштатного вида, в вытертом темно-коричневом пиджачке и с постоянно бегающими глазками. Торопливо протирая тряпочкой полированные поверхности выставленных на продажу автомобилей, он напоминал бывшего сельского механизатора из южного колхоза.

«Как удивительно похожи бывают люди,» – подумал я и уже было начал проводить мысленные аналогии между представителями различных стран и народов, занимающихся приблизительно одинакового рода деятельностью, как моего сопровождающего позвали к телефону.

– Грэг, первая линия! – при этих словах мужичок засуетился и подбежал к телефону.

– Машенька, – сказал он на чистом русском языке. – Тетя Фаня уже приехала? Хорошо, Машенька, я все понял.

Мое стройное теоретическое построение, объединяющее свойства различных стран, континентов и народов, в ту же минуту рухнуло, как карточный домик.

Мужичок повесил трубку, посмотрел на меня и решительно направился в мою сторону.

– Чем могу помочь? – профессионально начал он, к моему удивлению, на почти что чистом английском.

Меня долго учили правилам обращения с продавцами автомобилей, торгам, сбиванию цен, но вся эта премудрая наука мгновенно вылетела из головы, когда мой взгляд встретился с чуть жуликоватыми, бегающими глазками бывшего механизатора.

– Да вот, присматриваюсь к машинам. – Я ответил по-русски.

–Дружок, заходи, заходи, мы тебе все сделаем в лучшем виде, – у Гриши обнаружился украинский, немного сладковатый акцент. – Видишь, как удачно, что ты на меня набрел, а ведь кто другой мог бы и надуть. Вот, например, прекрасная машина. – Он напыжился и с важным видом начал перечислять количество цилиндров, объем двигателя и прочие достоинства блестящего средства передвижения. – Для тебя сделаем хорошую скидку, ты не волнуйся, у Гриши дело в шляпе! Видишь цену на листочке? Да? Так вот, считай, что я тебе персонально снял тысячу долларов. Давно приехал?

– Недавно, – уклончиво ответил я.

– Есть работа?

– Да, устроился.

– А как ты на работу ездишь?

– На юг по автостраде, затем налево.

– А потом налево или направо? – подозрительно спросил он.

– Налево, – с содроганием в душе ответил я.

– У Пусика, значит, работаешь. – На лице у Гриши появилось мечтательное выражение. – Я работал у Ефима почти два года.

При этих словах мне стало нехорошо. Похоже, что от Ефима было некуда деться. Его знали решительно все, от домовладельцев до продавцов автомобилей.

На днях я разговорился в овощном отделе магазина с пожилой женщиной, покупавшей зеленый лук и капусту. Она оказалась русской и, кончено же, спросила о моей работе.

– Я работаю у Пусика, – гордо ответил я.

– Жуткое место, жуткое! Кошмар! – содрогнулась дама, поспешно толкнула свою коляску и исчезла среди стеллажей с помидорами и картошкой...

Даже Литтл-Три, казалось, был забит Пусиковцами, так что жить в этом милом, в общем-то, городке становилось уже просто противно. Жены сотрудников гуляли на детских площадках, обсуждая продвижение их мужей по службе и присматриваясь к содержимому холодильников и к одежде подруг и их детей. Они сталкивались в магазинах, а в выходные на центральной улице было решительно невозможно пройти, не встретив нескольких коллег по службе. Иногда хотелось бросить все и уехать в восточную часть города, из которой регулярно по вечерам продолжали раздаваться звуки перестрелок.

– Я всех у Пусика знаю, – продолжал Гриша с южным акцентом. – И Леню, и Бориса, и Витю. Знаешь Витю, он еще профессором в Москве был? А мне у Ефима хорошо было работать, только неинтересно, вот я и ушел. Я ведь раньше механиком в совхозе «Ильичевский» был. – При этих словах я чуть не подпрыгнул и начал уважать свои физиогномические способности. – Не слышал про такой совхоз? На Ставрополе. Миллионер, одних комбайнов было четыре десятка, тракторов, машин видимо-невидимо! И я всего этого парка начальником был! – его щеки покраснели от важности. – Я ведь всегда машины любил, еще мальчишкой из «Огонька» картинки вырезал, коллекционировал. И вот здесь получаю, понимаешь, удовольствие. Бери, отличная машина, чудо техники.

Машина действительно была хороша. Я зажмурил глаза и ринулся в омут.

– Хочешь, в рассрочку бери, – бывший механизатор был настойчив. – Будешь платить чепуху, ну двести-триста долларов в месяц, а через два года нам машину отдашь или сможешь выкупить. Сейчас мы тебе все посчитаем, я для Пусика и его ребят все обделаю!

Гриша вернулся с бойким смазливым смугловатым американцем, напоминающим гангстера из боевиков пятидесятых годов. Волосы его были по старомодному напомажены какой-то блестящей гадостью, рукава белой рубашки были завернуты до локтей, причем на одной руке я с испугом увидел татуировку, изображающую половой акт женщины с огромного размера кроликом, судя по картинке, до крайности возбужденным. С наполовину расстегнутого воротничка у начинающего гангстера свисал галстук чрезвычайно яркой расцветки, разукрашенный пальмами, крокодилами, кокосовыми орехами и еще какой-то пестрой дрянью. В зубах он держал потушенную сигарету.

– Поздравляю! – он схватил мою руку и начал ее трясти. – Вы заплатите сейчас три тысячи пятьсот долларов и будете платить еще триста шестьдесят долларов в месяц - и машина ваша! Это колоссальная сделка, мы просто-таки прогораем на этом, можно сказать, торгуем себе в убыток.

– А сколько нужно будет доплатить, чтобы выкупить машину через два года? – осторожно спросил я.

– Да, чепуху, – гангстер достал из-за уха тупой огрызок карандаша и, пыхтя потушенным окурком, начал что-то выводить на обрывке старого конверта. – Примерно восемнадцать тысяч триста двадцать семь долларов.

Я пришел в совершеннейший ужас. Только что названная цифра значительно превышала исходную стоимость нового автомобиля.

– Соглашайся, не думай даже! – прошипел около уха Гриша – Ты что, отличные условия, нигде лучше не купишь!

– Секундочку, секундочку! – я напряг начинавшие выветриваться из моей головы математические способности и попытался вывести условия платежа при самых худших

процентах. – Здесь что-то не так! В самом худшем случае я должен заплатить гораздо меньше чем эта сумма!

Чернявый гангстер помрачнел. Он посмотрел на обрывок конверта, снова что-то написал тупым карандашом, потом посмотрел на Гришу. – Сейчас бухгалтерия все проверит, – процедил он, – все будет «О кей».

– Замечательная машина, – продолжал восхищаться Гриша, пока моложавый гангстер ушел подсчитывать доходы и убытки. – Лучше не придумаешь! Окна открываются, двери запираются, а какие у нее тормоза!

Обладатель напомаженных волос и пестрого галстука вскоре вернулся с ворохом бумаг. На этот раз цена автомобиля была правильной.

– Подпиши вот здесь, и вот здесь, а вот это означает, что на твоей машине сейчас восемьдесят миль на счетчике, а эта бумажка для регистрации, а эта для страховки, подпиши, что мы помоем для тебя машину, подпиши, что ты все понял, а теперь здесь, здесь, здесь...

– Подписывай, подписывай! – шипел Гриша.

– Секундочку, – я с удивлением увидел, что общая сумма, проставленная в договоре, явно превышает ту, о которой мы только что договаривались.

– Ну ты же не понимаешь, – Гриша театрально пожал плечами, – они же тебе посчитали финансирование. А ты будешь брать ссуду под маленький процент, и сумма платежей получится гораздо меньше!

Я глубоко вздохнул и подписал свой приговор.

– Молодец, – Гриша был доволен. – Ты знаешь, когда я уходил от Пусика, мы очень хорошо с ним поговорили. И ты знаешь, что он мне сказал на прощание? – он надулся и выпятил вперед грудь – «Гришенька, – сказал он, – когда мне нужно будет ограбить банк, я возьму с собой тебя!»

Что-то будто оборвалось у меня внутри при этих словах. Я еще не знал, как именно, но понял, что меня надули.

Машина, впрочем, была действительно хороша. Приехав домой, я вооружился калькулятором и накинулся на многочисленные бумаги, только что подписанные мной в магазине. Все вроде бы было правильно, но в стороне от стройного столбика цифр стояла какая-то странная графа: «Дополнительные услуги» и около нее сумма в полторы тысячи долларов, пропечатанная бледными цифрами и как-то неровно. Я снова взял калькулятор. Гриша меня явно надул, финансирование было совершенно не при чем.

Стоило мне снова появиться в магазине, Гриша поправил пиджак и, избегая моего взгляда, попытался скрыться в одной из комнат.

– Гришенька, – ласково позвал я. – Получается какое-то недоразумение. Я Ефиму пожалуюсь!

– Я даже не знаю, о чем ты говоришь! – Гриша перешел в наступление. – Купил машину и катайся, что ты меня от дела отрываешь.

– Гришуля, а что это за полторы тысячи?

– Ну, это мы тебе машину помыли.

– За такие деньги я ее сам помою!

– Пропылесосили! – Гриша явно начинал ощущать нехватку аргументов и цеплялся за те немногие из них, которые еще как-то могли меня урезонить. Он начал постепенно пятиться.

– Короче, или ты меняешь мой договор, или это для тебя плохо закончится!

– Сейчас, сейчас с тобой поговорят! – он выскочил наконец в комнатушку и захлопнул передо мной дверь.

Из холла на меня вышел высокий, солидного вида американец в белой рубашке с галстуком, жующий жевательную резинку. Он напоминал техасского полисмена, и для полноты картины ему не хватало только ковбойской шляпы и кольта.

– Чем могу помочь? – он был корректен и беспристрастен.

Я попытался объяснить ему ситуацию.

– Видишь ли, – он лениво развалился на кресле. – Договор ты подписал, и уже никто не докажет, что ты не согласился на эти лишние полторы тысячи. Мой тебе совет, бери машину, поезжай отдыхать, развейся. Приходи к нам через недельку, как раз начальник финансового отдела вернется из отпуска, вот тогда мы с тобой и разберемся.

– Я никуда не пойду, пока мне не изменят договор! – Я схватил бумагу и в совершенно советских манерах начал писать заявление. – Я требую, чтобы представитель магазина расписался на этой бумаге!

Бывший полисмен явно был поставлен в тупик, не ожидая такого поворота событий. Он не предполагал, что перед ним сидит человек, прошедший советскую бюрократическую школу и израильскую закалку.

– Ну, – он медлил, не зная, что делать, – вообще-то мы ничего никогда не подписываем.

– Тогда я немедленно отвожу это письмо в полицию, копию в газету и в компанию, владеющую вашим магазином!

– Ну зачем же так, – на лице у продавца появилось неожиданно ласковое выражение. – Мы все уладим, сейчас я поговорю с хозяином.

Через минуту он вернулся с радостной улыбкой.

– Мы так хотим, чтобы вы были довольны! Вообще-то это против правил, но в вашем конкретном случае мы решили пойти вам навстречу...

Когда я выходил из здания, из маленького прохода выскочил Григорий с жалкой, заискивающей улыбкой.

– Вот видишь, как удачно все получилось, – пролепетал он, – Я же говорил, для тебя и Ефима все сделаю, что от меня зависит!

На улице было солнечно. По расположенной рядом улице катились блестящие автомобили. В них сидели молодые и старые женщины, студенты, бизнесмены, профессора из расположенного рядом университета. Они жили в своей стране, в своем упорядоченном и привычном мире среди дорог, рядов аккуратных домиков, разделительных полос, светофоров и зеленых деревьев. Моя реальность была совершенно другой. Казалось, весь Литтл-Три был заполнен нынешними и бывшими сотрудниками компании Пусика, покупающими овощи, продающими автомобили, ужинающими в ресторанах. Я посмотрел на солнечный, прозрачный и вылизанный пейзаж, потряс головой и попытался отрешиться и увидеть перед собой настоящую, реальную Америку, не подозревающую о существовании параллельной Пусиковской вселенной. И снова в груди поднялся и трепыхнулся холодный огонек, в последнее время не дававший мне покоя.

Словно в издевку за неожиданное проявление свободомыслия, передо мной появился голубой автомобиль, за рулем которого с серьезным выражением лица сидел Борис. Он увидел меня и начальственным и строгим жестом, напоминающим движения рук бывших партийных деятелей на трибуне Мавзолея, махнул мне рукой.

Глава 10. Команда.

Дни покатились однообразной и мутной чередой, и ужас, дававший себя знать робким холодным огоньком в груди, разгорелся и охватил мою душу. Каждый день рано утром я одевал ненавистную полосатую униформу и весь внутренне содрогался, готовясь к очередным испытаниям.

Погода стояла солнечная, и ранними прозрачными часами к зданию Пусика подкатывали машины. Прохладные, сумрачные глубины здания заполнялись людьми, и компания оживала. Орал громкоговоритель, раздавались телефонные звонки, сновали люди, и к грузовому подъезду подавали грузовики, в которые загружали огромные деревянные белые ящики, содержавшие результаты сосредоточенного труда русских профессоров и китайских рабочих.

Ровно в полдень наступало время обеда, и те обитатели компании, которые в этот момент не попались под руку начальству, облегченно вздыхали, засовывали в микроволновые печи принесенные из дома пластмассовые коробочки, и здание наполнялось запахами. Русские эмигранты, словно по какому-то сговору, приносили всегда одно и то же. Они разогревали домашние котлеты с жареной картошкой, и в этот момент казалось, что находишься где-нибудь в ведомственной столовой и полная баба Маня в засаленном переднике вот-вот навалит тебе в тарелку ароматное второе, да еще предложит домашних щей из кислой капусты. Неожиданно в ностальгический аромат воспоминаний вмешивался острый запах какой-нибудь вонючей рыбы с соевым соусом, принесенной китайцами из сборочного цеха, напоминая о том, что старые времена безвозвратно ушли в прошлое и отдалились в пространстве на добрую половину Земного шара...

По какой-то неписаной традиции во время обеда бывшие профессора и заслуженные изобретатели расслаблялись. Быть может, на них действовала магия отдельно стоящего стола, или это запахи домашней кухни усиливали ощущение свободы, но обеденные разговоры за «русским» столом были традицией. Интересно, что в этих разговорах практически не упоминалась окружающая действительность, и посвящены они были исключительно воспоминаниям о жизни в застойной России.

– У нас в почтовом ящике, – нудным и ровным голосом рассказывал заслуженный изобретатель, – как-то раз ввели такое правило, что перед уходом обязательно надо запирать бумаги в ящик стола. И вот однажды наш начальник отдела в ящик их положил, а на ключ не запер. Приходит проверяющий и первым делом ящики проверять...

Изобретателя никто не слушал, так как в это время плохо выбритый космический профессор с неизменными свежими пятнами на животе увлеченно вспоминал свой поход в привокзальный ресторан в каком-то провинциальном городе, и внимание стола было направлено на него.

– Мы сидим за столиком, и тут подходит опер. Молодой такой паренек, в форме, серьезный. «Ваши документики», – говорит. А за соседним столиком две местные шлюхи, все накрашенные и с какими-то солидными мужиками коньяк пьют. Ну Серега тут закатил представление. Он ему так и говорит: «Товарищ милиционер, смотрите какое безобразие! Я всю смену в забое отстоял, чтобы свои трудовые рубли заработать, еле на ногах стою. Понимаете, как рабочий человек прихожу культурно развлечься и что я вижу? Чуждые нам, понимаете, элементы сидят и не дают рабочему человеку расслабиться!».

Стол грохнул от хохота. Заслуженный изобретатель обиженно замолчал, китайцы прекратили жевать рыбу, а Борис, увлеченно читающий газету за столом, отведенным для элиты, недовольно оглянулся, некоторое время изучающим и суровым взглядом смотрел на отбросы общества и снова уткнулся в газету, недовольно поджав губы.

После обеда, если позволяло время, люди выходили на улицу вдохнуть хоть немного нормального воздуха, выкурить сигарету и пройти пару кругов вокруг здания, продолжая дразнить воображение тенями далекого прошлого.

Выползали на воздух и бывшие жители Юго-Восточной Азии. Один из них, приезжавший на работу на огромном допотопном и проржавевшем фургончике, всегда садился в одну и ту же позу: на корточки около своей машины и выкуривал сигарету. Лицо его, восточное и непроницаемое, в эти моменты светилось каким-то особенным выражением довольства, лоснилось сытостью после только что поглощенной пищи. Казалось, он наслаждался каждым моментом этой мирной и сытной жизни, в которой с голубого неба не падают страшные бомбы, не приходится с утра до ночи стоять по колено в мокрой грязи, нагнувшись над рисовыми ростками, пытаясь заработать на жизнь себе и голодным детям, над головой есть покрытая красно-коричневой черепицей крыша и рядом стоит огромный, рычащий автомобиль. Если бы его родственники и знакомые там могли увидеть, как он сейчас живет! Как бы окружили они пахнущую бензином железную машину, щупали бы резиновые колеса и хромированные бамперы, причмокивали, посмотрев на кабину с дерматиновыми сиденьями и с окнами, завешанными ситцевыми занавесочками. Блаженна и чудесна огромная, великая, мирная и сытная страна Америка...

Настроение у меня не улучшалось, работа была однообразной, и удивительные свойства Пусиковских приборов не вызывали у меня в душе ничего, кроме чувства усталости и легкого отвращения. С другой стороны, я понял, что Ефим создал нечто совершенно уникальное по форме и по содержанию.

Дело, которое Ефим начал около десяти лет назад, совершенно не вписывалось в логические рамки, привычные представления, наконец, элементарные законы делопроизводства и коммерции. Даже русские люди, много повидавшие на своем веку и привычные к иррациональности и безумию окружающего, приходили в изумление, познакомившись с деятельностью Пусика. У американцев, рациональных до мозга костей, с детства привыкших к обычным законам бизнеса, при знакомстве с деятельностью компании Пусика наступала истерика, обычно заканчивавшаяся серьезным нервным расстройством и походами к семейному психотерапевту.

То, что они видели в этой компании, настолько противоречило привычному, рационально-механистическому устройству всего окружающего, управляемого круговоротом денег, банками, бухгалтерией, конкуренцией и людьми в белых рубашках с кожаными тетрадками, калькуляторами и компьютеризированным распорядком дня, что психотерапевты немало пыхтели, тщательно стараясь излечить психологические травмы, нанесенные группой сумасшедших русских в самом центре американской электронной промышленности.

Благодаря своеобразному гению Ефима и высочайшему уровню инженеров у Пусика не было конкурентов. Многие, правда, пытались обскакать русских, но никто из них не смог даже приблизительно повторить удивительные параметры серых коробок. Все попытки конкурентов произвести похожее оборудование заканчивались полным провалом и закупкой еще нескольких сот ящиков с надписью «Пусик». Ефим довольно ухмылялся. Его покупатели даже не подозревали, что «Пусики» собирались из самых дешевых и бросовых деталей, стоивших фирме копейки.

Результатом полного вымирания какой-либо конкуренции являлась дикая и совершенно непохожая ни на что ситуация, когда огромные корпорации терпеливо, месяцами, если не годами, ждали своей очереди на выполнение заказов. Пусик не обращал на них никакого внимания и, казалось, деньги были ему совершенно не нужны. В холле компании всегда униженно толпились, сидели на стульях, вскакивали при появлении Ефима солидные господа, приехавшие на Мерседесах и БМВ молить его об ускорении производства. Они надеялись получить хотя бы одну серую коробку вне очереди, но этого обычно не происходило.

«Листен, Листен, Листен! – говорил Ефим, – Это не приборы. Это мои дети. Мы работаем, вы не видите? Вы думаете, нам нужны деньги? Нет! Я не могу и не хочу расширять производство. У меня и так полно идиотов работает!».

Иногда он кричал на полных, потеющих господ и грозился лишить их компанию поставок. После этого обычно приезжали делегации президентов и вице-президентов, часами сидели с Ефимом в кабинете и упрашивали его сменить гнев на милость. Иногда это удавалось, иногда нет. Ефима боялись, уважали, ненавидели, изумлялись, но неизменно продолжали покупать его изделия. Без этих серых, мышиного цвета машинок развитие цивилизации бы явно затормозилось.

Ефим обычно высказывал свое отношение к происходящему в виде образов: «Они ожидали ясного, солнечного дня, пикника, а мы им... – он замолкал, пытаясь подобрать образ – ... а мы им устроили эдакий шторм, с грозой и ветром! – Ефим покачивал головой – Ну, не поджарили свои стэйки, тоже мне, трагедия! Ну да, испортили пикник... Мелкие людишки! Готовы лицо потерять ради куска железа. А зачем мне расширять производство? Только налогов больше платить, ничего, они подождут. Оботрутся и снова придут в ноги кланяться.»

Так оно обычно и получалось и, казалось, этот процесс доставлял Ефиму удовольствие и разнообразил его скучную жизнь. Для того, чтобы и работникам его было не скучно, в компании полностью отсутствовала какая-либо организация. Единственными представителями администрации были постоянно меняющиеся секретарши, отвечавшие на телефонные звонки, и пожилая дама с безумными глазами, которая принимала меня на работу. Бухгалтерия практически не велась, и горы чеков и бумаг постепенно заваливали огромный зал, прилегающий к кабинету Ефима.

Почти не было и какой-либо технической документации, и большинство устройств существовали только в виде готовых электронных блоков. Естественно, не могло быть и речи о том, чтобы Ефим занялся какой-либо технической поддержкой своих покупателей или чтобы он содержал специалистов по рекламе и сбыту...

Финансовый инспектор, пришедший проверять дела компании, кончил нервным расстройством. На него так подействовали не только горы финансовых документов, но и то, что Ефим приказал всем сотрудникам компании, недостаточно хорошо говорившим по-английски, вечерами заниматься изучением языка и даже нанял для этого нескольких преподавателей. Почти что каждый вечер в заваленном бумагами зале собирались испуганные люди, разучивали детские песенки и пытались вести между собой незатейливые житейские диалоги. К концу недели государственный чиновник полностью утратил жизненные ориентиры и был, по слухам, увезен в клинику, повизгивая тонким голоском и находясь в состоянии крайнего возбуждения. С тех пор государственные службы Ефимом и его делами более не интересовались, удовлетворяясь налогами, которые Ефим регулярно платил, и бросив сумасшедших русских со своим боссом на произвол судьбы.

Беспорядок и хаос Ефима, казалось, полностью устраивали. Он ориентировался в хаосе как рыба в воде, изредка поднимая шум. «Когда я работал в американских компаниях, – шумел он, – на каждом рабочем месте было чисто, справа лежал карандаш, слева лабораторная тетрадь и рядом стоял сейф с бумагами. А у вас что за бардак?»

Кроме гениально-безумных идей Ефима, которые когда-то легли в основание компании, все у Пусика держалось на доблестных членах элиты в полосатых рубашках. Заведовали всеми делами и держали в голове все принципиальные схемы исключительно Леонид, Борис и Андрей. Опирались они на Игоря с Петей, также имевших колоссальную память и работоспособность. При всем своем кажущемся безумии, Пусику удалось сколотить уникальную команду, которой, наверное, не было равных во всем мире, команду, способную свернуть горы. Все они знали друг друга еще по Москве и были один за другим перетащены Ефимом к себе. Первым приехал Леонид, который знал Ефима в молодости, затем Борис с Андреем. Последние, в свою очередь, перетащили к Пусику всю полосатую братию, к которой, по недоразумению, был причислен и я.

Остальные работники Пусика молчаливо признавались людьми второго сорта, подозрительными и неспособными достичь сияющих высот профессионального

мастерства. Ефим любил обучать их уму-разуму, попрекая прошлыми званиями и заслугами и проводя сравнение между бывшей и настоящей действительностью.

– Поймите эту страну! – кричал Ефим. – Вы здесь никому на ... не нужны и все. Вы здесь абсолютный нуль, дерьмо последнее! И прекратите болтать по-русски! Сегодня вы здесь, а завтра может оказаться, что вы здесь не работаете. Понятно?

Я чувствовал спинным мозгом, что любая техническая ошибка, небрежность, некстати сказанная фраза, даже пятнышко кофе на брюках, могут привести к исключению из Пусиковской элиты. Хотелось утвердиться, например сделать что-нибудь выдающееся, тем более, что постепенно я начал разбираться в странностях приборов Пусика. И вот, однажды вечером в голову неожиданно пришла простая до безобразия идея.

«Не может быть, – думал я, – это было бы слишком просто. Неужели все эти люди в полосатых рубашках до этого не додумались?» – Я почувствовал возбуждение, подкатил к своему рабочему месту различные приборы и через пару часов был уверен в своей правоте. Получалось, что моя идея позволяла за секунды измерить то, на что обычно уходили десятки минут. Я был ошарашен и впервые за длительное время почувствовал прилив сил и радости: наконец-то удалось хоть чем-то оправдать свою работу у Ефима.

Мимо как раз пробегал взмыленный Борис.

– Как дела? – с обычным полуоскалом спросил он.

– У меня, собственно, есть идея, – и я начал излагать свои соображения, чувствуя, что путаюсь и теряю нить повествования. Борис прореагировал мгновенно.

– В этом случае произойдет следующее, – и он начал излагать отдаленные последствия моей идеи, о которых я даже не начинал задумываться. Я был поражен. Казалось, Борис просчитал все возможные варианты и уже ходил с готовым решением.

– Неплохо. – Борис на секунду с удивлением задумался... – Неплохо! Пойдем к доске.

Мы зашли в небольшую комнатку, использовавшуюся для совещаний. Борис подошел к доске, взял фломастер и быстро, волнуясь и краснея, начал покрывать белую пластиковую поверхность схемами и формулами. Он даже немного заикался. Я с ужасом понял, что с трудом успеваю следить за ходом его мыслей. Борис уже закончил выводить какое-то уравнение, его рука с невероятной скоростью бегала по доске, фломастер строчил, как пулемет. Эта дикая сцена напоминала работу сломавшегося самописца, спазматически выводящего на бумаге сигналы мощного землетрясения.

– Осталось только выписать решение и разделить два полинома. – Борис схватил красный фломастер, передвинул доску и размашисто выписал решение. – Неплохо. – Он с некоторым удивлением и, как мне показалось, с недовольством посмотрел на меня. – Такие идеи приходят не часто! Поздравляю, ты только что принес фирме солидный доход. Можешь считать, что твоя зарплата окуплена. – Лицо его немного просветлело. – Я думал, что от тебя пользы не будет, – сурово сказал он, – но, видимо, был не прав. Надо признать, у Ефима действительно колоссальная интуиция.

Борис еще несколько секунд с удовольствием смотрел на исписанную доску. Затем он энергичным шагом подошел к телефону: «Леонид, Андрей, Игорь, Петр, в комнату для совещаний. Повторяю, в комнату для совещаний!» – раздался с потолка его голос.

Я со страхом смотрел на цепочку символов, покрывавших белую плоскость доски и чувствовал, что результат, полученный Борисом за несколько минут, еще не полностью доступен моему пониманию.

Первым появился Андрей.

– Посмотри-ка! – Борис был возбужден и ходил по комнате быстрыми шагами. – У нашего новобранца первый результат. И какой результат! – Он начал объяснять смысл написанного. Андрей причмокивал губами. Тем временем в комнате появились Леонид, грызущий ногти Игорь с постоянно бегающими глазами и Петя с висящими донскими усиками.

– Что случилось? – Леонид как всегда пританцовывал, как будто собираясь броситься в атаку.

Борис нервными движениями вытер доску, и его рука снова забегала, покрывая доску символами. На этот раз я уже успевал следить за ходом его мыслей.

Андрей вскочил со стула.

– Между прочим, в этом случае все можно сделать гораздо проще! – он заговорил по-русски, и его лысина тоже покраснела от волнения. Андрей стер часть надписей с доски и начал рисовать принципиальную схему.

– Ребята, – Леонид тоже заговорил по-русски, – это же отлично. Посмотрите! – он подбежал к Андрею и начал пририсовывать какие-то квадратики.

– Эту работу сможет сделать Игорь. – Борис сказал это тоном приказа. Игорь кивнул и нервно укусил ноготь. – Петя возьмет на себя интерфейс. Андрей разработает систему. Леонид, как насчет аналоговых входов? Я займусь программами.

– Сколько потребуется времени? – Леонид достал из кармана небольшой блокнотик.

– Я думаю, два дня на подготовку, два дня на прототип и месяц на массовое производство. – Борис был настроен решительно.

– Две недели на производство, больше не дам! – Леонид быстро записывал что-то в блокнотик. – Сегодня же получим добро у Ефима.

– Леонид, две недели нереально. Сборочные цеха, детали... – Борис недовольно поморщился.

– Две недели более чем достаточно. Я знаю, что говорю. О кей? – Леонид сунул блокнотик в карман. – Не теряем времени, ребята, за работу.

– Молодец, – Андрей был как всегда важен. – Оправдал доверие партии и правительства! – он с напускным величием пожал мне руку.

Комнатка опустела. Я еще раз посмотрел на исчерканную доску, не веря своим глазам. Сырая идея, на отработку которой в обычных нормальных условиях ушло бы не меньше месяца сомнений, экспериментов, черновиков, была отшлифована до совершенства Борисом в течение от силы десяти минут и превращена в схемы остальной командой в течение последующего получаса. Я никогда в своей жизни не видел ничего подобного. Голова кружилась. Я выглянул в окно. На пустынной площадке стояли автомобили, над религиозным центром развевался американский флаг, в голубом небе серебристой сигарой светился самолет. Окружающий мир явно не подозревал о только что случившемся чуде. Команда Пусика стоила не одного миллиона долларов...

Неожиданно мое внимание привлек полный лысый мужчина в пиджаке, бегущий вдоль здания компании и подпрыгивающий как мячик. Я узнал его: он работал в сборочном цеху и, по слухам, в России был доцентом в каком-то техническом ВУЗе. Рукава его пиджака задрались от бега, обнажив расстегнутую рубашку. Он как-то странно жестикулировал, подпрыгивал, гримасничал и вскоре скрылся за углом здания.

Я потряс головой. Подпрыгивающий толстяк в расстегнутой рубашке совершенно не вязался с гармоничным американским пейзажем. Я снова посмотрел на пустынную стоянку, на которой стояли новенькие автомобили, на развевающийся на ветру флаг и далекие горы. «Почудилось...» – я потряс головой и вдруг снова заметил бывшего доцента. Он совершал ритмичные движения, напоминающие балетные па: три шага, прыжок, три шага, прыжок, расставив полные руки. Прыгун что-то выкрикивал и гримасничал. Я прислушался.

– «Fuck you, Fuck you, Fuck you!» – кричал доцент, после этого следовал прыжок, затем сцена повторялась сначала. Мне стало страшно, так как по слухам несколько человек, работавших в компании Пусика, сошли с ума, а двоих или троих хватил на работе инфаркт.

Как я узнал на следующий день, танцор только что получил предложение работать в другой компании и таким образом выражал свою радость.

Глава 11. Беженец.

Я познакомился с Олегом в незапамятные времена. Я даже точно помню когда это случилось, – именно в этот день умер Брежнев.

Эпоха, породившая в гражданах огромной страны чувство тоскливой стабильности и многочисленные анекдоты, подходила к концу. Рано утром у станции метро «Площадь Свердлова» выстроились милицейские патрули, которые с многозначительным видом отсекали людские толпы от Кремля и магазина ГУМ, и мне с трудом удалось доказать, что я в действительности работаю в здании, примыкающем к Манежной площади, и являюсь нормальным и благонадежным гражданином СССР. Мрачный майор долго вертел в руках красную книжечку с гербом и надписью «Академия Наук», наконец вздохнул и сказал: «Иди парень, только быстро. Тут такое происходит...». Мне стало не по себе, так как «такое» могло означать все что угодно, например, объявление ядерной войны Соединенным Штатам Америки или внеочередные Олимпийские игры на Красной площади.

– Ребята, – бородатый весельчак, работавший у нас в лаборатории, приоткрыл нам тайну происходящего, – наверняка кто-то в Политбюро дал дуба.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовались мы

– Я каждый день в шесть утра слушаю юмористическую передачу «Опять двадцать пять», а сегодня ее отменили и гонят по «Маяку» симфоническую музыку.

Это было серьезно и наводило на размышления. Все терялись в догадках, но то, что умер не кто-нибудь, а сам великий Генеральный Секретарь ЦК КПСС, казалось почти невозможным, и от этой мысли захватывало дух. Полуживая мумия, уже в течение многих лет с трудом произносящая отдельные слова, казалась вечной и нерушимой в своей тлеющей жизни.

Ни о какой работе не могло быть и речи, научные сотрудники нервно курили. Кто-то вытащил лабораторный радиоприемник, применявшийся для экспериментов по зондированию атмосферы, размотал длинный телефонный кабель, выбросил его из окна, и сквозь рев глушилок мы услышали нервный голос диктора «Голоса Америки»: «По неподтвержденным сообщениям в Москве скончался Генеральный Секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев».

У меня в кармане лежали билеты на симфонический концерт в Консерваторию, на который я пригласил знакомую девушку и уже назначил встречу у памятника Чайковскому. – Неужели сорвется? – с досадой подумал я и набрал телефон, указанный на билете.

– Алло? – глухим, хриплым голосом ответила мне неизвестная пожилая дама.

– Скажите, у вас сегодня состоится концерт симфонического оркестра?

– Молодой человек, как вы можете! В такой день! – дама явно была возмущена. Я понял, что колесо истории вмешалось в личные отношения и свидание не состоится.

Подошло время обеда, и я двинулся через дворик старого Московского университета в знаменитую «Кишку» – студенческую столовую, расположенную в подвале напротив Манежной площади. Город был пуст, движение перекрыто, и у входа в столовую стояли милиционеры в своих серо-голубоватых одеждах. Москва замерла в ожидании. Сквозь решетку у двери с надписью «Лаборатория коммунистического воспитания молодежи» было видно, как в Кремль на огромной скорости летят громадные черные правительственные ЗИЛы. От шуршания их шин и визга колес на поворотах посередине пустынного пространства площади становилось жутко. Машины напоминали черных жирных жуков, слетавшихся к начинающему разлагаться трупу. В этот день где-то совсем

рядом, за стенами Кремля делилась власть, и уже неявно закладывалось начало конца Пролетарского Государства...

Есть хотелось по-прежнему, и я попытался пройти в столовую.

– Не положено! – окрикнул меня милиционер.

– Так мне только пообедать!

– Не положено, такое происходит, а ты есть!

Неожиданно из-за двери высунулся Олег. До этого я видел его несколько раз в коридорах Института и слышал, что он собирается переходить в наш отдел.

– Товарищ лейтенант, этот гражданин со мной! Пропустите, пожалуйста.

– Проходи, – недовольно буркнул лейтенант. Я юркнул в приоткрывшуюся дверь.

– Привет, – Олег смеялся, – мы успели проскочить внутрь до того, как они поставили оцепление, и они решили, что мы из органов. Давай, набирай поднос скорее, столовая все равно закрывается.

Вскоре Олег начал работать в нашей лаборатории, и мы подружились. Он вырос в старой интеллигентной семье, чудом пережившей катастрофы первой половины двадцатого века. Решительно все мужчины в этой семье, насколько он помнил генеалогический ряд, уходивший куда-то в середину прошлого века, носили профессорское звание, и эта семейная традиция угнетала Олега, бывшего скромным кандидатом наук. Впрочем, он был еще молод...

Когда все уже начало разваливаться и я собрался уезжать, Олег загрустил.

–Ты знаешь, – сказал он, – я все же оптимист. Должно же все стать лучше, надо просто работать и стараться наладить жизнь. Такая огромная страна, наконец-то, появилась свобода. Нет, я не уеду.

Олег провожал меня в Шереметьево. «Бог даст, свидимся когда-нибудь, – сказал он, прощаясь. – Может быть, ты еще приедешь обратно... «

День был солнечный, не жаркий и не холодный, и я с тоской смотрел на странные результаты измерений, только что полученные на новой системе Пусика. Теперь мне предстояло разобраться в этой проблеме мирового значения. – «Черт бы все побрал!» – думал я.

Неожиданно зазвонил телефон.

– Алло! – в трубке раздавалось шипение.

– Привет, – я с удивлением узнал голос Олега. – Родители мне сообщили твой телефон. Я хватаюсь за соломинку, умоляю, может быть ты сможешь мне помочь?

– Да что случилось, ты где, в Америке?

– В Москве, в Москве! Ты знаешь, что у нас идут бои? По улице только что проехали грузовики с бандитами, они едут брать Останкино, это же рядом с нами! Там так громыхает! На крышах снайперы палят по прохожим. Дочку только что чуть не убили, за ней гнался какой-то пьяный мародер и стрелял из обреза. Жена в истерике. Я ничего не хочу больше, моя жизнь кончена. Надо детей спасать!

– Да ты что? – я был ошарашен, так как еще ничего не знал о происходящем.

– Если ты только сможешь помочь, я хочу их увезти от этого кошмара.

– Хорошо, Олег, я постараюсь. – Мне стало страшно. – А если это серьезно, не дай боже нам гражданской войны, – подумал я. – «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный...»

Я взволнованно вскочил с места и сразу же столкнулся с Ефимом. Он был явно в хорошем настроении.

– Ну, дела идут хорошо. – приветствовал он меня. – Прибыль почти что удвоилась. Нет, надо было еще больше сделать, но я все равно доволен. И Леонид молодец, и Борис. Да и ты неплохо сработал. – Он замолк и пристально посмотрел мне в глаза. – Что? Я же вижу, у тебя что-то на уме.

– Ефим, – я решил брать быка за рога. – у меня в Москве есть друг, там что-то происходит, стреляют.

– Да, – Ефим сморщился, – я слышал сейчас по радио. Засранцы, совсем с ума посходили. Так что, хороший парень?

– Да, он талантливый человек, прикладную математику знает, работал со мной.

– Ты его получил! – Ефим иронично посмотрел на меня. – Я знаю, у тебя плохих друзей не бывает. Это святое дело, вытащим его оттуда, раз парню плохо.

– У него дочку только что чуть не пристрелили. – Я не мог успокоиться.

– Сволочи. – Ефим покачал головой. – Все, пусть сидит дома запершись, если только все не рванет к ... матери, сделаем ему визу и пусть вывозит семью. Все, решено, немедленно иди к секретарше, звони ему, пусть шлет бумаги, если конечно сможет.

– Спасибо, Ефим! – я был тронут.

– Не за что, нам люди все равно нужны, отработает все хлопоты. Хорошим людям надо помогать. Ведь он хороший человек, правда?

– Очень хороший, Ефим. Спасибо! – Я, покачиваясь, бросился набирать московский номер. Москва была занята, и я с трудом пробился сквозь космические шорохи и гудки.

– Олег, срочно, если сможешь, шли все документы, не высовывайся, будем стараться тебя перетащить...

– У нас только что телевидение выключили! – Олег никак не мог поверить происходящему и даже был немного растерян. Сквозь шумы слышался женский плач.

Возбужденный, я кинулся поделиться новостью о происходящем с Андреем. Он с важным видом сидел в кресле и обучал относительно свежего инженера принятым на Пусике порядкам.

– Детали для разработок надо брать вот здесь. – Он развернулся в кресле и показал пальцем на высокий металлический шкаф. – Ключ от шкафа лежит у меня в столе в правом ящике. Рядом лежит тетрадь, и ты должен записать все взятые детали в нее. Если я увижу, что какие-то детали не вписаны, заберу ключ и все!

Испуганный полноватый парень с усиками кивал. – «Ну, нагнал страху – подумал я, теперь-то точно будет все регистрировать.» – Ребята, в Москве очередной переворот или хрен его знает что! – закричал я. – На улице стрельба, телецентр штурмуют.

У Андрея даже приоткрылся от удивления рот, а парень с усиками побелел.

– Откуда узнал? – Андрей посмотрел на меня.

– Мне только что друг позвонил. Они там все в истерике, я попросил Ефима его вытащить, если удастся.

– Что? – Андрей с недовольством посмотрел на меня. – А кто он такой собственно?

– Я его знаю много лет, сильный парень, не волнуйся ради бога, он моральные устои не разрушит.

– Он по электронике или по программированию? – холодно спросил Андрей. Казалось, происходящий переворот уже перестал его интересовать. – Если по электронике, он должен пройти экзамен или кто-нибудь из друзей Леонида или моих друзей должен его рекомендовать.

– Я его рекомендую! – рассердился я.

– Извини, – Андрей был холоден. – Ты в электронике не авторитет.

– Да он не по этому делу, он больше по математике и физике.

– В этом случае, ты сделал очень большую ошибку.

– Да что, в конце концов, происходит?

– Такие решения у нас в компании не происходят без участия Бориса. Так что, пойдя напрямую к Ефиму, ты не только нарушил порядок, но и совершил прямой выпад против Бориса.

– Да вы чего, охренели, что ли? Я за него ручаюсь. Приедет человек, будет делать все, о чем попросите. Да и в конце концов, это компания Ефима, а не ваша!

– Я тебе не завидую, – Андрей был уже враждебен. – Борис это запомнит, а ты еще не получил вида на жительство в Америке.

– Знаешь что, я сейчас же пойду к Борису и объясню ему все! – я был возбужден и раздражен.

Борис сидел на своем рабочем месте, с привычным оскалом упершись в экран.

– Борис, – начал я, – я хочу поговорить.

– Пожалуйста, только одну минутку, – его руки совершили прощальный пассаж по клавишам.

– Тут такое происходит, в Москве переворот, бои.

– Что? – Борис был удивлен, но сохранял спокойствие. – Кто кого бьет?

– Ничего не знаю пока, штурмуют Останкино...

– Бесполезно, – Борис сжал губы. – Я бы это приветствовал, если бы видел хоть одного достойного, сильного лидера. А такой человек пока еще не появился, так, одна мелочь. В любом случае будет то же самое, так что волноваться не надо.

– Борис, дело в том, что мне позвонил сейчас старый друг, и я попросил за него Ефима.

– Что? – Борис нахмурился и сердито посмотрел на меня. – Кто он такой?

– Он очень приятный парень...

– Нам не нужны просто приятные люди, – Борис покраснел. – Нам нужны сильные люди и хорошие исполнители.

– Я за него ручаюсь, он будет делать все, что ему поручат. К тому же, Олег сильный специалист.

– Пойдем поговорим. – Борис вскочил, быстрым шагом прошел в пустую комнату и закрыл за нами дверь. – Ты что, не видишь, что происходит? – зашипел он. – Ефим разрушает компанию. Раньше здесь работало всего несколько человек, и все были на виду! Никто не мог носом повести или сигарету пойти выкурить, все были заняты от зари до зари! А теперь? Я вчера спускаюсь на первый этаж, а там этот, ну который заведующим отделом был, Виктор, сидит и нагло по-русски по телефону болтает с женой! Это начало конца, пойми!

– Борис, ну зачем же так, ведь люди работают по двенадцать – четырнадцать часов.

– Ну и что? Да они половину времени баклуши бьют! Мы уже и так напоминаем какую-нибудь контору в Москве! Я уже обращался к Ефиму, мы блокируем все телефонные разговоры из компании и не будем подзывать сотрудников по личным делам. Телефонистке уже дано такое распоряжение, если кто-то звонит, выяснять, по какому вопросу, а жен вообще не соединять. Но эта гниль уже завелась, и ее надо вытравлять! Меня трясет от этого, а Ефим еще новых людей вызывает.

– Борис, с Олегом все будет нормально. К тому же он коренной русский из старой, интеллигентной семьи. – Я пристально посмотрел на Бориса, ожидая увидеть его реакцию.

– Это не так уж важно. – Борис неожиданно смутился. – Хорошо, если так. Я имею в виду, что с ним все будет нормально, а не его национальность, – поправился он. – А если нет? Я хочу брать только проверенных людей. Между прочим, я пригласил сюда нескольких человек и, на мой взгляд, в половине случаев сделал ошибки. Меня тоже несколько знакомых недавно просили о помощи, но я им отказал. Один уже почти визу получил, но я затормозил дело. И вообще, на мой взгляд, у нас уже слишком много русских, это пора заканчивать! Так что Ефим сказал?

– Ефим сразу же согласился.

– Хорошо, посмотрим, что из этого выйдет. – Борис подозрительно посмотрел на меня. – Покажи мне его бумаги, когда их получишь. – Он развернулся и недовольной походкой вышел из комнаты.

Путч закончился через несколько дней, но Олег уже не изменил своего решения. Документы ему оформили на редкость быстро, и уже через пару месяцев я встречал его в аэропорту и вез покупать полосатые рубашки, на ходу объясняя сложную внутреннюю

структуру компании. Олег при этом только смеялся и говорил, что ради детей готов на все.

Все усилия по приведению внешности новоиспеченного Пусиковца к общепринятым стандартам пошли крахом. Борис, просидевший с Олегом около двух часов за закрытыми дверями, остался недоволен и зло буркнул мне на ходу:

Я ничего не понял из его рассказов! Ты пригласил в компанию

совершенно среднего специалиста. В Принстоне таких полно, лучше было коренного американца на работу взять. Я ничего не понимал, но Олег отказался рассказывать о своем разговоре с Борисом.

– У меня такое чувство, что в дерьме выкупался, – грустно сказал он мне. – Честно говоря, я такого не ожидал в самых кошмарных снах. Словом, я не могу сделать того, чего от меня ждут. Ну, ничего, постараюсь выстоять, мне теперь главное тебя не подвести.

Я долго перебирал возможные варианты того, чего именно ждали от Олега, и ничего не понимал. В последнее время я тщательно прислушивался к холодному огоньку, трепещущему где-то внутри, и этот верный спутник моей жизни раз от раза спасал меня. Стоило возникнуть внутри противному, подрагивающему ощущению, и я уходил в другую комнату, а там, где я только что сидел, появлялся Ефим и устраивал страшный скандал. Теперь холодное чувство возникало у меня внутри при встречах с Борисом, и я догадывался, что вся эта неприятная история была каким-то образом связана со мной.

Борис явно взял курс на мордование Олега. Каждый день ему давали новые и новые задания. Олег скрипел, тужился, но задания выполнял, после чего Борис немедленно подсыпал ему еще более сложные задачки, буквально сжимая жертве горло.

– Твой Олег не программист! – брезгливо высказался Андрей. – Борис им очень недоволен.

– Зря вы так, – я был расстроен. – Ведь он делает все, что ему дают!

– Ну и что? Борис может это сделать лучше и быстрее.

И сильнее, – съязвил я.

– Да ну тебя, – Андрей обиделся. – Я понимаю, он твой друг. И потом, Олег приятный парень, я ничего против него в человеческом смысле не имею. Но нам нужно делать дело! – и лицо Андрея приобрело важное и таинственное выражение. – А когда речь идет о работе, личные соображения значения не имеют!

Через пару дней взъерошенный Олег прибежал ко мне.

– Я еще никогда такого не видел! – крикнул он. –Захожу в сортир, а там Леонид держит гору чертежей, Ефим берет их, рвет на куски и спускает их в унитаз. Вокруг него кружком сотрудники, а он на них страшно орет. И все из-за каких-то дырок, которые они забыли просверлить! Я поскорее смылся, не знаешь, у нас в здании есть еще один туалет? Я глубоко вздохнул, так как во втором туалете была всего одна кабинка, в которую уже выстроилась очередь из сотрудников Пусика, желавших избежать встречи с разъяренным президентом.

Глава 12. Эйнштейн был неудачником!

На улице уже давно стемнело, но окна компании Пусика ярко светились, и около входа шеренгой выстроились машины сотрудников, слегка поблескивающие в свете фонарей своими полированными боками. С наступлением темноты жизнь в компании обычно особенно оживлялась. Леонид то и дело рявкал в громкоговоритель, собирались совещания и сотрудники суетливо сновали взад и вперед, прикручивая и прилаживая детали к серым коробкам, торжественно стоящим в сборочном цехе.

Из вечера в вечер повторялась одна и та же история. Где-то около восьми часов вечера раздавался телефонный звонок.

«Леонид, Леонид, третья линия, Ефим звонит!» – с легким испугом в голосе объявляла секретарша. Обычно это означало, что Ефим приближается к зданию компании в своем белом Мерседесе, и предвещало длительную вечернюю разборку со скандалом. Сотрудники втягивали голову в плечи и старались не смотреть по сторонам, судорожно оценивая свои шансы оказаться очередной жертвой вечернего обхода.

«Да, да, Ефим! – бодро отвечал Леонид. – Все в порядке. Детали заказаны, я лично за этим проследил. Будет сделано. Ждем. Обязательно поговорим!»

Ефим появлялся в холле выбритый до синевы, в белоснежной, слегка фосфоресцирующей рубашке с туго повязанным галстуком, распространяя приторный сладкий запах американского одеколона. Он шел по коридору со слегка наклоненной вперед головой и хищным и одновременно ироничным взглядом, напоминая быка, только что выпущенного на арену. Самое страшное было попасться ему на глаза именно в эти минуты, когда он был полон сконцентрированной энергии, накопленной за то время отсутствия в компании.

Леонид объяснял мне обнаружившиеся странности в поведении серых, набитых проводами коробок, когда в коридоре появился Ефим.

– Работаете? – буркнул он. – Хорошо. Леня, я вот все думаю: дела идут неплохо, правда?

– Да, прекрасно, Ефим! – Леонид весь собрался, предчувствуя неприятности.

– Так что нам надо переехать в Литтл-Три, я куплю большое здание. Там место хорошее, университет рядом. Как вы думаете?

– Да, да Ефим, давно пора! – Леонид подобострастно улыбнулся.

– Да, там правда подороже, да у нас и народа работает мало, в общем-то и здесь места полно.

– Да, места сколько угодно, Ефим!

– Вот я и думаю, все же надо переехать. Здесь вокруг одни компании, какое-то промышленное место, не та, не та атмосфера... Да и ездить далековато. А в Литтл-Три ребята из дома на работу будут пешком ходить. Это и для здоровья полезно. Вот он, – Ефим махнул рукой в мою сторону, – он встанет утречком и пойдет пешком на работу. Или, в крайнем случае, на велосипеде поедет. А ты, – и вдруг лицо Ефима брезгливо сморщилось и покраснело, – ты даже на велосипеде не доедешь! Мудак, забрался хер знает куда! Что ты залез в глушь со своим домом?

Я обомлел от такого неожиданного перехода. Всем было известно, что дом Леониду нашел лично Ефим где-то на границе Литтл-Три и соседнего городка в одном из самых дорогих и престижных жилых районов в округе. По слухам дом этот был небольшим, но стоил целое состояние, и Ефим, сморщившись, настоял на покупке, брезгливо сказав своему вице-президенту: «Не мелочись!».

– Ефим, Ефим, – испуганно залепетал Леонид, – ну что ты, это же совсем близко, я дойду!

– Ни хрена ты не дойдешь, идиот! Вот он, – Ефим направил на меня указательный палец, – дойдет! И Борис дойдет! А ты даже на велосипеде не доедешь, будешь утром в машину залезать!

– Да нет же, Ефим, я доеду, на велосипеде там вообще пять минут!

– Листен, Листен, Листен, Листен! – Ефим начал раздражаться – не перебивай меня! Я же сказал, не доедешь! Идиот, – Ефим обращался ко мне, – забрался хер знает куда, сидит там в своей деревне, у черта на куличках. Сэкономить решил! – Ефим пренебрежительно махнул рукой на Леонида, напоминающего ощипанного цыпленка. – И еще говорит, что пешком дойдет!

– Ефим! – умоляюще прошептал Леонид, – я дойду!

– Ты хорошую машину купил, – Ефим глядел на меня. – Только зачем было новую покупать? Это расточительство. Здесь старые машины очень хорошие, надежные. Если хочешь знать, у меня новой машины не было, пока я компанию не создал!

Ефим круто развернулся и решительно пошел в цех, снова слегка наклонив голову.

Только что на моих глазах произошла легкая разминка, основная часть представления только начиналась.

– Как дела? – он остановился около полного, немного медлительного парня, недавно выписанного из России. По слухам, парень этот был толковым инженером. – Что ты делаешь?

– Работаю, Ефим, – парень держал в руках паяльник.

– А какого дьявола ты работаешь? Что ты сидишь, задницу протираешь? Что ты паяльник держишь? У нас что, паять некому? Леонид, ну-ка подойди сюда, посмотри на это безобразие! – Леонид с готовностью подбежал поближе. – Что у нас происходит? Что за бардак? Почему он сидит с паяльником? – Ефим начинал выходить из себя.

– Ефим, мы начинаем разрабатывать новую систему, мы...

– Листен, Листен, а на хрен нам новая система? Почему ты с усами ходишь? Думаешь, что умнее всех? Сбрей немедленно! Почему я не знаю, что в компании происходит? Может, я не прав? Ты не бойся, если я не прав, так и скажи мне: Ефим, ты хуйню порешь! Меня надо иногда посылать. Посмотри, вот он сидит, потеет, лицо бледное. Разве он может что-нибудь припаять? Отправим его в Россию взад, тоже мне техник-смотритель нашелся. – Парнишка побледнел и закусил губу.

– Ефим, – робко произнес он, – мы просто хотели измерить искажения...

– Листен, не перебивай меня! Мы просто хотели... Просто ничего никогда не хотят! У вас есть планы? Леонид, мне показали план? Я утвердил их? – Леонид побледнел.

–Ефим, – он заискивающе заглядывал ему в глаза, – эта работа на пару часов, мы сегодня же планировали ее закончить...

– Вот именно! Вы планировали! А на хер вы планируете без меня? Я не имею понятия о том, что делается в компании! Листен, Листен, Листен! Иди-ка сюда!

Ефим с Леонидом закрылись в кабинете и оттуда понеслись глухие крики. Ефим вымещал свое раздражение тем фактом, что Леонид живет вне пешей досягаемости до предполагаемого нового здания компании в центре Литтл-Три. Этот факт нарушал столь желанную и недостижимую гармонию. Растерянный толстяк был бледен, на лбу у него выступили капли пота. Он так и сидел, держа в руке раскаленный паяльник и явно не знал, что ему делать – продолжать паять или дождаться решения начальства, не навлекая на себя гнев за проявленную инициативу.

Остальная часть компании облегченно вздохнула, поняв, что сегодняшняя гроза прошла стороной, и с удвоенной энергией принялась за работу. Я уже знал, что произойдет дальше: крики будут раздаваться еще около получаса, после этого Ефим уйдет к себе в кабинет и начнет звонить по телефону своим адвокатам, а Леонид, потрепанный, но заряженный энергией подсядет к растерянному паяльщику и будет сидеть до полуночи, ударными темпами завершая начатый проект.

Про Ефима ходили легенды. Он обладал потрясающей интуицией, на грани с мистики. Рассказывали, что однажды он летел в самолете, из Сибири в Москву с посадкой в провинциальном городе.

– Не нравится мне этот самолет, – сказал Ефим, сойдя на землю . – Не полечу я на нем никуда. Где здесь ресторан? – Он заказал бутылку дорогого коньяка и напился до бессознательного состояния. Его пытались силой посадить в самолет, но Ефим уцепился рукой за ножку столика и категорически отказывался продолжать полет. Наконец, друзья махнули на него рукой и бросили, оставив пятьдесят рублей из командировочных денег. Самолет взлетел , направляясь в Москву и через сорок минут взорвался в воздухе и упал в глухой тайге. Ефим же проспался и улетел в столицу следующим рейсом.

В молодости Ефим был красив и обаятелен, к тому же очень любил женщин, которые отвечали ему взаимностью.

В конце шестидесятых или в самом начале семидесятых годов в Москву на гастроли приехал знаменитый балет из коммунистической Германии. Особенно в этой балетной труппе выделялась певица и танцовщица с длинными, красивыми ногами. Совершенно непонятно каким образом, но за ту неделю, в течение которой танцовщицы из ГДР трясли своими аппетитными ляжками перед Московской аудиторией, состоявшей преимущественно из солидных партийных работников и прыщавых комсомольских деятелей, Ефиму удалось соблазнить заезжую примадонну. Последняя, словно исправляя ошибки своих родителей, соблюдавших расовую чистоту и успешно очищающих Германию от избранного Богом народа, без памяти влюбилась в экзотического брюнета со жгучими глазами.

Неизвестно почему, но в эту историю не вмешалось КГБ, по-видимому, стараясь не конфликтовать с представителями дружественной социалистической страны. Факт остается фактом: Ефим официально расписался с заезжей гостьей и вскоре сложил чемоданы и поехал в Восточный Берлин. Там его, правда, ждало жестокое разочарование: выдающаяся певица и танцовщица, вот уже много лет, жила в маленькой комнатушке в коммунальной квартире, стоя в очереди на отдельное однокомнатное гнездышко в пригородах столицы .

Ефиму это не понравилось. Он одел галстук и пошел на прием к бургомистру, по слухам, прихватив какого-то приятеля. О чем они говорили с бургомистром, осталось неизвестным, но танцовщице на той же неделе выдали ордер на отдельную двухкомнатную квартиру.

Бедняга Ефим не подозревал о том, что это было началом конца: примадонна разрыдалась, а затем высказалась в том роде, что это бесчестно, так как честные труженики социалистического государства десятки лет дожидаются своей очереди на квартиры, а никому не ведомый Ефим пошел на прием к бургомистру и все устроил за один день. Из-за таких людей, как он, идеалы социалистического строительства покрываются плесенью буржуазного стяжательства и тому подобное. «Дура какая-то!» – по легенде раздраженно сказал тогда Ефим, тут же развелся и уехал обратно в Москву.

Он вел богемный образ жизни, в его комнате все время ночевали красивые женщины, иногда жены высокого начальства, а также бездомные поэты, художники и деятели возрождающегося сионистского движения, скрывающиеся от КГБ и пишущие гневные письма протеста в ЦК КПСС, лично Леониду Брежневу и в Совет Министров.

– Психи ненормальные! – как-то вспоминал Ефим. – За мной увязалось КГБ, а я уже окончательно собрался сматывать удочки в Израиль. И вот у меня поселяется какой-то чайник, который пишет докторскую диссертацию о «Слове о полке Игореве» и одновременно строчит протесты в КГБ. Так за нами вскоре пришли, я с трудом успел удрать. И что мне оставалось делать? Пришлось симулировать сумасшествие. Кстати, – Ефим довольно улыбнулся, – у меня это так отлично получалось, что меня ни один профессор от настоящего сумасшедшего не мог отличить! Я вот так вот головой подергивал. Они меня спрашивают: «Скажите, дорогой, вы довольны политикой партии и правительства?», а я им все время отвечаю: «Шура! Шура!». С трудом выпустили, пришлось убеждать их, что я вылечился.

Затем Ефим уехал в Израиль. Об этом периоде своей жизни он вспоминал с удовольствием:

– Там было здорово. Днем я работал, а вечером! Какие там были девки, какие груди, налитые, соски торчат, ноги стройные, кровь с молоком! У меня каждую ночь другая ночевала, никогда такого времени больше не было!

Он удрал из Израиля, по слухам, сидя в трюме какого-то судна, так как получил контракт в Лондоне, но случай занес его в Америку. Здесь ему пришлось туго, так как Ефим понял, что и Россия и даже Израиль в области электроники безнадежно отстали от развитого мира. Ефим, которому к тому времени исполнилось уже сорок лет, работал техником за доллар в час, мыл полы, сидел с детьми и все заработанные деньги тратил на баб. «Особенно негритянки были дешевыми, – вспоминал он, – за пару долларов соглашались на все. Что делать, я же не мог без этого обходиться. А ты что, думаешь, они были хуже самых дорогих баб, которых я потом имел? Ни хера, точно такие же, даже лучше!»

Америка нанесла серьезный удар самооценке Ефима, привыкшего считать себя гением. Правда, проработав пару лет техником, он понял, что окружающие его инженеры вовсе не боги, какими они казались ему в первые месяцы после приезда, а зачастую такие же бездари, как и всюду. Именно к этому периоду жизни относились часто вспоминаемые Ефимом инженеры в белых халатах, с калькуляторами и в желтых носках. Ефим вскоре профессионально вырос, с ним начали считаться, затем приглашать для консультаций. По слухам, он за день делал то, на что многие корпорации тратили годы. Помогал здесь и недюжинный талант и способности, но самое главное, что Ефим обладал каким-то сверхъестественным чутьем и интуицией. Ему достаточно было посмотреть на электронную схему, и он мгновенно чувствовал, в какой именно ее части скрыта проблема, сводящая высокооплачиваемых инженеров с ума.

К сожалению, ни в одном месте Ефим не мог задержаться больше чем на несколько месяцев. Когда он впервые получил работу техника, руководство компании искало инженера. Ефим написал письмо директору с просьбой перевести его в инженеры, и его начальник, усталый пожилой индус, начал убеждать его в том, что Ефим, плохо разговаривающий по-английски и не знающий местной жизни, сможет стать инженером не раньше чем через пару лет.

«Чтоб я так был здоров! – ответил Ефим. – Через два года ты придешь ко мне наниматься на работу, и я тебя не возьму. Ты бестолковый.»

Ефима тут же с треском выгнали. Самое интересное, что через два года бывший начальник действительно пришел наниматься на работу в отдел Ефима, который к этому времени уже руководил проектом в большой корпорации.

Как-то раз Ефиму предложили крупное повышение. Он выбрал момент, когда в кабинете президента собралось большое совещание, подошел к боссу и сказал:

– Я всю ночь не спал и думал о вашем предложении.

– Ну и что вы решили? – босс был настроен благожелательно, не сомневаясь, что Ефим примет предложение и будет его благодарить.

– Я не смог найти ни одной причины для того, чтобы согласиться работать у кретина! – громко и отчетливо сказал Ефим.

На следующий же день он был уволен.

Та же история повторялась многократно в самых различных местах. Ефим срывался и начинал орать на вице-президентов и президентов компаний, издевался над ведущими инженерами, и его с треском вышибали на улицу. По слухам, испуганные сослуживцы во время скандалов даже несколько раз вызывали полицию.

Заработанных денег Ефиму хватало на то, чтобы платить за комнату, в которой, кроме кровати и телефона, ничего не было, покупать водку и сигареты, приводить к себе женщин и дарить им небольшие подарки. Женщины его по-прежнему любили.

Наконец, одна из знакомых Ефима вдруг забеременела и решила рожать ребенка. Ефим осмотрелся и увидел, что папаша из него получится паршивый: в доме не было ни одного стула, и на подоконниках стояли стаканы с раздавленными окурками. В этот момент в

Ефиме проснулась энергия. Он решил расплатиться с долгами и купить дом. Для того чтобы заплатить по счетам, требовались деньги. Ефим со своим приятелем накупил каких-то подержанных деталей и за несколько недель собрал первую коробку с надписью «Пусик». Он рассчитывал продать пять-шесть приборов по несколько тысяч за каждый и накопить немного денег. То, что произошло, было совершенно непредвиденным: за в спешке собранные коробки положили большие деньги и сразу же заказали еще несколько.

Ефим снял маленький сарай и нанял нескольких китайцев для сборки. У дверей сарая выстроилась очередь, которая с тех пор только увеличивалась в размерах, и Ефим за несколько месяцев стал мультимиллионером. Оказалось, что никто в мире не был в состоянии повторить нескольких гениальных технических находок Ефима, и его изделие намного превосходило все другие коробки по своим возможностям и точности.

У Ефима родилась дочка, и он сразу же развелся с женой, об умственных способностях которой отзывался с тех пор весьма нелестно. Бывшая жена миллионера сразу же затеяла судебную тяжбу, надеясь отсудить часть ефимовских миллионов, но дело затянулось и так ничем и не закончилось.

Ефим начал вести светскую жизнь, купил дорогой дом, завел знакомства с местной элитой, но остался таким же, каким был всегда. Его холостяцкое жилище было холодным и неустроенным, казалось для жизни ему хватало только старого матраца. В доме у него все время жили какие-то старые и новые друзья, женщины стали добиваться его еще больше, чем раньше, купаясь в лучах славы и денег. Они постепенно обустраивали его домик, каждая на свой вкус: одна купила рояль, другая – диван со столиком, третья – кухонный гарнитур. Ефим иногда и сам забывал, кто живет у него дома и когда и где этот нахальный парень с тошнотворным украинским акцентом, снисходительно похлопывающий Ефима по плечу, успел с ним познакомиться. Он никому не отказывал, совершенно не по-американски помогая известным и неизвестным знакомым, давая немалые деньги на операции, лекарства и прочее.

Но это все было дома. На работе Ефим был другим. Он навсегда запомнил унижения своих первых лет в Америке и считал, что его компания является школой жизни для русских эмигрантов. Врожденный инстинкт подсказал ему отличное решение: как только в России начался бардак, Ефим постарался нанять как можно больше русских, в основном людей высочайшего уровня, которых он для этого выписывал из России, не скупясь, платя большие деньги адвокатам.

В отличие от множества крупных и мелких жуликов, Ефим платил людям нормальную зарплату, а также за счет компании оформлял им вид на жительство в Америке. Расчет был довольно простой и точный: год-другой люди работали на него, выкладываясь иногда из-за благодарности, иногда проникнувшись ответственностью, а бывало и в страхе потерять работу. Брал он на работу и отчаявшихся эмигрантов, зачастую искренне сочувствуя их лишениям и стараясь помочь, часто подбрасывал денег. С другой стороны, болезненный и тяжелый характер зачастую приводил к тому, что он буквально истязал и уничтожал тех же людей, особенно когда не обнаруживал в них гениальности или легкого сумасшествия. К тому же, колоссальный успех вскружил ему голову, и он привык считать, что его мнение абсолютно правильно и непогрешимо. На дурной характер оказывал свое влияние и усугубляющийся диабет - стоило повыситься уровню сахара в крови, и Ефим совершенно терял самообладание.

Какие-то неисповедимые психические мотивы или подсознательный гипнотизм привели к тому, что Ефим часто приходил делиться со мной сокровенными идеями. Быть может, я удачно делал вид, что всегда следую за его мыслью, даже когда он сам ее терял, и это повышало его настроение лучше, чем любая психотерапия.

– Понимаешь, – в сотый раз повторял Ефим, пристально глядя мне в глаза, – ну что они вкалывают? У нас уйма денег, дела идут хорошо, уходите домой в пять вечера! Нет, у них рабство какое-то в душе, они боятся, ты понимаешь? Забитые, мать твою, это рабство у всех из России в душе, они власть уважают, начальство. Им палка нужна, ты понимаешь? Крепостные! Ты же видел – он сидит, бледный, паяет. Потому что Леонид ему приказал. Леня молодец, он гоняет людей, но в конце концов, пошли его подальше! У тебя жена,

дети папу не видят, в пять вечера выключи свой паяльник и иди домой! – Ефим покачивал головой. – Сходи в оперу, здесь прекрасная опера!

Я соглашался, так как чувствовал, что в этот момент Ефим говорит совершенно искренне и сам верит в свои слова. С другой стороны, недавно я оказался невольным свидетелем того, как Ефим отчитывал провинившегося сотрудника, позволившего себе покинуть работу в начале седьмого в связи с какой-то семейной неурядицей.

– Сегодня ты с работы в шесть вечера ушел, а завтра убивать и грабить пойдешь! – кричал Ефим, раскрасневшись от гнева.

– Так я же без обеда, – робко оправдывался позеленевший от ужаса будущий убийца и грабитель, осознавая всю глубину своего морального падения. Все сотрудники знали, что пару лет назад Ефим уволил одного из основателей компании за то, что тот начал уходить домой в начале седьмого.

– Значит, сходишь в оперу? В Литтл-Три отличная опера. И купи себе домой рояль. Будешь играть, это для работы помогает. И обязательно заведи себе девку посмазливее, отвлекись. Знаешь, что ты все время с женой живешь, это же скучно! Заведи бабу и езжай с ней в Мексику. Да, – он иронично смотрел на меня, – я тебе все от компании оплачу! Только две недели из постели не вылезай и увидишь, как мозги прочистятся! Приедешь свеженький, чистенький, на работу накинешься как на зверя! – Ефим покачивал головой и неожиданно менял тему. – Вот Борис, он какой-то аскет. Как будто ему ничего не нужно. Врет, кобелина! У нас была секретарша красивая, он только вокруг нее и крутился. Так и не знаю, трахнул он ее или нет... Вообще-то надо нам в компании завести красивых девок, тогда мужики будут вокруг них крутиться и дело пойдет! Леня сумасшедший! Бегает, совсем форму потерял. Жалкий какой-то. Купил себе этот идиотский дом! Зачем ему, спрашивается, дом? Хрен знает где, даже не в Литтл-Три. Ну да, там рядом, но улицы не освещены. Влез как идиот, должен заплатить полтора миллиона. Откуда он их возьмет? Кончился человек, а хороший инженер был! Совсем стал старичок, такой пигмей, как-то сжался весь, все говорит: «Да, Ефим», противно даже. Ты купил рояль? Я вчера был на концерте, какая-то актриса читала Ахматову. Хорошо читала, с душой. Но вся эта русская ментальность... Вот говорят, в России не будет фашизма. А почему собственно не будет? У них для фашизма всегда все было. Я когда уезжал, меня раздели догола, в задницу железку засунули, кольца с бриллиантами искали. Это и есть фашизм! Друга моего услали на восемь лет в Сибирь за анекдот! Это не фашизм?

Как-то вечером Ефим пришел возбужденный:

– Вот ты хочешь наукой заниматься, ученые все, мать вашу так! А я только что прочел биографию Эйнштейна. Ужас! Мы думаем: Эйнштейн, теория относительности, а он был деспот, тиран! Такой маленький садистик с усиками, глазки выпирающие, Альбертик! Еврейский папашка, он жену свою колотил! Точно, про это в биографии написано! Как ни вечер, он ее колошматил! Ну, наверное за дело, она тоже стерва была порядочная, но каков гусь! И вообще, ты эту науку брось. Ну что этот твой Эйнштейн сделал? Он же неудачник! Подумаешь, теория относительности! Сидел годами в комнате, на бумажке каракули писал. Неудачник! Вот посмотри на меня: я инженер. Я сделал свою коробку, напихал внутрь всякого дерьма и продаю ее за сотни тысяч. И ни один вокруг ничего похожего сделать не может! Посмотри на меня, у меня все есть, я если захочу, могу остров в океане купить и на своем Боинге на него летать! Я себя реализовал, я удачный человек! А вы все в России с ума посходили, все с комплексами, все эти мамашки и папашки: сына в университет, чтобы учился! Дерьмо! И ты тоже: наука, наука. Ты бы лучше пошел, в схемотехнике разобрался, тоже бы спаял коробку и продавал ее. У тебя все получится, я же вижу. И тоже будешь счастлив безо всякой Нобелевской премии!

Этой ночью холодный огонек снова разгорелся внутри, и мне приснилось, что в сборочном зале ходит Эйнштейн с курчавой шевелюрой, в потертом свитере и стоптанных туфлях, совершенно не вписывающихся в Пусиковскую униформу, грустно копающийся в жужжащих серых ящиках и втыкающий в них кабели. Я обомлел и с какой-то болью в сердце подумал: «И он тоже». Вдруг рядом появился Ефим. Все происходило как будто в замедленном темпе.

«Идиот!» – говорил Ефим и показывал пальцем в сторону Эйнштейна. – «Неудачник!» – громко кричал он, и Эйнштейн втягивал голову в плечи и склонялся над развороченной коробкой. Ефим выпячивал нижнюю губу и злорадствовал: «Посмотри на него, одевается, как бездомный, штаны какие-то вытертые. Садист!». Ефим разводил руками. Внутри у меня все протестовало, я пытался возразить Ефиму, но язык не ворочался, и грустный основоположник теории относительности тщательно укладывал провода в большой ящик.

Я еще не догадывался о том, что мой сон был пророческим.

Глава 13. Академик.

Прямой, широкий и светлый, бывший Ленинский, а ныне уже кто его разберет какой, проспект пронизывал Москву, как стрела. По обеим сторонам его тянулись многоэтажные сталинской постройки дома, иногда запущенные, частью заново отремонтированные и массивными бельэтажами своих отштукатуренных балконов напоминавшие о прошедших временах, когда все в государстве было массивным, централизованным и упорядоченным.

Когда-то, Бог ты мой, было это все или не было, ранним прохладным утром из глубоких подъездов этих домов выходили молодые курсанты с голубоватыми погонами и иезуитским взглядом, обрюзгшие генералы в грязно-зеленоватых мундирах, украшенных орденскими планками и погонами, их полные жены в вычурных платьях, профессора в черных пиджаках и подрастающие нигилисты-шестидесятники, долговязые, худые и прожорливые, вечно жующие бутерброды и читающие «Новый мир». За высокопоставленными советскими специалистами и военачальниками подкатывали «Чайки» и «Волги», жители рангом поменьше спешили к метро или толкались, пытаясь пробиться сквозь толпу к подножкам утренних, промытых троллейбусов, снующих, как жуки, по проспекту мимо прохладных, тенистых витрин магазинов «Гастроном» с рядами белых бутылок из-под кефира, фальшивыми гипсовыми сырами и связками колбас.

Все это было в далеком прошлом. Тени бывших высокопоставленных обитателей домов сталинской постройки тускнели, из темных подъездов со стойким запахом кошачьей мочи бочком выходили старухи, одетые в обшарпанные старые пальто и закутанные в подобие меховых платков, ковыряли палками снег и, щурясь, смотрели вверх на яркое зимнее солнце. Уже давно не подъезжали к подъездам «Чайки» и «Волги», а по площади Гагарина носились Мерседесы и джипы, набитые странными типами, напоминающими гибрид первых секретарей райкомов с лидерами сицилийской мафии.

Проспект катился от Каменного моста мимо знаменитого серого дома правительства, казалось, еще хранящего память о ночных вызовах в Кремль и драмах, разыгрывавшихся в его стенах, мимо широкой бывшей Октябрьской площади, Первой Градской больницы и площади Гагарина с металлической иглой-шпилем, на юг, оставляя в стороне Нескучный сад и старый особняк Президиума Академии наук, корпуса академических институтов, гордую неоновую надпись «Атом на службе социализма» и магазин «Изотопы». Проспект уходил все дальше и дальше, минуя справа шпиль университета и, наконец, сливаясь с перелесками и новостройками у самой окружной дороги.

Академик вошел в свой кабинет и посмотрел в окно на сосны, покрытые белоснежными сугробами, голубое прояснившееся небо, соседний корпус, проглядывающий сквозь сосновую рощицу, наполовину заваленные снегом фонари, стоящие по сторонам пешеходной дорожки. Лучи солнца били в длинные стеллажи с книгами, освещали горы бумаг, лежащих на столе, пузырьки, колбы, пробирки с порошками и нагромождение блестящих кристаллов.

Настроение у него было хорошее, вчера, наконец, удался замечательный и давно задуманный эксперимент. Результат оказался неожиданным, и разрозненные факты постепенно начинали складываться в цепочку - стройную, изящную последовательность логических выводов и расчетов.

Он вспомнил молодость, Ленинград, ставший снова Санкт-Петербургом, великих лысоватых столпов науки и учителей в черных костюмах, измазанных мелом, деревянные лакированные кафедры, столы, покрытые зеленым сукном, бумаги, серый простор Невы и чуть сладковатый запах старого дерева. Свежесть, золотой век науки, только что создавшей квантовую механику и атомную бомбу. Какие люди ходили по этим коридорам и читали им лекции! Гиганты, непонятно каким образом пережившие революцию, голод и террор, рафинированные интеллигенты, с безукоризненно чистым, дореволюционным русским языком, с широчайшим кругозором, профессионалы, дотошные и цепкие,

преданные своей профессии, мелкие осколки старой элитарной России. Они несли свои знания и потенциал им, молодым, следующему поколению, сами постепенно уходя в небытие и вымирая один за другим.

Парадоксально, расцвет науки приходился на годы жесточайшего террора, колоссальных лишений народа и чисток интеллигентов. Россия, эта удивительная страна! Какой же потенциал был ею накоплен, если смогла она пережить такое и все равно быть родиной колоссальных научных идей и открытий. Кто это сказал? Страна, как мать, пожирающая своих детей.

Академик с грустью вспомнил, как великие старики уходили в прошлое и все мельчало. В течение нескольких десятилетий на его глазах исчезала та одухотворенная атмосфера творчества, все меньше оставалось рядом людей большого масштаба, все больше становилось безликих, серых, помятых и ограниченных полуученых-получиновников, стремящихся урвать побольше благ, получить власть и доступ к иностранным командировкам, завидующих и устраивающих подлости, сидящих на партийных собраниях...

Академиком он стал сравнительно недавно, когда порядки в Академии изменились, и политические игры уже не играли решающей роли. Да он и вправду не был типичным академиком – на заседаниях не сидел, бегал с утра до ночи с учениками, сам вытачивал детали на токарном и фрезерном станках, просиживал допоздна в лаборатории, грешил литературой, пил водку и спал у каких-то наполовину знакомых людей. Удивительное ощущение откровения и суеверного ужаса, возникавшего в душе в те моменты, когда приходилось сталкиваться с чем-то новым, было для него целью жизни, жажда этого ощущения засасывала и заставляла трудиться днями и ночами, забывая обо всем...

Академик поглядел в окно. Свежесть открывавшегося снежного пейзажа, залитого ярким солнечным светом, голубые тени на снегу, напоминали, что февраль уже на исходе и близится весна. Действительно, свет уже был весенний. Вскоре на снегу появятся проталины, и вдоль дорожек потекут небольшие ручейки, обнажающие прошлогоднюю жухлую траву и грязную землю. «А все-таки стоит жить!» – подумал он. Вчерашние эксперименты сидели внутри, он отгонял от себя мысль о предстоящей работе, как гурман, предвкушающий изысканное блюдо, но результаты экспериментов то и дело прорывались наружу, вызывая теплые волны радости и изумления.

Огромный академический институт в последнее время был полупустым и запущенным. В актовом зале уже, казалось, никогда не будут проводить некогда знаменитые семинары, окна в нем заросли паутиной. В туалете засорились сливные бачки, и дверь заколотили досками. Проходя мимо, академик инстинктивно прикрывал нос ладонью. Почти все толковые ребята разбежались, кто подался за рубеж, а кто бросил невыгодную науку и перепродает какую-то дрянь. Так проходит слава мира.

Институтом теперь заправляли непонятные личности. Серый, весь какой-то выцветший, с кадыком на шее и туповатым взглядом сельского недоумка бывший секретарь профкома сидел в дирекции и с умным видом ставил свою подпись на многочисленных бумагах. Академик помнил его еще студентом, непонятно каким образом попавшим в университет, видимо, для поддержания пропорционального классового состава студентов. Он был редкой дубиной, заикался от страха на экзаменах, жалко тряся своим худым кадыком, закатывал белки глаз и вызывал одновременно жалость и отвращение. Спасали его происхождение, комсомольская должность и активное участие в строительных отрядах, поездках в колхоз на сельскохозяйственные работы и в общественных митингах. Ходили слухи, что он был доверенным осведомителем КГБ, и студенты при его появлении переводили разговор на другие темы, торопливо тушили сигареты и расходились по комнатам.

Как-то раз, серым апрельским утром, академик увидел его раскрасневшимся, с мегафоном, выстраивающим сотрудников в шеренги и руководящим раздачей транспарантов. Он был одет в длинное кожаное темно-коричневое пальто и так и хотелось нацепить ему на рукав черно-красную свастику и послать сниматься в фильмах про становление фашизма в Германии.

За общественные заслуги деревенского комсорга взяли в аспирантуру. Ходили слухи, что диссертацию за него писал Лева Шульхер, толковый теоретик, сидящий на скромной должности в одном из отделов. Как бы то ни было, бывший комсорг, с грехом пополам, защитился и постепенно полез вверх по служебной лестнице. К счастью, в науке он никогда никому не мешал, видимо, ввиду полного непонимания происходящего, скромно сидел где-нибудь в сторонке, а при встречах в коридоре вежливо здоровался и улыбался, тряся своим кадыком и уводя в сторону немного дебиловатые глаза.

Он резко выдвинулся наверх тогда, когда жить в Академии наук стало совсем плохо, зарплату сотрудникам платить перестали, и институт начал стремительно пустеть. Директор уже давно ничем не руководил и начал собирать вокруг дирекции доверенных холуев. Все это было смешно, даже анекдотично, так как никакие повышения уже никого не могли прокормить и обычный слесарь или кооператор из местного подсобного хозяйства зашибал во много раз больше директора и всех его замов вместе взятых.

«Им бы коров пойти доить или трубы чинить», – подумал академик. Но каждый раз ему приходилось подписывать финансовые ведомости и заказы у бывшего неудачливого студента. Последний теперь важно восседал в красном кресле с лакированными подлокотниками и каждый раз противно щурился и постукивал пальцами по столу.

– Что-то вы опять не по форме отчет представляете, Григорий Семенович. Я понимаю, вы академик, человек заслуженный, но надо же и с другими считаться.

– Да нет же, посмотрите Николай Игнатьевич, все правильно. Мне бы подпись вашу получить, вы же понимаете, что это все сущие формальности, особенно в теперешней ситуации.

– Нет, не скажите! Существует установленный порядок, а ваш отдел, как будто специально, игнорирует инструкции. Это правильно, времена конечно изменились, но тематика, которой занимается Институт, в будущем может представлять и оборонное значение, так что прошу вас установленные порядки соблюдать.

– Николай Игнатьевич, давайте посмотрим правде в глаза. Вокруг такой беспредел, все рушится, никаких правил уже давно нет. Мы предоставляем вам не пустую бумажку, а серьезные результаты работы коллектива. Вы же знаете, что наша группа одна из ведущих в Институте. Ну что вам стоит, помогите нам, пожалуйста!

– Извините, уважаемый, ваши заслуги всем известны, но сделать ничего не могу. Вы как-то странно рассуждаете: порядка нет, законов нет. Потому и нет, что их никто не соблюдает. Имеются инструкции от Президиума, нормативные документы, ведомственные, так сказать, постановления. Я же не лично против вас, я в смысле общего порядка, так сказать, препятствую.

Академик вздыхал. Ему было противно, но ничего сделать с бывшим активистом он не мог. Тот как будто мстил за свою неполноценность, к тому же явно недолюбливал представителей малого народа и старался сделать все от него зависящее, чтобы отдел, руководимый академиком, получил поменьше фондов и благ.

Это было особенно обидно, так как в отделе осталось всего несколько толковых сотрудников, с которыми можно было работать, да и те с грустью смотрели на сторону. Все мельчало и вырождалось. Только Володя, нелепый и похожий на долговязого птенца, явно родившийся не в свое время, заикаясь, продолжал ставить все новые и новые эксперименты. Жена его была из глухой провинции и, по-видимому, была настолько счастлива жизни в однокомнатной квартирке на окраине Москвы, что не пилила его вечерами из-за того, что муж приносит домой мало денег. Да и деревенские родственники помогали то яичками, то свежим салом...

Академик снова задумался о странной и необъяснимой последовательности исторических взлетов и падений. Казалось бы, в двадцатые годы обстановка в стране была гораздо хуже, люди умирали от голода, но какие блестящие научные школы зародились в то время! Усталость. Усталость общества, вот в чем дело. Тогда в воздухе веяло свежим ветром, сейчас иллюзии утрачены. Эра идеалистов и интеллектуалов закончена. Они уже сделали свои ракеты и ядерные боеголовки. Наступает эпоха купли и продажи, куда выгоднее учиться делопроизводству, чем изучать законы всемирного тяготения.

Академик тяжело вздохнул. Он вспомнил, что серый недоумок с кадыком вчера решил использовать институтского механика, чтобы что-то починить в своем автомобиле. Как назло, понадобился он ему вчера, как раз в разгаре идущих экспериментов. Володя с механиком заканчивали вытачивать детальки, когда в мастерскую явился один из директорских пособников с брюзгливой физиономией и синяками под глазами.

– Кончай работать, Николай Игнатьевич зовет, – приказал он с порога.

– Щас, доточу деталь и пойду, – лениво отозвался механик, которому безумно надоели привередливые ученые, а левая работа сулила деньги и хорошее отношение начальства.

– Я сказал, бросай все и иди! Николай Игнатьевич ждать не будет!

Механик уже потянулся к кнопке, выключающей станок, но тут вмешался Володя, разгоряченный азартом идущего эксперимента.

– Никуда он не пойдет, пока работу не закончит! – тонким голосом крикнул он.

– А ты, сопляк, какое право указывать имеешь? – злобно огрызнулся мужик. – Скажу, чтоб шел, и пойдет, как миленький!

Кровь ударила Володе в голову.

– Да идите вы на х.. – крикнул он с надрывом и сам испугался сказанного.

Мужик побелел от злости.

– Ты об этом крупно пожалеешь, – сказал он, повернулся и ушел.

На столе у академика вдруг пронзительно зазвонил телефон. Он снял трубку. Из нее несся сердитый крик директора. «Я твоего сосунка в порошок сотру, уволю щенка, что он себе позволяет! Вы там совсем распустились, думаешь, что ты академиком стал, так тебе и твоим бандитам все можно?» – Из трубки неслись еще какие-то угрозы. Академик понял, что расчетами сегодня заняться не удастся и назревает крупный скандал. День был испорчен. Да и за окном погода вдруг резко начала портиться, накатили серые свинцовые тучи, солнце еще показывалось между ними, но ветер уже поднялся, и вершины сосен раскачивались на ветру, а по дорожке начали виться небольшие снежные змейки поземки...

У академика была старая привычка, которая немало помогала ему в плохие времена. В такие минуты он садился за стол, закрывал глаза, клал руки на голову и вспоминал о чем-нибудь хорошем. Ах, какие компании собирались у него дома! Какие друзья, блестящие, талантливые, с гитарами, ставшие ныне знаменитыми писатели и поэты, а девочки? Сизые клубы сигаретного дыма, сверкающее шампанское в бокалах и разговоры, разговоры, планы, проекты, замыслы. Сколько их было, маленьких и больших, и что бы они все делали без этих дружеских сборищ, создававших оболочку, державшую их на плаву и позволяющую отвлечься от омерзительной каждодневной реальности.

Где они сейчас? Некоторые уже умерли, других разметало по свету. И Москва и Петербург были теперь практически пусты, и только тени прошлого будоражили пустые улицы, знакомые до боли переулки и подъезды.

Недавно он впервые после многих лет заехал в любимый им квартал на Петроградской стороне. На пустынной улице грохотал одинокий трамвай. Серый дом с арками, в котором прошло его детство, все так же возвышался над узенькой улицей. Мутные потеки виднелись на штукатурке, тяжелая поскрипывающая дверь подъезда громко хлопала, и грязные, рассыхающиеся окна дребезжали при приближении трамвая. Пахло вонючей, кислой похлебкой.

Он зашел в темный подъезд и поднялся по лестнице. Тусклый свет с трудом пробивался сквозь узенькие готические своды окон, затянутые многолетней паутиной. Все те же, до боли знакомые черные и бежевые, чуть облупившиеся каменные плитки в прихожей второго этажа образовывали замысловатый узор, на который он любил глазеть, пока мама, возясь с сетками, набитыми буханками хлеба, луком и вермишелью, открывала тяжелую дверь позвякивающим ключом. Теперь резная дубовая дверь их бывшей квартиры была выкрашена грязно-коричневой краской. Около звонка краска была стерта от многолетних прикосновений человеческих рук и обнажала застарелый темно-зеленый слой штукатурки. Входная дверь скрипела точно как тогда, пятьдесят лет назад. Дверь громко хлопала, и сумрачный подъезд наполнялся гулким эхом.

Он вспомнил, как отсюда, из этой двери уходил на фронт отец, в смешном пенсне и длинной шинели и он с замиранием сердца смотрел, как сутулая спина исчезла из виду и только эхо шагов раздавалось еще с минуту. Он не вернулся назад, и никто так и не знает, в каком болоте под Ленинградом его нашла смерть...

Это был город призраков. Поколение за поколением поднималось в нем и безжалостно сметалось ревущим валом грядущих катастроф. Исчезли дореволюционные девочки в белых передничках, их папы в сюртуках и мамы в длинных платьях. Исчезли худые мальчики с удлиненными лицами и горящими глазами, читавшие стихи. Исчезли революционные матросы и интеллигенты, за которыми пришли ночью люди в кожаных пальто. Исчезли пионеры и пионерки в галстуках и их родители, удушенные тупым блокадным голодом и бомбежками. Мама, чудом уцелевшая, так и не смогла вернуться сюда жить, слишком тяжелы были воспоминания о пережитом. Трупы, трупы, умершие, уничтоженные, исчезнувшие, сложенные штабелями – академику стало страшно. Он вглядывался в темноту подъезда и видел сонм белых призрачных теней, колышущихся и машущих руками. Заболело сердце.

Он вышел на улицу и зажмурился от яркого света. На трамвайной остановке сидел пьяный в порванных брюках, забрызганных жидкой глиной. Он неподвижным взглядом посмотрел на академика и рыгнул. Тупое, красное, небритое лицо, казалось, ничего не выражало.

Мимо пронеслась блестящая импортная машина с открытыми окнами, из которой грохотом доносилась блатная песня. В машине сидел совсем еще молодой мальчик с наглым и бледным лицом, тронутым, как показалось академику, ярко проступающими чертами порока. Что-то омерзительное, гадкое и нечистоплотное виделось во всем этом.

Академик прислонился к двери и закурил. Он не курил уже давно, но всегда носил с собой пачку «Беломора» на крайний случай. Едкий дым защипал горло, он с наслаждением вдохнул его и еще раз посмотрел на старый подъезд, выщербленный асфальт. Вдруг он остро почувствовал, что больше никогда сюда не вернется...

Успокоиться никак не удавалось. Тупая боль поднималась в груди. Все смертельно надоело. Одинаковые, звериные и тупые бездари, идиоты, во все времена заправляющие делами и вытаптывающие все светлые ростки. Вся его жизнь прошла в борьбе с такими вот большими и маленькими выродженцами, год за годом, день за днем, все, что он делал, все, чего добивался, было сделано вопреки им. Все, решительно все, начиная с поступления в университет, куда его не брали из-за происхождения, и заканчивая написанием статей.

Он вспомнил о Жоре, старом толстом весельчаке Жоре, любимце женщин, заводиле их компаний и гениальном музыканте. Жора уехал из России уже больше пятнадцати лет назад и прославился тем, что позвонил одному из своих недругов в режимный институт по прямому телефону.

«Привет, – радостно сказал Жора. – Ты знаешь, здесь здорово. Ты ведь думал о том, чтобы смотать удочки? Забудем старые счеты, я тебе помогу!»

Сразу же поднялся шухер, и незадачливый абонент был немедленно уволен, несмотря на безукоризненную репутацию и многочисленные объяснительные записки и письма в КГБ.

Друзьям Жора из осторожности тогда не звонил. Зато теперь, с наступлением свободы, он каждую неделю набирал номер академика и часами трепался, вспоминая старое.

– Чего ты сидишь, дурак? – кричал Жора. – Ты думаешь, они тебе спасибо скажут? Ты так и будешь вкалывать, как папа Карло, до опупения. Ну стал ты академиком, знаменитый, твою мать! Они Сахарова пощадили с его звездами лауреатов? Ни хрена! Поезжай куда-нибудь, поработай год–другой, посмотри мир. Ты же закиснешь там!

Академик обычно старался переменить тему разговора, но это ему не всегда удавалось.

– У меня такой друг молодости есть! – продолжал фонтанировать Жора. – Это живая легенда, американская мечта! Он создал целую корпорацию, Фимка Пусик, а каким голодранцем был, хуже нас с тобой. Он отличный парень, я у него как-то был, ты не представляешь себе! Отгрохал огромное здание с окнами из темного стекла, сортир

мрамором и золотом сияет, все с иголочки! У него домина с участком, тебе не снилось такое! Вот как надо жить. Кстати, он меня спрашивал, не знаю ли я кого-нибудь с мозгами. Ему мозги нужны, это точно. Он помогает людям. Слушай, поезжай к нему, поработаешь, у него свой академик будет, а ты ходы в университеты за это время найдешь. Отличная идея, чем тебе плохо? Место райское, климат изумительный, отдохнешь от своих кретинов. Оборудуешь лабораторию, может, какую идею продашь. Даже не сомневайся, я ему позвоню сегодня же!

– Куда же я поеду? – отпирался академик. – У меня ребята, лаборатория, эксперименты идут.

Он гнал от себя эту мысль, хотя все чаще возвращался к этой идее.

Однажды зазвонил телефон.

– Григорий, привет, это Ефим Пусик из Америки, – голос был мягкий и довольно приятный, с легким одесским акцентом. – Слушай, мне тут Жорка про тебя рассказал всякого. Ты имей в виду, я друзьям доверяю больше, чем себе, – в трубке раздался странный смешок. – Если только захочешь или тебя там прижмут, дай знать. Мне от тебя ничего не нужно, считай, что это филантропия. У меня денег слишком много. Я хочу хорошим людям помочь. Понял? Подумай. Я тебе выделю комнату, занимайся, чем хочешь, отдохнешь, годик поживи, может, чего и получится интересное. Хочешь, даже парочку ребят твоих выпишем. Поживите спокойно, подумайте. Я ведь все понимаю. Ну пока, значит имей в виду, если чего надумаешь – звони.

В трубке раздался длинный гудок. Академик еще с минуту держал ее в руке, прислушиваясь к шуршанию и далеким щелчкам, доносившимся из космических глубин, и только затем повесил ее на место. «А, может, и правда махнуть в Америку на годик, выписать туда пару ребят и поработать спокойно?» – мелькнула в голове мысль. Он отогнал ее в сторону, открыл тетрадь с записями последних экспериментов и, раздраженно сопя, начал делать расчеты.

Глава 14.
Эдик.

Те выходные, в которые удавалось избежать ударных трудовых вахт в залах Пусика, были подарками судьбы. Пустынные утренние улицы Литтл-Три были покрыты утренним туманом, наползающим с холодного океана, но часам к одиннадцати сквозь серую пелену проступало солнце, разогревавшее еще влажную с ночи землю, и в воздухе поднимались ароматы хвои, свежей травы и цветения. В такие минуты я долго лежал в постели, стараясь не думать о работе и предвкушая спокойный, неторопливый день.

В один из таких залитых солнцем, прозрачных осенних дней раздался телефонный звонок. Телефон звенел особенно энергично и напористо, излучая недобрую космическую энергию. Обычно такие звонки не предвещали ничего хорошего и, в лучшем случае, заканчивались срочным вызовом на работу для ударного устранения очередных неполадок в системе.

Особенно участились вызовы в последнее время, так как Леонид был крайне раздражен и не давал спуска сотрудникам. Дурное настроение вице-президента было вызвано тем, что недавно Ефим ненавязчиво порекомендовал ему переехать в новый дом. Дом этот, который Ефим присмотрел лично , был расположен в «правильном» месте, то есть в пределах пешей досягаемости от центра Литтл-Три. Естественно, что стоимость правильного дома заставляла останавливаться дыхание и леденеть кровь в жилах. Робкие возражения Леонида вызвали яростный гнев президента и, несмотря на отчаянные попытки открутиться, вице-президенту пришлось немедля справлять новоселье. Свой старый дом, Леонид был вынужден спешно продать, успев прожить в нем всего несколько месяцев и потерпев при этом значительные убытки.

Телефон продолжал звонить. «Брать или не брать?» – подумал я, но рука уже потянулась к трубке.

– Привет, – раздался бодрый голос Леонида. – Мне только что звонил Ефим. У него какой-то гость дома, и он хочет, чтобы вы встретились. Срочно езжай к нему домой! – Я облегченно вздохнул. Визит к Ефиму, хотя и мог занять остаток дня, не предвещал особых неприятностей.

Ефим жил в одном из самых дорогих районов Литтл-Три. Его дом находился на вершине небольшой горы, заросшей невысокими деревцами и кустарником. С холма открывался потрясающий вид. Вся знаменитая долина, океанский залив, бесконечные белые домики, покрытые красными черепичными крышами и зеленые перелески, горы, университет – все было видно, как на ладони, и этот мирный пейзаж навевал мысли о бренности и микроскопических масштабах человеческой жизни на планете Земля.

Дорога долго крутилась серпантином, урчал мотор, и, наконец, передо мной открылась зеленая лужайка и застекленная веранда дома, в котором жил Ефим. Около дома стоял невысокого роста мальчик с непропорциональной фигурой, чуть сутулый, в ослепительно белых кроссовках и ярко-голубых джинсах.

Он нерешительно подошел ко мне и заговорил тоненьким, почти что детским голоском, с немного заискивающей улыбкой:

– Здравствуйте, это вы приехали к дяде Ефиму?

– Да, – ответил я, – он хотел, чтобы я с кем-то встретился.

– Это он обо мне говорил, – мальчик протянул мне руку и вдруг я с удивлением заметил, что в его висках пробивается седина. – Меня зовут Эдуард, но все называют меня Эдик.

Голос Эдика был немного капризным и высоким, какой бывает у закормленных, избалованных детей, окруженных няньками и домохозяйками, семейных тиранов, готовых

в истерике броситься на пол и топать ногами, пока им не принесут давно желанную красную заводную пожарную машину.

Мы прошли в дом. Ефим был одет в просторную грязноватую майку и вытертые джинсы. В этом домашнем обличье он казался усталым добрым дедушкой из Жмеринки, который вот-вот начнет пичкать своих внуков домашними пирожками с вишнями.

– Вот, познакомьтесь, – Ефим махнул рукой в сторону Эдика. – Из Кембриджа[1] приехал поговорить. Я когда-то его родителей хорошо знал. Поговори с ним, может быть, возьмем его к нам в компанию. Парень, вроде толковый, – при этих словах Эдик смущенно улыбнулся, – разберется в производстве, сделаем вас с ним начальниками. Да, мне Борис с Леонидом надоели, пора менять команду, нам нужна свежая кровь. Правильно? Я и тебя с этими мыслями пригласил. И не ошибся. Но ты ловкий оказался, из-под Бориса уполз как-то незаметно, на четвереньках и хорошо себя чувствуешь. Знаешь, умные люди не помешают. Мне еще одного академика из Москвы рекомендовали, говорят гениальный человек. Так что создадим свою Академию Наук. – Ефим хихикнул. Холодный белый огонек снова затрепетал у меня в груди, и я почувствовал тревогу. – Ты понимаешь, – он развел руками, – профессоров и доцентов у меня до хрена, а академиков пока еще не было. А то у нас атмосфера какая-то затхлая, люди боятся, Борис, как штурмфюрер, бегает, командует. Надо, надо менять стиль.

– Я разберусь, дядя Ефим! – снова детским капризным голоском сказал Эдик. – Вы знаете, дядя Ефим помог мне спаять мой первый усилитель. Еще в Москве, когда мне было одиннадцать лет! Он у меня не работал и дядя Ефим мне показал, какие детали надо припаять.

Ефим довольно ухмыльнулся. Мы прошли в соседнюю комнату. Я разглядел Эдика вблизи и понял, что, несмотря на детскую внешность, он был, по крайней мере, моим ровесником, если не старше меня.

– Эдик, простите, – спросил я, –сколько вам лет?

– Много, – Эдик замялся, поставленный в тупик таким прямым вопросом. – У меня уже дочка взрослая, в университет поступила. Мне уже сорок три.

Он посмотрел на меня прозрачным детским взглядом, и мне стало даже неудобно за явную бестактность моего вопроса.

– Дядя Ефим просил меня рассказать вам о моей работе, – начал Эдик. Он достал из портфеля кучу бумаг и аккуратно разложил их на диване, вздохнув и поджав под себя ноги в кроссовках. – Начнем, пожалуй? – он набрал в грудь воздух и начал торопливо говорить голосом нудного школьного отличника, переживающего период полового созревания. При этом Эдик суетился, быстрыми движениями языка облизывал губы и периодически складывал их бантиком. – Я еще в шестнадцать лет сдал теоретический минимум Ландау См. комментарий[2].

Эдик снова торопливо облизал тонкие губы, и голос его стал совсем тоненьким, так что мне показалось, что он сейчас сорвется. Он посмотрел на меня, явно ожидая увидеть реакцию.

– Когда дядя Ефим приходил домой к папе и маме, я часто с ним играл. Затем я работал в Академии Наук, теоретиком. Я занимался проблемой образования волн в космосе, теоретической гравитацией, теорией поля. Особенно меня привлекала квантовая электродинамика. – Он достал из портфеля еще одну папку. – Это мои статьи на эту тему, опубликованные в Докладах Академии Наук. В этой статье я рассматриваю очень интересную проблему... – Неожиданно лицо его помрачнело. – Ах, боже мой, что же я наделал! – он с отчаянием посмотрел на меня и снова облизал губы. – Я опаздывал на

---

[1] Для жителя США, или для человека, сотрудничавшего с Массачусетским Технологическим Институтом, Кембридж – прежде всего город в штате Массачусетс, а не в Кембрджшире, Великобритания. (ред.)

[2] Ландау Л.Д. (1908-1968) после автомобильной катастрофы и клинической смерти в 1962 году продолжал работать со студентами, хотя сильнейшие повреждения головного мозга не позволили ему продолжить полноценную творческую работу. (ред.)

самолет и, когда улетал к дяде Ефиму, взял с собой не те публикации. Ну ничего, ничего страшного! – Эдик торопливо выбросил из себя эту фразу и снова перешел на ровный капризный тон, – эти статьи, собственно, посвящены той же теме, только рассмотренной с другой точки зрения. Когда мы решали уравнение Пуассона для частицы, движущейся в гравитационном поле...

Я очень любил физику, но почувствовал, что начинаю отключаться и, чтобы не заснуть, был вынужден посмотреть по сторонам. В салоне у Ефима на полу стоял огромный телевизор и шкафчик со множеством видеокассет. Я перевел взгляд на потолок, поддерживавшийся толстыми темными деревянными балками.

– Вы меня не слушаете? – обиженно спросил Эдик. – А дядя Ефим так о вас хорошо отзывался. Что же мне теперь делать? – и на лице его появились испуг и недоумение.

– Эдик, – сказал я, –верю, что вы сделали много хороших работ. Лучше расскажите о Кембридже, разве вам там не нравится? Учтите, Пусик производит аппаратуру, и квантовая теория поля ему совершенно не нужна.

– В Кембридже я занимался исследованиями. – Эдик сложил губы бантиком. – Нет, нет, там очень интересно и очень хорошо, но зарплата маленькая, и все время штурмовщина, гранты, отчеты. Ведь как получилось, у меня дочка поступила учиться, ей нужны деньги. Я позвонил в Москву маме, пожаловался, а она вспомнила про дядю Ефима и перезвонила ему. Тогда дядя Ефим предложил сделать меня заведующим отделом. Я даже не очень хотел сюда ехать, все-таки другое побережье Америки, но мама сказала: «Эдик, дядя Ефим сам тебе работу предложил, неудобно отказываться». Вот я и приехал в гости посмотреть вашу фирму.

Я с удивлением посмотрел на собеседника. Немного нелепая детская фигура, капризный голосок, груда разложенных статей, испещренных формулами, создавали впечатление взрослого ребенка, человека не от мира сего. «А может быть, он гений?» – пронеслось у меня в голове.

– Эдик, – начал я. – На вашем месте я бы серьезно подумал и выяснил бы у Ефима, какой именно работой вы собираетесь заниматься. – Я сам работал в Академии и в университете, но когда попал к Пусику, мне было очень тяжело. Учтите также, что здесь жизнь совсем не легкая и Кембридж может показаться вам раем по сравнением с местными нравами.

– Ну что вы! – Эдик был явно обижен. – Дядя Ефим так со мной хорошо поговорил. Он и маме обещал, что меня не обидит! Да, я же не закончил рассказывать о моих работах. – Эдик подбежал к телевизору и вставил кассету в видеомагнитофон. – Это результаты моих расчетов, представленные в виде короткого фильма.

На экране начали мелькать голубые и красные квадратики, и Эдик снова увлеченно залепетал, пытаясь объяснить мне глубокий смысл происходящего. В этот момент в комнату вошел Ефим.

– Ну что, поговорили? – спросил он.

– Да, дядя Ефим. – Эдик засуетился. – К сожалению, я забыл в Кембридже часть своих публикаций, но зато я по ошибке привез статьи по схожей тематике, так что мы смогли выйти из положения. А сейчас мы смотрели короткометражный фильм, который я показывал вам вчера вечером, когда прилетел. Он посвящен проблеме возникновения разрывов в четырехмерной структуре пространства-времени. У меня есть еще одна кассета, и я вам обязательно хотел ее показать.

Эдик говорил быстро, суетливо и выглядел нелепо. Ефим брезгливо поморщился.

– Отдохни, приди в себя, – оборвал он его. – Вы в своем Кембридже совсем уже с ума посходили. Пространство... Я в вашем пространстве живу, понимаешь, о чем я говорю? Мне главное, чтобы производство хорошо пошло. Надо Бориса с Леонидом от дел отодвинуть. Разберись с приборами, парень ты толковый. Ведь и пожить красиво хочется, правда? Здесь место хорошее, я маме так и сказал, я тебя не обижу. Расслабься, поживи в свое удовольствие.

– Хорошо, дядя Ефим. – Эдик, как нашкодивший ученик, наклонил голову.

– Вроде толковый парень, да? – Ефим обращался ко мне. – Немного сумасшедший, но это неплохо, я сам такой. В Кембридже работал, там ведь дураков не держат, правильно? Да и родителей я хорошо знаю, возьмем его, правильно? Нам нужны новые люди.

– Спасибо, дядя Ефим, я постараюсь хорошо работать. – Эдик окончательно смутился и покраснел.

– Завтра с утра отвези его в компанию, – Ефим снова поморщился, – пусть посмотрит на производство, познакомится с Леней. Вот ты что-то придумаешь, он может быть тоже придумает, академика из Москвы вызовем. Накалякаете научных статей и напишете «Спасибо дяде Ефиму.» – Ефим засмеялся.

На следующее утро я заехал за Эдиком по дороге на работу.

– Ах, какая у вас машина красивая, – подросток-теоретик из Кембриджа ощупывал обивку и сиденья. – У дяди Ефима хорошо, а мы в Кембридже ездим на таких стареньких развалюхах. Даже у известных профессоров старые машины. Нам там совсем денег не платят и даже наоборот, считают, что получать высокую зарплату неприлично.

– Да, – я был осторожен, – но за все надо платить.

– Ну что вы, – Эдик был явно воодушевлен, – попробуйте прожить на университетскую зарплату, мы каждую копейку считаем. Мне дядя Ефим так и сказал: «Эдинька, поживи вольно, вздохни полной грудью, что ты мучаешься?» Да, мама с папой наверняка будут рады.

Эдик был явно увлечен перспективами повышения зарплаты. «В конце концов, какое мое дело», – подумал я и решил его не расстраивать. Мы уже подъезжали к зданию компании.

– Подумать только! – в изумлении и восторге заверещал Эдик, – какая огромная вывеска «Пусик», а когда-то в Москве папа давал ему взаймы десятки и пятерки! Неужели это здание компании? С ума можно сойти, да у дяди Ефима целая промышленная империя! Обязательно позвоню папе и ему все расскажу! Такое огромное здание. Да сюда весь наш факультет из Кембриджа поместится! –Эдик увлеченно бегал среди стеллажей с деталями, щупая их руками, и продолжал восторженно удивляться.

– Эдик, я хочу вас еще раз предупредить, что вам придется непросто, – начал я. – В каждом деле необходим профессионализм, а он приходит после многих лет работы. Ведь нельзя же научиться играть на рояле за несколько дней...

– Ну что вы! – Эдик надулся. – Я же в детстве был радиолюбителем. И по программированию занял первое место на всесоюзной олимпиаде школьников, когда еще первые компьютеры только появились. Интересно, где дядя Ефим сделает мне кабинет?

– Вообще-то в компании свой кабинет только у Ефима и у Леонида. Так что я бы не рассчитывал на отдельную комнату, тем более, что их у нас практически не существует.

– Ничего, я себе отгорожу закуток. Надо будет выписать научные журналы. У вас сколько библиотечных дней в неделю? Ах, какое солнышко на улице, а в Кембридже в это время уже слякоть, какое дядя Ефим замечательное место выбрал!

Эдик подбежал к терминалу компьютера, за которым сидел один из Пусиковских старожилов, молчаливый китаец Вонг, пухлые белые руки которого, как птицы, летали над клавиатурой. – Ах, как интересно, а на каком языке программирования вы работаете? А вы используете структуры? Когда я работал в Кембридже, я самостоятельно написал большую программу, выводящую результаты на экран. Вы мне можете рассказать о ваших программах?

Вонг, несколько ошарашенный таким натиском, начал что-то объяснять Эдику.

– Ну что вы, разве так можно организовывать работу? – Эдик явно входил в роль руководителя. – Это же прошлый век! У нас в Кембридже на персональных компьютерах никто не работает!

Борис, сидящий за соседним столом, уже несколько минут неодобрительно присматривался к происходящему, играя желваками. Наконец, терпение его лопнуло, он решительно встал и подошел ко мне.

– Мне надо с тобой поговорить! – он взял меня за руку, отвел в комнатку для совещаний и закрыл за собой дверь.

– Что это за идиот? – зло спросил он по-русски.

– Ефим просил показать ему компанию, он работает в Кембридже.

– Почему он ходит здесь и пристает к людям? Что, Ефим хочет взять его на работу?

– Я не знаю наверняка, – осторожно ответил я. – Спроси у Ефима.

– Почему он пришел в компанию в джинсах? – Борис явно заводился.

– Он здесь вообще проездом, сегодня улетает обратно, да и Ефим ему ничего про местные порядки не объяснил.

– Тогда ты объясни ему, что к чему. Это то, чего я боялся. Ефим берет на работу недоумков и хочет развалить компанию. Кто он такой?

– Сын каких-то старых приятелей Ефима. Он физик-теоретик.

– Еще один русский! У нас уже какая-то русская компания получается. Что он здесь будет делать? Отвлекать людей разговорами? – Борис вышел из комнаты, сжав кулаки.

В воздухе запахло грозой, но Эдик явно ничего не замечал и, увлеченно облизывая тонкие губки, сложенные бантиком, объяснял остолбеневшему Вонгу особенности квантовых переходов. Вонг явно ничего не понимал, но из вежливости покачивал головой, как китайский болванчик.

Около меня появился Андрей с важным и многозначительным лицом.

– Это тот самый сын друзей Ефима? – спросил он начальственным тоном. – Боря мне только что на него пожаловался. Между прочим, он отвлекает Вонга от работы, а каждая минута его труда стоит компании денег. Немедленно уведи его, это непорядок!

Я отметил про себя, что меня уже отождествляли с Эдиком.

– Эдвард, – вежливо позвал я визитера, – нам необходимо срочно поговорить.

Эдик недоуменно посмотрел на меня.

– Мне понадобится еще ровно четыре минуты, – поджав губы, ответил он. – После этого я в вашем распоряжении. – Он улыбнулся и нежным взглядом посмотрел на оторопевшего Вонга, почему-то намертво застывшего в неестественной напряженной позе, тупо глядя перед собой остекленевшим взглядом и изредка помаргивая сквозь выпуклые стекла очков своими раскосыми глазами. Эдик снова сложил губы трубочкой, взгляд у него посветлел, прояснился, и он немного наклонил голову набок, как петух, плотоядно подкрадывающийся к курице. – Это очень про-о-осто, – тягучим тоненьким голоском продолжал он, – в проектировании программ соблюдается своеобразный закон сохранения эне-е-ергии...

Вонг продолжал моргать, застыв в той же позе. Мне неожиданно стало смешно, я отошел за угол и затрясся от беззвучного хохота. За мной за угол зашел Андрей, который был основательно взбешен.

– Что ты смеешься, – прошипел он, и лицо его побагровело, – немедленно прекрати это безобразие! Этот тип парализовал нам работу. Посчитай сам: Борис вынужден идти объясняться с Ефимом, я тут с тобой время теряю, ты не на рабочем месте, да еще Вонга загипнотизировали. Ты на него посмотри, он же в сомнамбулизм впал!

При этих словах на меня напал новый взрыв истерического хохота, я скорчился, но вынужден был тут же распрямиться, так как в комнату вошел Ефим.

– Листен, Листен, – он с ненавистью смотрел на Андрея. – Что происходит, не успел человек появиться, как мне на него идут жаловаться. Борис пришел, ты тут как тут. У тебя есть свое дело или нет? Есть?

– Есть, Ефим. – Андрей мгновенно утратил величие.

– Ну и иди работать! Борис, как комиссар, пришел мне жаловаться! Ну и что из того, что он к людям пристает, это даже хорошо! Вы здесь засиделись, варитесь в своем соку! Он толковый парень, у него идеи какие-то в голове крутятся, ты понял, о чем я говорю? – Ефим в раздражении покачал головой. – Пойдем, надо поговорить, – он пригласил меня выйти в коридор.

– Ты понимаешь, они накинулись, говорят, Эдик отвлекает людей. Нет, может быть, я глупость делаю, но я хочу здесь что-то изменить. Ты понял? Все-таки другой человек, может быть, он херню несет, но нам нужна какая-то встряска. Вот он с Вонгом поговорил, а Вонг, может быть, от экрана отвлечется, посмотрит в окно, скажет: «Да пошел этот Ефим к такой-то матери» и уедет в горы на лыжах кататься. Ты понимаешь? Ну нет, я ничего против Лени и Бориса не имею, но скучно как-то, затхло. Нам нужна свежая кровь, представление. Ты понял? Хрен с ним, если он даже ничего не сделает, пусть он круглый идиот, все равно, люди уже зашевелились, забегали. Ты на Бориса посмотри, челюстями двигает, как будто запах мяса почуял. И Андрей на запах прибежал. Как гиены или волки. Это нормально, у них даже румянец на лице появился, здоровые, хищные реакции! Пусть побесятся. Вот я Эдика начальником над Борисом поставлю, тогда начнется игра! Я тебя хотел подставить, но ты не захотел воевать, умнее оказался. А этот дурак хочет, понял, в чем дело?

– Ефим, – я пришел в ужас от далеко идущих планов президента, – подумайте о деле. Эдик, конечно, парень умный, но для того, чтобы войти в курс дела ему понадобится по меньшей мере полгода, да и склад у него совсем не такой, чтобы заниматься производством.

– Листен, Листен! – Ефим начал раздражаться. – Это херня полная. Да любой идиот сможет все сделать. Ты думаешь, Борис такой уникальный? Он идиот, и Леонид мудак, Эдик, конечно, тоже мудак, я же все вижу. Полный идиот, но своеобразный, ты обратил внимание, как он губки вытягивает? Голову наклонил и как бульдог вцепился, челюсти не разведешь! Может быть, я глупость делаю, но ты мне помоги, понял? Мне нужна твоя помощь!

Разговор с Ефимом меня окончательно запутал. Ничего не подозревающий Эдик, раскрасневшийся от только что прочтенной лекции, спешил поделиться со мной впечатлениями:

– Все-таки у дяди Ефима далеко не все продумано. Надо же, я даже удивляюсь, такое производство, и люди ничего не слышали о теории сложных систем!

– Эдуард, мой вам совет, оставайтесь в Кембридже, – я попытался сказать это как нельзя более жестко. – У вас там хорошая репутация, здесь же придется тяжело, это грубое производство, и поменять существующие порядки будет сложно. И еще, я советую быть поосторожнее с людьми, здесь сложились свои порядки...

– Это только кажется, – Эдик обиженно вытянул губы. – Когда дядя Ефим назначит меня руководителем отдела, я обязательно все изменю. Как же я могу остаться в Кембридже, когда мама обещала дяде Ефиму, что я соглашусь? Нет, сегодня же улетаю обратно и начинаю собирать вещи!

Я глубоко вздохнул. Жизнь в компании «дяди Пусика» обещала быть бурной и интересной.

Глава 15. Совет.

Утро выдалось хмурым и прохладным. Академик встал рано, посмотрел на привычные ряды серых многоэтажных домов с глазницами окон и бельем, болтающимся на узких балкончиках, потом долго плескался в ванной, тщательно побрился и умылся холодной водой. Кожа на щеках покраснела, одеколон пощипывал лицо, и он почувствовал, что выспался и достаточно бодр, чтобы встретить предстоящие испытания.

Академик подошел к старому дубовому шкафу и достал черный официальный костюм, который одевал лишь по особо важным случаям. На лацкане пиджака поблескивал профиль Ломоносова, выдающий принадлежность обладателя к научной элите огромной, подергивающейся в конвульсиях страны. «Великая, могучая... Эх, как бы она не дернулась в своих схватках слишком сильно, так что всех подомнет под себя,» – подумал академик. Он затянул галстук на белоснежной накрахмаленной рубашке и пристально посмотрел в зеркало. «Сойдет, – решил он, – для своего возраста я еще прилично выгляжу».

День предстоял омерзительный. Заседание Ученого Совета института решало многое. На академика уже давно катили бочку. Друзья не раз передавали ему, что в дирекции накопились письма с обвинениями, доносами и жалобами. В чем только его не обвиняли! И в нарушении этики, и в разбазаривании ресурсов, и в укрытии от коллектива института каких-то средств и приборов, и даже в прямом воровстве институтского имущества, включая лабораторный спирт. В последнее время дело приняло еще более серьезный оборот, так как бывший профорг, а ныне замдиректора был близким другом и собутыльником новоиспеченного представителя недавно преобразованных Органов. Как намекали доверенные лица, недавние обвинения напрямую связывали имя академика с незаконной продажей секретных технологий на Запад за иностранную валюту.

«Господи, опять все повторяется», – подумал академик. Он только посмеивался над нелепыми обвинениями, но в последние недели Академика вызывали к директору, в Президиум Академии Наук, с ним беседовал следователь, откормленный мужик в штатском, явно соскучившийся по работе.

До поры до времени директор сдерживал подчиненных. В конце концов, практически вся наука в Институте делалась академиком и его учениками. Что-то изменилось в последние месяцы, видимо директор сам попал в какую-то непонятную постороннему наблюдателю зависимость от своих серых и черных кардиналов.

«Что-то за этим стоит, – думал академик, – не может быть, чтобы он так просто уступил им. Нет, они чем-то повязаны.» Он с тоской подумал о том, что многие из тех сотрудников, от которых можно было ожидать какой-либо поддержки, давно разбросаны по различным университетам и компаниям Европы и Америки, находясь в бессрочных отпусках. Они, быть может, раз в году наезжали в Москву на пару недель проведать родных и знакомых. В опустевшем институте остались всего несколько странноватых энтузиастов, увлеченно копающихся в книгах и в своих установках.

Он вошел в просторный и темный холл. Вахтер, сидящий у тускло освещенной будочки, лениво и особенно нагло осклабился. «Все они одна шайка-лейка, – подумал академик. – Какая чудовищная инерция сидит у людей внутри. Взять хотя бы этого зажравшегося вахтера, на кой черт здоровый, красномордый мужик сидит и пропускает в здание научных сотрудников, когда всем давно известно, что другая дверь, выходящая в заваленный ржавым хламом институтский двор уже несколько месяцев не запирается? Пошел бы работать в частную компанию, даже шофером, заколачивал бы в десять раз больше. Ан-нет, сидит, выслуживается перед директорской сволочью как в старые времена. Он ведь даже не задумывается о том, что если так дальше пойдет, то и Институт, в котором он сидит, закроется сам собой за ненадобностью. А, впрочем, может быть я слишком наивен и дело к тому и идет – он ждет, пока всех этих ученых вытравят поганой

метлой и тогда они с дирекцией потрут руки, да и откроют в пустом здании контору по перепродаже куриного дерьма и металлолома! Вот он и сидит, дожидается своего звездного часа.»

Академик прошел мимо группки сотрудников.

– Здравствуйте, Григорий Семенович, – они как-то испуганно взглянули ему в лицо.

– Здравствуйте.

«Ждут, ждут, чем дело закончится,» – подумал академик. Он решил начать свое выступление на совете с перечисления научных результатов, полученных руководимым им отделом.

В просторном актовом зале на стене висели запыленные от времени портреты столпов Российской и мировой науки. Строгие усатые и бородатые старцы уже многие десятилетия глядели неподвижным взглядом на ряды кресел и на далекие сосновые перелески, видневшиеся за широкими окнами. Зал был уже наполовину полон. На сцене стояла деревянная кафедра для выступающих с выгравированным гербом СССР и с уже потерявшей свою актуальность надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Около кафедры стояли столы, покрытые зеленым сукном. Далеко в углу виднелся наполовину прикрытый белый гипсовый бюст Ленина. Его так и не удосужились убрать из зала заседаний и, задвинув в угол, стыдливо прикрыли старой занавеской. Занавеска сползла в сторону, и запыленный руководитель российских большевиков, покрывшийся мелкой паутинкой гипсовых трещинок, с хитроватым, чуть монгольским прищуром всматривался в зал.

– Григорий Семенович, ждем, ждем! – за столами уже сидели директор, двое его заместителей и несколько приближенных. –Сегодня вы у нас, так сказать, герой дня! – Директор отвел глаза в сторону.

«Стыдится, – подумал академик. – Чувствует, что делает грязную работу, но держится за свой вонючий пост.»

– Мы сегодня, Григорий Семенович, начнем с обсуждения вас членами трудового коллектива. Так сказать, вопрос в последнее время встал очень остро, накопились замечания. – директор явно играл на публику. Бывший секретарь профкома с кривой улыбкой кивал, двигая кадыком.

– Нет, я прошу вас вначале дать слово мне. – Академик чувствовал, что злость поднимается у него в душе и старался себя сдержать. – В конце концов, это Ученый Совет, и мы находимся в Институте Академии Наук и получаем зарплату за свою работу. Так что я считаю, что Ученый Совет должен прежде всего оценивать деятельность коллектива, исходя из полученных научных результатов!

– Да вы не волнуйтесь, – слово взял заместитель директора. – Конечно, вы правы, и ваш доклад у нас в повестке дня. Вы же видите: все расписано. Первым пунктом – сообщения дирекции. Вторым – ваш доклад. Третьим – дискуссия и четвертым – «Разное».

– Ну, хорошо, хорошо, – академик сунул под мышку папку с приготовленными бумагами и сел в первом ряду.

Зал постепенно наполнялся. Дни заседаний Ученого Совета были уникальными потому, что собирали сотрудников института в одном месте. Академик удивленно оглянулся. Он и не подозревал, что в этих стенах до сих пор работает такое количество народа.

– Григорий Семенович, – это подбежал запыхавшийся Володя. – Вот вы просили последние результаты, я все подготовил, – и он протянул прозрачную кальку с нарисованными от руки графиками.

– Спасибо, Володенька! – академик был тронут этим проявлением поддержки.

Минутная стрелка часов дернулась и замерла на цифре двенадцать. Директор взял карандаш и постучал по графину с водой. Гул, стоящий в зале, прекратился. Кто-то в задних рядах гулко кашлянул.

– Товарищи, – слово взял директор. – Сегодняшнее совещание Ученого Совета посвящено обсуждению трудовой деятельности отдела нашего Института номер семь,

руководимого в течение последних нескольких лет нашим уважаемым Григорием Семеновичем.

В зале повисла зловещая тишина.

«Началось, – подумал академик. Он почувствовал, что сердце стучит у него в груди. – Только бы сдержаться», – он напрягся в кресле.

– Мы все знаем Григория Семеновича как заслуженного человека, лауреата Ленинской премии, получившего широкое признание у отечественной и зарубежной научной общественности...

«И говорит-то штампами, дурак, как на партийном собрании, – академику вдруг стало смешно, и на душе полегчало. – Спектакль, дурацкий спектакль», – подумал он.

– К сожалению, с началом перестройки и бурными изменениями, переживаемыми российской наукой, многое изменилось и вокруг и, видимо, изменилось внутри нас самих. В последнее время сам Григорий Семенович и некоторые из его сотрудников поставили себя, как бы это выразиться, вне трудового коллектива нашего Института. Они не считаются с установленными правилами, грубо нарушают хозяйственный распорядок, ставят себя и свои нужды выше интересов остальных отделов и лабораторий.

В зале возник легкий шум, как будто ветерок пробежал по рядам и сразу смолк. «А крикуны были, – академик усмехнулся, – когда свободой запахло, петиции писали, демократов поддерживали. А сейчас боятся, самые активные разбежались, а эти сидят, держатся за скудный кусок хлеба.»

– В дирекцию нашего института уже давно поступали жалобы как от отдельных сотрудников, так и от целых трудовых коллективов лабораторий, в которых граждане обращали наше внимание на недопустимое положение в седьмом отделе.

– Ложь! – громко крикнул кто-то с галерки.

– Давно пора, правильно! – зашумели в средних рядах и поднялся какой-то глухой гул.

– Тише, граждане, тише! – Директор поднял граненый стакан, позвякивая толстым стеклом, налил в него воды из старомодного графина и выпил.

«Как в старом кино», – ситуация становилась анекдотичной, и академик с интересом ожидал развития событий.

– Мы решили разобраться в поступающих к нам жалобах и выяснили ряд совершенно недопустимых в нашей организации нарушений.

– Например! – кричал тот же парень, который перед этим выкрикнул «Ложь».

– Пожалуйста, – директор надел очки. – Мы все знаем, что фонды заработной платы организациям Академии Наук были резко сокращены и сотрудники во многом зависят от грантов, получаемых от Российского фонда исследований, международных организаций. Так вот, мы подвели некоторую интересную статистику. Из двенадцати грантов, полученных Институтом за последние четырнадцать месяцев, восемь, я повторяю – восемь, – он сделал многозначительную паузу, – были выделены отделу номер семь! –В зале поднялся недовольный гул, как будто в гнездо ос бросили булыжник. – Интересно, граждане, что Григорий Семенович входил в ряд комиссий Академии Наук, ведающих распределением этих грантов, а также пользовался своим личным влиянием в международных комиссиях и своими, так сказать, знакомствами во влиятельных международных научных кругах.

– Это неправда! – академик вскочил с места. – Деньги мы получали за работу, за первоклассные научные результаты. Я никогда не опускался до того...

– Григорий Семенович, мы вам дадим слово, пожалуйста, сядьте! Проявляйте уважение к Ученому Совету, – дебиловатый замдиректора тряс своим кадыком, и на лице у него появилось злобное выражение, как у барбоса, отгоняющего незваного прохожего от хозяйского забора.

– Это еще не все, – директор прищурившись посмотрел на следующую страницу, – давайте посмотрим, как именно распределялись эти деньги. Большую часть их в виде зарплаты получили всего четыре - пять человек, так сказать, особо приближенные, а на

остальную сумму заслуженный руководитель устроил себе две зарубежные командировки, из которых, как говорится, вернулся не с пустыми руками!

– Безобразие! Распустились совсем! Нахапали долларов! Чушь собачья! – крики неслись из средних рядов.

«Ну и сволочь, – академик передернулся от отвращения, – это же надо опуститься до такой низости. Скотина, хоть я и знал, что подонок, но такого не ожидал». – Он встал, и лицо его налилось кровью.

– Я попрошу уважаемого директора отдавать себе отчет в своих утверждениях. Я готов полностью, до последней копейки отчитаться во всех средствах, полученных и потраченных отделом...

– Сядьте! – на этот раз кричал директор. Он снял очки и смотрел академику прямо в глаза. – Вы за все отчитаетесь по закону.

– Так вот, – директор взял листок, – у нас имеется заявление, подписанное пятью членами трудового коллектива отдела, излагающее факты нарушений.

– Это ложь! Подделка! – академик почувствовал, что у него сдавило сердце.

– Подделка? Сергей Михайлович, пожалуйста!

«Сережа? Не может быть!» – академик широко раскрыл глаза. Он тянул изо всех сил этого худенького синюшного паренька, казалось, выбравшегося из закопченных заводских окраин, пробивал для него общежитие, добавки к зарплате и вот...

К трибуне подошел Сережа и, стараясь не смотреть в глаза академику, начал говорить:

– Мы в отделе давно возмущались тем, как Григорий Семенович собственной властью распределяет деньги и создает вокруг себя верных ему людей, снабжая их американскими долларами...

У академика стало кисло во рту. «Врешь, Сережа – подумал он. – И тебе немало доставалось от общего пирога, но ведь ты же не работал, ведь всем известно, что с работы таскал детали домой для своего мелкого кооперативчика, а я тебя, дурака, покрывал, понимал, что детей кормить надо...»

– Более того, – Сережа вдруг ясным взглядом посмотрел академику прямо в глаза. – Григорий Семенович на моих глазах пытался продать результаты работы коллектива Израильской оборонной промышленности. Он связывался с представителями Израильской стороны и назначал им цены за получаемые в отделе материалы. – Зал застонал.

Это уж была совсем чушь. Академик переписывался и пару раз звонил Грише, своему бывшему ученику, работавшему в Израиле и ставившему эксперименты в Тель-Авивском университете.

– Сколько их не корми, все в лес смотрят! – отчетливо раздался чей-то грубый и наглый голос.

– Это, это, – академик задыхался. – Я обращусь в Президиум, не имеете права... Как вы смеете, Сережа, как вы могли, после того как я вас...

– В последнее время Григорий Семенович вообще очень активно занимался пропагандой сионистских взглядов среди евреев, еще работающих у нас в Институте, – холодно продолжал Сергей. – Они все время проводили подозрительные встречи и о чем-то договаривались.

– Спасибо, Сергей Михайлович! – директор продолжал говорить ровным голосом. – Григорий Семенович, как у вас обстоит дело со счетами в иностранной валюте, например, в израильских шекелях? У меня, например, таких счетов нет. Хочу довести до вашего сведения, граждане, что этим вопросом сейчас активно занимаются компетентные организации, и я не сомневаюсь, что им удастся обнаружить истину. – В зале стало шумно. – Более того, граждане, касательно последних слов Сергея Михайловича. Так вот, мне в руки недавно попал прелюбопытный документ. Я бы сказал, страшный документ. Я бы никогда не поверил в его существование, если бы мне его не принес лично в руки один из наших сотрудников еврейской национальности, нашедший его на своем столе и не пожелавший участвовать в этом заговоре. Да, да, хоть и противно это произносить, в сионистском заговоре, имевшем место в стенах нашего Института. Кстати сказать, роль

Георгия Семеновича в этом заговоре еще предстоит выяснить, особенно в связи с только что выяснившимися подробностями о его связях с Израильскими военными.

– Это что еще за заговор? – выкрикнули из зала.

– Информирую вас, товарищи. Вот на этом листочке, – директор потряс бумажным листом, – содержатся инструкции всем ученым-евреям нашего Института стараться захватить руководящие посты, пользуясь свободой и демократией, стараться продвигаться в дирекцию, оттеснять от руководства сотрудников - неевреев, распределять фонды заработной платы и финансирование исследований, действовать в интересах государства Израиль...

– Вот это да! Не дождутся! – зал возмущенно гудел.

– Да, граждане, мне просто стало страшно, когда я эту листовку увидел. Вы знаете, мы все привыкли иронизировать над советской пропагандой, все подвергать сомнению, – директор театрально развел руками. – У нас в последнее время сложился даже стереотип, что евреев в России только и делали, что притесняли, а Израиль это просто замечательное государство. Да я и сам так уже думал. Но что прикажете делать, когда видишь перед собой такое? Все-таки мы с этими людьми родились в одной стране, работали бок о бок долгие годы, и вот националистический дух, чувство своего превосходства над окружающими, подогреваемое сионистской пропагандой, ударило им в головы и заставило их объединиться в какую-то просто-таки волчью стаю.

– Что за чушь! – на этот раз кричал старый профессор Войцевич, но его голос с трудом прорывался сквозь басовый гул, издаваемый толпой раскрасневшихся людей.

«Как рой шмелей,» – автоматически отметил Академик. Он потерял дар речи и никак не мог поверить в реальность происходящего, судорожно щипая себя за руку.

– Кстати, как ни грустно мне это признать, Григорий Семенович допустил и нарушения уголовного законодательства, – продолжил директор. – У нас есть свидетели, что ценные металлы, используемые в его отделе, были им проданы с целью личного обогащения, в частности для строительства дачного дома.

– Нахапали, господа ученые! – нагло прокричал кто-то басом.

– Как вы смеете! – это кричал Володя, хриплый голос его сорвался.

– Заткните этому сопляку глотку! – прорычал тот же хамоватый бас.

– Вы не смеете, уберите руки! – Володя кричал, но несколько парней с ухмылками скрутили его и вытолкали за дверь. В зале стало шумно.

– Разрешите мне сказать! – со своего стула с гневным криком, опираясь на палку, поднялся старик Войцевич. Он был последним живым классиком, сохранившимся в Институте, и разгоряченный зал неожиданно замолк. – Я лично не верю в эти нелепые, сфабрикованные обвинения. Да все евреи уже давно уехали, посмотрите по сторонам, господа хорошие, я смог насчитать всего семь или восемь человек, включая Григория Семеновича.

– И семерых хватит! – иронично выкрикнул кто-то из зала.

– Позор нашему Институту. И дирекции прежде всего. Какой же может быть заговор, да еще с листовками и с прокламациями? – Войцевич покрутил пальцем у лба. – Они же не идиоты. Это мы с вами, сидящие в этом зале и всякая мразь, которая у нас завелась с легкой руки дирекции, вот кто идиоты. Стыдно! И еще. Только что доброе имя Григория Семеновича было омерзительным образом очернено. Я очень хочу напомнить присутствующим, что научная школа, созданная в стенах этого здания, во многом обязана этому человеку. Как бы то ни было, давайте не забывать, что благодаря ему созданы принципиально новые направления Российской науки.

–А я так не считаю! – со своего места вскочил лысый мужчина с плоскими, как у судака, глазами и с брюшком. Он недавно стал заведующим одной из лабораторий, и академик не вполне был уверен, чем именно он занимается. – Если он даже и крупный ученый, это не дает никому, даже академику, права красть деньги у окружающих. А уж эта история с Израилем и с листовками совсем ни в какие ворота не лезет! Мы получаем зарплату от государства не для того, чтобы плоды наших трудов уплывали за рубеж!

Достаточно уже Россия настрадалась, сколько вот таких выучили, а они или удрали и греются теперь под пальмами, или плетут заговоры за нашими спинами!

– Правильно! – хрипло крикнул кто-то.

– Ну хватит, надоело уже! – с издевкой раздалось в ответ. – Если бы смог, давно бы и сам смотался финики жрать.

– Не мешайте! – зал зашумел.

– Дайте мне сказать! – Академик вдруг почувствовал себя совершенно спокойно. Он встал, выпрямился и подошел к трибуне. Наступила тишина, пронзительная и неправдоподобная. – Я хотел начать свое выступление с последних результатов, полученных нашей группой. Но думаю, что это излишне. Большинство из присутствующих в зале этих результатов просто не поймут в силу крайне скудных умственных способностей.

– Ну, полегче на поворотах! – Недовольный рокот возмущения поднялся и начал нарастать.

– Еще я хотел выразить свое крайнее неуважение к членам Ученого Совета, разыгравшим это омерзительное представление. Да, я вас не уважаю! Вернее, я питаю глубочайшее уважение к нескольким порядочным людям, еще оставшимся в стенах нашего Института. Я полон уважения и благодарности к профессору Войцевичу. Я знаю, что в этом зале есть люди, понимающие, что стали невольными участниками омерзительного спектакля, разыгранного дирекцией. К сожалению, боюсь, что они находятся в абсолютном меньшинстве.

– Прекратите! Возмутительно! – выкрики раздавались тут и там.

– Мне наплевать на ваши угрозы, ваши обвинения и ваши решения. Я счастливый человек, так как успел застать те времена, когда в Академии Наук еще работали интеллигенты. Хотя они всегда были в меньшинстве. А вы и вам подобные могут и дальше продолжать оставаться подонками! Я заявляю, что немедленно ухожу из Института, так как работать в этой атмосфере мне просто противно и я более не считаю это для себя возможным.

– Григорий Семе...

– Неважно. Вы меня больше не увидите! Жаль только ребят. Быть может, у кого-нибудь из вас хватит совести подумать о молодом поколении, которое входит в науку, изгаженную вашими испражнениями!

В зале засвистели. Академик набрал в грудь воздух и четким, почти строевым шагом подошел к двери и, выйдя, громко ею хлопнул. Он спустился в свой кабинет, вытряхнул из стола письма, оттиски последних статей, сунул под мышку пару любимых книг и стремительно вышел из здания мимо нагловатой ухмылки красномордого вахтера.

«Пропадите вы все пропадом!» – думал он. Пустота и чувство космического покоя овладело душой. Академик бросил вещи в багажник, завел двигатель старенькой машины и выехал со двора. Он колесил по городу, повторяя старые, так хорошо ему известные маршруты. Смеркалось. Темные громады домов светились тусклыми желтыми огоньками, и черное ночное небо, казалось, было совсем близко к земле, покрытой умирающей мокрой травой и опавшими листьями.

Он остановился около своего дома. На улице было промозгло, как бывает поздними осенними вечерами. Академик поднял воротник прошел к подъезду и поднялся в квартиру. Было как-то по особенному тихо, и темнота, идущая от окна, скользила по занавеске, черным облаком кралась по деревянному полу и наступала на книжные полки, завоевывая себе все новые территории.

«Зря я так, погорячился. Надо было сражаться. Уж слишком просто они меня добили,» – с досадой подумал он. – «А, может быть, это к лучшему».

Взгляд его упал на серый телефонный аппарат, стоявший на столе. Казалось, от аппарата исходит магическая сила и чрево его пронизывают светлячки электрических разрядов. Рука потянулась к трубке. Разряды забегали, засуетились, и в трубке зашуршало. Академик достал записную книжку и долго возился, набирая длинный номер.

В трубке долго шипело, щелкало, затем наступила звенящая тишина. Он потряс телефон и услышал неожиданно близкий и громкий гудок.

– Hello, – донесся голос с неизгладимым Одесским акцентом.

– Ефим?

– Yes, Who is speaking?

– Ефим, это Григорий, из Москвы. Из Академии наук. Вы меня помните?

– Конечно, – человек на другом конце линии что-то жевал.

– Ефим, вы меня как-то просили позвонить... Я готов работать в вашей компании.

Глава 16.
Автопоезд из Кембриджа.

В прохладном зале компании, под немигающим светом люминесцентных ламп, светился серыми пузатыми свеженькими боками, подмигивал зелеными и красными лампочками, поблескивал золочеными разъемами новый прибор, гордость команды и Ефима. Над распотрошенной коробкой склонился Петя, с сосредоточенным видом закусивший запорожские усы и изучающий мерцающие голубоватые импульсы, бегущие по экрану осциллографа. Импульсы зарождались на металлических ножках черненьких микросхем, хитроумно раскиданных внутри серого металлического ящика с надписью «Пусик». Андрей с интересом заглядывал ему через плечо, водя рукой по испещренной поправками схеме, которую он держал у себя в руках, и изредка с важным видом давая советы. За стоящим рядом компьютером сидел Борис, прищурясь и уставившись в экран. Лицо его выражало целую гамму эмоций, из которых, прежде всего, в глаза бросалась пренебрежительная кривая ухмылка, как будто буковки, мерцающие на экране, бросали ему вызов подобный тому, который моська бросала слону. Руки Бориса с невероятной скоростью летали над клавишами, он одновременно работал по крайней мере с шестью программами, тут же сравнивая бегущие колонки цифр с ожидаемыми и листая толстый справочник. В тот момент, когда он находил правильную комбинацию цифр, лицо его озарялось торжеством, он сжимал кулаки и невольно приподнимался в кресле.

Время от времени к волшебной коробке подбегал Леонид, держа маленькие плоские проводки и пластмассовые разъемчики, прикладывая их к различным платам, поджимая губы и ругая бездарных поставщиков. С разъемами, насколько я знал, обнаружилась проблема, так как после нескольких подсоединений они трескались и начинали ломаться.

Я со вздохом посмотрел на эту сцену, напоминающую слаженную работу космонавтов на борту орбитальной станции. В груду железа, подмигивающую разноцветными лампочками, я вложил немалую часть своей души. Головная боль, страх, непонимание, радость находок и отчаяние, бессонные ночи – эти тупые, безликие холодные железки впитали все, как вампир, высасывающий кровь из своей жертвы, и теперь жили своей собственной жизнью. Под их оболочкой бегали короткие импульсы, заставляющие облачка электронов пульсировать и обрушиваться на миллиарды переходов, спрятанные под черными тельцами микросхем, жужжал вентилятор, и электронный мозг компьютера посылал в коробку миллионы инструкций, составленных Борисом и Петей и заставляющих крохотные заряженные частички исполнять свой замысловатый танец. Этот танец должен был в скором будущем принести Ефиму немалый доход.

Я вспомнил о старой гипотезе, что вся наша вселенная на самом деле заключена внутри какого-нибудь электрона, и содрогнулся, представив, как в другом измерении, где-то бесконечно далеко, сидит огромный Борис, и бескрайняя космическая пустота с разбросанными клочьями газа сжимается, пульсируя в такт его командам.

Я оторвал взгляд от загадочного прибора и увидел, что в дальнем конце зала появился Ефим. Он рассеянно осмотрелся вокруг, затем подошел к пожилому китайцу, сидящему на сборочной линии, о чем-то с ним дружелюбно поговорил, снова осмотрелся и направился к нам.

– Ну, как дела? – судя по тону, Ефим находился в рассеянно-расслабленном состоянии. – Машина готова? Надо ее начать выпускать, это будет сенсация. Уже сейчас о ней все говорят, вы не представляете, телефоны обрывают. Я точно говорю, мы прибыль удвоим или утроим. Ни у кого ничего подобного даже близко нет! – Ефим подошел к Пете, продолжающему одной рукой крутить осциллограф, а другой водить по схеме электронным щупом. – Есть проблемы? – спросил он. – Листен, Листен, что ты все время сидишь, ты на себя посмотри! Ты же как робот, я точно говорю, глаза сумасшедшие, ковыряешься. Засиделись, кроме работы ничего не видите, с утра до ночи паяльники, приборы. – Петя растерянно смотрел на Ефима снизу вверх. – Листен, Листен, я чего

думаю, тебе надо полетать! Да, иди полетай, я тебе от компании оплачу билеты, это не так дорого. Надо нам всем почаще летать, вы понимаете, о чем я говорю?

– Да, да, Ефим. – Леонид удивленно смотрел на президента, и даже у Бориса на лице поднялись брови, и на лице появилось недоумение.

– Так вот, надо полетать. Я сделаю так, чтобы все летали. Купим тебе билеты, поедешь, сядешь в самолет. Представь себе, ты сидишь, идти никуда не надо, внизу облака, Земля крохотная, солнце светит в иллюминатор. Это отвлекает, как-то расслабляешься. Нам даже совещания так можно проводить, вы понимаете, о чем я говорю? Полетаешь так денек–другой и, глядишь, голова свежая! Это здорово, я по себе знаю. Значит, езжай, купим тебе билеты с пересадками, полетай. Леонид, распорядись, чтобы билеты купили.

– Да, хорошо Ефим. – Леонид замялся. – А куда билеты брать?

–Ну, я не знаю, – Ефим закрутил головой, – сами решайте, все взрослые люди. Можно в Японию или в Европу и назад. Или можно над Америкой полетать. Нет, лучше чтобы внизу была и земля и океан, так что пусть летит в Нью-Йорк вначале, а оттуда в Европу и через Азию в Японию и назад сюда. Так самое лучшее, облетишь вокруг шарика и вернешься. – Пусик развернулся и направился к двери. Около двери он еще остановился. – Так что срочно берите билеты! – он постоял еще секунду и закрыл дверь.

– Ну, ты слышал? – Леонид наигранно-бодрым голосом обращался к Пете. – Придется тебе немного развеяться, ну это даже ничего, мне нравится эта идея! Завтра же поедешь в аэропорт.

– Мне это кажется по крайней мере странным! – отчеканил Борис. Он недовольно огляделся вокруг и снова уставился в мерцающий экран.

Петя с немного растерянным видом снова ткнул электронный щуп вглубь коробки и на экране осциллографа побежали голубоватые зайчики.

Сквозь мягкое шуршание кондиционеров с улицы пробивался тяжелый, вибрирующий звук, нарастающий с каждой секундой, и вот уже здание затряслось, и пол слегка заходил под ногами. Я с удивлением выглянул в окно. К зданию компании подъезжал автопоезд. За огромным фургоном с блестящими хромированными колесами тянулся прицеп, на котором плавно покачивалась огромная, длинная угловатая американская машина, каких давно уже не выпускают. Автомобиль этот напоминал небольшой космический корабль, к которому приделали кучу блестящих хромированных безделушек и ручек. В последний раз такие машины я видел в фильмах семидесятых годов про доблестных американских полицейских, ведущих борьбу с коммунистическими шпионами или с международной мафией.

Автопоезд медленно подполз к компании, и в какой-то момент мне показалось, что он вот-вот врежется в крыло здания. Я со страхом оценил расстояние до лестницы, ведущей на улицу, так как в случае столкновения с хромированной махиной от хилой постройки, рассчитанной на постоянные землетрясения, остались бы только руины. В последний момент грузовик дал задний ход и замер, перегородив стоянку. Дверь автомобильного гиганта открылась, и из нее вылезла детская фигурка Эдика в ярко-голубых джинсах и в ослепительно белых кроссовках. Он с радостной лучезарной улыбкой поглядел на яркое солнце, зеленую траву и, поймав на себе наш взгляд, с энтузиазмом помахал рукой.

– Еще только этого мудака не хватало! – процедил сквозь зубы Леонид и со злостью бросил карандаш на пол. – Вот его и надо послать полетать к чертовой матери. – Он развернулся и ушел в свой кабинет.

Борис молча наблюдал за исторической сценой приезда. Он нахмурился, поджал губы, и на лице у него проступили суровые черты, как у римского воина в наступающей колонне легионеров, предвкушающего схватку с толпой варваров, вооруженных кольями и топорами.

– Здравствуйте, дядя Ефим, я приехал! – долетел до нас через открытую дверь тоненький капризный детский голосок. – Мама просила передать Вам привет и папа тоже! Я через всю Америку на грузовике из Кембриджа шел на скорости шестьдесят три с

половиной мили[3] в час. Шестьдесят пять это слишком много, может полиция остановить, а на полторы мили меньше уже почти совсем безопасно.

Бориса передернуло, как будто через него пропустили электрический ток, а на лице у Андрея появилось гадкое иезуитское выражение.

– Вот твои билеты, – Леонид решительной походкой вышел из кабинета и направился к Пете, – только что получил по факсу. Нью Йорк, Мюнхен, Дели, Сингапур, Токио, Сан-Франциско. Займет у тебя трое суток. Билеты получишь завтра в аэропорту.

Я беззвучно рассмеялся, смотря на растерянного Петю. В глазах у Бориса на секунду появилось веселое выражение, мгновенно сменившееся на суровый холодный взгляд.

Через несколько минут Эдик, с улыбкой, излучавшей радость, появился на пороге.

– Здравствуйте, меня зовут Эдик! Меня дядя Ефим из Кембриджа пригласил к вам поработать, вы, наверное, знаете! Я только что проехал через всю Америку! Я уже дяде Ефиму рассказал, что пришлось идти на шестидесяти трех с половиной милях в час.

– Я бы настоятельно рекомендовал вам немедленно переставить грузовик. Вы блокировали всю стоянку компании, – жестко отчеканил Борис.

– Ах, да, конечно, я сейчас переставлю. Мы ехали над пропастями, но я ни разу не сбавил скорость... – Эдик, продолжая лучезарно улыбаться, вынул из кармана огромную связку ключей и, позвякивая, долго в ней копался, пытаясь вытащить ключ от машины. – Все-таки ключи для грузовиков сильно отличаются от ключей для легковых автомобилей – те делают маленькими, дамскими, а водители грузовиков народ грубый, и ключи для них тоже делают большие и грубые, из плохого металла. Я пока ехал к дяде Ефиму, уже почти стал таким же грубым, большим коренным американцем. Теперь я могу пойти работать водителем грузовика, так что мне этот ключ уже подходит. – Он, наконец, извлек нужный ключ. – Я так рад, что дядя Ефим меня позвал к себе работать! В детстве он помог мне спаять мой первый усилитель! – Эдик замялся, словно пытаясь вспомнить что-то очень важное. – Ах да, грузовик! – он развернулся и вышел на лестницу.

– Трудно в это поверить, – Борис покраснел и сжал кулаки. – Он несет абсолютный бред в то время, как его грузовик блокировал подъезд к зданию! И он даже не подумал об этом!

С улицы донесся скрежет и пол начал вибрировать. Я снова с опаской посмотрел на металлическую громадину, медленно отъезжающую от здания.

– Ученые, – Борис шипел сквозь зубы, – я их насмотрелся в России, теперь еще и здесь на них смотреть! Развели у себя в университетах социализм, как они такого мудака там держали? Все зло в этой стране от вот таких вот идиотов, леваков, кретинов, хиппи, гомосексуалистов. Вся эта мерзость идет из университетов.

– Да, ребята... – Леонид был растерян. – Я чувствую, что у нас возникнут проблемы.

Команда пристально, изучающим взглядом посмотрела на входящего в дверь Ефима.

– Ну что, купили билеты?

– Да, Ефим, все заказано, – засуетился Леонид. – Петя завтра вылетает.

– Почему завтра? – поморщился Ефим. – Можно было найти и на сегодняшний рейс. Ну да ладно. Я думаю, все по очереди будем летать. Видели ученого, мать его? Это же надо, через всю Америку со своим хромированным динозавром на прицепе переть! Он еще перед этим мне весь телефон оборвал, рассказывал, как он поедет. Ну ничего, парень вроде толковый, посмотрим, что получится. Борис пусть его возьмет к себе, обучит.

– Ефим, – решительно начал Борис.

– Листен, Листен, не перебивай меня! Я все понимаю, не хочешь. Я бы и сам не хотел такую штучку иметь. Он вроде такой маленький, тихенький, дядя Ефим, тя–тя–тя–тя, а сам все жилы вытянет! Ну ничего, пусть он помучается, ему полезно. Дашь ему задачку посложнее, может быть, он выплывет и будет толк. Какая тебе разница, верно? Ты сбей с него эту спесь, он, видите ли, из Кембриджа. И не давай ему уклоняться в сторону, пусть выполняет то, что положено, это ему не университеты. Вернее, это жизненные

[3] 102 км/час (ред.)

университеты, – Ефим усмехнулся. – Если Эдик что себе позволит, сразу иди ко мне, я ему врежу так, что все мозги вылетят!

По команде пробежал какой-то еле заметный ветерок облегчения, а на лице у Бориса появилась довольная хищная улыбка. Я с удивлением вспомнил свою первую встречу с Эдиком и понял, что искать какой-либо смысл в словах Ефима занятие опасное и неблагодарное.

Подопытный Эдик, напоминающий живца на рыбалке, уже отогнал машину на безопасное расстояние от компании. Он был явно воодушевлен и, как всегда, ничего не подозревал.

– Ах, как будто вчера я был у дяди Ефима в гостях, – Эдик мечтательно посмотрел на зал. – А здесь ничего не изменилось. У нас в Кембридже все так завидовали, что я ухожу работать в промышленность. У нас как раз подоспело время сдавать очередной отчет, и пришлось не спать ночами, но я-то уже знал, что скоро уеду к дяде Ефиму, и мне только от одного этого чувства было намного легче. Я говорил себе: ничего, Эдик, скоро к дяде Ефиму поедем... Дядя Ефим обещал назначить меня руководителем программистов. Он так и сказал «Эдуард, вначале поучись, а потом поставлю тебя руководить». Как у вас тут интересно! Я, пока к вам вел грузовик, очень изменился. У меня даже речь другой стала, и манеры настоящего американца появились, даже руки загорели, стали большими и грубыми. Я теперь себя чувствую настоящим американским пионером, первопроходцем, уехавшим на дикий Запад. Между прочим, здесь даже музыка по радио совсем не такая, как в Кембридже. И автомобили другие! В Кембридже люди относятся к автомобилям, как к железякам, и ездят на старых, ржавых американских автомобилях, а у вас здесь одни новенькие японские машины. И дороги совершенно другие. Когда-то моя вторая машина в Америке заглохла в самом центре Нью-Йорка, и тогда я купил старенький Бьюик, его занесло, и на поручне одного из мостов Нью-Йорка осталась глубокая вмятина. А с Бьюиком даже ничего не случилось. Вы только представьте, глубокая вмятина на железном рельсе...

Мне ужасно хотелось исчезнуть где-нибудь в коридоре, но красноречие Эдика не знало границ. Он продолжал рассказывать мне о своем богатом опыте жизни в Америке, и я вдруг заметил, что к нам, чуть наклонив голову вперед, приближается Борис с едва заметной кривоватой ухмылкой. Он напоминал акулу, уверенными движениями рассекающую холодную океанскую воду и приближающуюся из темных глубин к своей мягкотелой, теплокровной жертве, бултыхающейся на поверхности воды.

– Извините, – громовым, металлическим басом прервал он Эдика. – Ефим просил немедленно подключить вас к работе. Буквально час назад мы обнаружили ошибки в измерениях, и вам необходимо срочно найти причину неисправностей в программах, я думаю, это займет не более десяти минут.

Эдик явно не ожидал такого напора. Его детские глаза начали часто моргать, затем широко раскрылись, и он покорно пошел вслед за Борисом, как двоечник за строгой учительницей. Я с интересом следовал за ними.

– Программа довольно простая, – решительно объяснял Борис, – сама измерительная часть занимает не более пятисот строк, но она встроена в большой комплекс из примерно двухсот тысяч операторов. – На экране с огромной скоростью сменялись какие-то буковки и цифры. – Ну все, я объяснил все, что знал, теперь за дело! – Лицо его приобрело одновременно злорадное и довольное выражение, он порывисто встал и оставил Эдика одного.

Бывший сотрудник университета из Кембриджа побелел и хватал воздух, как глубоководная рыба, вытащенная на поверхность. Он тупо посмотрел на экран, затем перевел взгляд на меня.

– Борис сказал, что эту задачу можно сделать за десять минут? – в недоумении спросил он. – В Кембридже у меня бы ушло на такую работу не менее двух недель. Я ведь даже не знаю, о чем идет речь, и все это вижу впервые. Я пожалуюсь дяде Ефиму!

– Эдик, я бы не советовал вам начинать свою работу на новом месте с жалоб. Постарайтесь лучше разобраться в этой программе, быть может, это действительно не так уж и сложно.

Борис вдруг стремительно вышел из-за угла и подошел к нам. «Точно как хищник», – подумал я. – «Вначале укусил жертву, потом отплыл в сторону, а сейчас зажмет в челюстях и будет трепать из стороны в сторону».

– Готово? – Борис строго посмотрел на Эдика. – Нет? А проблема, между прочим, чрезвычайно проста. – Он подсел к экрану. – Само значение наверняка поступает в это место, иначе и быть не может. Правильно. Затем оно передается для вычислений в управляющую программу, так вот оно. Ну конечно, округление произведено неверно! – Он щелкнул по клавиатуре. – Готово! У меня это заняло меньше минуты, Вам я дал десять, учитывая, что вы здесь впервые. Скажу честно, я несколько разочарован, и Ефим непременно узнает это мое мнение.

«Надкусил», – подумал я.

– Хорошо, у меня есть и другое задание, в общем-то, тоже минут на десять работы, но я разрешаю им заниматься до завтрашнего вечера. Собственно вся проблема изложена вот на этом листочке, – и он вручил оторопевшему Эдику лист бумаги, густо испещренный заметками.

– Такой подход невозможен! Никто не в состоянии починить сложную систему, не зная ее составных частей! Я бы хотел ознакомиться с документацией, общим описанием. У нас в Кембридже ... – Эдик явно начинал философствовать.

– У нас никакой документации и описаний не существует. Такова жизнь, это производство, и все меняется буквально каждый день. Придется разбираться на ходу, так что извиняюсь. До завтра, – Борис исчез.

«Теперь отплывет в сторонку и будет наблюдать за агонией,» – пришло мне в голову. Неожиданно для меня самого модель хищника и жертвы получала весьма правдоподобное практическое подтверждение.

– Ах, Боже мой, если мама с папой узнают об этом, то они очень расстроятся. – Эдик был обескуражен. Ничего, ничего, я обязательно во всем разберусь. Я ведь в Кембридже решал очень сложные задачи, их никто не мог решить. Ведь дядя Ефим меня совсем не для этого сюда приглашал, здесь что-то не так. Я с ним обязательно поговорю! – Губы его плаксиво скривились, и мне показалось, что Эдик вот-вот разрыдается. Он с отчаянием посмотрел на листочек с заданием, грустно вздохнул и непонимающим взглядом посмотрел на экран. – Да здесь десятки тысяч программ, кто же может в этом разобраться безо всякого описания? – Он с ожиданием поддержки посмотрел на меня.

– Работаешь? – Ефим как всегда появился бесшумно. – Молодец, так и надо.

– Дядя Ефим, – Эдик вскочил и с надеждой посмотрел на него, – Борис, видимо, что-то неправильно понял, он дает мне невыполнимые задания...

– Листен, Листен! – Ефим повысил голос. – Сиди и делай то, что он тебе говорит. У него есть чему поучиться. Да, я тебе обещал, ты научись, войди в курс дела, и я тебя поставлю начальником. Да, может быть, вице-президентом сделаю. Но пока сиди тихо, понял? Нет, если что не так, конечно, можешь мне напрямую жаловаться, да и Борису не спускай хамства. Он парень крутой, я его знаю. Понял меня?

– Да, дядя Ефим, все понял. – Эдик немного успокоился. Он вытянул губы трубочкой. – Я все сделаю обязательно, вы даже не знаете, какие сложные программы я писал в Кембридже, – он склонился над столом и с потерянным взглядом начал изучать листочек с заданием. Я вышел из комнаты. Ефим следовал за мной.

– Не знаю, может я и глупость делаю, но мне надо людей расшевелить, ты понимаешь? Вот я Петю послал полетать, и тебя тоже пошлю. А что, прокатись. Они на этого, как его зовут? Ну да, на идиота этого накинутся, это как зарядка, физическое упражнение. А может быть, он их съест, или огрызаться будет. Ведь это как организм, понял? Кровь по жилам побежит быстрей. Да в общем-то, он вроде бы неглупый парень. И родителей я его знаю хорошо. Ничего, ничего, это ему будет полезно, пусть ему Борис как следует врежет, а то у него там в Кембридже совсем мозги набекрень поехали. Ты понял? Борис уже ко мне приходил, говорит Эдик ни хера не соображает, что он тупица. Врет, что-то он наверняка соображает. Выучится, а не выучится черт с ним, уедет обратно в Кембридж. Ну, а может и не уедет, уйдет к конкурентам, и хрен с ним. Мама его звонила,

жаловалась, что ему там мало денег платили. Ну хорошо, хотел больше денег, я ему прибавлю пять тысяч в год, но за это пусть отрабатывает. У нас даром ничего не бывает. Так что это всем полезно, это я точно чувствую, у меня всегда чутье на эти вещи. Тут еще из Москвы один академик звонил, на работу просился, я тебе говорил. Ну, тот, говорят, большая величина, я его приглашу, пусть поработает.

При этих последних словах Ефима мне стало не по себе, тоскливо царапнуло внутри, и белый холодный огонек снова разгорелся ярким леденящим пламенем.

На следующий день Эдик с грустным видом сидел, тыкая пальцами в клавиатуру. К середине дня, проходя мимо, я неожиданно увидел, что лицо его обрело вдохновенное выражение, губы сложены бантиком и голова слегка наклонена набок. Вскоре я обнаружил у себя на столе меморандум. Он был написан Эдиком и начинался довольно патетически:

«Многолетний опыт человечества давно показал, что для поддержания нормального функционирования сложных систем, начиная с государственных и заканчивая сложными программно-аппаратными комплексами, необходима сложная и хорошо отработанная система координации индивидуальных усилий. В случае компании «Пусик» это означает, что разработка новых продуктов и исправление ошибок в старых продуктах возможна только при поддержании подробной документации и отчетности. Например, такая документация необходима в случае отсутствия или смерти ее разработчиков, например, моей смерти...»

Прочтя эти слова, я начал хихикать и с трудом мог заставить себя читать дальше.

Борис был взбешен. Он носился по компании, судорожно сжимая листок с меморандумом в кулаках, и, скрипя зубами, играл желваками на покрасневших скулах.

– Эту задачу можно сделать за десять минут безо всякой документации! – закричал он, подойдя к Эдику.

Эдик сложил губы трубочкой, слегка наклонил голову и своим тоненьким капризным голоском произнес фразу, вошедшую в историю:

– Давайте поспорим. Я готов заплатить вам тысячу долларов, если Вы действительно исправите эту систему за десять минут. Боря, зачем вам отказываться, это легкий способ заработать деньги. У меня замечательные часы с секундомером.

Борис неожиданно стушевался. – Ну хорошо, не за десять минут, но за полчаса максимум! – недовольно прорычал он и ретировался. Взгляд у Эдика просветлел, он аккуратно сложил стопку листочков и начал что-то записывать.

Во время обеденного перерыва я налетел на Ефима, совершавшего обход своих владений.

– Какой молодец, врезал Борису! – Ефим, узнавший об этой истории от побелевшего от ярости Леонида, не мог скрыть удовольствия. – Ты не думай, он не так прост и безобиден, как кажется. Это он только на первый взгляд такая сюся, дядя Ефим, мама, папа... – Ефим довольно рассмеялся. – Он как бульдог, его и в Кембридже все ненавидели, он же садист, вцепится и не оттащишь, придется челюсти разжимать. Вот теперь они забегают, постараются его на куски разорвать. Ничего, ничего, это им полезно, в хорошей форме будут, как стая волков. А Эдик – мой Кембриджский олененок!

– Ефим, Ефим! – подбежавший Леонид был крайне возбужден.

– Что случилось?

– Петя... – Леонид начал заикаться и никак не мог выдавить из себя окончание фразы. Мне вдруг стало жутко. Я представил себе, как самолет, совершавший межконтинентальный рейс, упал в холодный серый океан...

– Что? Что? – испуганно переспросил Ефим.

– Его задержали. В Мюнхене. У Интерпола его маршрут вызвал подозрения, и его приняли за курьера мафии. Мы только что получили запросы из Германии и из ФБР. Что делать?

– Немедленно пошли им факс, что они идиоты и что мы будем их судить. Мерзавцы. Сняли парнишку с рейса, не дали полетать. Хотя, это тоже неплохо, развлечение. Побыть

в полицейской камере в Мюнхене, да... А то бы летел, как боров, в кресле и жрал бы обеды один за другим. Еще бы разжирел... Пошли им факс. Ну, что я могу еще сделать?

Ефим развел руками. Грубые силы борьбы с международной преступностью явно вошли в противоречие с интересами частного бизнеса.

Глава 17.
Академия Пусика.

Серебристое тело самолета с надписью «Аэрофлот» наконец подкатило к зданию аэропорта, слегка потряхивая на бетонных плитах свое человеческое наполнение, и академик с досадой потрогал начинавшие становиться колючими щеки. Перелет был долгим и мучительным. Сначала в Москве почти пять часов ждали двух противного вида раскормленных мужиков в добротных серых костюмах, с наглыми красными лицами. Академик долго гадал, были ли они высокопоставленными правительственными чиновниками или просто мафиози, скупившими на корню службы аэропорта, но так и не смог придти к определенному заключению. Потом самолет трясся почти двенадцать часов в воздухе, садился на Аляске, снова взлетал и, казалось, этому ревущему движению не будет конца.

Взлетное поле за окном было точно таким же, как и в Москве, жухлая трава, подтеки мазута и выбоины, серое цементное здание диспетчерской службы вдалеке. Только зеленые горы на горизонте, снующие по территории аэродрома микроавтобусы и служебные машины, да здоровенный негр, разгружавший чемоданы, позволяли понять, что надсадно ревущий самолет все-таки не смог облететь весь земной шарик и плюхнулся на землю где-то посередине витка.

Академик с досадой поморщился. Он не любил опаздывать, даже в тех случаях, когда от него ничего не зависело. Опоздание было особенно досадным еще и потому, что Ефим обещал прислать одного из своих сотрудников в аэропорт для того, чтобы отвезти академика к себе домой.

Все имущество академика состояло из старенького, потертого кожаного чемодана, в котором лежал костюм, несколько рубашек, пара книг и пухлые папки с бумагами и статьями. Он с трудом поднял чемодан с черной, плывущей ленты транспортера и обнаружил, что кожа вспорота. Чемоданчик явно потрошили в Шереметьево. «Боже мой, не дай бог пропали статьи!» – подумал он и трясущимися руками начал отстегивать ремни. К счастью, бумаги были на месте, исчезли только карманный диктофон, купленный в Англии год назад, и фотоаппарат. «Мерзавцы чертовы!» – выругался академик, но делать было уже нечего.

За дверями таможни стоял высокий, рыжеватый парень интеллигентного вида со строгим выражением лица. Его острые, цепкие глаза пристально глядели из-за выпуклых линз очков. Парень держал в руках листок бумаги с именем академика.

– Здравствуйте, – басистым мужественным голосом сказал он. – Меня зовут Борис. Добро пожаловать в Америку.

– Спасибо Боречка, извините за опоздание, ради Бога.

– Никаких проблем! – академику показалось, что Борис даже немного смутился, и он почувствовал к нему симпатию.

– Боречка, вы представляете, каковы мерзавцы, у меня чемодан в Москве распотрошили!

– Не расстраивайтесь, быдло есть, было и будет быдлом. А чемодан все равно себе новый купите, с таким неприлично ездить. – Борис брезгливо поморщился.

– Да, конечно, Боря, я все понимаю, но все равно обидно, чувствуешь себя как будто изгаженным.

– Россия-матушка, что поделаешь. С народом надо быть жестким, в кулаке держать! – лицо Бориса мгновенно затвердело и приобрело суровость. – Смотрите, что происходит: чуть коммунистам стоило вожжи отпустить, и все покатилось. И царь-батюшка слишком милосерден был, развел всякой нечисти, а гадость эту надо было до основания каленым

железом изводить. – Он разволновался, даже покраснел и, тяжело дыша, строгим, испытывающим взглядом посмотрел на академика сквозь выпуклые стекла очков.

– Ну, Борис, в чем-то вы, конечно, правы, – академику стало слегка не по себе от той неистовой убежденности, которая сквозила в голосе Бориса, – но нельзя же всех под одну гребенку. Тут дело еще и в психологии народа. Столько лет угнетения, крепостного права, когда мужика могли засечь насмерть...

– Вы мне эту демагогию из учебников для красных комиссаров бросьте! – Борис основательно рассердился и мгновенно покраснел как рак. – Нельзя с этой чернью по другому! Иначе она мировой пожар раздует и своим благодетелям глотку перережет! Уроки истории надо запоминать, вот что я вам скажу.

– Боря, вы в чем-то правы, но нельзя бесконечно действовать насилием, необходима же и доброта и гуманизм!

– Вы бросьте свой слащавый гуманизм! Это мы уже проходили. – Борис по-иезуитски оскалился и пристально посмотрел на академика. – Такие вот гуманисты, вылезшие из еврейских местечек, распускали сладкие слюни, а потом устраивали красный террор и концлагеря!

Казалось, эта фраза была обращена непосредственно к академику. Ему стало неприятно, и он замолчал. Борис, к которому он в первую минуту почувствовал симпатию, целеустремленно шел вперед, поджав губы и толкая перед собой тележку со вспоротым чемоданом.

– Вы в Академии работали? – Борис неожиданно прервал молчание и заговорил уже спокойным голосом, в котором время от времени проскальзывали стальные интонации, теперь уже гораздо лучше узнаваемые, чем раньше. – Случайно не знали профессора Горькина?

– Василия Станиславовича? Как же, прекрасно знал. Мы с ним когда-то еще в шестидесятые годы занимались расчетами.

– Это один из моих учителей, – Борис немного расслабился, – читал мне лекции в Университете. Один из немногих людей, которых я уважаю. Он никогда не вешал лапшу на уши.

– Да, надо же, как замечательно!

– Вы уже знаете, чем будете заниматься у Ефима?

– В общих чертах, Боря, вы знаете, Ефим меня пригласил, так сказать, не оговаривая конкретных функций, предложил продолжать научные исследования, которые я вел в России. Нет, я безусловно готов и хочу помочь компании...

– В России вообще никакой науки не было! – Борис произнес эту фразу с холодной и яростной убежденностью. – Я насмотрелся в Университете на всех этих ученых, сплошная мафия. Так что для вашей же пользы советую поскорее включиться в работу компании.

– Да нет, Боря, вы меня не поняли. Я очень благодарен Ефиму за его предложение и с удовольствием приму участие в работе. Но насчет науки вы не правы. Дорогой мой, откройте любой Американский физический журнал, и вы увидите, столько ссылок на советских ученых...

– Русских, а не советских. Хорошо, я допускаю, что могу быть не прав. – Борис строго посмотрел на академика. – Вы сможете помочь нашей группе рассчитать напряжения, возникающие в деталях?

– Да о чем разговор, Боря, с удовольствием. Сразу же этим займусь. А в чем проблема?

– Мы уже год не можем решить, делать ли в наших стендах отверстия. – Услышав в голосе академика готовность к сотрудничеству, Борис явно убавил жесткости в голосе и с увлечением начал описывать проблему. – Ефим сам колеблется, четыре дырки просверлить или шесть, так что необходим теоретический расчет.

– Это школьная задачка, я завтра же все рассчитаю. – Неприятное чувство, вызванное нетерпимостью Бориса и упоминанием о комиссарах из еврейских местечек, не покидало академика.

Всю дорогу Борис деловым тоном объяснял технические проблемы компании Пусика, и у академика слегка пошла кругом голова. Он даже не заметил, как и когда они подъехали к просторному дому со стеклянной террасой.

– Привет, привет, – навстречу ему вышел мужчина примерно его возраста со слегка отвисшей нижней губой и ироничным взглядом. Одет он был в вытертые джинсы и просторную футболку. – Жора про тебя рассказывал. Спасибо, Боря помог мне, тебя подвез, я сегодня со своими идиотами разбирался. Ну что, отказывался, упирался, а эти сволочи все-таки тебя довели, верно?

– Да, Ефим, честно говоря, не хочется про это вспоминать. У меня только одна мечта: если удастся создать здесь маленькую группку, перетащить хотя бы одного или двух моих ребят, наладить работу, то моя жизнь не пропала!

– Сделаем все, всех перетащим! – Ефим почему-то слегка поморщился. – Это пустяки, не в этом главное. Ты понимаешь, я уже скоро двадцать лет, как в этой стране. Ты видишь, я всего добился. Кем я был в Союзе? Пархатым жидом, вот кем. Любая мразь могла меня по стенке размазать и топтать меня ногами. Если бы ты знал, сколько мне пришлось пережить, сколько унижений, как меня не посадили, до сих пор ума не приложу. И вот я уехал, нищий, оборванец. Как сейчас помню, приехал в Вену, и у меня пять долларов в кармане. И в Америку приехал, у меня немногим больше было. Ты понимаешь, я всего добился своей головой и руками. У меня есть все, и этого хватит на сто таких жизней. Теперь самая последняя мразь в Москве, которая меня разорвать на куски была готова, на коленях ко мне приползет и будет ноги лизать, потому что они в дерьме плавают, как им и полагается по заслугам. Все встало на свои места, и поэтому Америка великая страна. Я тебе это говорю, потому что вижу, что ты чем-то на меня похож. У тебя тоже все получится, я чувствую.

– Спасибо, Ефим, – академик был тронут.

– Так вот, мне это все никакой радости не приносит. Нет, интересно, конечно, деньги, работа, но ведь пора и о душе подумать. Никто не вспомнит меня через двадцать лет, все эти железки, все изменится, придут другие технологии. Поэтому у меня мечта: помочь хорошим, талантливым людям, по которым советская власть прошлась паровым катком. Вот тебе, взять и помочь, ведь должно быть у людей хоть какое-то вознаграждение за их муки, верно?

– Ефим, мне по правде не верится, что это все на самом деле происходит со мной.

– Да, – Ефим усмехнулся, – бывают такие моменты в жизни, когда оказывается, что мечта сбывается. И ты знаешь, у тебя бывало так? Она сбывается, и ты сам не веришь, что все это произошло. Ну, – он на секунду задумался, – как будто ты шел по полю и нашел золотой слиток. Поднял его, смотришь и не можешь поверить, ощупываешь его пальцами, он такой чуть пористый, с буграми, шершавый, поблескивает, и вот ты держишь его и медленно начинаешь понимать: «Да, да, это я, и я не сплю, и все это на самом деле».

– Ефим, – академик почувствовал подъем, – вы не можете себе представить, как я вам благодарен. Я хочу сказать, что в общем-то, я не привык брать и не отдавать долги, так что я с большим удовольствием помогу вашей компании с расчетами. Борис упоминал про какие-то отверстия...

– Слушай, Слушай! – Ефим начал раздражаться. – Пошли Бориса к чертовой матери. Сопляк паршивый! Он же фашист, ему бы зоной или шарашкой руководить. Я его терплю только потому, что он делу полезен. Я про что говорю, хочешь помочь делу, я буду рад. Посчитай нам напряжения в деталях. А вообще я хочу создать научный центр под твоим руководством. Вытащим твоих ребят, сделаем вначале небольшую лабораторию. Здесь такое место, тысячи компаний, университеты, это центр мировой науки! Ты что думаешь, и Стэнфорд так начинался, и Принстон. Быть может, будет когда-нибудь университет имени Пусика.

– Ефим, это было бы замечательно! – академик с некоторым испугом почувствовал, что разговор с Пусиком начинает напоминать прекрасный сон, после которого просыпаешься ранним утром и медленно, с сожалением начинаешь осознавать, что воздушная призрачная мечта улетает вместе с отступающим сумраком ночи.

– Я навел справки. – Ефим зевнул. – О тебе все замечательно отзываются. А для меня это много значит. Да что там, если ты со своей мордой пробился в академики в этой стране, это обо всем само за себя говорит. Даже если вы со своей лабораторией ничего не сделаете, не переживай. Мне все равно выгодно деньги на исследования списывать с налогов. Так что ты ничему не мешаешь. Считай, что я перед Богом хочу сделать хорошие дела. Договорились?

– Конечно, Ефим.

– Вот и прекрасно. А теперь отдыхай. – Он пригласил академика следовать за ним и провел его в просторную комнату с деревянной террасой, нависающей над садом.

Академик с наслаждением принял душ. Голова гудела, спать не хотелось. Он погасил свет в комнате. Уличные фонари отблескивали в экране телевизора, бокалах, стоящих в небольшом шкафу и в оконном стекле. Он вышел на поскрипывающую деревянную террасу. За ней простирался темный склон горы, громко пели цикады, и прохладный воздух, наполненный ароматом трав и цветения, мягкими волнами спускался по шуршащей листве деревьев. На горизонте за темными очертаниями холмов раскинулось бесконечное море ярких и разноцветных огней, переливающихся и мерцающих.

«Вот оно, буйство жизни, – думал академик, – ведь каждый такой огонек освещает чей-то дом, жизнь, мысли, мучения и радости, и все они вместе собираются в этот искрящийся водопад, бурлящий и сверкающий в этой ночи. – Он перевел взгляд на небо. Там, в далекой космической тьме ровным светом горели тысячи звезд. –Каждый миг в этой жизни уникален, фотоны, ударяющие сейчас в сетчатку моих глаз были рождены, быть может, миллиарды лет назад во время страшных, не поддающихся разуму космических катастроф, и все эти годы летели в бесконечной пустоте пространства и вот сейчас, в эти секунды, поглощаются в моих нервных клетках. И кто знает, быть может, свет той же звезды в эти секунды долетает до неизвестной нам планеты, на поверхности которой живое, разумное существо тоже глядит вверх, ощущая бесконечность и таинственность вселенной...»

Он глубоко вдохнул ночной ароматный воздух, открыл окно, с наслаждением лег на хрустящую белую простыню и не заметил, как заснул спокойным, безмятежным сном.

Утро было солнечным и прозрачным. Птицы за окном пели как сумасшедшие, и яркие лучи солнца пробивались сквозь сочную зеленую листву деревьев. Академик открыл глаза. На часах было всего около шести часов утра. Сейчас, под утренним ласковым солнцем, были видны внизу бесконечные ряды больших и маленьких домиков, разбросанных между зеленых аллей и парков. Где-то совсем далеко аккуратные ряды строений заканчивались, там блестело плоское голубое зеркало залива, за которым поднимались высокие, безжизненные выгоревшие горы. Академик перевел взгляд налево. Там на горизонте тоже виднелись горы, но не безжизненные, а наоборот, покрытые густым зеленым лесом. С вершин этих гор серебряными, переливающимися и мерцающими под яркими лучами солнца клочьями спускался туман, растекаясь по горным хребтам и исчезая по мере приближения к зеленой долине, расчерченной далекими нитками шоссе, по которым как букашки ползли автомобили. Легкие порывы свежего морского ветра ласково трепетали волосы. «Фантастический пейзаж!» – подумал академик.

Он вышел из своей комнаты, аккуратно застелив постель. Ефим уже был одет и расхаживал по салону, прижимая к уху беспроводный телефон.

– Слушай, Слушай, Леонид, прекрати! – он раздраженно рычал в трубку. – Я тебе сказал, ни одной системы я не продам, пока дырки не будут просверлены. Ты понял? Да, ну и что с того, что я сказал Джиму их не сверлить? Я передумал. Листен, Листен, прекрати немедленно! Это мое дело, понял? Мне наплевать на покупателей. Ты выполняй свои функции, а я буду выполнять свои. Я чувствую, что без дырок эту систему продавать нельзя. Да я целую ночь не спал, как в бреду думал об этом, пока ты храпел в постельке как сурок! Все, больше слышать ничего не хочу! – он бросил трубку.

– Кретины, – Ефим покачал головой. – Ты не представляешь себе, как я устал сражаться с этими идиотами. Ты меня понимаешь, да? Может быть, ты действительно сможешь нам помочь, познакомься с проблемой сегодня. Хорошо?

– Конечно, Ефим, о чем разговор.

– Вот и прекрасно. Ну давай выпьем кофе и поедем в компанию.

Белый Мерседес Ефима мягко подкатил по аллее с аккуратно подстриженными газонами к двухэтажному зданию с темными стеклами.

– Вот оно, мое хозяйство. – Ефим водил академика из комнаты в комнату мимо людей, склонившихся над железными деталями, бесконечными приборами и ящиками с гудящими вентиляторами.

– Ефим, Ефим! У нас крупная неприятность! – подбежавший к ним Леонид был явно перепуган.

–Что случилось? – Ефим в одно мгновение помрачнел.

– Все вчерашние поставленные блоки неисправны.

– Что? – Ефим покраснел от гнева. – Кто принимал поставку? – Он обернулся к академику. – Извини, мне сейчас придется тебя оставить. Борис тебе пока определит рабочее место. Увидимся после обеда.

Академик на некоторое время остался предоставлен себе. Он посмотрел на просторный, освещенный ярким светом люминесцентных ламп зал, заставленный рядами столов, на которых громоздились сошедшие с конвейера приборы. «Это же надо было такую махину раскрутить, да еще в чужой стране,» – подумал он, наполняясь уважением к Ефиму.

Борис стремительно вошел в зал из коридора, нервно отпивая на ходу воду из белого пластикового стакана.

– Доброе утро! Ефим меня просил вам помочь, – сказал он по-английски и строгим взглядом посмотрел на академика. Это неприятно резануло академика и своей неестественностью и тем, что он с трудом разбирал непривычно быстрые фразы. – Пойдемте, я покажу место, где вы сможете работать. – Он развернулся и быстрой походкой вышел из зала.

Академик следовал за ним. Они вошли в тесную комнату, в которой сидели несколько сотрудников, столы которых почти что касались друг друга. Один из столов был свободен.

– Это ваше рабочее место. – Борис развернулся, явно намереваясь уйти. – Если что-нибудь потребуется, обращайтесь ко мне, – добавил он.

– Боря, извините, мне нужно с вами поговорить. – Академик сказал это по-русски и ребята, сидевшие в комнате, обернулись при этих словах и с интересом посмотрели на него.

– Попрошу вас выйти в коридор! – недовольно прошептал Борис по-русски и вышел из комнаты. – Учтите, – сердито продолжал он, – у нас в компании принято разговаривать по-английски. Так в чем дело?

– Боря, – академик замялся. Он секунду колебался, обдумывая, не слишком ли неудобно обращаться с такой просьбой к Борису, но решил продолжать. – Вы знаете, я уже пожилой человек и, честно говоря, буду себя чувствовать неловко в большой общей комнате, бок о бок с молодыми ребятами. И еще, я уже более тридцати лет своей жизни привык работать в отдельном кабинете. Мне, право, неловко, но в коммуналке у меня голова не включается, такая вот старческая причуда, не обессудьте. Может быть удастся найти отдельный кабинет, нет, мне не нужно большой комнаты, достаточно клетушки, но хотя бы огороженной от общего помещения.

– У нас в компании таких кабинетов не существует! – отрезал Борис. – В Америке все работают на виду у всех. Я даже не знаю, как быть, поговорите с Ефимом. Я ничем не могу вам помочь. – Он развернулся и ушел, возмущенно пожимая плечами.

Академик подошел к кабинету Ефима. Из-за двери неслись раздраженные крики. Похоже было, что Ефим проводит совещание. «Подожду,» – решил академик и сел на стул в прихожей. Он достал из портфеля черный блокнот с надписью «Академия Наук СССР. Полевой Дневник» и принялся изучать записи последних дней и адреса своих американских знакомых, которым он собирался позвонить.

– Дорогой мой, что же ты сидишь здесь, разве тебе Борис не помог? – покрасневший Ефим, закончивший гонять своих сотрудников, вышел из кабинета и задал этот вопрос нежным и одновременно участливым тоном.

– Ефим, – академик замешкался со своим блокнотиком, – честно говоря, Борис здесь не при чем, он все сделал, там замечательный стол со стулом. Я хотел у тебя только спросить, не найдешь ли ты возможность выделить или отгородить мне маленькую отдельную комнатку. Честно говоря, я не умею работать на людях, у меня в толпе просто голова не включается.

– Слушай, слушай, каков мерзавец! – Ефим покачал головой. – Что же это он решил тебя в общей комнате посадить? Совсем охренел, мать его, что ли? Сопляк паршивый, возомнил о себе черт его знает что!

– Ефим, да нет, – академик расстроился, так как в его планы совсем не входило поссорить Ефима со своими подчиненными. – Борис все сделал, это я сам хотел...

– Листен, Листен! Я знаю, что говорю! – Ефим покраснел как бык. – Он тебя нарочно подставил и унизить хотел. Я его скотскую манеру изучил, это он с виду такой вежливый. Скажет спасибо, пожалуйста, а сам развернется и незаметно ловким движением локтя всю челюсть выбьет! Да как он смел тебе такое предложить! У нас полно комнат в компании. А ну-ка пойдем.

Академик, ничего не понимая и расстроившись, следовал за Ефимом. Они прошли через злосчастную комнату, в которой стоял пустой стол, предназначенный для академика. Ефим открыл дверь, и они оказались в маленькой уютной пустой комнатке, в которой стояло несколько стульев, длинный стол, пластиковая письменная доска и телефон.

– Подходит? – спросил Ефим.

– Замечательно, о лучшем и мечтать нельзя.

– Вот и прекрасно. – Борис! Борис! – позвал Ефим.

– Да, – Борис появился на пороге, подозрительно и недружелюбно глядя на академика.

– Борис, Григорий Семенович будет пока что сидеть здесь. Ты понял? А потом мы подберем ему комнату побольше на первом этаже.

– Ефим, – Борис был явно недоволен. – В этой комнате проводятся совещания и встречи с нашими заказчиками.

– Листен, Листен, Листен! – Ефим начал кричать. – Ты мне не наводи здесь свои порядки! Это моя компания или нет? Плевать мне на заказчиков и на ваши идиотские совещания! Ты понял? Эти ваши совещания вообще никому не нужны, вы переливаете воду из пустого в порожнее.

– Ефим, что вы, – академик уже проклинал себя за то, что обратился к Ефиму. – Если у Бориса будет совещание, я, конечно же, не буду мешать и могу куда-нибудь уйти на это время.

– Слушай, это мое дело! Я сказал, пока что будешь сидеть здесь. Разговор закончен. – Ефим раздраженно вышел из комнаты.

– Боря, извините ради бога, я право не хотел никаких конфликтов. – Академик испытывал неловкость.

– Ничего, вы в этом не виноваты. – Борис поджал губы. – У меня только одна просьба: когда приходят заказчики или у нас будут совещания, нам придется вас немного потеснить.

– Конечно, конечно. Вы знаете, Борис, вы упоминали вчера проблемы, возникшие у Ефима с отверстиями. Вы не могли бы мне дать какие-нибудь материалы для того, чтобы я мог с этой задачкой познакомиться?

– Да, я сейчас все принесу. – Казалось, голос Бориса приобрел некоторое дружелюбие. Он вскоре появился с несколькими чертежами и коротко объяснил проблему.

Академик со вздохом сел за длинный стол, разложил чертежи и принялся набрасывать на листочке уравнения. Он углубился в работу и быстро забыл об окружающем. В последний раз он рассчитывал подобные задачки еще в студенческие годы и сейчас с

интересом вспоминал давно забытые формулы. Странная грубость Ефима смутила его. С другой стороны, он и сам испытывал какую-то подсознательную неприязнь к Борису из-за его жесткости, высказываний и неприятных манер. «Откуда я знаю, быть может, он уже давно вывел Ефима из себя?» – подумал он и решил больше не забивать себе происходящим голову.

– Извините, – Борис вошел в комнату с двумя ребятами. – Нам необходима доска, так что придется вам помешать.

– Да, да, пожалуйста, – академик отодвинулся в угол стола в то время как Борис что-то рисовал на доске и нервно обсуждал. Вскоре доска была исписана символами и диаграммами. Борис нажал на кнопку и изнутри доски вылез лист бумаги с ксерокопией всего, что на ней было написано и нарисовано. «Вот это да! – подумал академик. – Добро пожаловать в цивилизованный мир.»

Тем временем импровизированное совещание закончилось. Борис размашистыми движениями руки стер записи с доски.

– Ну, как дела? – он пристально посмотрел на академика.

– Ничего, потихоньку разбираюсь. Боря, пожалуйста подскажите мне, как позвонить в Чикаго. У меня там старый знакомый и коллега в университете работает, я хотел передать ему привет.

– Это по делам компании или личный звонок? – холодно осведомился Борис.

– Ну, как вам сказать, – академик от неожиданности замялся. – Он профессор в университете и долгое время занимался теми же проблемами, что и я. Я вообще-то просто хотел передать ему привет и сообщить мой адрес...

– Частные звонки вы будете совершать из дома. Компания не обязана оплачивать ваши переговоры.

– Но, Боря, грань между деловыми и частными звонками настолько призрачна. Честно говоря, я собирался заняться у Ефима нашими старыми работами по получению новых материалов, и этот человек может оказаться очень полезен...

– Я не обладаю полномочиями разрешить вам этот разговор. Пожалуйста, если хотите, согласуйте его с Ефимом.

– Но, Боря... – академик был потерян. – Да нет, конечно я позвоню из дома, но он уже уйдет с работы...

– Это вам не Академия Наук. Здесь за ваши разговоры платит компания и, значит, и я сам из своего кармана. – Борис раздраженно повернулся и вышел из комнаты.

– Боря, я сам заплачу за разговор, можно так сделать? – но Борис уже закрыл дверь.

«Подлец, – подумал академик. – А я-то его хотел выгородить.» Он раскрыл свою записную книжку и с грустью посмотрел на стоящий на столе телефон. «Ничего себе деятель, а выглядит вроде прилично.»

Академик вздохнул и снова углубился в расчеты. Он никак не мог понять, почему у Ефима могли возникнуть какие-то проблемы с отверстиями в плоской металлической детали. Отверстия эти явно ничему не мешали и позволяли в случае необходимости закрепить деталь под углом к основанию прибора, освободив тем самым доступ к нескольким узлам, необходимым для точной механической регулировки и настройки. Ефим, правда, то и дело высказывал опасения, что дополнительные отверстия изменят жесткость конструкции и могут вызвать нежелательные перекосы при монтаже установки. Академик снова посмотрел на листочек, исписанный уравнениями. Простой расчет показывал, что даже в худшем случае искажения не могли превысить десятых долей процента и легко устранялись. Он пожал плечами, отложил листок в сторону и достал из толстой папки незаконченную статью, содержащую результаты последних экспериментов, сделанных в Москве незадолго до возникшего скандала. Диаграмма, приготовленная Володей в день рокового Ученого Совета, лежала между черновиков, края ее обтрепались. «Володя, – подумал академик. – Надо поговорить с Ефимом, пока не поздно, а то эта свора его уничтожит.»

– Извините, – в комнату снова вошел Борис с несколькими сотрудниками. – Нам необходимо провести совещание.

Академик бросился собирать со стола разложенные бумаги, в суматохе складывая их в стопку. Листок с диаграммой отлетел в сторону и упал на пол. Академик кряхтя нагнулся и под издевательским и одновременно иронично-торжествующим взглядом Бориса поднял его. Лицо его покраснело от унижения и нагрузки. «Нет, это не дело – подумал он, – так они будут меня дергать каждые полчаса.» – Он вышел из комнаты, чувствуя на своей спине изучающие взгляды людей, прошел через коридор в кафетерий и налил себе стакан кофе.

В кафетерии было почти пусто. За длинным столом в одиночестве сидел мужчина неопределенного возраста с детским лицом и с ясными, наивными глазами. Он был одет в ярко-голубые джинсы, белоснежные кроссовки и резко выделялся среди прочих обитателей компании Пусика своим демократичным обликом. Человек этот аккуратными движениями отрезал от сосиски, лежавшей в его тарелке одинаковые тоненькие ломтики, подхватывал их вилкой и направлял в рот. Губы его при этом смешно вытягивались трубочкой, деликатно застывали, потом приоткрывались и начинали совершать сложные круговые движения. «Странный тип,» – подумал академик и вдруг с удивлением почувствовал, что облик этого человека ему знаком. Он присмотрелся и увидел, что на обеденном столе около тарелки с сосиской лежит книга, страницы которой испещрены формулами и снова понял, что видел этого человека не один раз.

– Григорий Семенович, если не ошибаюсь? – голос у паренька был тягучий, тоненький и капризный.

– Да, вы меня знаете?

– Кто же вас не знает, я на ваших семинарах каждую неделю бывал. Меня зовут Эдик, вы меня не помните?

Академик вспомнил, что этот неповторимый голосок действительно часто звучал на семинарах в Москве, и вдруг резко, как от удара молнии, узнал и его обладателя.

– Эдик, Боже мой, какими судьбами! Ведь вы же уехали в Америку уже лет пять назад. У нас в Институте ходили легенды: Эдик стал профессором в Кембридже, преуспевает. Как же так?

– Нет, ставка у меня была временная, – Эдик немного смутился. – Дело в том, что мама и папа хорошо знали дядю Ефима еще по Москве.

– Да, надо же, как интересно!

– И когда дядя Ефим меня пригласил у него поработать, я согласился. – Эдик потупил глаза.

– Невероятно, какие все-таки бывают удивительные встречи! Ну что же я очень, очень рад. Вы знаете, Эдик, Ефим говорил со мной о возможности создания маленького научного центра...

Академик замялся, так как дверь кафетерия отворилась и решительной походкой вошел Борис. Он налил в белый пластиковый стакан холодную воду, нервным движением сделал глоток и пристально посмотрел на академика.

– Совещание закончено. – холодно объявил он. – Когда я получу результаты проверок программ?– теперь он обращался к Эдику.

Эдик перестал жевать, причем академику показалось, что тоненький ломтик сосиски застрял у него в горле. – Я еще не закончил работу, – сдержанно сказал он.

– Я ожидал результатов еще сегодня утром. Сейчас, – Борис вскинул руку и посмотрел на часы, – почти три часа дня. Соответственно, и вашу зарплату полагается уменьшить в той же пропорции. – Он сделал большой глоток и выкинул пустой стакан в корзину для мусора. Открыв дверь, он еще раз пристально, молча посмотрел на академика с Эдиком. От его взгляда по спине у академика пробежали мурашки.

– Эдик, объясните мне, почему Борис так себя ведет? – спросил академик, когда за Борисом захлопнулась дверь. – Что это за хамство такое? Мне кажется, что он берет на себя слишком большие полномочия, тем более, что Ефим им не особенно доволен.

– К сожалению, у него в этой компании большая власть. – Эдик погрустнел. – Дядя Ефим за него держится, хотя и ругает. Но ничего, во-первых, необходимо уважать себя и не давать ему над собой издеваться. А во-вторых, дядя Ефим обещал мне, что когда я разберусь во всех деталях производства, – при этих словах взгляд Эдика снова просветлел и стал мечтательным, – он уволит всех плохих людей и позволит мне реорганизовать производство так, как я считаю нужным.

Глава 18.
Кембридж в сборочном цехе.

– Вы видели? – Борис стоял неподалеку от меня с Андреем и Леонидом и трясся от злости. – Не успело пяти минут пройти, а они вместо того, чтобы работать, уже чаи распивают в кафетерии. Тут как тут, чирикают, да еще по-русски. Ефим делает глупость за глупостью. Компания гибнет, люди разленились, не хотят работать, а он приглашает этого мудака из Кембриджа, а теперь еще этого старого осла из Москвы. Тоже мне, академик! Обычный лжеученый, как они все были в России. Пишет на листочках какую-то ересь, он, по-моему, полный тупица и бездарь.

– Боря, успокойся, – Леонид явно нервничал, но не хотел эскалации конфликта, так как не далее как сегодня утром ему влетело за неисправные блоки, и он по опыту знал, что Ефима сейчас нельзя заводить. – Мы все соберемся и поговорим с Ефимом в спокойной обстановке. Только не надо нервничать.

– Да что там нервничать! – Борис покраснел и зло сплюнул. – Неужели вы не понимаете? У нас в компании теперь два дармоеда! Два! И другие люди, глядя на них, начнут баклуши бить – им можно, а мне нельзя? Этому мудаку Эдику платят зарплату как инженеру, а он за месяц сделал столько же, сколько Петя делает за один час! Это же настоящий социализм! А от старого тупицы вообще ничего, кроме вреда, не будет!

– Успокойся, – Андрей сочувственно, с любовью в глазах, посмотрел на Бориса. – Пожалуйста, не нервничай из-за идиотов. – Он взял Бориса за руку чуть выше локтя и дружески погладил его по спине. – Успокойся, Боря!

– Со мной все нормально! – Борис вдруг перешел на английский и с ненавистью посмотрел на Андрея.

– Успокойся, – с нежностью продолжал Андрей, похлопывая Бориса по плечу. Борис резким движением высвободился.

– Я сказал, со мной все нормально! – громовым, дрожащим от злости голосом прокричал он. – Я не маленький ребенок, чтобы ты меня утешал! И не прикасайся ко мне, слышишь?

Андрей опешил. Он явно не ожидал такого от друга юности и раскрыл рот от удивления. На лице его сменилась целая гамма переживаний – обида, недоумение, испуг и снова любовь и нежность.

– Я же хотел как лучше, – промямлил он и пожал плечами.

– Боря, Боря, – снова вмешался Леонид. – Давай подождем день-другой, пусть все станет на свои места. Говорят, этот академик друг молодости Ефима, так что не лезь на рожон. А по поводу Эдика ты прав, он полный идиот, я думаю и Ефиму это ясно. Я предлагаю перевести его с инженерной должности в техники и поставить на производство. Пусть помогает чинить старые системы.

– Ходит на работу в джинсах и кроссовках! – Бориса продолжало трясти. – А этот академик приехал в каких-то стоптанных ботинках и со значком Ломоносова в лацкане. Еще бы ордена свои нацепил! Ходит с папкой для бумаг, а на блокноте у него написано «Полевой дневник»!

– Да, это мы упустили. – Леонид поморщился. – Я и сам, признаться, не знаю, зачем Ефим его позвал, и думаю, что это ничем хорошим не кончится. Андрей, давай-ка объясни ученому, что к чему, давай, действуй!

Андрей, на которого только что возложили важное задание, напыжился и подошел ко мне.

– Так, ты из нас ближе всего был ко всяким ученым. Ты уже видел академика?

– Да, Ефим водил кого-то с утра.

– Прекрасно, сейчас отвезем его на обед. Надо ему рассказать о традициях, принятых в нашей компании.

– Надеюсь, ты не повезешь его покупать полосатые рубашки со складочками?

– Опять ты за свое! – Андрей обиделся. – Я же для него лучше сделать хочу. Хороший совет еще никому не мешал!

Я согласился. Через пять минут мы уже познакомились с академиком, оказавшимся приятным и остроумным собеседником, и сели в машину.

– Вы в первый раз в Америке? – гордо спросил Андрей.

– Нет, Андрюша, я несколько раз бывал здесь, но всегда на другом побережье.

– Здесь у нас, – Андрей напыжился, – мировой центр науки и технологии. Так что считайте, что вы были в глухой провинции и не видели настоящей цивилизации.

– Ну вы даете, Андрюша! А Нью-Йорк, а Принстон, а Кембридж...

– У нас уже есть один сотрудник из Кембриджа. – Андрей презрительно скривился.

– Это вы бросьте, старик! Вы про Эдика что ли? А вы знаете, что я его еще в Москве знал, и он очень талантливый ученый. Вы по внешности не судите, вы тоже могли родиться с капризным голосом...

– Я не знаю, какой он там ученый, – Андрей скривил губы, – а вот программист он бездарный.

– А с чего вы это взяли? – Академик удивился.

– Это мнение Бориса, – Андрей произнес эти слова с гордостью.

– Ну, батенька, при чем тут Борис, так ведь можно кого угодно охаять. Надо же свою голову на плечах иметь.

– У нас в компании, – Андрей поджал губы, – у Бориса очень высокая репутация. И потом, он мой лучший друг, и я ему абсолютно доверяю.

– Ну удивили, подумаешь ... – Академик засмеялся.

– Я бы не смеялся на вашем месте. – Андрей явно обиделся. – Учтите, что разработки Бориса принесли компании многие миллионы долларов.

– Андрей, извините. – академик нахмурился. – А вам не показалось, что Ваш, так сказать, лучший друг, недолюбливает евреев, к которым, если не ошибаюсь, относитесь и вы.

– Это абсолютная чушь! – вскричал Андрей. – Мы с ним лучшие друзья с детства, и я никогда ничего подобного не слышал! Боря глубочайший интеллигент и очень порядочный человек! Да если хотите знать, у него куча друзей - евреев!

– Нет, что вы, – академик смутился. – Простите. Я совсем не хотел вас обидеть. Мне могло и показаться, я ничего не утверждаю. Только вот как-то странно получается, что я провел с ним всего один день и уже услышал кое-что неприятное.

– Давайте лучше о деле. – Лицо Андрея приобрело деловое выражение. – Я бы хотел дать вам несколько полезных советов.

– Да, конечно, я здесь человек новый, порядков местных не знаю...

– Во-первых, в компании говорите только по-английски. Ну, во всяком случае старайтесь говорить, это и вам будет полезно.

– Да, – академик вздохнул, – немецким я свободно владею, а с английским немного туговато.

– Ну, знаете, на немецком у нас в Америке не разговаривают, – фыркнул Андрей, всем своим видом давая понять, что владение иностранным языком, отличным от английского, отнюдь не является чем-то особенным, а тем более полезным. –Во-вторых, я не знаю, заметили вы или нет, у нас в компании принято прилично одеваться. Нет, я ничего не хочу сказать, у вас нормальный костюм, но вот ботинки следует обновить. И рубашка должна быть вот такой, как у меня или у него, – Андрей кивнул в мою сторону, – с полосочками и со складкой сзади.

– Это что у вас, форма одежды? – со смехом переспросил академик. – Странно, а я в прошлом году читал лекции в Нью-Йорке в шортах и в футболке, и все профессора были одеты примерно так же.

– Я не знаю, как там в Нью-Йорке, а у нас ходить на работу в шортах считается неприличным. Вы сейчас живете у Ефима? Квартиру обязательно снимайте в Литтл-Три, там живут приличные люди. И, кстати, купите себе новую машину...

– Стойте, стойте! – академик смеялся. – Это что, устав Советской Армии или школа молодого бойца? Ребята, мне жалко на вас смотреть, молодые, талантливые, что вы создаете себе какие-то формальности и табу? Я уверен, что Ефим ничего такого вам не говорил. Живите свободно, дышите полной грудью, работайте, наслаждайтесь каждым днем. Вы не представляете даже себе, насколько вам повезло оказаться здесь и спокойно работать...

– Мое дело вас предупредить, – сухо сказал Андрей. – А вы решайте как знаете.

Обед сопровождался потоком поучений и полезных советов, изредка прерываемых воспоминаниями Андрея о своей правозащитной деятельности в Москве, о том, как он участвовал в митингах и демонстрациях, ходил с плакатами и даже был арестован. Академик немного сник от этого потока информации и только изредка вставлял ироничные комментарии.

– Типичный Совок! – Андрей с презрением выпятил губы, когда мы вернулись с обеда.

– Послушай, с чего ты это взял? – я возмутился. – Приятный, умный человек без комплексов. Послушай, он же тебе и мне в отцы годится. Не говоря уже о том, что он крупный ученый, академик, а ты его поучаешь как ребенка.

– Ученый, – Андрей сморщился, как будто проглотил лимон. – В России никаких ученых не было, одни бездельники.

– Ты это брось повторять чужие фразы. Почему ты думаешь, что вы все высшие существа?

– От моей работы компания получает огромную прибыль, – Андрей обиделся.

Неожиданно у меня в голове возникла абсурдная модель, и я начал ее развивать:

– А ты попробуй влезть в чужую шкуру. Представь себе, что ты тридцать или сорок лет проработаешь в Америке, разрабатывая свои приборы. Станешь великим инженером, а у них начнется последняя стадия Общего Кризиса Капитализма. Тебя же, падлу, учили научному коммунизму в институте, не забыл еще мудрость партии? И вот все, песенка спета, великая страна технологии рухнула, производства закрываются. А Россия тем временем очистила перышки, продала мехов, леса, алмазов и нефти и стала богатой, как арабские эмираты. Делать им не хера, все товары ввозят из Японии, а сами одна сплошная Академия Наук. Симпозиумы проводят, книги пишут, Нобелевские премии хватают. А тебе, паразиту, молока не на что стало купить, ты все бросаешь и приезжаешь в Москву. Паспорт-то у тебя не отобрали, ты же не в Израиль уезжал, а в Америку, да еще по контракту. И вот приехал ты и сажают тебя в какой-то Институт, встречает тебя мальчик такой русский, маленький, а нахальный: «Дедуся, у нас ходют в шортах и в сандалиях, так что ботиночки свои кожаные спрячь, не позорься. Ты нам, дедуся, помоги, у нас проблемка, для начала реши-ка нам параболическое уравнение второго порядка с квадратичным нелинейным членом. А то, небось, в Америке совсем мозги проржавели.» Ты пыхтишь, потеешь, уравнения ты еще в институте забыл как решать, и говоришь: «А может вам схему какую разработать?», а они смеются и говорят: «Мудак, ни хера не соображает, пусть лучше сортиры научным сотрудникам чистит...»

Я увлекся. Андрей слушал меня внимательно, слегка приоткрыв рот, и, казалось, проникся патетикой происходящего, тем более что я попал в точку – уравнений он никогда в своей жизни не решал.

– Ну ладно, – он махнул рукой. – Я могу быть и не прав. Ну, академик, ну член-корреспондент, какая разница... Давай не будем ссориться, в конце концов пусть с ним Ефим сам разбирается.

Я поднял глаза. Ефим как раз шел навстречу нам, явно с желанием поговорить. За ним угодливо семенил Леонид, будто склонившись в почтительном полупоклоне.

– Листен, Листен! – Ефим смотрел на нас с Андреем, как будто пытался вспомнить что-то важное. – У нас проблема с этим, ну как его зовут? Ну да, с Эдиком. Что такое, все на него жалуются, Борис говорит, что он за месяц ничего не сделал. Что же он меня обманул? «Дядя Ефим, я сделаю, я справлюсь!» У нас же не богадельня, Борис прав. И Леонид сегодня приходил, жаловался на него. Все, раз он такой умный и книжки читает, пусть идет на сборку. Будет проверять сломанные системы. Переведем его в техники. Более того, если, например, он все починит, мы его поощрим: пусть занимается теорией. Да, пусть разбирается с нашим генератором, там одна наука. Я когда-то два сопротивления припаял, покрутил катушечку, смотрю – работает, да и ладно. А там уравнения писать надо, наука сложная. И академик к нам приехал, пусть вместе разбираются с генератором. Так что вот так: Эдик будет в сборочном цеху, если все неисправности устранит – идет и занимается расчетами! Все, Леонид будет им руководить. А если что не так, я ему буду мозги на место вставлять. Мерзавец такой, Борю замучил, садист какой-то! – Ефим театрально пожал плечами. – Обвел меня вокруг пальца, сказал, что он все умеет, а мне Борис говорит, что Петя за час все то же сделает, что Эдик за целый месяц!

– Посадим ремонтировать! – Леонид был явно доволен.

– Слушай, – Ефим обращался к Леониду, – иди и скажи, что это я тебя послал. Пусть бросает на хер свой компьютер и идет на сборку. И если будет упираться, я его на куски раздеру. – Ефим широко взмахнул рукой.

– Да, правильно, Ефим, – склоненная в почтительном полупоклоне фигура Леонида излучала одновременно покорность и одобрение действиями начальства. Он взял со стола большую тетрадь с записями, сделал в ней какую-то пометку карандашом и строевым шагом направился к Эдику.

Ничего не подозревающий Эдик с выражением крайней заинтересованности сидел за экраном компьютера. Справа от него была расположена большая стопка бумаг с карандашными пометками. Время от времени Эдик вытягивал губы, взгляд его светлел, он склонял набок голову и вздыхал, находя очередную скрытую тайну в чередовании символов на экране. Затем Эдик пододвигал к себе листочек из стопки и что-то на нем записывал ровным, детским почерком. Он как-то поделился со мной, что движим тщеславным желанием составить полный список программ, применяющихся в компании Пусика, разработать таблицу их перекрестных ссылок и связей и показать дяде Ефиму плоды своего труда в виде толстого тома, демонстрирующего порочный подход Бориса к организации производства. Труд этот, если бы он был завершен, мог являться памятником титаническим усилиям человеческого духа, сродни каталогу галактик в северном секторе Млечного пути.

– Эдвард, – Леонид остановился на бегу и начал нервно постукивать карандашом по кисти руки. – Ефим распорядился, срочно все бросай и иди работать в сборочный цех.

– Что? – Эдик явно не ожидал такого поворота событий. – Я же занимаюсь очень важной работой. Дядя Ефим сам мне сказал: Эдик, наведи порядок в программах. Я уже почти закончил сортировать все управляющие процедуры...

– Это неважно, – Леонид слегка нервничал, так как не привык повторять распоряжения более одного раза. – С программами Борис разберется, а Ефим приказал тебе все бросить и идти ремонтировать установки.

– Я бы хотел вначале поговорить с дядей Ефимом, – ровным, нудным голосом упирался Эдик.

– Хорошо, поговори с ним и переходи в сборочный цех. Там сидит Донг, он даст тебе работу.

Я зажмурился. Донг не только не говорил по-английски, но и не понимал ничего, кроме вызубренного наизусть порядка втыкания проводов и нажимания на кнопки. Если при этом на экране возникала надпись «OK», он считал свою задачу выполненной, в противном случае вызывая в цех инженеров. Находиться в подчинении у Донга на Пусике означало крайнюю степень падения и полный отказ начальства признать за человеком

даже минимальные умственные способности. Я попытался представить себе бывшего профессора из Кембриджа в этой роли, и не смог. Что-то неясное, какие-то смутные тени колыхались перед глазами, но образ Эдика на конвейере упорно не хотел формироваться.

– Это заговор! – как только Леонид отошел в сторону, Эдик обхватил голову руками. – Дядя Ефим не мог им такого приказать, они хотят уничтожить меня!

– Эдик, ну подумайте, разве в компании может что-нибудь произойти без Ефима? Я же сам слышал, как он про это говорил. На самом деле Леонид не сказал вам, что именно Ефим имел ввиду. Он распорядился, чтобы вы в свободное время занимались теорией, моделированием.

– Он так сказал? – Эдик с надеждой посмотрел на меня. – Это может означать только то, что у Ефима на самом деле далеко идущие планы. Ну, вы меня успокоили. Значит все в порядке. Вначале дядя Ефим дал мне возможность разобраться с программами, а теперь он считает, что я уже достаточно все освоил. Как он все потрясающе чувствует! Ведь это чистая правда, я уже понимаю почти все, на самом деле я очень быстро со всем разбираюсь, даже, может быть, быстрее Бориса. Я уже почти составил каталог программ... Значит, теперь дядя Ефим хочет, чтобы я так же быстро разобрался с практической стороной дела. Надо же, какое замечательное решение: чинить платы, а в свободное время заниматься наукой. Это же почти как Эйнштейн, когда он создавал свою теорию относительности и работал в Патентном бюро. Я очень быстро во всем разберусь, так что дядя Ефим только рот откроет...

Эдик продолжал быстро и суетливо говорить, развивая свою теорию. Я уже и сам было поверил в разворачивающуюся передо мной стройную и гармоничную картину, нарисованную Эдиком, потом встряхнул головой и понял, что окончательно запутался в том, какой вариант действительности развивается на самом деле.

Картина, которую я увидел через несколько часов, была фантастична и отдавала сюрреализмом. Беженец из Вьетнама Донг занимался обучением бывшего профессора из Кембриджа, сдавшего теоретический минимум Ландау в возрасте шестнадцати лет. Он показывал на зеленую плату, из которой торчали связки проводов.

– Это! – говорил он Эдику, который с покорным видом ученика пристально смотрел на Донга и делал какие-то пометки в блокнотике. «Чтобы потом показать дяде Ефиму», – сообразил я. – Здесь, – говорил Донг и тыкал плату в коробку. – Здесь! – утвердительным тоном повторял он, так как словарный запас его был явно ограничен.

– Извините, вы сказали, что эту плату полагается воткнуть в позицию номер восемь? – вежливо спрашивал Эдик тоненьким голоском со своим Оксфордским произношением, вытягивая трубочкой губы и слегка наклоняя голову.

– Здесь! – Донг снова вынимал плату. – Это! Здесь! – и он втыкал ее на место. Затем Донг брал черненький проводок с разъемчиком. – Это! – говорил он, крутя проводком перед носом Эдика, – Здесь! – Он втыкал проводок на место, и лицо его становилось лучезарно-довольным, отражавшим глубокое удовлетворение простым и незатейливым устройством окружающего нас материального мира.

Посмотреть на историческую сцену хотелось многим, и сотрудники то и дело пробегали через сборочный цех, едва в силах сдержать улыбку.

– Ну и мудак! – на бегу со злостью бросил Леонид. – Ученый, одно слово. Посмотри, насколько он бесполезен, даже от Донга больше пользы, чем от этого идиота. Он же нам все соединения перепутает! Да его никуда на пушечный выстрел подпускать нельзя!

Страхи Леонида, впрочем, оказались преувеличенными. Уже к вечеру Эдик гордо сидел посреди жужжащих коробок, доставая платы из больших черных картонных ящиков и втыкая их в полупустые серые приборы. Изредка он сверялся со своими записями, и у него возникали затруднения. Тогда он почтительно подходил к Донгу.

–Это! Здесь! – с гордостью объяснял Донг, и Эдик снова оставался наедине с собой.

– Ты знаешь, я уже почти во всем разобрался! – Эдик радостно подбежал ко мне в кафетерии. – Всего один день, и я уже могу собирать приборы почти так же, как Донг! – лицо его светилось гордостью. – Я даже уже одну неисправность починил. Ничего, дядя Ефим не пожалеет о том, что он меня пригласил.

На следующий день я обратил внимание на то, что у Эдика какое-то важное и таинственное выражение лица.

– Посмотри, – Эдик с видом заговорщика поманил меня пальцем. – Я только что такое обнаружил!

Настороженный пока еще мне неизвестным открытием Эдика я протиснулся бочком между рядами собирающихся установок.

– Я еще утром починил все неисправные машины и был очень заинтересован аэродинамическими потоками внутри машины Пусика. – Эдик потупил глаза. – Ведь дядя Ефим просил меня заниматься исследованиями в свободное время. Так вот, вид движения воздуха играет очень важную роль в процессе охлаждения электронных устройств. Воздух может стоять на месте, и в этом случае теплообмен происходит преимущественно за счет излучения... – Я с некоторым испугом приготовился выслушать длинную лекцию о турбулентных потоках, и интуиция меня не подвела... – Движение же воздуха, ламинарное или турбулентное приводит к конвективной форме теплообмена, для которой на задней панели прибора укреплен вентилятор... – Эдик пристально посмотрел на меня. – Так вот, – Эдик взял маленький листок бумажки, поднес его к жужжащему вентилятору на одной из только что собранных серых коробок с надписью «Pusik» и выпустил его из рук.

По всем мыслимым законам физики, листок этот должен был либо присосаться к вентилятору, либо отлететь в сторону. К моему удивлению, с ним не произошло ни того, ни другого: листок чуть качнулся в воздухе, и плавно, как перышко, опустился на стол. Я потряс головой и, не веря своим глазам заглянул в машину. Вентилятор шумел, лопасти его крутились, как и полагается. Я поднес руку и еще раз с удивлением убедился, что в непосредственной близости от вентилятора не наблюдается абсолютно никакого движения воздуха, разве что легкие пульсирующие фырканья лишь изредка поглаживали кожу.

–Таким образом, внутри прибора дяди Ефима наблюдается явный теплообмен путем излучения при равенстве конвективной составляющей нулю! – Эдик торжествующе посмотрел на меня.

– Но как это может быть? – я продолжал недоумевать.

– Очень просто. – Эдик улыбнулся. – Внутри машины установлен еще один такой же вентилятор, и их по ошибке включили навстречу друг другу. Так что один вентилятор засасывает воздух внутрь, а другой выкачивает его наружу, почти полностью компенсируя первый! И самое удивительное, что компания поставляет такие машины уже несколько месяцев!

Я неожиданно вспомнил, что на недавнем совещании Леонид сообщил о необычно высокой частоте поломок новых систем, а Борис, нервно бегая у доски, объяснял отказы плохим качеством новых микросхем, которые вместо Техаса, в котором всегда преобладали республиканцы, теперь начали производить где-то в Массачусетсе, в котором недавно победили на выборах демократы... Открытие, произведенное Эдиком, как и любая гениальная теория, объясняла поломки причинами, независимыми от политической ситуации: машина просто начинала перегреваться.

– Ты только никому не рассказывай об этом, – Эдик строго посмотрел на меня. – Для меня очень важно, чтобы дяде Ефиму я все рассказал сам.

Реакция Ефима на открытие, последовавшая буквально через несколько минут во время очередного обхода компании, была неожиданной:

– Листен, Листен, Листен! – Ефим раздраженно кричал и размахивал руками. – Ну и что, мать твою, оттого что они навстречу включены? Что от этого Земной шар крутиться перестал? Ну что ты прыгаешь, я тебя для этого сюда поставил?

– Нет, дядя Ефим, но...

– Вот и делай то, для чего я тебя сюда поставил, ты понял, о чем я говорю? – Ефим подозрительно посмотрел на Эдика. Тот глядел ему прямо в глаза незамутненным взглядом.

– Хорошо, дядя Ефим, конечно, я понимаю, я уже разобрался почти во всем, вы можете не сомневаться. – Эдик явно находил скрытый смысл в руководящих указаниях Пусика.

– Вот и занимайся починкой, не лезь не в свое дело, понял? – Ефим скептически потряс головой. – Нет, молодец, конечно, что раскопал, правильно. Но зря сюда сунулся, какая тебе разница? Я Леониду вставлю, это бардак. Но ты сам посуди, какая мне разница – ломаются системы, они их нам пришлют, а ты их чинить будешь. Вот так вот! Все довольны! – Ефим взял бумажку, поднес ее к вентилятору и отпустил. – Да, красиво летит, – сказал он мечтательно. – Так что научись чинить машины, это тебе пригодится.

– Да, у дяди Ефима какие-то свои планы. – Эдик никак не мог построить причинно-следственные закономерности происходящего, но явно ощущал их загадочное присутствие. – Ну что же, буду учиться починке.

Вскоре на магический опыт с бумажкой уже смотрели Борис с Леонидом.

– Черт побери! – Леонид был раздражен. – Придется переделывать все системы. – Борис с неодобрением взглянул на Эдика, копающегося во внутренностях ящика, и они ушли.

– Как же так? – Эдик явно недоумевал. – Ведь это же так важно, системы выходят из строя. – Он был явно разочарован тем, что его открытие было оставлено без должного внимания, и пытался остановить всех проходящих мимо сотрудников, демонстрируя им нехитрый опыт с бумажкой.

Аудитория у Эдика была неблагодарной. Бывшие доценты и изобретатели боялись подолгу задерживаться вдалеке от своего рабочего места, к тому же вблизи от попавшего в опалу коллеги и, втягивая головы в плечи, старались улизнуть под любым предлогом.

– Но это же очень важно! – Эдик напал на Сергея, одного из инженеров, работавшего под началом Леонида.

– Извини, у меня дела, ей же богу нету сейчас времени! Леонид ругаться будет!

– Но ты же инженер, отвечаешь за производство и обязан меня выслушать.

– Эдик, давай в другой раз, пожалуйста.

– Ну как же так? – Эдик с видом отчаявшегося спасителя человечества посмотрел вокруг, ища поддержки. – Ну давай, я тебе за пять минут все расскажу!

– Ну ладно, – Сергей вздохнул и, как долго сопротивлявшаяся девушка, наконец решившая, что отдаться вымогателю будет проще, чем отбиться от его притязаний, присел на стул рядом с Эдиком.

– Так вот, – Эдик слегка почистил перышки. Он наклонил голову набок. – Обычно теплообмен совершается путем радиационных потерь и конвекции... – на лице у Сергея появилось отчаянное и обреченное выражение.

Андрей при попытке объяснить ему основы теплообмена только фыркнул:

– Мне Борис уже все рассказал, – важно продекламировал он. – Это дело прошлое, а вам я бы рекомендовал заняться работой и не отвлекать сотрудников от их дел!

Эдик вздохнул и огляделся по сторонам. За соседним столом сидел Рао, человек неизвестного географического и этнического происхождения, по слухам, китаец из джунглей Амазонки. Рао отличался тем, что говорил только по-испански, отзываясь всего на несколько английских слов, и обладал глубочайшим уважением ко всем белым людям. По-видимому, он не различал среди них ни американцев, ни русских, так же, как европеец, попавший в Азию, с трудом может отличить китайца от корейца или от японца.

На Пусике Рао занимался сортировкой соединительных кабелей – длинный кабель он складывал в коробку рядом с длинным, белый с белым и короткий с коротким. Работой он очень дорожил, так как умение различать длину и цвет тысяч проводов, необходимое компании Пусика, позволяло ему существовать.

Эдик встал, снова глубоко вздохнул и подошел к Рао, который сразу же вскочил и с уважением склонил голову, ожидая указаний господина инженера. Эдик снова взял кусочек бумажки и поднес его к вентилятору. Листок повис в воздухе и, плавно колеблясь, опустился на пластиковую поверхность стола. Рао с интересом следил за этим необычным физическим экспериментом, напряженно пытаясь понять смысл происходящего.

– Турбулентные потоки... Теплообмен, – донеслось до меня. На моих глазах совершалась одновременно смычка умственного и физического труда, города и деревни. Рао старательно кивал и, похоже, был польщен столь продолжительным диалогом с белым человеком.

– Си, Си, сеньор инженер, – донеслось до меня.

Эдик продолжал рассказывать. Рао схватил листок и указал на него пальцем, явно пытаясь спросить, что же Эдик имел ввиду. Он прижал листок к груди, вопрошающе смотря на Эдика, затем повторил исторический опыт со свободным падением. Вдохновленный Эдик очень обрадовался, начал оживленно жестикулировать руками, указывая на вентилятор, и тут бедняга Рао окончательно запутался. Он явно ожидал, что Синьор инженер имеет в виду какой-то кабель, и кинулся к коробкам, начав доставать из них один кабель за другим и пытаясь предложить их Эдику. Ошарашенный обилием проводов теоретик вскоре был вынужден перейти на язык жестов, упорно отказываясь от белых, черных, длинных и коротких проводов. Через минуту Рао исчерпал свой запас и снова почтительно склонил голову, дожидаясь распоряжений начальника. Увидев застывшую перед собой фигуру со склоненной головой, Эдик растерянно махнул рукой.

– Си, Сеньор инженер, – радостно сказал Рао и сел на место. По-видимому, это был самый длинный за всю историю его работы диалог с начальством, так как каждый раз после этого случая он почтительно кланялся и здоровался при встрече с Эдиком, обнажая свои неправдоподобно желтые зубы.

Ко всеобщему удивлению, Эдик довольно быстро разобрался с технологией поиска неисправностей в замысловатых внутренностях Пусиковских коробок. «Я уже все умею, – радостно рассказывал Эдик во время послеобеденных прогулок вокруг компании. – Наверное, дядя Ефим меня скоро переведет на другую работу.»

Ефим, казалось, забыл о существовании Эдика, всецело занявшись проблемой дырок в подставках. Он дни и ночи пропадал в отделении для механиков, устраивая жуткие скандалы, то давая распоряжения просверлить отверстия, то отказываясь от них и выкидывая все подготовленные детали. Не прошло и недели, как все привыкли к нелепой фигуре Эдика, всем своим видом доказывающей, что скромный профессор из Кембриджа вполне в состоянии заниматься починкой замысловатых приборов, рожденных Командой под руководством бурлящего мрачного гения Ефима Пусика.

Глава 19.
Дырки.

– Все, не могу больше! – Ефим нервным движением стиснул в руке салфетку. – Хватит! – Он раздраженно ходил с раскрасневшимся от гнева лицом из одного угла просторной комнаты в другой.

Академик с удивлением смотрел на слегка сутулую фигуру Ефима, одетого в добротный черный пиджак, белоснежную рубашку и подобранный со вкусом галстук. Ефим расширил ноздри и лицо его стало багровым.

– Ты понимаешь, всему приходит конец. И моему терпению тоже. У них же куриные мозги, они не видят ничего дальше собственного носа. Все эти механики – это вообще кошмар, конец света! Борис бегает среди них, несет херню с умным видом, а дело стоит. Ты понимаешь, о чем я говорю? Сделали эти дырки зачем-то, просверлили не там, где надо было. Хоть ты нам помоги, что ли.

– Ефим, я все рассчитал, это элементарная задачка...

– Листен, Листен, все не так просто. Я чувствую, у меня на такие вещи чутье. Да, ты рассчитал, а на самом деле еще два десятка факторов будут играть. Сделаешь дырки рядом – вибрации начнутся, сделаешь подальше – основание начнет перекашиваться. Мне хочется сделать машину чистой, идеальной, отточить все до совершенства. Это как мой ребенок, ты понял?

– Ефим, о чем разговор, я еще раз все проверю...

– Да, пожалуйста. Нет, если не хочешь, не надо, я тебя не насилую.

– Ефим, я привык приносить пользу, не хочу чувствовать себя лишним ртом.

– Да брось ты, что за идиотские комплексы! У меня душа отдыхает, когда я с тобой разговариваю, считай, что ты этим одним пользу приносишь. Не хочешь, я понимаю, дырки это как-то непоэтично. Знаешь что, я к тебе пришлю Бориса, он в курсе всех этих проблем, как никто другой. Вытяни из него информацию, потрать денек–другой. Хотя я понимаю, он сволочь порядочная. – Ефим пристально посмотрел в глаза академику.

– Да нет, Ефим, я скажу честно, общаться с ним меня не тянет, а в работе у меня редко с кем-либо возникали конфликты...

– Думаешь, меня с ним общаться тянет? Такой деликатный, вежливый, скажет спасибо, улыбнется, а глядишь он невзначай тебе в морду плюнул. И при этом оскалится и скажет: «Извините». Он бы в нацистской Германии прижился, казнил бы людей в угоду идеологии с вежливым выражением на лице. Он же антисемит, что думаешь, я этого не вижу? Ну что поделать, для дела он полезен, блестящий ум, хотя и не может сделать ничего нового.

Академик тяжело вздохнул. Перспектива провести несколько дней бок о бок с Борисом его не вдохновляла.

– Хорошо, Ефим. Кстати, ты обещал помочь перетащить парочку моих ребят. Мы бы здесь сделали маленькую лабораторию...

– Ладно, – Ефим нахмурился. – Дай мне их бумаги, начнем оформлять потихоньку. Знаешь что, пригласи-ка их поначалу поработать на месяц-другой, а там посмотрим, как дело пойдет. Позвони им прямо из компании, пусть приезжают, а все визы мы оформим. Хорошо?

– Да, конечно Ефим. У меня Володя в Москве, толковый парень, и Гриша в Израиле..

– Ну, пусть приедут, поработают, это не проблема. – Ефим поморщился. – Значит договорились? Я Бориса к тебе пришлю, уж потерпи немного. – Он слегка усмехнулся.

Академик открыл тетрадь и снова всмотрелся в страницы, заполненные формулами и эскизами. Все несложные выкладки были ясны и понятны, и он с удивлением пожал плечами.

– Здравствуйте, – Борис появился на пороге, всем своим видом излучая недоброжелательность. – Ефим просил меня обсудить с вами проблему отверстий, – подчеркнуто официально сказал он по-английски.

– Да, – академик тоже перешел на английский. – Давайте так, вы мне еще раз изложите проблему, а я покажу свои последние расчеты.

– Хорошо, – Борис с каменным лицом подошел к доске и начал быстрыми, немного нервными движениями чертить схему злосчастной подставки. – Первоначальная идея Ефима состояла в том, что крепление производится вот в этих точках. – Борис ударился в объяснения, и академик почувствовал, что он перестает понимать беглую английскую речь.

– Борис, – сказал он по-русски, – извините, я плохо слышу, да и говорю не очень бегло. У меня просьба: или говорите немного медленнее, или перейдем на русский.

– На территории компании я по-русски не говорю, – холодно отчеканил Борис.

«Абсурд, – подумал академик с досадой. – Нас же никто не слышит, почему два человека, родившихся в России, должны разговаривать между собой на ломаном иностранном языке.»

Борис немного замедлил темп. Он отчетливо, слегка брезгливо выговаривал слова и держался официально, как чиновник, выполняющий неприятное распоряжение своего начальника.

– Коллега, – академик вскочил с места. – Это все очень интересно, но ваши соображения не всегда верны. Смотрите! – он открыл тетрадь. – Ведь толщина пластины много меньше, чем ее длина. Поэтому деформации, которых почему-то все боятся, возникают вовсе не в плоскости подставки, а в поперечном направлении. – Он быстро набросал на доске чертеж.

– Это чушь! – Борис с издевкой скривил рот. Он вскочил со стула, схватил с полки красный фломастер и, размахнувшись, жирной красной линией перечеркнул рисунок. – Любому студенту известно, как следует оценивать напряжения!

– Ну, позвольте, – академик засмеялся. – Извините, Боря, здесь вы меня не поймаете, это почти что моя родная область. Посмотрите, элементарный здравый смысл...

– Я не желаю далее обсуждать ваши бредовые, лженаучные теории! – Взбешенный Борис сжал кулаки и выскочил за дверь. Он резким движением налил в пластиковый стакан воду, отхлебнул ее и с искаженным лицом вошел к Леониду в кабинет.

– Что случилось? – Леонид оторвался от телефонной трубки и с сочувствием посмотрел на раскрасневшегося Бориса.

– Это возмутительно! – Борис отпил еще глоток и прикусил край белого стаканчика. – У меня аллергия на этого типа! Меня учили тому, что дважды два четыре, а этот маразматик несет чушь с умным видом. Да любой студент был бы здесь более полезен, чем он. Какого черта он сидит здесь и получает зарплату? Я ненавижу эту благотворительность, не говоря уже о том, что это разлагает моральный климат в компании!

– Да, – Леонид нахмурился. – Это проблема. Я сразу, как этого академика увидел, понял, что ничем хорошим эта история не кончится. Развели ученых, вначале Эдик, потом еще этот. Я и сам не знаю, что нам делать. Ты же знаешь, Ефим к нему благосклонен. Кстати, Ефим собирается пригласить сюда двух его сотрудников, и это будет уже полная катастрофа. Эдика мы придавили, одного академика как-нибудь переварим, но с целой оравой мудаков будет тяжело.

– Что? – Борис побелел от ярости. – Не будет этого! – Он сжал стакан в кулаке так, что он треснул и вода тонкой струйкой полилась на пластиковый пол. – Или я или он! Я сейчас же иду к Ефиму!

После бегства Бориса академик закрыл дверь в свою комнату и разложил на столе листы с записями последних экспериментов, сделанных в Москве. Несмотря на стычку с Борисом, настроение его не испортилось, а даже скорее поднялось. «Мальбрук в поход собрался, Тра–та–та–та–та,» – весело напевал он. Числа, отпечатанные на белых листах

бумаги, на редкость удачно ложились на простую логарифмическую зависимость. «Боже мой», – подумал он, и чувство восторга охватило его и поднялось откуда-то изнутри. «Ведь это же открытие, настоящий подарок!» – Академик придвинул к себе чистый листок, схватил остро заточенный карандаш и быстро написал два уравнения. –»А сюда надо добавить простой член! Сейчас, сейчас. – Формулы крутились, заплетались и неожиданно несколько членов сократились и исчезли. – Минутку, минутку,» – он даже замурлыкал от радости. Академик проверил результат еще раз. Все было правильно. Он отложил в сторону карандаш и сделал глубокий вдох. –»День не прошел напрасно», – подумал он с радостью. – «Теперь еще раз все проверить и срочно писать статью.»

Академик вышел из комнаты и прошел в сборочный цех. Там за длинным столом окруженный горой приборов сидел Эдик и увлеченно совал паяльник куда-то вглубь развороченной серой коробки, из которой торчали наружу клубки черных проводов.

– Эдик, – академик улыбнулся, – дорогой мой, представьте себе, что бы сказали ваши друзья из Кембриджа, увидев вас в таком окружении. Да вы просто-таки былинный богатырь, вооруженный копьем конца двадцатого века, в просторечье именуемым электрическим паяльником.

– Да, – Эдик был невозмутим, – дядя Ефим был прав, в починке этих приборов нет ничего сложного, мне это даже нравится. Вот например, у этого был отпаян всего один проводок, а из-за него весь прибор забраковали. – Эдик снова засунул паяльник внутрь ящика и неожиданно между дымящимся жалом и корпусом прибора проскочила длинная голубая искра.

– Ой, – Эдик испугался и от страха уронил паяльник внутрь коробки, отчего мгновенно раздался треск и посыпались искры. Люминесцентные лампы замигали и погасли, экраны компьютеров почернели и в зале сразу же стало темно и тихо.

– Что же я наделал! – Эдик побелел от ужаса.

В конце зала появился взмыленный Леонид.

– Серега, давай, давай, не останавливайся, работай! –кричал он на бегу.

– Так света же нет, – удивился меланхоличный Сережа, сидевший за монтажным столом.

– Я сказал, припаивай седьмую ножку, пока паяльник горячий! – Леонид с ненавистью посмотрел на Эдика и академика.

– Быстро, быстро, выключайте питание. Компьютеры, компьютеры! – По рядам бежал Борис, щелкая кнопками. – Это что, вредительство? Саботаж? – он подскочил к Эдику, сжимая кулаки. – Вы парализовали работу всей компании по крайней мере на полчаса. Вы знаете, во сколько нам обойдется простой аппаратуры и людей? – Борис с яростью посмотрел на академика. – А вы что здесь делаете? У вас есть свои задания, и вы должны их выполнять в рабочее время, а не слоняться из угла в угол, отвлекая людей от работы!

– Ну знаете, это уже слишком! – академик почувствовал, что он теряет контроль. – Что вы себе позволяете, это не концентрационный лагерь, в конце концов! И не ваша собственная компания. Почему вы указываете мне, что и как делать, унижаете и оскорбляете людей!

– А ты какого черта на меня орешь? – неожиданно грубо, по-русски выкрикнул Борис. – Я вице-президент и пока что отвечаю за дела фирмы. А ты кто здесь такой и вообще что здесь делаешь? Убирайся отсюда, идиот!

– Вы, молодой человек, хам и мерзавец! – академик повернулся и быстрым шагом ушел в свою комнату.

Свет замигал и наконец снова зажегся, загудели многочисленные серые коробки, засветились экраны компьютеров, и жизнь вошла в нормальное русло. Дверь в комнату академика распахнулась.

– Подлец, – в комнату вошел возбужденный Ефим. – Щенок! Прибежал жаловаться. Сопляк! Да кто он такой, что он о себе возомнил?

– Ефим, не будем об этом.

– Будем, обязательно будем! Мерзавец! Антисемит! А я то его к тебе послал, думал он сможет себя пять минут вежливо вести. Вначале из-за комнаты устроил безобразную сцену, теперь на тебя начинает лить грязь! Да он под стол ходил пешком, когда ты уже профессором был!

– Ефим, все в порядке, я только тебя прошу, выдели мне комнатку где-нибудь подальше от него, знаешь, бывают люди, с которыми не хочется иметь дело.

– Ну, устроил Эдик короткое замыкание, с кем не бывает? Это даже хорошо, посидим все в темноте, компьютеры не жужжат, можно расслабиться, подумать. Пойди погуляй на улице, вон какой вечер прекрасный! Так нет, Борис бегает и считает, во сколько это нам обойдется. Ну, потеряем мы пару десятков, ну даже сотню тысяч, это что, его деньги? Нет, это мои доходы и моя компания. Я тебя пересажу. Подлец, вначале Эдика раздавил, гениальный парень, а веру в себя потерял, сидит на сборке как простой чернорабочий. Он всех давит, а теперь решил тебя уничтожить! Это он назло мне, показать, что мои друзья ничего не стоят. Ну он у меня получит. Я его выгоню, пусть убирается к чертовой матери. Не сейчас, он должен проект закончить, а потом дам ему под зад! Сколько можно его терпеть? Так что я создаю группу по исследованию отверстий, и ты ей будешь руководить. Выпиши себе своих ребят, разберитесь, наконец, во всем этом! Да, еще, тебе нужен помощник, я у Бориса заберу одного паренька и отдам тебе, пусть знает сука, кто здесь хозяин! – Ефим раздраженно фыркнул и вышел за дверь.

Академик подошел к окну. Вечерние лучи солнца пробивались сквозь полосатые шторки и падали на белую стену комнаты, покрывая ее багровой сеткой. «Почти как тюремная решетка,» – усмехнулся академик.

Небо уже приобретало слегка фиолетовый оттенок, какой бывает перед закатом, свежая зелень деревьев за окном была чуть подернута красноватым отливом начинающего садиться солнца. Прозрачный воздух был наполнен тишиной и волшебным светом, как будто весь светился изнутри. Вдали, посередине поля, гарцевал на лошади одинокий всадник в широкой соломенной шляпе, из соседнего здания степенно выходили хорошо одетые люди, садились в свои блестящие машины и один за другим уезжали по широкой пустынной асфальтовой дороге навстречу наступающим сумеркам.

«Какой прекрасный, мирный пейзаж – подумал он. – И рядом, за этими стенами поселилась гадость, от которой никуда не деться.»

На душе было гадко, как бывает, когда столкнулся с чем-то неприятным, от чего хочется скорее избавиться, но мерзкое ощущение никак не оставляет тебя, как липкая слизь, приклеившаяся к рукам и к одежде. Академик вздохнул.

«Молодые, здоровые, умные ребята, – подумал он с болью. – И лица у всех красивые, с мыслью в глазах. Странно, вроде бы попали в Америку, хорошо зарабатывают, все сыты и в безопасности, за детей и жен сердце не болит, накупили блестящих новеньких автомобилей, ан нет! Сидит червячок внутри, вырывается наружу ненависть, искаженная доморощенной идеологией, нетерпимость, жестокость. Заводят свои порядки, требуют чтобы им подчинялись, вводят униформу и своеобразную американскую прописку, как будто хотят построить свою маленькую тоталитарную империю в этом вакууме.

Этот Борис, Ефим пожалуй прав, дай ему волю, шел бы по трупам, оправдывая все идеологией, как крестоносец или инквизитор, слепо веря в свою правоту. И ведь явно неординарный парень, с хваткой, с талантом и острым аналитическим умом. Не дай Бог такому оказаться у власти в удобный момент, он будет опаснее десятка дураков. Да тот же Гитлер, хотя и был незаурядным оратором и истериком, вышел из пивных, неудавшихся художников и фельдфебелей, иначе весь мир бы носил свастику. Да и Иосиф Джугашвили был все-таки недоучившимся семинаристом. Будь он поумнее, не устрой террора и аппаратных чисток, вся Европа ходила бы под его портретом под барабанную дробь и учила бы теорию великой пролетарской революции, а Сибирь была бы покрыта концентрационными лагерями для уничтожения буржуев и гнилой европейской интеллигенции. Всех бы их туда, художников, поэтов, Эйнштейна с его антимарксистской относительностью, Нильса Бора обязательно, а датского короля с английской королевой к стенке по стопам Романовых... Что же это за зараза сидит внутри людей и движет ими? Что нужно тому же Борису? Больше денег? Нет, он достаточно умен,

чтобы понимать, что деньги проще делать другими способами. Что еще? Пожалуй, что власть, нет даже не столько власть, сколько желание переделать окружающий мир по своим меркам, унифицировать его в соответствии со своей идеологией. А это значит подравнять рубанком слишком длинные и неровные конечности, расплющить или убрать тех, у кого слишком выпирающие носы, подрезать длинные шеи, постричь волосатые головы, уничтожить тех, кто раздражает взгляд, ввести универсальный порядок, строгую казарменную дисциплину, полосатые рубашки, чтобы сердце радовалось и отдыхало в наступившей гармонии.

А может быть, я не прав, и оттого-то он и хочет власти, что чувствует в чем-то свою неполноценность по сравнению с другими людьми, что завидует тому же Ефиму, Эйнштейну, даже мне, ревнует, когда у кого-нибудь получается хороший результат, и в эти минуты ощущает свое бессилие. Ведь гений и злодейство две вещи несовместные...»

У академика неожиданно сильно сдавило сердце, как будто чья-то тяжелая и враждебная рука беспощадно зажала его в кулаке и не хотела отпускать. Он принял таблетку. Тупая боль через несколько минут начала отступать.

«Что это я? – удивился он. – У меня такой результат здесь на листочках, пальчики оближешь.» – Академик, как гурман, подошел к столу и еще раз пробежал взглядом по столбикам цифр и уравнений. Почему-то на этот раз он не ощутил почти никакой радости от своих результатов. Перед глазами стояли холодные глаза Бориса и металлическая блестящая поверхность злосчастной подставки, изрешеченная просверленными отверстиями, как будто по ней прошлась пулеметная очередь. «Дырки, дырки, – с тоской подумал академик. – Надо поскорее вызывать ребят и начинать потихоньку эксперименты. «

В дверь деликатно постучали.

– Да! – академик отвлекся от грустных мыслей.

– Здравствуйте, – в комнату зашел Олег. – Со мной только что разговаривал Ефим и, насколько я понимаю, меня перевели к вам в штрафную роту.

Академик пристально посмотрел на Олега. Парень ему определенно нравился, но, помня о том, как в первый момент ему показался симпатичен Борис, он уже боялся доверять своим ощущениям.

– Коллега, скажите, как вы относитесь к великим гуманистам эпохи Возрождения ? – осторожно спросил он, начав издалека.

– А вот взять бы их всех да на Соловки! И вообще, угрозами вы от нас ничего не добьетесь! – Олег подмигнул академику, и они оба весело и облегченно рассмеялись.

Глава 20.
Совещание в верхах.

Утро было туманным. Белая молочная пелена, казалось, поглотила все вокруг, и из моего окна, вместо привычного пейзажа Литтл-Три, виднелись лишь неясные контуры ближайших деревьев, да и те время от времени полностью исчезали в налетавших клочьях тумана.

«Еще врежешься так в кого-нибудь...» – подумал я и с беспокойством отхлебнул горячий кофе. Через несколько минут надо было выходить из дома и садиться за руль. Неожиданно на стене заверещал телефон.

– Привет, – из трубки раздался голос Сергея, инженера, работавшего под начальством Леонида и жившего на соседней улице. – Не сможешь меня сегодня подвезти на работу?

Сергей был на хорошем счету. Хотя его и не причисляли к основной команде, он, тем не менее, часто присутствовал на совещаниях и явно был выделен из массы бывших советских специалистов, выполнявших черновые работы. Уже один тот факт, что Леонид когда-то хлопотал перед Пусиком о том, чтобы выписать Сергея в Америку, говорил сам за себя.

– Привет, конечно, подвезу, а что случилось?

– Да чего-то чувствую себя не очень хорошо.

– Тогда через несколько минут выходи на улицу, я подъеду. –Я торопливо сделал глоток кофе и вышел в холл.

– Вы систематически передвигаете мой цветочек! – древняя старушка в ночной рубашке открыла дверь и укоризненно смотрела на меня. Неистовая и безумная убежденность в ее глазах испугала меня.

– Извините, мы ничего не передвигаем. – Я попытался вскочить в лифт.

– Я все знаю! Вы отодвигаете цветочек от центра стола! И я обращусь к управляющему! – старушка неожиданно сильно хлопнула дверью, и настроение у меня испортилось.

Я подъехал к дому, в котором жил Сергей. Дверь открылась, и он вышел на асфальтовую дорожку. Я с удивлением обратил внимание на то, что Сергей еле передвигает ноги.

– Спасибо большое, – он с трудом плюхнулся на сиденье и подергивающейся рукой с мелко дрожащими пальцами закрыл дверь. Глаза его лихорадочно горели, а лицо покрыто мелкой сыпью с отвратительными гнойными волдырями.

– Бог ты мой, Сергей, что это такое? Да на тебе лица нет!

– Да это аллергия, наверно.

– По-моему, тебе надо остаться дома, ты с ума сошел! А если это заразное заболевание, ты половину компании заразишь! Смотри, ты же с трудом передвигаешься, наверняка у тебя температура...

– Да Леонид приказал, чтобы я работал, надо проект завершать...

– Смотри, хуже будет, если разболеешься окончательно! По-моему это просто безумие, отлежись дома, попей лекарств...

– Поехали, – Сергей покрылся испариной и в бессилии откинулся на сиденье. – А то опоздаем, не дай Бог!

Я пожал плечами и отъехал в белое кромешное марево, в котором изредка мелькали проезжающие навстречу автомобили. Сергею явно становилось все хуже и хуже, он часто дышал, вцепившись рукой в сиденье и несколько раз вытер пот со лба. «Вот угораздило, – думал я, – того и гляди подцеплю какую-нибудь заразу.»

– Ты не поможешь мне встать? – спросил Сергей, когда мы подъехали к зданию компании.

– Конечно, – я старался держаться стоически и помог своему спутнику дойти до своего рабочего места. Он сел за стол, пододвинул к себе несколько листов с чертежами, непонимающим взглядом посмотрел на них и уронил голову на стол, продолжая тяжело дышать.

– Слушай, – эта история уже начинала меня пугать, – не валяй дурака, садись сейчас же ко мне в машину и поедем домой или в больницу.

– Со мной все нормально, – Сергей оторвал голову от бумаг. – Спасибо.

– Ну что, приехал, наконец? – в комнату как метеор влетел Леонид. – Сергей, схемы готовы?

Сергей при этих словах встрепенулся и выпрямился. – Да, Леонид, первый каскад закончен! – и он протянул начальнику большой чертеж. Я с удивлением смотрел на мгновенно преобразившегося больного. Если бы не сыпь и мелкая дрожь в пальцах, можно было бы подумать, что он совершенно здоров.

– Это что еще за сыпь? – брезгливо спросил Леонид.

– Аллергия, сейчас период цветения.

– Ерунда, – Леонид с недоверием посмотрел на Сергея. – Давай, срочно заканчивай второй каскад, чтобы к обеду был готов.

Как только начальник вышел из комнаты, Сергей снова уронил голову на стол.

– Послушай, хочешь, я скажу Леониду, что у тебя температура и что...

– Ничего не надо. – испуганно простонал Сергей. – Я сейчас отойду.

Я пожал плечами и ушел к себе. Слепой страх Сергея по-видимому объяснялся вскоре предстоящим получением вида на жительство в Америке, который ему оформляла компания. «Больные нам не нужны», – перефразировал я много раз услышанные высказывания начальства. Звучало вполне убедительно и правдиво. «Только бы из-за них всех не подцепить ничего,» – снова с беспокойством подумал я.

Через полчаса я отправился проведать своего героического пациента. В углу комнаты сидели побелевшие от страха представители низшего Пусиковского звена из бывших профессоров и доцентов и, втянув голову в плечи, что-то тщательно припаивали к зеленоватым платам. Сергей громко стонал. Его голова покоилась на столе, но все остальные части тела совершали замысловатый танец. Спина, руки и ноги подергивались в конвульсиях, как будто по ним пробегали волны. Лицо Сергея было пунцово-красным.

– Черт побери, надо вызвать врача! – я бросился к телефону.

– Сергей просил не вызывать. – Испуганный бывший завлаб говорил тихим, едва слышным голосом.

– А если он сейчас концы отдаст, лучше будет? – Я пришел в ярость. – Что вы все охренели здесь, что ли? – Я подошел к Сергею и потряс его за плечо. – Поехали в больницу!

Конвульсии на мгновение прекратились. – Домой... Скажи Леониду... – он облизал высохшие губы, – я дома доделаю схему... – Сергей снова уронил голову на стол.

Я вспомнил, что жена Сергея работала в Москве врачом. – Ну что же, домой, так домой! – я схватил его под руку и поволок к лестнице. Перепуганные люди смотрели мне вслед. По-видимому, даже сама идея о том, что можно вот так, запросто, уехать с рабочего места не приходила им в голову.

– Леонид... – прохрипел Сергей.

– Скажу я все твоему Леониду, не нервничай! – Я отволок незадачливого разработчика в машину. – Посиди секунду! – Я бегом вернулся в компанию и ворвался в кабинет вице-президента.

– Сергею плохо, температура, судороги, – я его отвезу домой и вернусь.

– Что за дерьмо? – Леонид раздраженно оторвался от телефонной трубки и посмотрел на меня. – Он же только что сидел у себя в комнате. Мне сегодня нужен второй каскад!

– Ему стало хуже, он обещал дома все доделать.

– Черт побери! – Леонид явно был взбешен. – Работнички, ничего себе! Болезненные, изнеженные! Что это у него за сыпь?

– Леонид, насколько я понимаю в медицине, это не аллергия. Так что боюсь, он заболел серьезно, ничего не попишешь.

– Проклятье! Придется задерживать проект. Ну давай, вези его в темпе и сразу же назад! – он снова вернулся к телефонной трубке.

Я бегом спустился по лестнице. Мой пассажир лежал, откинувшись на сиденье и подергиваясь. «Только бы довезти этого кретина», – думал я, гоня машину по автостраде. К счастью вскоре вокруг меня замелькали привычные пейзажи Литтл-Три.

– Принимайте вашего сумасшедшего мужа! – я помог дотащить Сергея до кровати. Жена его была явно напугана. – Я бы обратился в больницу, у него очень тяжелое состояние. Можно я умоюсь? – я прошел в ванную и тщательно вымыл руки и лицо с мылом.

– Я только позвоню на работу, – я взял телефонную трубку. Жена Сергея испуганно кивнула. – Алло, 240 пожалуйста.

– Алло? – К телефону подошел сосед Сергея по комнате.

– Докладываю, – я был краток, –больной водворен в домашнюю постель с признаками вялой, но пока продолжающейся жизнедеятельности. Я сейчас приеду. Как там, все спокойно?

– Да, – тихим голосом начал мой собеседник. – Ой, Леонид идет! – вдруг с ужасом в голосе прошептал он.

– Алло, алло! – я продолжал кричать, но в трубка явно была выпущена из рук в страхе перед начальством. Мерные звонкие удары, раздающиеся через равные интервалы времени, подсказывали, что она раскачивалась в воздухе, иногда цепляя ножку стола. Сквозь шум ударов доносились глухие крики и отдаленные завывания, как будто дикий хищник разрывал на куски свою жертву. Мне стало страшно.

– Алло! – из трубки громко раздался раздраженный голос Леонида и, я вздрогнул от неожиданности. – Привез Сергея? Он доделает второй каскад сегодня или нет?

– Я очень сомневаюсь, Леонид.

– Дерьмо! – в трубке раздались приглушенные голоса. – Бросай его к чертовой матери и срочно приезжай сюда. У нас через сорок минут состоится совещание, и ты нам нужен. – Леонид бросил трубку.

«Что еще за совещание?» – думал я. Сам факт моего приглашения в высшие эшелоны был необычен и вызывал легкое беспокойство.

В кабинете Леонида сидели Борис и Андрей и, казалось, даже воздух был наполнен ощущением нервного напряжения. Андрей пристально смотрел мне в глаза, Борис со строгим выражением лица изучал какие-то бумаги, лежащие в большой пачке.

– Мы тебя решили позвать, – начал Леонид, – так как нам нужна твоя помощь. Вернее, мы хотим посоветоваться.

– Пожалуйста, а что случилось?

– Ты уже познакомился с академиком, которого пригласил Ефим? – Борис отложил листы бумаги и, глядя на меня пристальным холодным взглядом из-за стекол очков, вступил в разговор.

– Я его видел мельком пару раз, но подробно не разговаривал.

– Тебе повезло. – Борис криво усмехнулся.

– У меня лично сложилось о нем ужасное впечатление. – Андрей брезгливо поморщился. – По-моему он ничего из себя не представляет и абсолютно не нужен компании.

– Ну, зачем же вы так? – я был удивлен явной неприязнью и враждебностью присутствующих. – Он же крупный ученый, с мировым именем.

– Ты читал его работы? – холодно осведомился Борис.

– Нет, – смутился я, – но встречал его имя в журналах. Я не знаком с его областью.

– Вот именно, – Борис криво усмехнулся. – Все его результаты и его популярность дутые, подтасованные. Я осведомился у своих знакомых в Москве. У него репутация лжеученого и нечистоплотного человека. Ты что, думаешь, он просто так здесь оказался? Его со скандалом выгнали из Института за махинации и воровство.

– Ну, я не знаю, как-то это кажется не очень правдоподобным.

– Кажется или не кажется, дело не в этом, – Борис нахмурился. – Дело в том, что пребывание такого человека в компании наносит колоссальный удар нашей репутации!

– Почему? – Я был ошарашен.

– Неужели ты не понимаешь? – Борис повысил голос. – Во-первых, тот факт, что Пусик приютил у себя под крышей рецидивиста, быстро станет известным. У нашей компании и ее продукции незапятнанная репутация, нам привыкли доверять. А теперь люди могут начать думать: «Ага, у них работают уголовники и махинаторы, быть может, и в приборах они где-нибудь смухлевали!» – Борис разволновался, и рот его перекосился от злости. – Стоит только тени пасть на наше доброе имя, и репутация Пусика будет подорвана! Мы все, и ты тоже, не сомневайся, сразу же почувствуем это на своих карманах! К сожалению, Ефим этого пока не понял.

– Да, это очень серьезно. – Леонид мрачно крутил в руках карандаш.

– Но ведь он занимается своими проектами, никого не трогает. Насколько я знаю, Ефим его пригласил по дружбе.

– Если бы дело было так, это было бы еще полбеды, – Борис приобрел строгий и серьезный вид. – Но Ефим хочет подключить его к работе компании. Я уже не говорю о моральном ущербе: кому понравится высокооплачиваемый жулик и бездельник, сидящий в соседней комнате и получающий зарплату неизвестно за какие заслуги? Люди уже начали распускаться, стоило ему только появиться здесь!

– Кроме того, – Леонид отложил карандаш, – Ефим намекнул на то, что собирается пригласить сюда двоих бывших сотрудников академика. А это, как ты понимаешь, уже совсем ни в какие рамки не укладывается!

– Я не знаю, – я почувствовал неловкость и замешательство. – Надо бы вначале во всем этом разобраться...

– Нечего там разбираться! – зло пробурчал Борис.

– Конечно надо разобраться. – Леонид был спокоен. – Собственно для этого мы тебя и позвали. Ну, во-первых, хорошо было бы, чтобы ты посмотрел на то, что академик будет делать, а то у Бориса с ним возникла психологическая несовместимость.

– Я к нему больше не подойду! – Борис передернулся.

– Кроме того, мы хотели с тобой посоветоваться. Ведь это ты рекомендовал Ефиму этого паренька из Москвы, Олега?

– Да, – в груди у меня заныло и одновременно в желудке возникло противное ощущение.

– Это, конечно, была ошибка. – Леонид нахмурился.

– Ошибка, это еще мягко сказано, – жестко сказал Борис. – Олег по своему уровню ниже среднего.

– Я не согласен, – попытался я сгладить ситуацию. – Может быть, у него просто несколько другой стиль работы. На мой взгляд, он очень сильный специалист.

– Борису виднее, – поспешно вступился Андрей.

– Это не самое важное. – Борис поморщился. – Дело в том, что Ефим перевел его в подчинение академика и эти два деятеля могут вместе наломать дров! Самое страшное, что проект так и будет стоять на месте!

– Так вот, – Леонид пристально посмотрел на меня. – Ты Олега хорошо знаешь. Он здесь явно свою зарплату не отрабатывает, да и Ефиму об этом хорошо известно. Ты понимаешь, что это означает?

– Что? – со страхом спросил я.

– А то, что его придется уволить и отослать обратно в Москву. А ведь ему этого пока не хочется, верно?

– Я не знаю наверняка, он приехал сюда только потому, что боялся за детей.

– Вот именно. У него есть возможность принести нам пользу, а это может изменить наше мнение.

– Если человек приносит компании пользу, мы идем ему навстречу. – отвлеченным тоном судьи произнес Борис.

– Что вы собственно имеете в виду? Сделать из него стукача, что ли?

– Ну зачем так грубо? – Леонид поморщился. – Просто все мы, да и ты тоже, заинтересованы в том, чтобы не допустить никаких безобразий в компании, никакой подтасовки результатов и тому подобное, ты понимаешь? Просто, коли уж Олег будет работать вместе с академиком, он должен докладывать нам обо всех результатах, направлениях исследований... Так вот, как ты думаешь, как Олег отнесется к этому? Нам очень важно не промазать с этим...

– Я вообще не понимаю, о чем идет речь! Олег никогда ни от кого ничего не утаивал. Почему кто-то должен вредить компании, а тем более пожилой, заслуженный человек! Да и вообще, кто собирается утаивать какие-то результаты, и от кого?

– Ничего, еще поймешь! – Борис пренебрежительно повернулся и взял со стола листок бумаги.

– Это серьезнее, чем ты думаешь, - с важным и таинственным видом прокомментировал Андрей.

– Во всяком случае, – я почувствовал, что мое лицо покраснело, – если вы так чего-то боитесь, лучше всего начать с разговора с Ефимом и действовать в открытую.

– Бесполезно, – процедил Борис. – Ефим пока что ничего не понимает, а когда поймет, будет уже поздно. Ладно, считай, что этого разговора не было. Я попробую сам поговорить с Олегом и объяснить ему ситуацию. – Он встал и вышел из комнаты. Леонид посмотрел ему вслед.

– Борис очень переживает, – с участием сказал он. – Быть может, мы немного преувеличиваем опасность, я не знаю. А ты все же постарайся составить свое собственное мнение, поговори с ученым, черт бы его побрал! Договорились? И с Ефимом не очень эту нашу встречу обсуждай, хорошо?

– Учти, это в твоих собственных интересах, – добавил Андрей.

– Я все-таки совершенно не понимаю, о чем мы все разговариваем! – Я с горящим лицом и гадостным чувством вышел из комнаты. Казалось, что разговора не было, или что это произошло не со мной. Глаза жгло. – Неужели заразился? – подумал я с некоторым безразличием. – Надо предупредить Олега.

Я подошел к двери, за которой сидел академик, и постучал. Из-за двери доносился громкий смех, который смолк при первом ударе костяшки пальцев. «Скорее проскочить, пока Борис не видит», – подумал я. Дверь приоткрылась, и в щелочку с подозрением выглянул Олег.

– Привет, – Олег был весел. – Это ты... Заходи быстрее.

– Привет! Чего не заходите? Рад вас видеть! – Академик продолжал хихикать. – Олег только что замечательный анекдот рассказал.

– Я хочу с вами поговорить, – я проскользнул внутрь. – Мне кажется, против вас с Олегом что-то готовится.

– Как, уже? – Академик нахмурился, но потом сразу же неожиданно повеселел. – Бросьте, коллега, вы же помните:

«Мятеж не может кончиться удачей,

В противном случае его зовут иначе!»

Если не секрет, кто инициатор? Борис? Я так и думал. Мне на них наплевать, в конце концов, почему я должен обращать мнение на какого-то недоброжелательного сноба?

Олег заметно помрачнел.

– Я не вполне понимаю, что происходит, – продолжал я. – У вас было какое-то столкновение с Борисом?

– Да дырки эти идиотские, – академик со смехом встал и достал из ящика стола тетрадь. – Старина, я вам сейчас все расскажу, вы же вроде человек приличный, мне Олег много про вашу жизнь в Москве рассказывал. Так вот, Ефим попросил меня помочь с кое-каким расчетами, и у нас с Борисом возник забавный идеологический конфликт, примерно как у Галилея со Святой Церковью. – Академик раскрыл тетрадь и начал показывать расчеты. – Я рассчитал здесь пару соотношений для деформаций и показал их Борису, а тот взбрыкнул, покраснел как рак и выскочил в коридор, как будто ошпаренный. Вот, собственно, и вся история!

– Чушь какая-то, – я немного успокоился. – А обставили все так серьезно, что репутация компании подрывается, и скоро нам уже заказы перестанут поступать.

– Ну и ну, – академик поднял брови. – Вот уж воистину чувствуешь на своей шкуре, что попал в страну Желтого дьявола. И откуда все эти ребята такими заправскими капиталистами стали? Учили их, засранцев, коммунизму и марксизму-ленинизму, а видно, недоучили. Вот теперь я полностью убежден, что социализм был с самого начала обречен на полную и решительную капитуляцию! Ну ничего, слава Богу, Ефим мне Олега барской рукой подарил, теперь будет не так тоскливо.

– Сижу, никого не трогаю, починяю примус,! – Олег сделал жалостливое лицо, и вся компания, на этот раз включая меня, грохнула хохотом. Я с удивлением почувствовал, что на душе стало приятно и напряжение, сидящее в спине и заставляющее испуганно сжиматься, медленно уходит в небытие. В этой маленькой комнатке жила особенная, непохожая на окружающую атмосфера, ностальгически покалывающая грудь и напоминающая безвозвратно ушедшую в прошлое эпоху, когда значительные группы интеллектуальной элиты совершенно не задумывались о материальной стороне жизни.

Мне еще предстояло намекнуть Олегу о предстоящем ему разговоре с Борисом и его возможных последствиях. При академике мне делать этого не хотелось. Я улучил минуту, поймал Олега на пути в кафетерий и вкратце объяснил ему ситуацию.

– Имей в виду, я не буду тебя обвинять, если ты согласишься, в конце концов дети важнее, да и ты не обязан рассказывать им обо всем...

– Да нет, я не буду мараться. – Олег погрустнел. – Если бы я только понимал, чего они добиваются, это все как-то дико и не по-человечески. Угрозами от нас ничего не добьешься. – Он слегка усмехнулся. – В конце концов, попытаюсь изменить визу и найти работу в другой компании.

– Это не так просто, далеко не все компании готовы будут возиться с иммиграционной службой ради тебя. Учти, что промышленность и наука на спаде, Россия сейчас Америке не конкурент.

– Ничего, – Олег грустно посмотрел на меня, – я как-нибудь выкручусь. Не хочется тебя подводить, ведь это ты меня сюда вытащил.

– Я попробую поговорить с Ефимом, не переживай.

Я вышел на улицу. Настроение было отвратительным. Прохладный ветерок ласково гладил раскрасневшиеся щеки и высоко в ветвях дерева чирикали птицы. У блестящего микроавтобуса сидел на корточках китаец в сандалиях. Одной рукой он поглаживал блестящее хромированное колесо, в другой была зажата дымящаяся сигарета. Плоское лицо его было залито довольной сытой улыбкой, и при каждой затяжке сигаретой он прикрывал глаза в неземном блаженстве.

«Запад есть Запад, Восток есть Восток... Никогда больше в своей жизни не буду работать в русской компании!» – неожиданно для себя самого поклялся я.

Глава 21. Кто нашу бабушку зарезал?

– Листен, Листен! – Ефим схватил меня за рукав. – Пошли их к чертовой матери! Ты понимаешь, что получается? Они, видите ли, болеют за дела компании! Совсем с ума сошли! Академик им репутацию испортит, твою мать!

Я уже сорок минут расхлебывал последствия своей беседы с Ефимом. Пока что все складывалось на редкость хорошо, и было похоже, что академику и Олегу в ближайшее время ничего не угрожает.

– Ты посмотри, они в стаю сбились, да и тебя хотели притянуть в помощники. Ты уполз как всегда, я заметил, ты всегда из-под опасности уползаешь. И правильно сделал, что уполз. Так что пошли их на хер, понял? Я сделаю так, что они здесь ничего определять не будут. Академик, ты посмотри на него, глубочайший интеллигент. Борис его обосрал с головы до ног, одна эта история с комнатой чего стоит! А он, ты заметил, он его до последней минуты старался выгородить: «Нет Ефим, все в порядке, Ефим, мы с Борей работали». Как он не хотел никого подвести, не хотел скандала раздувать! Все-таки член Академии наук, туда ведь идиотов не выбирали, верно? И друзья мне его прекрасно характеризовали. У него среди учеников одних докторов наук десять человек, это о чем-то говорит, верно? А эта свора начинает шептать: «Ефим, у него подмоченная репутация, да он нам испортит имя и марку». Ни хера не испортит! Наоборот, укрепит! – Ефим сжал кулак и стукнул по столу. – Вот так! Я его попросил с этими отверстиями разобраться, этого, Олега, ему отдал. А то Борис его совсем замучил, верно? Я ведь вижу, на человеке лица не стало. А он неплохой парень, верно? – Ефим внимательно смотрел мне в глаза, – Да ты не переживай, как Сталин говорил: «Сын за отца не отвечает». Я тебя не обвиняю, ну не сработался человек с Борисом, подумаешь! Я ведь вижу, парень культурный, они все здесь грубые, нахраристые, а у него тонкая кость, культура в глазах. Это очень важно, так что я его спас! Да, и не благодари меня, спас. Надо спасать людей. – Ефим покачал головой. – Так что, держись к академику поближе, может быть, вместе с ним что-нибудь придумаете, а на Леонида с Борисом внимания не обращай. – Он усмехнулся и быстрым шагом вышел в коридор.

Я попытался привести свои мысли в порядок. Судя по только что состоявшемуся обмену мнениями, академик с Олегом могли спокойно работать. С другой стороны, что-то неуловимое, какие-то неясные оттенки в голосе Ефима слегка настораживали меня, но я никак не мог понять, что именно вызывало тревожное чувство. Неожиданно меня осенило: Ефим излагал свои мысли на редкость стройно и связно, как будто специально напрягался и не давал им уйти в сторону. Означать это могло все что угодно, начиная от заранее продуманной тактики поведения и заканчивая просто приступом благожелательности. Я вздохнул, так как результаты тщательного психоанализа не смогли привести меня к однозначным выводам.

В любом случае, результаты беседы слегка запоздали: около часа назад я увидел, что Борис с Олегом ходят кругами вокруг компании, жестикулируя и что-то оживленно обсуждая. Операция вербовки происходила явно неумело и, к тому же, на виду у всех.

Борис с раздраженным лицом прошел по коридору, странно посмотрел на меня, на секунду задержавшись около приоткрытой двери, и скрылся. Олег был бледен, и под глазами у него проступили зеленоватые круги.

– Слушай, у тебя вид как будто ты с того света вернулся. Ну что?

– Противно очень, чувство, как будто я опять весь с ног до головы в дерьме искупался.

– Ну все-таки, о чем говорили?

– Борис лил грязь на всех, на тебя тоже. – Олег вздохнул. – Все объяснял, как необходимо сохранить доброе имя компании и почему сотрудничество с моей стороны для меня важно. Говорил, как вовремя нужно успеть поставить заслон на пути лженауки.

Почему-то называл работы академика лысенковщиной. И так далее. Извини, я не могу сейчас, хочется оклематься немного. Да, ты знаешь, что к академику скоро его приятель приезжает?

Я вздохнул. Развитие событий на Пусике вступало в новую фазу, так как с приездом бывшего ученика академика, Гриши из Тель-Авива, концентрация враждебных элементов становилась явно критической.

Гриша появился на Пусике как-то совершенно внезапно. Его огромная, почти двухметровая фигура выделялась окладистой густой бородой, белой распахнутой на груди рубашкой с короткими рукавами, из которых торчали огромные ручищи, волосатой грудью и толстым, выпирающим животом. Ходил Гриша в потертых голубых джинсах и кожаных босоножках. Казалось, он перенесся на пространства Америки прямо из-под знойного тель-авивского солнца. Гриша напоминал мне заматеревшего бизона, только что вышедшего из лесной чащи. При общении с ним возникало чувство, что он вот-вот заденет головой дверной косяк или свернет пузом какой-нибудь прибор с полки. Речь у Гриши была быстрая и энергичная, манеры прямолинейные и грубоватые. Ученик академика производил угрожающее впечатление своим напором и явно не заботился о том, чтобы произвести благоприятное впечатление на окружающих.

«Все пропало, – подумал я, – Ефиму он не понравится.» – Ефим не любил больших и грубых людей, ему нравились люди вежливые или, хотя бы если и грубоватые, то очень небольшого роста.

– Ребята, – Гриша из принципа разговаривал только по-русски. – Не хрена баклуши бить, давайте за дело. Старик, – он обращался к академику, – где тут твои дырки? Деформации говоришь, ну-ка дай я посмотрю. Все вроде правильно, а в чем собственно проблема, чего вы мозги себе заворачиваете? Вам чего, делать нечего?

– Гришенька, – академик явно воспрянул духом и был счастлив видеть рядом с собой эдакого всесокрушающего носорога. – Народ попался недоверчивый, не верят, понимаешь, в гармонию алгебры.

Гриша недоверчиво вертел в руках чертежи. – Чепуха, – взревел он. – Простейшая схема измерения, берем лазер, расщепляем луч и смотрим на интерференционную картинку. Все твои расчеты будут как на ладони!

– Отлично, – академик воодушевился. – Лазер я в соседней комнате видел, его можно будет позаимствовать. Что еще нужно?

– Да я на этих вещах собаку съел, – проревел Гриша. – Несколько деталек надо будет на токарном станке выточить, пару объективов, линзы у вас в Америке можно быстро достать? Олег, позвони в Кодак, узнай у них про объективы и линзы. А ты, старик, хватит бумагу марать, где у вас токарный станок? – энергия этого человека-горы не знала границ.

– Ну, вы видели, каков человечище! – Академик гордо подмигнул мне, напяливая на бегу неизвестно откуда взявшийся белый халат и направляясь к стоящему в подсобном помещении большому токарному станку. – Теперь у нас тут такие дела закрутятся, пальчики оближешь!

Гриша обхватил своими ручищами рукоятки станка, академик подносил ему алюминиевые болванки, летела металлическая стружка и, казалось, воздух гудел от напряжения, как возле линии высоковольтных проводов.

– Достал объективы? – ревел Гриша. – Да что у вас тут за порядки, хоть к друзьям в Ленинград обращайся, элементарной вещи найти нельзя.

– Я из дома принесу, от моего фотоаппарата. – Олег тоже заразился от этой бурлящей вокруг энергии.

– Ну чего, не жалеешь, что из Израиля смотался? – За обедом Гриша, нарушая чинные трезвые традиции американского дикого Запада, выпил несколько бутылок холодного пива и слегка осоловел. – Дерьмовое же у вас в Америке пиво, с немецким не сравнить! Ничего, правильно сделал, что удрал. Я вообще зря туда поехал. На второй день у жены все кольца из гостиничного номера сперли! Провинция, аппаратуры хорошей достать

невозможно, денег нет, через несколько месяцев у меня пособие на зарплату закончится и пойду улицы мести. – Он скептически ухмыльнулся. – Хрен его знает, может зацеплюсь у вас тут. Хотя учитель мой мне тут кое-что порассказал, у вас здесь говна не меньше, чем в России и в Израиле вместе взятых... – он замолк. – Нет, не та здесь погода! Вот когда-то мы ходили на байдарках по Селигеру, вот там водка пилась! Как нектар, как родниковая вода! А мы вчера с академиком дерябнули немного, так с утра нет никакой свежести. Так ты в курсе, что у вас тут за мудаки завелись?

– Гриша, – я сохранял осторожный нейтралитет. – Вы знаете, здесь собрались люди со странностями, но все, как один, очень сильные профессионалы. И еще, будьте повежливее с Ефимом, он, в общем-то, прислушивается к их мнению, так что я вам не советую в первые дни лезть на рожон.

– Этот Борис, он чего, совсем полный мудак, что ли? Ему в морду давно не давали?

– Гриша, если вы дадите ему в морду, вас арестуют и оштрафуют на огромную сумму. Учтите, проблема не столько в нем, сколько в Ефиме, который продолжает удерживать Бориса на посту вице-президента. Я боюсь, что на его знаниях держится сейчас почти все производство компании, так что ситуация не так проста.

Моя проповедь терпимости, конечно, была напрасной и неблагодарной, примерно как воззвания любить ближнего своего, раздающиеся из заткнутого кляпом рта миссионера, которого дикари, предвкушающие со слюной во рту жареное сладковатое человечье мясо, бегом несут на уже разведенный посередине деревни костер.

Слухи о появлении громилы-биндюжника быстро облетели компанию.

– Это что за кошмар? – Андрей сморщил нос. – У вас в Израиле что, все такие хамы?

– А что случилось?

– Этот тип заходил в туалет, пузом вперед и мне пришлось в стену вжаться, чтобы он меня не раздавил. И представь себе, – Андрей с возмущенным видом скривил рот, – я ему говорю: «Хэлло», а он по-русски рявкает: «Здорово, вредитель!». Что он себе позволяет? А что у него за внешний вид, в каких-то жутких сандалиях с голыми ногами, грудь почесывает, джинсы грязные. Да если такого увидит кто-нибудь, считай, что мы уже половину покупателей потеряли!

– Не знаю, он мужик грубоватый, но вроде бы толковый.

– Это мы еще посмотрим, если он такой же толковый, как его учитель... – Андрей пренебрежительно отвернулся. – И вообще, – зло прошипел он, эта компашка в наши стены не вписывается!

Леонид с Борисом провели половину дня за закрытыми дверями, видимо, вырабатывая стратегию дальнейших действий. Затем они долго сидели и разговаривали с Ефимом. В результате вся троица спустилась в комнату, в которой Гриша с академиком колдовали, раскладывая на большом столе зажимы и блестящие металлические детали.

– Привет, – Ефим смотрел на Гришу снизу вверх и едва доставал ему до плеча. Сравнение масштабов явно действовало на президента угнетающе. – Вот решили поговорить, обсудить ваши планы.

Борис с победоносным видом поджал губы и сел в кресло. Леонид достал небольшой блокнот и открыл его, приготовившись вести записи.

– Ефим, – академик подошел к доске, – я, честно говоря, очень рад, что мы вот так по-рабочему собрались и есть возможность обсудить то, что уже сделано. Я не понимаю, почему кто-то думает, что мы с Гришей собирались что-то скрывать...

– Листен, Листен, не надо, какая разница кто что говорит, давай о деле! – Ефим был слегка раздражен.

– Хорошо, – академик взял в руки фломастер и начал рисовать на доске злополучную подставку. – Давайте я объясню расчеты, они, в общем-то, элементарные. Основная сила приложена вот здесь...

– Это неправильно, – побелев от гнева, выдавил Борис. – При изгибах этот участок вообще роли не играет!

– Изгибы это отдельный случай, – академик невозмутимо продолжал писать на доске.

– Слушай, слушай, – брезгливо поморщился Ефим, – не надо этих твоих закорючек, я тебе верю, что ты их прекрасно умеешь писать. Тут вопрос в другом. У нас производство стоит уже полтора года из-за этих отверстий, мы не можем никак решить, где их просверлить. Ты с Гришей можешь нам ответить на этот вопрос или нет? Если не можешь, или не хочешь, так и скажи, и мы тебя оставим в покое.

– Да чего вы, мужики, херню порете, – Гриша вскочил со своего места и прыгнул к доске, при этом здание слегка закачалось. Ефим с ужасом следил за грациозными движениями двухметрового гиганта, Леонид иронично и слегка брезгливо поднял брови, а Борис с омерзением скривился и напряг руки. – Расчеты правильные, а не верите расчетам, я предлагаю собрать оптическую установку с лазером и измерять все ваши деформации на работающей машине. Просверлим несколько вариантов отверстий, соберем установку и на работающих макетах все определим в лучшем виде!

– Это недопустимо! – Борис закричал громовым басом. – А вы посчитали, во что обойдется приготовление установки и макетов! Компания не может понести такой ущерб!

– Ерунда, – Гриша почесал всклокоченную бороду, – за те две недели, которые я здесь проведу, все соберем в лучшем виде.

– Пусть соберут. – Ефим явно колебался. С одной стороны, ему претил огромный, грубоватый и потный бородач, с другой стороны, открывающаяся возможность раз и навсегда разделаться с дырками и повозить Бориса мордой об стол, увлекала его. – Мы уже полтора года ни хрена не делаем! – он неожиданно заорал на Бориса. – Пусть люди поработают, потратят две недели и во всем разберутся. И ты тоже им помоги, вот возьми и Олегу помоги с компьютерами. Все понял?

– Да, Ефим, только...

– Листен, Листен, никаких возражений я слушать не хочу. Знаешь, Борис, брось эти свои штучки, понял! Ты приехал сюда никем, это я тебя из грязи вылепил своими руками, так что изволь выполнять мои распоряжения! Все, совещание закончено, пойдем отсюда, дадим людям поработать!

Борис был перекошен от злости, но сдержался. – «Плохо дело, – подумал я, – публичного своего унижения перед академиком он не простит никогда.»

Академик был воодушевлен прямой поддержкой со стороны Ефима. Он носился между станками и лабораторной установкой, которая на глазах обрастала плотью. Красным лучом светился принесенный лазер, луч его проходил через призмочки, линзы, расщеплялся, снова соединялся и попадал на небольшую видеокамеру. Камера пересылала красивую полосатую картинку на экран компьютера, за которым сидел умиротворенный Олег и, подхваченный бурлящим потоком энергии, писал программу, которая должна была положить конец проблеме дырок и деформаций.

Через пару дней в лаборатории неожиданно появился Борис.

– Здравствуйте, господа – заявил он с порога.

– Здравствуйте, Борис, чем обязаны? – холодно осведомился академик.

– Ефим просил меня посмотреть на ход работы, помочь Олегу, – железным тоном отпарировал Борис. – У тебя есть какие-нибудь проблемы, затруднения? – он с видом пионера-добровольца подошел к Олегу.

– Кто к нам пришел, кто нашу бабушку зарезал! – неожиданно притворным сладковатым тоном взревел Гриша. Он оторвался от своих линзочек, приподнялся с винтового табурета и, широко раздвинув свои ручищи, надвигался на Бориса, как медведь, внезапно разбуженный в своей берлоге.

Борис невольно отступил на шаг назад.

– Это не укладывается ни в какие рамки цивилизованного поведения! – с омерзением в голосе четко произнес Борис. На лице его появился кривой, звериный оскал, и он, как ошпаренный, выскочил из комнаты.

– Чего вы нюни распускаете, – Гриша снова сел на табурет. – Если этот недоразвитый гитлерюгенд, проходящий болезненный процесс полового созревания, еще раз сюда сунет нос, сразу зовите меня!

– Ах, Гриша, – я вздохнул, – не забывайте, вы находитесь в цивилизованной стране, не одобряющей мордобой и стоящей на страже своих подданных, особенно резидентов. Вас от Бориса, к сожалению, отличает временный статус пребывания в этой райской зеленой долине и отсутствие в кармане маленькой розовой пластиковой карточки, в просторечье почему-то называемой зеленой. Так что, при всем моем уважении к вам, вы с Борисом находитесь в разных весовых категориях.

– Дерьмо, – Гриша сплюнул. – Ефим человек нормальный, я же вижу! Давайте-ка работать!

Реакция Ефима последовала через несколько дней.

– Мне надо с тобой поговорить. – Ефим пригласил меня в свой кабинет. – Этот Гриша, – Ефим покачал головой и сморщил нос. – Нет, он здесь не вписывается, как слон в посудной лавке. Я на него смотрю и думаю: «Вот-вот что-то разобьет или сломает...». Леонид прав, нам биндюжники не нужны. У нас работают люди чистенькие, интеллигентные, а этот точно грузчик с Привоза... А ты что думаешь?

– Ефим, смотрите, какая из него энергия бьет! За неделю установку собрал, сейчас все измеряет!

– Да на хер мне его энергия! – Ефим пожал плечами. – Он сегодня установку соберет, а завтра все вокруг разнесет вдребезги. Я с этими дырками целый год людей в форме поддерживал, ты что думаешь, они мне так уж важны? Это я от бессилия кричу, это мой плач! А он, этот бандит, собрался все измерять. С академиком проще было, он все рассчитал, пойди там разберись, что к чему! Нет, я Грише заплачу за эти дни, а там пусть уезжает. Бориса обидел, человек может быть понял, что неправ, пришел помогать, а он встал и его животом из комнаты выпер. Какую-то бабушку зарезал, сумасшедший! Точно, я его боюсь, ты заметил, что рядом с ним стоять даже как-то неуютно? А вдруг он завтра придет с ножом и кого-нибудь пырнет? Ты видел его ручищи? – Ефима передернуло. – Хоть бы бороду свою сбрил, грудь у него, как у гориллы, волосатая. Нет, вот если бы он был поменьше и поделикатнее, тогда другое дело.

– Но в научной группе...

– Листен, листен. Вы все тут живете за счет моего производства, и я решаю, что хорошо для дела, а что плохо. Я тебе точно говорю, я чувствую, что этому медведю здесь делать нечего.

«Началось», – с тоской подумал я. Мне стало грустно, тем более, что академик судорожно готовился к демонстрации установки, собранной в рекордно короткий срок, и был уверен, что все развивается прекрасно. – «Вот тебе и дырки, и Гриша, приехали!»

Я спустился в лабораторию. Академик с Гришей снимали показания с только что запущенной в работу системы.

– Олег, – ревел Гриша, – давай, не зевай. Сколько получилось?

– Двадцать три процента. – Олег кричал из угла комнаты.

– Смещай в сторону. Готово? Сколько?

– Семнадцать процентов.

– Все, старик! – Гриша вытер пот со лба – Никогда не делал такую глупую работу. Все по твоим кривулькам, тютелька в тютельку, да и так было все понятно! Можно звать Ефима и демонстрировать результат, пущай сверлит свои дырки, где хочет.

Мне было жалко нарушать идиллию и радость первых полученных результатов, но предупредить ученых мужей было необходимо. Я вкратце описал свои впечатления от разговора с Ефимом.

– Чего-то у вас в компании все шизанутые. – Гриша как-то сразу сник и расстроился. – На хрена мы тогда все собирали?

– Объяснить поведение Ефима очень трудно, – я с трудом пытался найти рациональное зерно в происходящем. – Сегодня он говорит одно, а завтра может изменить свое мнение.

– Мне тоже так кажется, – академик пожал плечами. – Зря вы, старина, так это все переживаете, у меня с Ефимом особые отношения, я не думаю, что, увидев такие результаты, он сможет Грише отказать. Ведь Олега он вызвал в Америку, просто поверив вам на слово, правильно? А Гриша за десять дней собрал такую махину, решил Пусику все проблемы!

– Я не знаю, Гриша, ему западают в голову детали туалета, манеры. Оденьте перед разговором хорошие брюки, рубашку с галстуком, может быть это поможет.

– Да идите вы все! – Гриша скривился. – В Израиль приехал, все учат, что по субботам в автобусах нельзя ездить, как жить и какую колбасу есть. В Америку приехал, опять двадцать пять: галстук напяливай, что за жизнь такая! Хоть обратно в Москву возвращайся и начинай торговать водкой... Мужики, работа сделана, у меня предложение, давайте сегодня возьмем на грудь хорошенько! Купим огурчиков, колбаски, а?

– Хорошая идея, поехали ребята ко мне, – академик посмотрел на часы. Время уже все равно позднее, восемь часов. Утро вечера мудренее. Олег, выключай лазер!

Академик жил в маленькой однокомнатной квартире в центре Литтл-Три. Стены комнатки были завешаны многочисленными бумажками, оттисками статей и письмами из разных университетов. На полу лежал матрац, а столом служила большая картонная коробка из-под телевизора.

– Добро пожаловать к старому одинокому холостяку! – Мы достали из пакетов свертки, открыли банку с огурцами, и импровизированный стол начал напоминать давно забытые сценки из быта социалистической Москвы.

– Эх, мужики, – давайте за нормальных людей. – Гриша разлил водку по бумажным стаканчикам. – Что за жизнь у вас в Америке, даже чокнуться по-человечески нельзя.

Мы выпили.

– Нет, вы мне объясните, – Гриша своей огромной ручищей выковыривал из банки огурец, – что здесь за странный народ собрался? Мать вашу так, вокруг такой простор, всего до хрена, живи и работай вволю, так нет, из них говно так и прет! И ведь люди-то образованные, я понимаю, в Москве у меня стычки были, я из-за этого и уехал, у нас председатель профкома сволочью редкой был. Ну, так тот хотя бы мудак полный, с трудом фразы мог составлять, партийный лидер. А эти?

– А я вам, Гришенька, могу, кажется, объяснить кое-что – академик вытер губы салфеткой. – Тот профкомовец к партийной кормушке тянулся, он уродился таким бездарным. А эти, они с талантом выродились, с хваткой, с памятью. В ином обществе они бы свой талант на другое употребили, стали бы политическими деятелями или банкирами, основали бы свои корпорации, на худой конец. А в России в партийные верхушки их не пущали: происхождение, да и морды больно культурные. За бизнес просто сажали сразу. Вот и оставалось им употреблять способности по технической части. Да только вот образование они получили, транзисторы с конденсаторами припаивать умеют, руководить тоже, а культура мимо прошла. Вы что думаете, зря в Америке бизнесмены или адвокаты до опупения историю и литературу изучают? Да человек, руководящий другими людьми, имеющий власть, должен этот барьер обязательно преодолеть! Посади Бориса сейчас литературу изучать, его же от классиков трясти начнет: «Нюни гуманистические», а остальных он на свой лад перекроит и по-своему интерпретирует. А учился бы он в местном университете, ему бы сразу за такие сентенции «Неудовлетворительно» и гуляй, Вася. У таких людей на настоящее искусство аллергия, это вещи несовместимые. И ученым такой человек, я имею в виду - настоящим ученым, быть не сможет. Он просто в начале своего пути оттуда отсеется. Ученый должен уважать мироздание, испытывать ужас и счастье от соприкосновения с законами природы. А тот же Борис, это же порождение сталинского века, он же утилизатор, ему природу надо переделать под себя, изнасиловать!

– Нет, старик, брось ты! – Гриша сморщился. – Это тебе водка в голову с непривычки ударила. Теория красивая, но неправильная. Тоже мне, выперли из университетов...Этот твой Борис прекрасно бы приспособился: Джордж Вашингтон, Бенджамен Франклин, гуманистическая тенденция в американском искусстве... Ты вспомни Гитлера, он очень

даже музыку любил. Вагнера, например. И в концлагере каком-то был театр из заключенных, я про это читал. Они пьесы ставили, офицеры им аплодировали, глаза платочками утирали, а на следующий день актеров с их дитями в газовые камеры, кожу на лампы, волосы на подушки - и никаких сентиментов! А все эти Нобелевские лауреаты в Германии, прекрасно работавшие с Гитлером и травившие Эйнштейна и еврейскую науку? Нет, мужики, просто не тот век на дворе пошел. Культура вообще закончилась с Первой мировой войной и с Великой Октябрьской революцией.

– Ну, подсек на корню! – Академик потянулся к бутылке и разлил водку по стаканам. – Давайте все-таки выпьем за культуру и науку в настоящем понимании этого слова. Все-таки мне хочется верить, что нормальных людей на нашем шарике больше.

– А с этими вашими Борисами история, на мой взгляд, простая. – Гриша залпом выпил. – Просто уродились на свет талантливые мерзавцы, до поры, до времени говно из них не вылезало, условий не было, а попали в питательную среду, оно в них разбухло и поперло из всех щелей. Дело не столько в них, хотя таких еще и поискать надо, дело в подпитке. В питательном бульоне, в котором они плавают и в который срут!

– Гриша, но Ефим не такой, поверь мне, он стольким людям хорошее сделал. Я же его вижу, он может быть раздражен, кричать, но душа у него хорошая. Он немного болен, может быть, нервы сорваны.

– Я вашего Ефима не знаю, – Гриша нахмурился. – Может, он и не нарочно всю эту гниль вокруг себя развел. Но факт остается фактом, а факты – вещь упрямая. Мы же с тобой физики, черт возьми!

Слова, сказанные Гришей, врезались мне в память. Я рассматривал их то с одного угла, то с другого, поворачивал, крутил, но не мог не признать, что они безжалостно высекали из бесформенной скалы скрытую глубоко внутри суть.

На следующее утро проспавшиеся и заметно посвежевшие Гриша с академиком демонстрировали установку делегации, состоявшей из Ефима и триумвирата: Леонида, Бориса и Андрея. Я отметил, что Гриша внял моим советам и напялил белоснежную рубашку с длинным галстуком.

– Берем образец, – Гриша захватывал подставку своей ладонью, напоминавшей ковш экскаватора, – включаем систему. Позиционирование производится автоматически. Олег, готово? Вот, результаты выводятся и рассчитываются вот здесь. Так что все в полном соответствии с теоретическими расчетами, только у краев имеются небольшие расхождения в один-два процента.

– Один процент - это уже недопустимо много! – решительно и жестко отпарировал Борис. – Кроме того, ваша подставка не полностью соответствует тем условиям, которые будут реально иметь место в условиях производства.

– Подумайте, что вы говорите, – академик раскрыл рот от удивления. – Никакой разницы не будет, посмотрите сами!

– Это как раз то, против чего я принципиально выступаю, – поджал губы Борис. – Это и есть лженаука!

Ефим покачивал головой и пока ничего не говорил.

– Хорошо, – Гриша с иронией посмотрел на Бориса. – Закрепим стенд точно как в машине. Вернее, сделаем машину частью измерительной установки. Это вас удовлетворит? К сожалению, мне уезжать надо через день, не знаю, успею ли. Ефим, продлите мне командировку на пару дней?

– Нет, слушай, не надо. – Ефим пощупал металлическое крепление. – Хорошую работу сделали, молодцы. А с креплением мы сами попозже разберемся, спешки никакой нет, поверьте мне. Уезжай спокойно, я тебе заплачу, билеты компенсирую. Молодец, я доволен тобой. А там решим, что будем делать, может быть, пригласим тебя к нам в компанию, оформим визу...

Борис зло заскрипел зубами.

– Спасибо, Ефим, – Гриша был доволен.

– Вот видите, а вы на нас панику нагнали, – радостно сказал мне академик после ухода начальственной делегации. – Я же знал, что Ефим просто так болтает, все будет нормально, я в этом убежден!

Гриша уезжал вечером. Его громадная фигура в потертых джинсах помахала мне рукой и с трудом влезла в маленькую «Тойоту». Рессоры жалобно скрипнули.

– Присматривайте тут за академиком, – грустно сказал Гриша. – Сердце у него побаливает. А в Москве ему делать сейчас совсем нечего. Чего-то у меня такое чувство поганое осталось, думаю, ты был прав, не позовет меня Ефим. Ну да хрен с ним, подамся в Канаду, туда сейчас из Израиля берут людей. Хорошо мы вместе тогда водки выпили.

Мне стало грустно, потому что я неожиданно вспомнил о том, что Борис выше меня на полголовы, а Олега и академика - на целую голову.

Глава 22. Практическая Теория.

– Дядя Ефим, я все понимаю, вы только не волнуйтесь. – Эдик, слегка наклонив голову, привстал со стула. – Посмотрите, я за эту неделю четыре машины починил. И неисправности-то все простые, я раньше думал: «Эдик, ты никогда не сможешь заниматься физическим трудом,» а на самом деле, в этом нет ничего страшного. Почти так же, как автомобиль водить – вначале боишься, машина на дороге болтается, а потом привыкаешь и даже начинаешь лихачить, других обгонять.

– Листен, Листен, Листен! – Ефим стоял в белоснежной рубашке и с отсутствующим видом теребил в руках провод. – При чем тут лихачество? В меня в прошлом году один такой лихой врезался, крыло у Мерседеса помял! Ты это брось, мне брак в работе не нужен!

– Да нет, что вы дядя Ефим, это я в переносном смысле.

– В переносном? Да, – Ефим посмотрел по сторонам, – верно говоришь. Надо бы и нам что-нибудь тоже перенести. Засиделись люди, верно? Ты посмотри, вот ты здесь всего пару недель, а уже надоели эти стены, коробки. Правильно я говорю? Вот сидят люди в своих закутках, столы постепенно обрастают бумагами, на стены повесили фотографии с женами, тещами... – Ефим передернулся. – И вот видят перед собой одни и те же стены, тела тяжелеют, мозги сном обволакивает, работать уже не хочется, нет настроения. Да, молодец, хорошую мне идею подал: надо всем переезжать. Леонид! Леонид!

– Да, Ефим. – Леонид с готовностью выскочил из своего кабинета.

– Вот Эдик молодец, дельное предложение подает. Говорит, надо передвинуть всех, чтобы люди не засиживались. Верно, да? Вот ты, что сидишь в своем кабинете, стены графиками проектов обклеил?

– Ефим, я на них отмечаю, что сделано, что осталось...

– Не хера отмечать! Листен, Листен, ты что, охренел, что ли? Такие вещи надо в голове держать, ты это брось!

– Ефим, я планы составил...

– Листен! Прекрати это! Все сорви со стены и переезжай. Ты согласен, что всем надо переехать?

– Да, в общем-то, это не помешает...

– Значит, организуй людей. Первый этаж переедет пусть сюда, в эту комнату. А производство переведи в комнату напротив, через коридор.

– Ефим, но там же места мало...

– Ничего, потеснятся немного. Ты посмотри, зачем нам столько столов? Все коробки эти собираете, собираете, а на кой черт? Сократим производство на пятьдесят процентов.

– Ефим, может, повременим, у нас сейчас такая очередь из заказчиков скопилась, мы все планы срываем...

– А в этом ты виноват! Надо постараться, ухитриться, да что ты, в конце концов, за чушь несешь? Все эти поставки можно в одной маленькой комнате собирать. В этом и проблема, что люди теряются, в этих пространствах все пропадает из виду. Значит, инженеров переведем в соседнюю комнату. Сборщиков передвинем в отдел для программистов.

– Хорошо, Ефим. – Леонид с подобострастным видом делал заметки. – А программистов куда?

– А программисты нам вообще не нужны. – Ефим лениво выпустил из рук проводок и зевнул. – Я ума не приложу, что они все там делают? Ты знаешь, чем они занимаются?

– В общих чертах, – Леонид был явно дезориентирован.

– Дядя Ефим, – вступил в разговор Эдик, – давайте я пойду к ним работать в отдел и сразу во всем разберусь. Я пока здесь машины собирал, придумал способ улучшить измерения. Давайте, я напишу патент, я уже первые три страницы набросал...

– Это что еще за патент? – Леонид насторожился и зло посмотрел на Эдика. – Кто разрешил самовольничать?

– Мне такая идея пришла хорошая, – Эдик с милой улыбкой посмотрел на Леонида, – я уже давно ее хотел вам рассказать. Дело в том, что когда напряжение питания пропадает...

– Ерунда, – жестко отрезал Леонид, – вместо того, чтобы писать ерунду, лучше бы побольше машин починил.

– Да, правильно. – Ефим снова зевнул. – Никаких патентов без Леонида писать не будешь. Ты у нас научишься электронике вначале. Вот ты чинишь платы, а ты знаешь, как по ним ток течет? Ни хрена не знаешь, как обезьяна работаешь. Ну зачем мне тебя к программистам посылать, если ты в компьютерах дока? Леонид, это, кстати, тоже к тебе отношение имеет. Научи Эдика, пусть он книги почитает, пусть теорию генератора придумает. Там есть теория, я когда-то какой-то учебник про это видел.

– Хорошо, Ефим, – Леонид воспользовался удачной переменой темы разговора и снова вопрошающе посмотрел на Ефима, – так куда переселяем программистов?

– Да хотя бы на склад.

– Ефим, решение конечно неплохое, но если мы разорим сейчас склад, производство встанет на месяц.

– Ну, не надо их на склад, раз так. – Ефим впал в миролюбивое настроение. – Пусть переезжают в отдел снабжения. Неважно, в общем, вы сами все решайте, но главное, подними людей, организуй. Ты понимаешь, о чем я говорю? Ну да, мы потеряем на переезде день, может быть два, но как настроение изменится! Новое место, новые стены, все всё разложат по местам и вгрызутся в работу, да-да, – Ефим сложил руки в кулаки и повернул одну руку относительно другой, – вот так вот вгрызутся, я прямо это нутром чувствую!

– Будет сделано, Ефим. – Леонид засунул блокнот в карман брюк.

– Дядя Ефим, – тоненьким голоском позвал Эдик. – Так мне пока оставаться на производстве?

– Да, – Ефим махнул рукой, – не отвлекай меня. Слушай, у меня только о тебе голова должна болеть что ли? Ты смотри, что делается, дырки не просверлены, этот твой друг, академик со своим жлобом какую-то машину собрал, измеряют хер знает что! Я ничего не понимаю, производство стоит, люди переезжают, вся компания вверх дном! От этого же с ума сойти можно! – Ефим всплеснул руками.

– Нет, нет, дядя Ефим, я только спрашиваю.

– Листен, Листен, ничего «только» не бывает. Я это знаю, ты это знаешь, так зачем мне голову морочить? Я же сказал, Леонид из тебя инженера будет делать, а в свободное время сделай мне теорию генератора. Все посчитай, какие конденсаторы должны быть, какие сопротивления.

– Вам привет от папы, я с ним вчера разговаривал по телефону!

– Да, передай ему привет, скажи, что все будет в порядке. – Ефим пожал плечами и вышел из комнаты.

– Спасибо, дядя Ефим! – Эдик был растроган.

– Ну что же, – Леонид достал из кармана блокнот. – Снабжение в комнату для программистов, программистов в снабжение, производство к инженерам, – забормотал он. – А с тобой, – он подозрительно посмотрел на Эдика, – мы разберемся. Бери книги, учи основы схемотехники, это тебе не Кембридж. Сегодня вечером буду тебя экзаменовать по первым трем главам. – Леонид подошел к телефону. – Борис, Андрей, в сборочный цех! Срочно!

Через полчаса вся компания Пусика поднялась с места, как разворошенное палкой осиное гнездо. Сцена массового переезда была фантастической. Инженеры и профессора,

засучив рукава, ставили на тележки шкафы и сейфы, везли их по коридорам, сталкиваясь друг с другом и с грохотом роняя на пол горы книг. Многочисленные приборы деловито отсоединялись от розеток, пучки проводов, как змеи, скручивались в извивающиеся клубки и приборы с металлическим звоном выстраивались в ряд на перевозку, как колонна автомобилей, везущая первый целинный урожай пшеницы в закрома родины.

Трое китайцев, работающих на сборке, один за другим подходили к столам с приборами, как по команде приподнимали их вместе с аппаратурой и, слегка покачивая, несли к лифту. Программисты во главе с Борисом шеренгой тащили по лестнице компьютерные мониторы и клавиатуры. Казалось, нет ни одного человека и ни одного предмета в ярко освещенных комнатах, не пришедшего в движение и не участвующего в этом мерном и удивительном бурлении. На моих глазах внутренность компании приобрела совершенно хаотический вид.

– Дерьмо! – Леонид бегал среди разгрома с побелевшим лицом. – Питания не хватает. В снабжении нету розеток, а производство переводится вообще в неприспособленное помещение. Борис, срочно позвони в электрическую компанию, пусть проводят мощные линии питания на первый этаж!

– Безобразие, – Борис побелел от гнева. – Посоветовал Ефиму переезжать, а у самого нет никаких трудовых навыков! Вы посмотрите, он стоит в углу на лестнице и книги читает! Это же паразитизм, прямой вызов всем нам!

Грустный Эдик действительно зажался в уголок между лестничными пролетами. Этот уголок обтекали переселяющиеся потоки людей и приборов, и, казалось, Эдик полностью абстрагировался от происходящего. Он посмотрел на меня потерянным взглядом.

– Ты случайно не в курсе, как рассчитывать напряжение питания для микросхем? – как-то равнодушно спросил он.

– Нет, а что?

– Ефим попросил Леонида меня сегодня проэкзаменовать, а я много еще в этой книге не понимаю.

Я отметил про себя, что Эдик впервые произнес имя Пусика без приставки «дядя». Слышать это было удивительно, но я списал происходящее на всеобщее волнение, вызванное переездом.

– Как это сегодня? – удивился я. – Ведь невозможно выучиться новой профессии за пару часов.

– Дядя Ефим обо мне такого высокого мнения, мне очень не хочется его разочаровывать. Когда я сдавал теоретический минимум Ландау, мне тоже приходилось экстерном учить новые главы, но я был моложе, и в шестнадцать лет свежесть восприятия совсем не та...

«Слава Богу, все в порядке», – подумал я, услышав привычное употребление имени президента. – Эдик, а вы сами возьмите и проэкзаменуйте Леонида по теоретической физике. Пусть он Вам напишет тензорные уравнения гравитационного поля, – пошутил я, еще не подозревая о последствиях своего опрометчивого шага.

– И зачем только Ефим затеял этот ненужный переезд, – Эдик удивленно вздохнул. – И еще всем рассказал, что это я придумал.

«Боже мой, что это? – с испугом подумал я. – опять без дяди...Похоже у него в голове начались сбои, как у поцарапанной патефонной пластинки.»

– Впрочем, может быть, дядя Ефим хочет всех приучить к мысли, что я могу выполнять функции руководителя...

– Эдик, если бы это было так, он бы наверняка убрал вас с производства и уж наверняка не стал устраивать этот странный экзамен.

– По-моему, Ефим сошел с ума, – неожиданно с горечью сказал Эдик. – А-кх, кхпчи, – то ли закашлялся, то ли расчихался он. – Подумать только, все разрушить, дезорганизовать людей, передвинуть все оборудование! – голос его неожиданно сорвался и съехал на полторы октавы вниз, приобретя мягкую баритонную окраску.

«Что же делать? – пронеслось у меня в голове. – Эдик явно не в себе». – Я вдруг вспомнил душещипательный фильм про мальчика, обладающего необыкновенным певческим голосом. И вот, накануне решающего концерта он съедает мороженое, и голос его вдруг ломается, становясь противным и хриплым голосом взрослеющего подростка. «Наверное, у него сломался голос...».

– Дядя Ефим, – медленно и отчетливо произнес я, пристально смотря в глаза Эдику и надеясь усилием воли и гипнотическим внушением вернуть события в нормальное русло, – просто решил, что люди засиделись на своих местах.

– Чушь какая-то! – раздраженным хриплым баритоном отпарировал Эдик, совершенно игнорируя мои нечеловеческие усилия. – Вообще, в этой компании дела ведутся как-то странно, – он пожал плечами, – моя голова, патенты и идеи никому не нужны... Если только дядя Ефим не имеет в виду чего-то такого, чего мы не понимаем, – лицо Эдика приобрело загадочное выражение, и его голос снова поднялся вверх.

«Кажется, пронесло», – с облегчением подумал я, не догадываясь о том, насколько глубоко заблуждаюсь.

К вечеру переезд был почти завершен. Мебель и основная часть приборов были перенесены на свои новые места, и всего несколько человек ходили по изменившимся комнатам, подбирая оброненные листы бумаги и провода. Сотрудники Пусика, прищуриваясь от яркого света люминесцентных ламп и с удивлением посматривая на изменившуюся обстановку, непривычное расположение предметов, проникались ощущением произошедшей перемены и готовились повысить производительность труда.

Мой только что перенесенный на новое место прибор шалил и вместо замечательной прямой линии, ожидаемой на выходе согласно законам природы выдавал странную омерзительную кривую, гадко загибающуюся около нуля.

– Что за чепуха? – бормотал я и в десятый раз проверял сотни параметров, от которых зависело поведение прибора.

– Это же очень просто, – заметил Эдик, оторвавшийся от изучения основ схемотехники. – Эта кривая является типичной асимптотической зависимостью. – Он взял листок бумаги и написал формулу. – Твоя прямая линия просто спрятана в шуме и вылезает из него по мере удаления от нуля.

Я вздрогнул от неожиданности, так как картинка, небрежно нарисованная на листке бумаги, мгновенно все объясняла.

– Как тебе удалось догадаться?

– Есть вещи, которые я чувствую, как бы вижу изнутри. – Эдик смущенно потупил взгляд. – Вот, например, схемотехнику я пока не очень хорошо чувствую, наверняка хуже Леонида, а что касается функций, природы вещей, это мне даже очень хорошо удается. Как бы это получше объяснить дяде Ефиму? – Он уставился в книгу. – Скоро уже у меня экзамен, а я не успел прочесть третью главу. А вообще-то я читаю очень быстро, вот, например, Борис дал мне книжку и просил прочесть несколько глав... – Его рассуждения прервало появление Ефима.

Президент только что приехавший в компанию был доволен.

– А что, так лучше люди разместились, да?

– Да, Ефим, неплохо получилось. Давно надо было переехать.

– Молодец Эдик, идею подал. И вы все молодцы, быстро все перетащили. – Ефим благодушно улыбнулся, его лицо разгладилось и выражало удовлетворение происходящими событиями. – Надо будет выписать премию, поощрить ребят. Подготовь мне примерный расклад, кто как работал, кто участвовал в переезде.

– Да, Ефим, обязательно подготовлю.

– Ты Эдика уже проэкзаменовал?

– Нет, еще не успел, мы с электроснабжением закрутились.

– Непорядок, – Ефим покачал головой. – Вызови его сейчас же, погоняй по материалам. Он парень толковый, пусть помучается, это ему не патенты про теорию относительности писать.

– Обязательно погоняю, прямо сейчас и начну. – Леонид подошел к телефону.

– Началось, – Эдик закрыл недочитанную книгу. – Пожелай мне успеха.

Через полчаса из кабинета вышел совершенно спокойный Эдик с мрачным и удовлетворенным выражением лица. За ним из кабинета выскочил Леонид, взмыленный и раздраженный. – Это просто издевательство! – негромко буркнул он в пространство по-русски, уничтожающим взглядом посмотрел на Эдика, почему-то налил стакан воды, но пить из него не стал, оставив стакан на маленьком столике, и быстрым шагом пошел в сторону кабинета Ефима, громко хлопнув дверью.

– Что случилось? – я был заинтригован.

– Вначале я отвечал Леониду на все его вопросы. – Эдик снова пожал плечами. – Ну он, конечно, постарался меня засыпать и начал задавать вопросы посложнее. Я даже сам не знаю, что на меня такое нашло, у меня в решающие минуты что-то просыпается внутри такое, чего я сам никогда бы от себя не ожидал. Это у меня наследственное, так собираться в критические минуты, и это качество меня много раз спасало в жизни. Так вот, после пары вопросов на засыпку я разозлился и последовал твоему совету.

– Что? – с ужасом переспросил я. – Какому совету?

– Ну как же, спросил у него что-то про принцип наименьшего действия, совсем элементарное. Он, естественно, не знал, возмутился. Тогда я ему вежливо сказал, что если бы он потрудился прочесть мой отчет, который я ему представил, он бы, может быть, узнал для себя много нового.

– И что дальше? – я уже понимал, что Система дала трещину.

– Он закричал, что я над ним издеваюсь, а я тоже рассердился и ответил, что ответом на его издевательство может быть только издевательство. Вот Леонид и выскочил оттуда как ошпаренный. Сейчас к Пусику жаловаться пойдет, ну да мне на них наплевать. – Эдик спокойно улыбнулся. – Никогда себя так хорошо не чувствовал. Во мне как будто что-то щелкнуло сегодня... Я был как загипнотизированный, а когда все вокруг поехало, я неожиданно проснулся...

– Поздравляю с пробуждением, – я с удивлением смотрел на Эдика, решившегося бросить вызов Команде.

Я на цыпочках вышел из сборочного цеха. Ефим стоял рядом со взмыленным Леонидом, и они шепотом что-то обсуждали.

– Негодяй, – Ефим покачивал головой. – Садист!

– Да, – Леонид был подавлен, – это прямое издевательство, неуважение, в конце концов, это плевок во всех нас! А один патент чего стоит, я ничего не знаю, а он уже строчить свои каракули начал!

– Слушай, – Ефим помахал мне рукой. – Ты нам нужен. Не отпирайся, не отпирайся, не открутишься! – Ефим раздраженно посмотрел на меня – что нам с Эдиком делать? Он же с ума сошел, ты посмотри, он все нюней прикидывался, а на самом деле!

– Что случилось? – я решил исполнять пассивную роль.

– Он же садист, вначале над Борисом издевался, деньги предлагал. Сам ни одной программы написать не смог, он против Бори нуль без палочки! Специально из него жилы тянул, издевался. А Леониду как нахамил! – Ефим удивленно развел руками. – Он же маньяк! Сумасшедший! Я не знаю, чего от него можно ожидать. Еще слава богу, что мы этого громилу сюда не пригласили, ну как его, этого приятеля академика. Этот Эдик, маленький как ребенок, а сколько с ним проблем? А если бы этот биндюжник завтра сюда с дубинкой пришел? – Ефима передернуло. – Это какое-то счастье, что я решил его не брать!

– Ефим, но вы же сами Эдика поставили на производство...

– Листен, Листен! Ну и что! Любой ученый или инженер может работать кем угодно. А он пожилого человека в тупик ставит своими дурацкими вопросами, этого же нормальный человек сделать не может!

– Ефим, – я решил вступиться за героя сопротивления. – Между прочим, я сегодня никак не мог понять, что происходит с прибором, а Эдик на лету все решил! За одну секунду нарисовал кривую и все объяснил.

– Нет, – Ефим покраснел от гнева, – ты ничего не понимаешь! Это только хуже, что он соображает, если бы он был полным идиотом, мне было бы легче! Он может работать, у него голова хорошая, а занимается подлостями, из людей кровь пьет. Ты посмотри, на Лёне лица не было, он валидол сосал. Ты представляешь, этот садист его про какие-то действия спросил... Совсем охренел! Да он за две недели починил три системы, у меня Донг за день в два раза больше делает. Разве это производительность, я тебя спрашиваю? Это прямой саботаж и нарушение производственной дисциплины. Ничего себе, сынок своих родителей, а я-то его пригрел, облагодетельствовать хотел. Он оказывается сюда специально приехал нам нервы портить! Леня, с завтрашнего утра каждый день давай мне письменные отчеты о том, что именно Эдик починил. Пусть только попробует пикнуть, мы ему бумажки под нос и до свидания!

– Ефим, я думаю, он будет рад уехать в Кембридж, – вставил я.

– Листен, Листен, что это такое? Где это видано, он сюда бежал из своего Кембриджа, теперь поедет обратно? А кто заплатит за нервы, да он короткое замыкание устроил, машину сжег! Сколько зарплаты я ему за это время выплатил! А моральный ущерб? На Борисе лица уже давно нет, Леонид чуть не умер! Садист!

– Да, – Леонид зло поджал губы, – он настоящий шантажист и интриган!

– Мерзавец, – Ефим тяжело вздохнул. – Все хорошее настроение пропало. Такой переезд люди сделали, а он праздник испортил! Вот и делай после этого людям хорошие дела. Хоть перемещай всех обратно и завтра начинай все сначала!

При этих словах Леонид непроизвольно вздрогнул, но тут же снова взял себя в руки.

Глава 23.
Немного о толковании снов.

– Слава богу, этот Гриша Ефиму не понравился, – Борис с озабоченным видом расхаживал по кабинету. – Хамоватый, наглый, чуть его животом не раздавил. А Ефим этого не любит. Теперь у нас задача не допустить, чтобы второй ученый гость Ефиму понравился. Кто-нибудь знает, он большой или маленький?

– Понятия не имею, – Андрей сидел на маленьком стуле, сложив руки на груди.

– Я видел в его деле копию фотографии из паспорта, – Леонид восседал за столом, слегка покачиваясь на кресле.

– Ну, и как он выглядит? – с подозрением спросил Борис.

– Из фотографии понять трудно, но высоким он не кажется.

– Черт возьми! – Борис был раздосадован.

– Но вид у него, – Леонид поморщился, – какой-то недоделанный, личико такое нежненькое, жиденькая бородка.

– Это хорошо, – Борис слегка оскалился, – Ефим бородатых ненавидит! Когда он прилетает?

– Кажется, завтра, – Андрей нахмурил брови, – Ефим что-то об этом говорил.

– С Олегом у нас проблемы, – Борис прислонился к стене, – мы его послали за академиком шпионить, а он темнит. Я в коридоре с ним как-то встретился – глаза отводит, не разговаривает. Припер его к стенке вчера, спрашиваю: «Что происходит, над чем академик работает», а он отвечает: «С академиком и разговаривай,»- хамить начал.

– Да, противный парень... Недосмотрели мы, вот и подложили нам свинью с этим Олегом. – Леонид сердито оттолкнулся от стола и встал. – Вот почему надо людей в компанию тщательно отбирать!

– Я с самого начала против был. – На скулах у Бориса заиграли желваки. – Вот и расхлебываем теперь результат, у академика союзничек появился! Слава богу, что они оба слюнтяи, а то пришлось бы начинать настоящую войну. Но я все равно не могу, само их присутствие здесь меня раздражает, как будто через стенку их чувствую. Сидят, анекдоты какие-то рассказывают, идиотские шуточки, прибаутки! А работа стоит, проект загублен на корню, меня уже сотрудники спрашивают: «Борис, что происходит?» У меня при одной мысли об этих паразитах кулаки начинают чесаться!

– Ничего, ребята, – Леонид потер руки, – надо быть спокойнее, не нервничать. Все пока развивается нормально. Ефим вчера уже высказывался про академика отрицательно, а это хороший знак.

– А что он говорил? – на лице у Андрея появилось любопытное выражение, и он даже слегка наклонился вперед.

– Ну, в общих чертах, что проект стоит на месте, с отверстиями так ничего и не решено, а академик книжки читает и писульки пишет.

– Что еще он пишет? – с подозрением спросил Борис.

– Да вроде бы какую-то научную статью готовит, Кулибин недобитый.

– Он ничего не может изобрести, – Борис зло скривился, – занимается очковтирательством, лженаукой за наш счет! Никогда от себя такого не ожидал, дай волю, прямо сейчас пошел бы и набил ему морду, вместе с Олегом и всеми его ученичками!

– Боря, – Леонид покачал головой, – сейчас главное сдержаться. Время работает на нас, потерпи немного, и Ефим сам все поймет. Вот Эдик нахамил разок и тю-тю, его песенка спета! А как Ефим его обхаживал, помните? Ты только не сорвись, а то Ефим тебя в членовредительстве обвинит, и ты все испортишь. Понял?

– Я все понял, – лицо Бориса покрылось красными пятнами, – но когда я вижу рядом с собой такое, у меня нервы сдают. Я же, черт возьми, в Америку приехал, а не в Россию! Я за жесткий капитализм, а Ефим нам устраивает социалистическую богадельню, вроде Академии наук!

Команда продолжала совещание. В эти самые минуты самолет, несущий Володю навстречу судьбе, уже поднялся в воздух и с каждым мгновением неумолимо приближался к огромному американскому континенту и к двухэтажному зданию компании Пусика.

«Володя уже вылетел. – Академик посмотрел на часы. – Только бы с ним не промахнуться. Грише хотя бы есть куда деваться, а Володя последнее письмо совсем отчаянное написал. В Институте эти подлецы его вконец затравили, а работы другой нет, да и денег не осталось, ребенка кормить нечем. Он же неприспособленный, не от мира сего. Эх, поздно он родился, в неудачную эпоху. Как здорово было бы его вытащить сюда, Ефим же обещал создать маленькую группку...».

– Олег, замолвите перед Ефимом словечко за Володю, если он вам понравится, конечно? – академик повернулся к Олегу.

– Угрозами вы ничего не добьетесь... Впрочем, мне кажется, Ефим не очень-то прислушивается к окружающим. Кто знает, может быть, моя просьба на него произведет совершенно противоположное впечатление.

– Да бросьте вы, Ефим к вам неплохо относится. А что это у вас, коллега, вид такой озабоченный, да и синяки под глазами, как будто голова с похмелья трещит?

– Да вот, шаг за шагом разбираюсь в программах, которые когда-то Борис написал. – Олег схватился руками за голову. – Это какой-то кошмар, написано так неаккуратно, всюду ошибки, огрехи. Как будто всадник на скаку шашкой рубал и с одной строчки на другую прыгал. Убейте меня, не пойму, почему о нем здесь такое высокое мнение...

– Да вы уж мне о Борисе лучше не напоминайте, – академик нахмурился. – Он мне ночью сниться начал в кошмарах. Сегодня такое приснилось, до сих пор на душе гадко. Иду я по коридору, и у меня в руках почему-то бутылка хорошего армянского коньяка в бумажном пакетике, а он навстречу. Представляете, перегородил дорогу, щурится так мерзко, под шпану работает, а мне, представьте себе, страшно стало. Ведь не знаешь, чего от шпаны ждать, пырнет ножичком между ребер, и все.

– Бутылку-то выпил? – Олег явно заинтересовался.

– Слушайте дальше, руки расставил, смотрит так мерзко, своим холодным взглядом и зубы скалит. «Папаша, – говорит, – зачем тебе, старому хрену, коньяк, давай-ка я выпью его лучше за твое здоровье!» – выхватывает ее из рук, откручивает пробку и в горло заливает. – «Хороший коньяк, – говорит, – У тебя, отец, сердце не пошаливает от такого?» – И довольный такой. А шпану играет, знаете, жутко даже, взгляд трезвый, подлый, унижающий, словом чувствуется, что убийца, на самом деле ищет, как побольнее ударить.

– Значит, все-таки выпил, – вздохнул Олег. – А вы бы ему указали, что на территории компании спать и распивать спиртные напитки запрещено.

– А мне так обидно стало, знаете, дурацкий, конечно, сон, но в России одно время трудно было хороший коньяк достать. Я стою и думаю: драться с ним или бутылку вырывать из рук – значит унижаться. И тут проснулся, такое гадкое ощущение осталось, как будто все на самом деле было.

– Ну вы меня испугали, – Олег потряс головой. – Мне после таких рассказов, не дай бог, он тоже приснится. А какой коньяк армяне делали, здесь ничего похожего не достать...

– А это, Олег, климат нужен, земля. От гор излучения идут, от земли флюиды.

– Ну ничего себе, великий физик! – Олег рассмеялся. – Какие там еще флюиды, уважаемый. Наше дело маленькое, нам бы с вами дырки рассчитать.

Володя появился в компании на следующий день, слегка оглушенный свежестью американских впечатлений и поездкой по автостраде в мягко шумящем автомобиле с электрическими стеклами. Все вокруг, и тенистые, украшенные цветниками дорожки в Литтл-Три, и маленькие аккуратные домики, покрытые игрушечными черепичными крышами, и разноцветные автомобили, и уличные кафе, из которых доносился горьковатый аромат жареного кофе и из-за столиков журчала непривычная американская речь, решительно все показалось ему прекрасным и удивительным сном. Володя был радостно возбужден, с восхищением смотрел на своего любимого учителя, рядом с которым он чувствовал себя умиротворенно, и его широкая улыбка явно наводила на мысль о том, что все люди, независимо от их убеждений, религии и цвета кожи если и не братья, то хотя бы дальние родственники.

Внешне Володя оказался полной противоположностью Гриши. Невысокий, худой, щупленький как цыпленок, с небольшой русой бородкой, он напоминал разночинца из уездного русского города середины прошлого века. Разговаривая, Володя слегка заикался, что придавало ему немного жалкий и неуверенный вид. В русской речи заикание почти не чувствовалось, но при попытках изъясниться непривычными английскими фразами брало свое.

Команда встретила свеженького гостя подозрительно.

– Мудак, полный кретин! – Борис, увидевший в коридоре продолжавшего радостно улыбаться гостя, не мог сдержать своих эмоций. – Как куренок ощипанный с юродивой улыбкой. Уже даже этот амбал, и тот был лучше. Вот уж правильно сказано, что мудаки объединяются вместе...

– Поработай, – Ефим, пришедший познакомиться с новой фигурой в его сложной шахматной партии, с некоторой брезгливостью смотрел на Володю сверху вниз, – тут Гриша до тебя приезжал, они соорудили какую-то установку. Я оптике не очень доверяю, лазеры какие-то, при чем тут они, если мы дырки сверлим. Может быть, придумаете еще какой-нибудь метод.

– Хо-хо-рошо, Еф-фим, – Володя напрягся и легкий румянец окрасил его щеки.

– Конечно, Ефим, мы с Володей обязательно что-нибудь придумаем. – вставил академик.

– Слушай, – Ефим слегка повысил голос, – что ты все время рапортуешь, обещания даешь? Вы с Гришей ни хрена не придумали, потратили почти месяц впустую. И ничего страшного не случилось, но зачем обещать? Ты это брось, вы не в партбюро.

– Да нет, – академик в недоумении посмотрел на Ефима, который раньше не позволял себе нравоучений. – Я же искренне говорю...

– Нет, не обижайся, – Ефим улыбнулся, – вырвалось. Ты меня извини, я просто хотел сказать, чтобы вы спокойно работали, никакого давления на вас я не оказываю, ничего не жду. Получится - хорошо, не получится - еще лучше. – Ефим как-то странно улыбнулся. – Ладно, работайте спокойно, я пошел, не буду мешать.

– О ч-чем это он? – удивленно спросил Володя.

– Володечка, не обращайте внимания, Ефим человек неординарный и немного невыдержанный, с сорванными нервами. К тому же диабет сильнейший дает о себе знать...

Вечером того же дня я столкнулся с Ефимом в холле.

– Ты его видел? – Ефим слегка сморщился. – Какой-то щупленький весь, съеженный. Что он все время улыбается, как придурочный. Как ты думаешь, не больной?

– Да нет, Ефим, вряд ли. Просто телосложение такое.

– Если не больной, тогда хорошо. Да, ничего, такой интеллигентный мальчик, краснеет от смущения. Только пусть бороду сбреет, она ему не нужна, а то как попик какой-то из

духовной семинарии выглядит. Ну да ладно, поработает, а там посмотрим, что с ним делать...

– Ре-ребята, – Володя продолжал широко и радостно улыбаться. – Ну к-как у вас тут здорово, в-вы даже себе не представляете. В-в Москве в Институте нашем р-разруха полная, все кто мог, свалили за рубеж. Д-денег нет, интриги, все р-развалилось к чертовой матери.

– Володя, не обольщайтесь. – Олег отвлекся от экрана. – Здесь тоже далеко не все идеально.

– Н-ну я понимаю, мне Григорий С-Семенович рассказывал. Но при всем этом н-надо же сравнивать. Вон у вас ап-паратура какая, красота!

– Олег, вы не запугивайте Володю, – академик явно переживал за своего любимца. – Я ему все объяснил, что тут такого, в любом коллективе могут появиться не вполне приличные люди. Главное, что Ефим нас поддерживает, а на деятелей типа Бориса мне глубоко наплевать.

– Д-давайте р-работать. – Володя воодушевленно начал осматривать оптическую установку, собранную Гришей. – Это хорошая идея. Н-ну, если Ефим хочет по-другому измерения сделать, это - пожалуйста. Н-нам достаточно усилия к основанию приложить и напряжения замерить.

– Старик, прекрасная идея! – академик с восхищением посмотрел на Володю. – Подумать только, как она мне самому в голову не пришла. Позор моей лысине!

– Н-надо пружинки достать. – Володя задумался. – Д-две большие, и еще парочку поменьше. Мы их к основанию прикрепим и на штативе начнем растягивать, а силу можно контролировать.

– Молодец! – Академик воодушевился. – Я уверен, что эта идея Ефиму понравится, он же практический человек. С оптикой ему, видимо, что-то было не вполне понятно, он же с ней не очень знаком, а с пружинками все наглядно, просто, можно руками пощупать! Да, это мы здорово придумали.

В комнате закипела работа. Детище Гриши с лазерами и кучей объективов и линзочек было за ненадобностью отодвинуто в угол. Роковая подставка, из-за которой было выкрикнуто немало ругательств, проведено в мучениях и в бессоннице множество ночей, выпито неимоверное количество чая и кофе, была, как анатомический препарат, распята на толстых пружинах. Вокруг в рабочем угаре колдовали Володя, академик и Олег. Подставка мягко покачивалась, напряжение пружин возрастало и она начинала колебаться все чаще и чаще, пока не замирала, растянутая по всем направлениям.

– Ол-лег, добавьте еще усилие, я х-хочу измерить частоту. – Володя, не переставая радостно улыбаться, склонялся над приборами.

– Здорово получается, –радостно восклицал академик. – Смотрите, как интересно, вначале получались две частоты, а теперь осталась только одна. Давайте-ка еще раз повторим и обязательно распечатайте результат!

Покачивающуюся подставку было видно из коридора, и проходящие по нему бросали любопытные взгляды на странное сооружение, вокруг которого суетятся не менее странные люди. Атмосфера медленно, но верно накалялась, и через несколько дней ко мне подошел Андрей. Он был, как всегда, одновременно важен и многозначителен.

– Я к тебе по делу, – решительно сказал он. – Ты к академику заходил недавно?

– Да, заглядывал. – неохотно ответил я.

– Ты не знаешь, что за ерундой они там занимаются? У них, говорят, какие-то пружинки растягиваются.

– Да, я видел пружинки. Но, честно говоря, не интересовался тем, как они их используют. Кстати, Ефим обо всем знает, а секретов из своих занятий никто не делает. Так что, если тебе интересно, иди и спроси у них, что к чему.

– Я туда не пойду. – Андрей поморщился, будто спуститься в комнату к академику было ниже его достоинства. – Пусть они сами придут ко мне и обо всем расскажут. Вообще, –

Андрей приобрел величественный вид, – люди возмущены этой группой. У нас так не принято, без Бориса, без Леонида, тайком. В конце концов, наша компания их содержит. А этот твой Олег, объясни ему, что это для него плохо кончится.

– А что собственно происходит, он работает так же, как и все.

– Он, – у Андрея появилось на лице презрительное выражение, – лижет задницу твоему академику, а с нами перестал разговаривать. И молчит, как красный партизан. Учти, ему этого не простят!

Я понял, что грозовое облако уже накопило энергию, и вскоре следует ожидать громовых разрядов. Первые капли дождя прошуршали вечером того же дня, когда в комнату к академику неожиданно спустился Игорь. Он молчал, посапывая и переминаясь с ноги на ногу, и только маленькие острые глазки бегали из стороны в сторону за стеклами выпуклых очков.

– Чем могу помочь, коллега? – осторожно спросил академик.

– Так... Посмотреть пришел. Можно? – глазки Игоря снова быстро забегали.

– Пожалуйста, пожалуйста.

– А зачем это вы пружинки к подставке приделали?

– Это мы, уважаемый, колебания изучаем.

– Угу, – Игорь с таинственным выражением лица наклонился и начал осматривать установку. – Ничего у вас не получится, – поджав губы закончил он.

– Это почему это? – академик удивленно посмотрел на гостя.

– А потому! – неожиданно агрессивно выкрикнул Игорь, и лицо его приобрело выражение уверенности в своей правоте. – У вас основание плохо закреплено.

– Да бросьте вы, коллега! – академик махнул рукой. – Детский сад, ей-богу! Это все равно, что отказаться от электрических лампочек на том основании, что при работе они нагреваются. А надо, Игорек, главное уметь видеть и несущественное отсеивать.

– Ну, как знаете, – Игорь поджал, губы, и на лице у него появилось гадливое выражение. – Не хотите слушать, не надо. – Он вышел из комнаты, засунув руки в карманы.

«Сейчас настучит Борису,» – понял я и расстроился. На всякий случай я решил проверить свою гипотезу и поднялся на второй этаж. Как и следовало ожидать, Игорь с видом заговорщика стоял рядом с Борисом и что-то ему объяснял. На лице вице-президента, изредка отхлебывающего холодную воду из пластикового стаканчика, с каждой секундой все яснее проступала хищная, кривая ухмылка.

Настроение у меня вконец испортилось после того, как я стал невольным свидетелем разговора Ефима с Борисом. Началось все с того, что разъяренный Борис вышел с очередного совещания и наткнулся на президента. Ефим рассеянно подписывал какие-то бумаги, явно не понимая, что именно и зачем он делает.

– Ефим, – Борис нервно теребил в руках пустой стаканчик. – Нам необходимо поговорить.

– Ну что, опять про академика? – Ефим махнул рукой. – Листен, Листен, Борис, оставь их в покое. Пусть люди поработают.

– Ефим, я больше не могу смотреть в глаза людям. – Голос Бориса приобрел металлический оттенок, он нахмурился, и лицо его приобрело строгий вид. – Ко мне подходят сотрудники и спрашивают: что происходит с подставками, почему не закончен проект.

– Листен, Листен! – Ефим понемногу начинал раздражаться. – Ты мне брось, с подставками мы уже год возимся, и ничего не было сделано. Нуль, абсолютный нуль. Академик здесь всего пару месяцев, и уже какое-то понимание пришло. Это что за счет? С ума сошли, десять тысяч долларов за телефонные разговоры!

– Ефим, между прочим ваш гость неоднократно звонит из компании по частным делам.

– Ну и хрен с ним, пусть звонит. – Ефим зевнул. – Подумать только, какая сумма... Но он вроде бы понимает, где дырки делать, все рассчитал, измерил.

– Ефим, – жестко продолжал Борис, – то, что я видел своими глазами это не понимание, а подтасовывание фактов. Я не могу видеть, как люди получают зарплату ни за что! Вы посмотрите, они уже совсем с ума сошли, подвесили подставку на пружинках и колебания изучают.

– Пружинки? Какие еще пружинки? Что они, с ума посходили? Вначале лазер приволокли, теперь пружинки? – Ефим повысил голос.

– Они по-видимому хотят изучать деформации, – Борис явно почувствовал, что удачно попал в больную точку, – но ведь любому школьнику ясно, что однородного растяжения они таким путем не добьются. Это пустая трата времени!

– Борис, спасибо что сказал. Это ты молодец, я всегда прошу людей приходить и говорить мне, если что-нибудь плохо. Я понимаю, ты переживаешь за дело. Правильно, что пришел, надо с ними разобраться, может в этих пружинках и есть какой-то смысл.

– Мне кажется, этот Володя ничего не соображает.

– Посмотрим... Да, щупленький он какой-то, с бородкой. – Ефим пожал плечами. – А ты обычно правильно в людях разбираешься, вот взять Эдика, я ведь на тебя злился, думал, что ты специально его уничтожить хочешь. А вышло так, что ты оказался прав. И Леня тоже молодец, сразу его раскусил. Ну, что поделаешь, старею, делаю иногда ошибки.

– Главное, не допустить развала компании! – решительно вставил Борис, и голос его приобрел металлический оттенок.

– Правильно, да я все понимаю. Ты сходи к ним, возьми Леонида или еще кого-нибудь, разберитесь хорошенько.

– Хорошо, Ефим, – Борис склонил голову, как рыцарь, получающий государственное задание от короля.

«Ох, не кончится это ничем хорошим» – подумал я с тяжелым сердцем, и тут же Борис, нервно дыша, как всадник перед боем, появился в моем закутке.

– Пойдем к академику, – он был настроен решительно, и это чувствовалось по его грозному, жесткому тону. – Ефим просил меня разобраться с этими пружинками. Посмотрим на это вместе, а то я могу сорваться и наделать неприятностей, – он заиграл желваками на скулах.

– А почему я? – малодушно попытался я увильнуть в сторону.

– Для объективности. Ведь всем известно, что ты с академиком поддерживаешь хорошие отношения. Нам нужно составить для нас же самих полную картину происходящего, во всем разобраться и доложить Ефиму. Он меня только что об этом попросил.

– Ну, хорошо, поговорим, – я с тяжелым сердцем встал со стула, предчувствуя неприятности, но еще не подозревая о последствиях своего коллаборационизма.

Мы спустились по лестнице. В комнате с блаженной улыбкой сидел Володя, подкручивая свои пружинки. Академика и Олега на месте почему-то не было.

– Зд-дравствйте, р-ребята, – Володя привстал со стула.

– Нам надо поговорить, – холодно, по-английски произнес Борис. – Ефим попросил меня выяснить, что именно вы делаете с пружинами.

– Х-хорошо, только д-давайте по-о-дождем Григория Семеновича, – Володя по инерции продолжал добродушно улыбаться.

– Да, Борис, давайте встретимся, когда они вернутся, – вставил я.

– Нет уж, – Борис злорадно оскалился. – Ты нам сейчас же все расскажешь.

– Давайте подождем, – снова попытался сказать я, но Борис уже ощупывал установку. – Это что за идиотизм? – в ярости закричал он. – Рисуй схему на доске. – Он быстро сунул фломастер в руки ошеломленному Володе.

– М-мы, – начал удивленный Володя, явно не ожидавший такого натиска, – ре-ре-решили приложить у-у-силия к подставке.

– Вы что же, – Борис заскрипел зубами, – совсем круглые идиоты? Каков размер контакта?

– Я т-точно не знаю. О-около п-пяти миллиметров. Н-надо прикинуть.

– Прикинуть? Любой техник это знает! Должно быть пятнадцать! – Борис кинулся к книжным полкам и начал судорожно рыться в книгах.

– Он чего, больной? – успел вставить удивленный Володя, с лица которого постепенно начала сходить улыбка.

– Что-то в этом роде, – неуверенно буркнул я.

– Вот, – Борис широко раскрыл книгу и сунул ее под нос Володе. – Вот! Смотри, сопляк! Пятнадцать миллиметров! – он трясся от злости.

– Это н-не так уж и в-важно, – Володя удивленно смотрел по сторонам, не понимая, что происходит.

– Неважно? Это для тебя с твоим академиком неважно! Как вы измеряете напряжения? – Борис сжал кулаки.

– М-мы ра-а-стягиваем п-пружины, – от волнения парнишка начал жутко заикаться. Казалось, этот физический недостаток только больше раззадорил Бориса.

– Недоумок ты и твой учитель! – громко заорал он. – У вас вся система перекосится. Что же вы, кретины, этого не понимаете? Чем вы тут вообще занимаетесь! – Борис сжал кулаки и нервно забегал по комнате, как волк в клетке.

Я в ужасе смотрел на происходящее. – Ведь действительно может перекоситься, Борис прав. – с тоской подумал я. – С этим еще отдельно придется разбираться. Как же он так на лету все громит, что и возразить даже нечего? И ведь подгадал, пришел, когда Володя останется один.

– Это что такое здесь происходит? – в комнату вошли академик с Олегом. Они с удивлением, не веря своим глазам смотрели на происходящее.

– Ефим меня послал разобраться с вашей работой. – Борис сжал губы. – Мы не можем больше терпеть того, что ваша группа транжирит деньги компании.

– Что же это вы, коллега, позволяете себе врываться в чужую лабораторию в отсутствие ее руководителя, да еще разносить сотрудников. Я вас попрошу, уважаемый, соблюдать этику! – издевательски произнес академик.

– Это где ты, мудак, видел чужую комнату! – заорал Борис по-русски. – Что это за чужие и свои комнаты в компании, которая тебе неизвестно за что платит деньги?

– А я попрошу вас мне не тыкать!

– А ты мне не указывай, старая сволочь, как мне разговаривать!

– Борис, – с ужасом начал я.

– Выйдите сейчас же отсюда! – зашипел академик. – И вы тоже. – эта часть фразы уже была обращена ко мне.

– А ты не командуй, куда нам выходить! – неожиданно развязно, с наглыми интонациями заявил Борис.

– У-би-рай-тесь вон! – раздельными слогами произнес академик.

– Ты об этом пожалеешь, старый идиот! – Борис неожиданно смачно плюнул на пластиковый пол, прямо под ноги академику и, сжав кулаки, ушел.

– А от вас я такого не ожидал! – Академик с презрением посмотрел на меня.

– Я вам сейчас все объясню, все случайно получилось.

– Случайно можно и подлость совершить, так что потом не отмоетесь. Я не желаю с вами об этом разговаривать, – академик повернулся.

Так гадко я не чувствовал себя уже давно. В груди было тесно, стыд душил и не давал глубоко вдохнуть. «Надо было сразу же повернуться и уйти. – думал я. – Наверняка Борис специально все рассчитал, вычислил, когда можно застать Володю в одиночестве, заранее узнал, на чем его поймать и пригвоздить кнопками к стенке и заодно меня обвалять в дерьме.»

Поток моих горьких мыслей был прерван стоящим на лестничной клетке Борисом, уже успевшим наполнить пластиковый стакан холодной водой и явно поджидавшим меня.

Лицо его пошло красно-белыми пятнами, на лбу выступили мелкие капли пота, и в глазах сквозило какое-то странное, жестокое и одновременно садистское выражение.

– Нам надо прогуляться, – сказано это было тоном, не допускающим возражений, и он распахнул дверь на улицу.

– Мне не до разговоров сейчас, с меня на сегодня достаточно, – содрогнулся я.

– Я погорячился, и мне очень важно сейчас узнать, что ты думаешь об их работе. Может быть, я был не прав?

– Надо было вначале разобраться, а потом скандалить.

– Я не должен был так поступать, – тон у Бориса неожиданно стал мягким и даже немного виноватым, и он сделал приглашающий жест рукой. – Может быть, в этой идее и есть какая-то изюминка.

«Идти или не идти? – думал я. – Вдруг он еще какую-нибудь гадость замыслил? Даже наверняка, он всегда просчитывает свои ходы.»

– Учти, что мы должны вместе пойти сегодня к Ефиму и все ему рассказать. – Борис перешел на прежний, холодный и официальный тон.

– О том, как ты скандалил? – я решил выйти на улицу.

– Но ты же видел, – Борис скривился, – этот любимый ученичок академика полный мудак. Он не мог открыть справочник и назвать мне точное число. Я не считаю себя специалистом в этой области, но знаю явно больше, чем академик и этот недоделанный юродивый вместе взятые.

– Но почему, почему надо уничтожать людей? Сейчас ты сам признаешь, что погорячился. Пусть они поработают хотя бы две-три недели, потом все соберутся и будут обсуждать результаты.

– А ты знаешь, во что это обходится компании? – Борис уже приготовился считать. – Один час работы ...

– Я знаю, знаю. И Ефим это тоже прекрасно знает.

– Это все оттого, что Ефим сделал ошибку, пригласив сюда непроверенных людей. Посмотри, теперь проект стоит на месте, и для компании это позор! Не говоря уже о материальных убытках. Я, конечно, погорячился. Сам не пойму, что на меня находит, – Борис поджал губы. – Никогда бы не подумал, что я могу плюнуть на пол перед пожилым человеком. Я даже попрошу у академика извинений.

– Но неужели нельзя спокойно поговорить, не нападая, и сделать свои выводы?

– Когда я вижу какую-то недобросовестность в работе, я начинаю выходить из себя. Особенно когда вижу лженауку. – Голос его приобрел совершенно чугунный и громовой оттенок, а глаза блеснули неистовой убежденностью в своей правоте.

– Так что, ты считаешь, что наш академик занимается умышленной подтасовкой результатов? Это же чепуха. Я допускаю, что он может ошибаться, но в искренности его я не сомневаюсь.

– А как же изгибы? – Борис торжествующе посмотрел на меня. – Ведь ты же сам понимаешь, что они могут произойти.

– Согласен, могут. Но люди только начали собирать установку, нельзя же сразу предусмотреть все возможные недостатки.

– Неужели ты не понимаешь? – Борис нахмурился. – Они обязаны были все предусмотреть. У меня сердце болит, – он для виду подержался рукой за грудь, – когда я вечером выхожу на улицу, фонари уже зажглись, прошел еще один день, а проект стоит на месте. А этот прохвост и жулик со своим любимым учеником транжирят время и деньги, да еще и Ефиму байки рассказывают! – Неожиданно Борис зло и обильно сплюнул на тротуар. – И Ефим это начинает понимать. В один прекрасный день у него откроются глаза, и тогда академику и твоему другу, Олегу, несдобровать. Я хочу тебя предупредить, академик тебя уже не простит.

– Почему? – удивленно спросил я.

– А потому! – Борис со снисхождением посмотрел на меня. Весь его вид выражал брезгливое сочувствие недалекому и наивному дурачку, не видящему ничего дальше своего носа. – Неужели ты даже этого не понимаешь? Он когда почувствует, что его уличили в недобросовестности, сделает все, чтобы тебя уничтожить как опасного свидетеля. Ты думаешь, почему он так меня ненавидит? Да потому, что я его сразу раскусил. Я тебе это говорю не по дружбе, а потому, что считаю тебя полезным для компании. – Борис поджал губы, и лицо его приобрело неприступный вид. На минуту наступило молчание.

«Ну ничего себе, приехали...» – подумал я.

– Я считаю, мы должны пойти к Ефиму и объективно обрисовать ситуацию. Надо рассказать все, что видели, про изгибы, недостатки конструкции. Нарыв лучше вскрывать, пока он не успел нагноиться, это же очевидно! Кроме того, это особенно важно для тебя, – он многозначительно посмотрел на меня, – учитывая, что это ты пригласил в компанию Олега!

– Хорошо, пойдем, – я на секунду задержал дыхание. «Вербует», – пронеслось в голове. – Только учти, я буду действительно объективен в меру того, насколько понимаю ситуацию.

– Безусловно! – Борис поднял брови как оскорбленный испанский гранд, всем своим видом показав, что иного ответа он и не ожидал.

Ефим сидел в своем кабинете и с аппетитом кусал большое зеленое яблоко.

– Вот, – он усмехнулся, – единственное удовольствие, которое мне осталось в жизни. То нельзя, это нельзя, врачи запретили. Ну что, делегацией пришли? Хорошо. Поговорили с академиком? Какие выводы?

– Ефим, – Борис напрягся и даже выпрямился. – Я сорвался и устроил скандал, не выдержал, – с честным видом пионера, доносящего на своих родителей в ЧК признался он.

– Ну это ты зря, не надо было. – Ефим поморщился. – Ну, а по работе?

– У меня крайне негативное впечатление. Я считаю, что академик и Володя в профессиональном плане совершенно безграмотны. Эта группа просто тратит время впустую и транжирит деньги компании.

– А чего они там склепали? – Ефим откусил большой кусок от яблока.

– Какую-то ерунду, – Борис поморщился. – Идиотизм полный, этот Володя подкручивает пружинки, а невооруженным взглядом видно, что у них возникают огромные изгибы.

– Возникают? – Ефим, продолжая жевать, смотрел на меня с некоторой иронией.

– Могут возникнуть, – скрепя сердце ответил я. – Но насколько они существенны для результатов, надо разбираться отдельно. И вообще, я совсем не уверен, что все, что они делают, это ерунда.

– Ефим, – Борис сверкнул глазами, – этот Володя не знает элементарных вещей. Даже я знал, каков размер контакта, а он несет полную ерунду.

– Не знает? – нахмурился Ефим. – Да, он такой странноватый. Но ничего, пусть они поработают, посмотрим.

– Ефим, – начал я. – Я думаю, что если вы озабочены результатами работы, то академику и его группе надо дать возможность спокойно работать, без скандалов и расследований, и только затем обсудить результаты.

– Листен, Листен, Листен! – Ефим нахмурился. – Ничего, я не зря это сделал! А тебе спасибо за то, что сходил с Борисом. Этих ученых надо иногда за яйца дергать, иначе они херню начинают пороть. А так они поняли, что за их делами тоже присматривают. Ничего, это им полезно будет, будут в следующий раз себя перепроверять. – Ефим довольно откинулся в кресле и выбросил огрызок яблока в мусорную корзину. – Нервы у них крепкие, ребята выдержат. Они толковые ребята, правда? Да, да! – Ефим скривился и посмотрел на Бориса, на строгом лице которого при этих словах возникла кривая ухмылка. – Толковые, поверь мне! Вот он, – Ефим кивнул в мою сторону, – тоже так

считает. Но что поделаешь, жизнь такая, только расслабишься, как тебя сразу же съедят. Я же не нарочно. Вот с дырками они не выяснили, а мне сегодня знакомый позвонил и сказал, что конкуренты похожую подставку выпускать начали. А если бы мы все тщательно проверили, мы бы их уже за пояс заткнули. Миллионов десять потеряли, так что это вам не Академия наук!

После этого разговора я твердо решил предупредить академика о странных поворотах настроения босса и больше ни во что не вмешиваться. – Только бы дождаться вида на жительство и уйти работать куда угодно! – думал я. – Или бросить все и уехать прямо сейчас назад?

Я посмотрел на часы. В Израиле занималось раннее утро, и я представил себе, как по склонам горы, усыпанной белыми камнями и поросшей кипарисами спускается утренняя прохлада и кукушка заунывно поет свою песню, а на горизонте разливается заря и голубеет Средиземное море. В этот час внизу на улице всегда появлялся первый автобус, за рулем которого сидел весельчак-водитель, пристающий к садящимся девушкам, делающий им комплименты и пьющий из большой глиняной чашки дымящийся кофе...

Я схватил листок бумаги и быстрыми, нервными движениями от руки написал на нем письмо директору факультета. Провожая меня в Америку, он обещал, что мое место в университете будет формально сохранено в течение двух лет. Факс запищал, и листок с моими каракулями, подсвеченными зеленоватым светом, уполз в пластмассовые внутренности машины. – Все, дело сделано, – с облегчением подумал я, все еще не веря сам себе. – Вернусь на факультет и забуду обо всем. Буду ночами просыпаться в кошмарных снах и вытирать пот со лба! Эта мысль меня развеселила, и я решил напоследок рассказать академику обо всем.

Когда я зашел в комнату, в которой сидел академик со своими учениками, в ней воцарилось тяжелое молчание.

– Вы можете продолжать на меня обижаться, – решительно начал я. – Единственный способ остановить Бориса был с ним подраться.

– Вы могли настоять на том, чтобы не допрашивать Володю без меня! – академик явно уже немного успокоился.

– Я же объясняю, не мог я его остановить, он был как паровоз, сошедший с рельсов.

– Ну, хорошо, это ваше дело. Мне очень жаль, честно говоря, я думал, что вы меня поддержите. Почему вы даете этому подонку издеваться над людьми, когда Ефим сам все время его поносит. Это что, кто сильный, тот и захватывает власть? Так что ли?

– Вот я по этому поводу и пришел. – Я замялся, не зная, как лучше изложить сложившуюся ситуацию. Олег с интересом прислушивался. – Видите ли, опыт моего общения с Ефимом убедил меня, что он плохо контролирует свое поведение и меняет свое мнение по нескольку раз на день. И вообще, он человек настроения. Сегодня он вас безоговорочно поддерживает, а через десять минут ему сообщают про то, что конкуренты уже выпустили аналогичную подставку, и он подсылает к вам Бориса...

– Вот уж никогда не поверю! – академик возмутился. – Ефим –порядочнейший человек. Ну да, больной немного, нервный.

– К сожалению, я сам это слышал, своими ушами. В общем, считайте, что я вас предупредил.

– К-какие-то в-в-ы здесь странные – вступил в разговор Володя. – Н-никогда такого не видел.

– Я тоже. – Мне стало тоскливо, и я вышел в коридор. Олег вышел за мной.

– Не переживай, – грустно сказал он. – Ты просто попался в ловушку. Считай, что это была твоя очередь искупаться в дерьме. Ты еще легко отделался. Ты знаешь, я начал себя здесь ловить на том, что, когда в комнату кто-нибудь заходит, я втягиваю голову в плечи и боюсь повернуть голову. Ведь я из комнаты выйти боюсь, эта команда меня вокруг обложила, допытываются, что к чему. Я уже несколько недель ночами не сплю, лежу, ворочаюсь. Честно говоря, никогда не думал, что у меня такая трансформация психики может произойти...

– Да, – я глубоко вздохнул. – Ты знаешь, я решил не дожидаться всех этих грин-карт, а махнуть назад в Израиль. Пошли они все к черту.

– Ты что, с ума сошел? – Олег расстроился. – У тебя там ни кола, ни двора, а здесь хотя бы зарплата нормальная.

– Да пусть они подотрутся этими погаными деньгами, – я начал распаляться. – Я уже давно себя такой скотиной не ощущал.

– Ну, смотри, я бы подождал на твоем месте. – Олег нахмурился. – Впрочем, я сам не знаю, что мне делать. Наверное, тоже придется возвращаться, только в Москву. Детей жалко, они только здесь привыкать начали, им в школе нравится.

– Ну, почему, работай, пока можно.

– Ты понимаешь, – Олег прикусил губу. – У меня единственный выход: принять чью-то сторону. Ну, не мог же я примкнуть к Борису? А ты знаешь, в чем ужас? Борис не так уж и не прав, с этими пружинками ситуация сложная, надо еще долго разбираться, слишком много всяких искажений. Так что, я чувствую, что кончится это для меня и для академика плохо.

На душе заскребли кошки и продолжали скрести в течение последующих дней. Несколько дней из Израиля никакого ответа не приходило, а затем пришло письмо с туманными намеками на финансовые затруднения и с неопределенными просьбами подождать с окончательным решением до устранения последних. Мой патриотический порыв начал затухать и был окончательно загашен безымянной сотрудницей Израильского консульства.

Наши темно-голубые, открывающиеся справа налево паспорта собирались истечь, и мы благоразумно послали их в консульство на продление. Почему-то после этого наступило длительное затишье, и мне пришлось висеть на телефоне и выяснять судьбу пропавших документов. К телефону подошла хриплая гражданка, которая долго не могла понять, чего я хочу, с кем-то консультировалась и вдруг заявила, что продлить паспорта не может.

– Почему? – испуганно спросил я.

– Иностранные паспорта, выданные бывшим гражданам СССР, подлежат продлению только на территории исторической родины.

– На каком основании? – возмутился я.

– У нас новая инструкция из Министерства Внутренних Дел. – недовольно заявила дама.

– Верните хотя бы истекший паспорт! – взмолился я.

– Мы не имеем права этого сделать, – злорадно прохрипела женщина. – Если вы возвращаетесь на родину, приходите, и мы выдадим временный документ на въезд в Израиль.

– Но почему, мы же ничего не нарушали! Это издевательство над законами! – я начал злиться.

– Нечего возмущаться, – закричала дама. – У нашего маленького государства и так слишком много проблем с русскими эмигрантами! – она бросила трубку, и я почувствовал, что связан с компанией Пусика, оформившей для меня рабочую визу в Америке, прочными металлическими канатами.

Володя, тем временем, достиг совершенства в обращении с пружинками и накануне отъезда решил продемонстрировать Ефиму свои успехи.

– Хорошо, неплохая идея. – Ефим был настроен вполне доброжелательно. – Ничего, ты даже выглядеть лучше стал, аккуратненький такой. Нам люди нужны, думаю, с тобой все нормально будет. Так что давай, оставляй копии всех твоих документов, оформим тебя, и приедешь работать. Я ведь обещал, что научную группу создам. – Ефим махнул рукой в сторону академика.

– Спасибо, Ефим! – Володя даже перестал заикаться.

– Да не за что, – Ефиму было явно приятно почувствовать себя меценатом. – Я чувствую, скоро с визами станет гораздо сложнее, надо, пока не поздно, людей перетаскивать.

– Ефим, это здорово! – Академик торжествующе посмотрел на меня. – Ты знаешь, мы закончим с отверстиями и начнем прорабатывать другие идеи. У меня несколько проектов лежит в столе, из них могут получиться прекрасные вещи.

– Да, – Ефим неопределенно махнул рукой куда-то в сторону. – Посмотрим, мне сейчас главное - производство на полную катушку запустить. А то мы отстаем, могли бы в два раза больше заработать, – он рассеянно поглядел на Володю, академика и вышел из комнаты. Вскоре из-за стены раздался крик президента и шум падающих предметов.

– Вот видите, я же говорил! – академик был воодушевлен. – Все будет в порядке! Смотрите, Борис больше к нам не заходит, Ефим пригласит Володю.

«Эх, хорошо, если бы было так», – подумал я. Подозрения мои сбылись примерно через неделю, когда я обнаружил, что в кабинете Ефима сидит Команда в полном составе.

– Заходи, заходи, ты нам нужен, – Ефим поманил меня пальцем. – Не знаю, как быть, может, ты поможешь, поговоришь с академиком? Это полный и безоговорочный провал! – Ефим покраснел и начал кричать. – Ты представляешь, прошло почти два месяца, а что сделано? Дырки сделаны? Все на мертвой точке!

Довольная Команда смотрела на президента. Андрей, одобрительно улыбаясь, не отрывал от него взгляда, Леонид в знак согласия усердно кивал головой и недовольно поджимал губы, а Борис напоминал диктатора, сладострастно наблюдающего за казнью участников попытки государственного переворота.

– Два идиота к нему приехали! Мне не жалко денег, но ни хера же не сделано! Идиоты! Лазер какой-то притащили, пружинки. А что толку? Давно бы просверлили дырки, и все стало ясно! Я дал команду придержать документы этого, ну как его, с бородкой! Что за манеры такие, бороду отрастил! У нас в компании кто-нибудь ходит с бородой? Нет! И не будет! – Ефим стукнул кулаком по столу. – И не открывай рот! – мне показалось, что он подмигнул мне, увидев, что я собираюсь что-то сказать. – Все и так ясно, яснее некуда!

Перед глазами у меня поплыли круги, все на секунду потеряло устойчивость и расплылось, и я вдруг вне всякой связи с реальностью вспомнил свой старый сон, навеянный дежурством по военной кафедре в институте, в котором я учился. Снилось мне, что я стою у входа с красной повязкой «Дежурный» на рукаве, и неожиданно мое тело начинает отрываться от пола и, несмотря на все попытки, летит все выше и выше, и меня прижимает к потолку, как воздушный шарик, наполненный гелием. Я барахтался у потолка, и в этот момент в дверь зашел полковник Панченко, известный самодур и тупица, словно сошедший со страниц студенческих анекдотов типа «От меня и до следующего столба, шагом марш!».

– Что за безобразие! – обратился ко мне полковник – Почему висишь?

– Товарищ полковник, разрешите доложить! – с отчаянием отрапортовал я, – дежурный по части, студент группы номер два.

– Немедленно опускайся! – закричал полковник. – Кто разрешил?

– Осмелюсь доложить, – ответил я в лучших традициях бравого солдата Швейка, – спуститься не могу, вишу! – В этот момент в своем сне я испытал какую-то дикую радость освобождения, оттолкнулся ногами от потолка и поплыл по воздуху.

– Снять! – дико закричал Панченко, и тут я проснулся.

Кабинет Ефима снова сфокусировался у меня перед глазами, и я заметил, что Команда с недоумением смотрит на меня.

– С тобой все нормально? – вдруг по-русски спросил Леонид. – А то у тебя сейчас был такой вид, как будто ты вне очереди американское гражданство получил и еще миллион долларов в придачу! Ну, хватит мечтать, пора работать!

Глава 24.
Шпиндели для Красного Китая.

– Это катастрофа! – услышал я жуткий крик Ефима. – Все, закрываю лавочку к чертовой матери!

– Ефим, Ефим, может быть еще найдутся... – раздавался униженно -просящий голос Леонида.

– Ни хера не найдутся! – Ефим рычал по-настоящему страшно. – Пятьдесят штук, вашу мать! Спиздили шпинделя и все тут!

Я внутренне напрягся, так как крики обладали тембром, свидетельствующем о крайнем раздражении хозяина, и явно не обещали ничего хорошего. «Сглазил,» – подумал я, так как только вчера с удивлением отметил про себя, что в течение нескольких последних дней Ефим был на редкость спокоен, даже умиротворен и почти не повышал голос. «Таблетки начал пить, – объяснил он мне как-то тайну своего благодушного настроения, – и ты знаешь, лучше себя чувствую. Да, помогает, раньше ночи не спал, просыпался и все о подставках думал, а теперь утром встаю, и голова свежая. Вам бы всем здесь попить таких таблеток, – назидательно продолжал он, – для производства было бы полезно.»

В последний раз Ефим поднял крик около двух дней назад, да и то какой-то неестественный и не вполне серьезный. Вокруг него в комнате, отделенной от большого сборочного зала высокими стеклянными окнами, стояла группка испуганных сотрудников, включая только что принятого на работу высокого и полного инженера с короткой стрижкой.

С этим новичком у меня произошел курьез. Я настолько привык, что все сотрудники, появляющиеся в компании, кроме секретарей и постоянно сменяющих друг друга толстеньких девочек, раскладывающих бумажки по полкам, разговаривают по-русски, что не мог даже представить, что появившийся в компании новобранец окажется американцем.

– Хэлло, – вежливо поздоровался он, столкнувшись со мной в коридоре.

– Доброе утро, – спокойно ответил я по-русски и заметил, что у нового сотрудника слегка удивленно поднялись вверх брови. – «Испугался, – уверенно подумал я. – Обработали товарища при приеме на работу, объяснили, что по-русски в компании ни-ни...»

О своей ошибке я узнал случайно, и мне стало неловко.

– Извините, что я обратился к вам по-русски, – постарался исправить я свою оплошность при первом же представившемся случае.

– Ну, что вы, – залетевший в компанию Пусика американец был смущен. – Кстати, моя бабушка родом из Одессы, и я немного понимаю по-русски, так что вы были недалеки от истины.

Теперь внук одесситки проходил урок наглядной агитации и пропаганды. Ефим размахивал руками, краснел, рычал, даже для виду бросил несколько канцелярских принадлежностей на пол, но по ряду неуловимых деталей, жестов, движений, к которым люди, работавшие в компании Пусика были особенно чувствительны, можно было понять, что и рычание и ругательства, изрыгаемые президентом, не особенно страшны для окружающих.

– Что происходит? – на всякий случай спросил я покрасневшего Джона, выбежавшего из комнаты, в которой происходил разнос. – Что-нибудь серьезное?

– Нет, – Джон иронично посмотрел на меня, – это Ефим дает спектакль. Персональное представление для устрашения нового сотрудника.

– Ах, вот оно что..., – облегченно вздохнул я. Такого рода представления уже стали традицией: на вновь принятых сотрудников они мгновенно нагоняли страх, являясь чем-то вроде ледяного душа. По теории Пусика, душ этот обладал стимулирующим действием, активизирующим внутренние ресурсы организма новичка и заставляющим его с особенным рвением выкладываться на рабочем месте.

В отличие от того вялого, воспитательного, по инерции выходящего из глубины президента крика, сейчас Ефим кричал по-настоящему, так что в окнах резонировали стекла и люминесцентные лампы слегка мигали.

– Ефим, давай еще раз проверим, может быть, они при переезде потерялись? – Леонид, казалось, сам был напуган.

– Ни хера они не потерялись! Спиздили шпиндели и все! Под мышкой в газете вынесли! Завернули в газету и вынесли из компании два с половиной миллиона для подарка бабушке!

– Ефим, ну кому нужны шпиндели, да и как можно было их пятьдесят штук вынести? – лепетал Леонид.

– Я не знаю! – Ефим весь дрожал крупной, нервной дрожью, и лицо его было перекошено от злости. – Красному Китаю, вот кому! Найдут, кому их сбагрить! Не волнуйся, он один шпиндель вынес и себе автомобиль новый купил. Еще десяток вынес и взнос за дом выплатил!

– Ефим, я дам указание их хорошенько поискать.

– Да что толку искать? Надо не шпиндели, а виновников искать. Вообще, это полный крах! Это вы с Борисом во всем виноваты, никакого планирования нет, ни хера не делаете! Не найдете шпиндели, завтра же будете на улице, понятно?

Лицо Ефима, красное, искаженное, с открытым ртом вдруг застыло, как будто только что на экране вдруг застопорилась кинопленка и кадр неподвижно застыл... – Дом выплатил? – Ефим злорадно причмокнул губами. – Кто-нибудь у нас недавно дом покупал? – он пристально и с подозрением уставился на Леонида.

– Ефим, Ефим, Бог с тобой, что это ты такое говоришь? – засуетился Леонид, и лицо его приняло бледно-зеленый оттенок, – так это же семь месяцев назад было, и я ссуду брал, ты же знаешь.

– Ну, хорошо, хорошо, – недоверчиво буркнул Ефим, продолжая пристально глядеть на своего заместителя. – Я это так спросил, тебя в виду не имел. Кто-нибудь еще у нас недавно разбогател?

– Джон переехал в новый дом в Литтл-Три, но он вроде бы старый дом продал и наследство получил от своего дядюшки. – Леонид постепенно начинал розоветь, напоминая молочного поросенка.

– Наследство? – Ефим покачал головой. – Надо бы проверить, какое у него наследство. А из русских кто-нибудь выпендривался?

– Из русских? – Леонид задумался. – Виктор снял однокомнатную квартиру вместо двухкомнатной...

– Ты чего, совсем охренел, что ли? – Ефим брезгливо скривился и с презрением посмотрел на Леонида. – Ведь шпинделей на два с половиной миллиона сперли!

– А может он специально маскируется? – неуверенно сделал дедуктивное умозаключение Леонид.

– Леонид, Листен, Листен, Листен, Листен, Листен! – Ефим снова перешел на крик и начал размахивать руками, но в этот момент произошло нечто совершенно странное и никем не ожидаемое. Белый, пластиковый, выложенный аккуратными плитками пол вдруг поехал под ногами вначале в одну сторону, потом в другую, раздался странный низкий басовый гул, одновременно с ним деревянный треск, мигнул свет, и с потолка посыпалась мелкая шелуха. Пол снова двинулся, и с полок, стоящих у стены, посыпались коробки с подготовленными для производства платами.

– Землетрясение! – с ужасом вскричал Донг, неожиданно чисто выговорив это слово по-английски, вскочил со своего места, забыв о своих прямых служебных обязанностях,

выпустил из рук проводки, и, пытаясь удержаться на ногах, начал прыжками передвигаться к лестнице.

Пол продолжал ходить взад и вперед, с потолка свалилось несколько пластиковых плиток, и мне стало жутко.

– На улицу, бегите, бегите, пока нас не раздавило! – в зале возник шум, и все, кто мог, вскочили с рабочих мест и кинулись к выходу.

– Листен, Листен! – яростно продолжал Ефим, машинально схватившись за стол и продолжая удерживаться на ногах. – Я же тебя спрашиваю об элементарной вещи, а ты херню порешь! Это какой же мудак, чтобы скрыть, что спер два миллиона долларов, переезжает из большой квартиры в маленькую! И вот так вы с Борисом во всем! На производстве бардак, скоро девок с улицы начнете сюда водить и на приборах в рабочее время трахать! –Ефим явно не замечал происходящего и продолжал грозить кому-то пальцем, распаляясь все больше и больше. Пол продолжал ходить под ногами, и при входе в зал с грохотом повалился большой шкаф, забитый книгами и бумагами.

Леонид судорожно схватился за угол стены, согнув колени и пытаясь устоять на ногах, приоткрыв при этом рот в какой-то странной, обороняющейся и одновременно виноватой гримасе. Взгляд его затравленно скакал между Ефимом, падающими стеллажами и лестницей, по которой бежали вниз перепуганные сотрудники. Тело вице-президента жило своей автономной жизнью и изредка делало непроизвольные попытки сорваться с места и, не взирая на выговор начальства, броситься вон из ненадежного здания. Вот уже и корпус его подавался вперед, ноги принимали позицию бегуна перед стартом, но он тут же обмякал и застывал в том же скорченном, полусогнутом и прикованном к стене положении.

– Куда они все бегут? – Ефим удивленно поднял брови. – Они что, все с ума посходили? – Пол к этому моменту уже совсем почти перестал качаться, еще пару раз дернулся и окончательно затих. – Что за бардак, почему шкаф уронили?

– Ефим, землетрясение.. – Леонид потихоньку начал переводить дух. – Давай выйдем на свежий воздух, а то не дай Бог еще раз тряхнет...

– Что за ерунда! – Ефим посмотрел на Леонида взглядом председателя КГБ, только что уличившим секретаря обкома партии в государственной измене. – Что ты несешь, посмотри на себя! Я даже не почувствовал ничего. Это только бездельники к своим ощущениям прислушиваются, а когда работаешь, ничего вокруг не замечаешь. Да, да! По себе знаю. Ну, что ты стоишь, срочно верни всех людей на рабочие места! И поговори с Борисом, не заметил ли он чего-нибудь подозрительного недавно. – Ефим резким движением развернулся и, засунув руки в карманы и брезгливо переступая через рассыпанные детали, двинулся к выходу.

Люди, испуганные проявлением сил природы, медленно и с опаской возвращались назад, еще не вполне доверяя стабильности подозрительного пластикового пола. Компания представляла жалкое зрелище. Приборы, книги, бумаги, валялись тут и там, электричество еще не включили. Растерянные сотрудники пытались навести порядок, подбирая разбросанное с пола.

– Никогда еще такого со мной не случалось! – Седой господин с римским профилем вдруг зло прищурился и сердито поджал губы. – Я перед тем, как попасть к Пусику, проработал двадцать восемь лет в Христианских компаниях! – Он презрительно, холодным взглядом посмотрел на копошащихся вокруг людей. Слово «христианских» было им подчеркнуто и выговорено яростно, отчетливо и по слогам. – И все было спокойно, безо всяких землетрясений! – Он с яростью бросил на пол пачку чертежей и с перекошенным лицом пошел к выходу. Бывшие советские специалисты, работающие на сборочном конвейере, по привычке испуганно втянули головы в плечи, а Донг неожиданно поднялся и пристально посмотрел на уходившего прочь белого человека. Он застыл, и его раскосые глаза, плоское лицо и приземистая фигура напомнили мне ироничные и молчаливые статуи Будды, встречающиеся путешественнику во влажных тропических азиатских джунглях.

Слух о пропаже шпинделей распространился быстро, затмив волнения, вызванные землетрясением, и в тот же роковой день я стал невольным свидетелем странной и почти мистической сцены. Согласно указаниям Ефима, я был переведен работать в только что отремонтированный после переезда большой зал на первом этаже, в котором раньше располагался участок механической сборки. Просторная пустая комната со сверкающим белым пластиковым полом и такими же белыми стенами, освещенными бьющим с потолка ровным люминесцентным светом, угнетала меня. Кроме принадлежащих мне стола, шкафчика, кресла и компьютера с экспериментальной серой жужжащей коробкой, в комнате ничего не было.

Я сидел в углу, делая расчеты, когда в комнату вошли двое «бывших» : чернявый «бывший» - заведующий лабораторией и седой «бывший» - секретный ракетно-космический профессор. Головы их были, как всегда, втянуты в плечи, лица были, пожалуй, более мрачными, чем обычно, но странность их облика и поведения привлекла мой взгляд.

Присмотревшись внимательнее, я понял, кого они мне напоминали. Автоматическими, неровными движениями они передвигались вдоль ослепительно белых стен, изредка, как по команде, приседая на корточки и тщательно осматривая пластиковые плитки. Дойдя до угла комнаты, они изменили направление движения на девяносто градусов и продолжили свой маршрут, сканируя пустое пространство комнаты. «Как роботы, – подумал я, – или зомби». При последней мысли я вспомнил когда-то прочитанную статью о мистической власти колдунов над душами и телами людей, и мне стало не по себе.

– Мужики, – с легким ужасом спросил я. – Вы чего?

– Леонид приказал, – глухим голосом ответил чернявый завлаб и посмотрел на меня пустым отсутствующим взглядом. – Шпинделя ищем!

– Да вы чего, охренели, что ли? Комната-то пустая абсолютно.

– Да мы ему сказали, – грустно прохрипел космический профессор, – а он ругается, орет. – Затрапезный вид плохо выбритого секретного специалиста меня слегка успокоил. – Говорит, идите и делайте, что хотите, а шпинделя чтобы были найдены. Мы уж поищем еще немного, чтобы беды не приключилось... – и потусторонняя парочка возобновила свои странные маневры, от механического автоматизма которых мне незамедлительно снова сделалось неуютно. Я решил навести справки по поводу происходящих событий.

– Что это за странная история со шпинделями? – я подошел к потерянному доценту, подозрительным образом переехавшему в однокомнатную квартиру. В его функции как раз входило закрепление шпинделей на злополучном основании с дырками.

– Да понимаешь, – доцент с испугом огляделся по сторонам и, убедившись, что никого из начальства поблизости нет, перешел на шепот. – После переезда провели инвентаризацию и недосчитались пятидесяти шпинделей. Но этого быть не может, я же знаю.

– Чистосердечное признание облегчит вашу участь! Лучше признайся, что спер, – хихикнул я, – ребенку для игрушек, крутить вместо волчка.

– Да чушь это! – доцент явно обиделся. – Украсть их никто не мог, они, кроме нашей компании, никому не нужны, да и не подходят. Эти шпиндели специально для Пусика одна фирма выпускает. И применения им нет никакого, разве что на металлолом. И, главное, что и потеряться они не могли – ведь мы каждого неделями ждем, а когда привозят, сразу же, как драгоценность, на руках несем и на основании закрепляем. У нас же очередь машин на установку шпинделей стоит, кто же их в такой ситуации терять или переть будет?

– Так как же их тогда недосчитались?

– Наверняка ошибка в ведомости вышла, приписали где-нибудь в заказе лишний нуль или запятую не там поставили...

– А Ефиму это пробовали объяснять? – с удивлением спросил я.

– Да Леонид пытался, а он слушать не хочет. Орет, что все вокруг воры и подставками кидается. Он, – и доцент совсем понизил голос, – говорят, успокаивающие таблетки

бросил пить. Да еще и сахар в крови подскочил, и на улице жарко, все один к одному. И за что это нам такое мучение...

Компания Пусика напоминала разворошенное палкой осиное гнездо. Люди ходили испуганные, втянув головы в плечи, боясь глядеть в глаза друг другу, а начальству - особенно. Леонид с недоверчивым и многозначительным видом бегал по коридорам и комнатам, пытаясь выведать у сотрудников, кто и когда видел последние шпинделя и не выносил ли кто-нибудь из здания какие-либо предметы, завернутые в газету. Почему именно в газету, никто не понимал, но слова этого, небрежно оброненного президентом, все боялись как огня. В ближайший обеденный перерыв Борис оказался единственным, купившим очередной номер «Литтл-Три Ньюз». Он с каменным лицом шуршал большими бумажными страницами, заполненными политическими страстями и рекламой, нагоняя мистический ужас на Пусиковский коллектив.

Ефим, сидя в своем кабинете, производил самостоятельное расследование, каждые десять минут взрываясь и проводя обобщения, наводившие на мысли о том, что пропавшие шпинделя являются первым звеном в цепи наступающих катастроф и тем самым являют собой симптом зловещий и поучительный. От него вываливались один за другим Борис, Андрей, пожилая, занимающаяся растущей горой бумаг женщина с сумасшедшими глазами, попавшийся под руку президенту чернявый бывший завлаб и, уж совсем непонятно почему, вице-президент огромной корпорации с золотыми запонками и блестящим кожаным чемоданом. Последний, видимо, из вежливости, не перебивал Ефима, покорно выслушивая поучительную историю о пропавших деталях, но, выйдя из кабинета, сильно покраснел, долго шептался с секретаршей и недоуменно моргал глазами, каждую секунду поправляя сбивающийся на сторону галстук.

Команда собралась на мини-совещание, заняв для этой цели опустевший кафетерий.

– Проблема серьезная, господа! – Борис был мрачен, и в то же время, лицо его освещала злорадная ухмылка, как будто, наконец, сбылись его мрачные предвидения, от которых до сих пор окружающим удалось отмахиваться. – Теперь вы видите, к чему нас привели академик и его кодло!

– Борис, Борис, – Леонид страдальчески поморщился. – Погоди ты, надо разобраться, кто их мог украсть.

– Господа, – Борис презрительно посмотрел на Леонида, – я наводил справки в Москве, я же вам рассказывал! Академик этот - элементарный махинатор и жулик. Он в России разворовал половину Института, а когда его оттуда вышибли поганой метлой, удрал сюда и продолжает свои делишки. Это же как дважды два. Жалко, что его в Москве посадить не успели. У нас же с недавнего времени начали происходить странные вещи. Крадут буквально все, ручки, бумагу, скрепки, липкую ленту, даже метки с надписью «Пусик». Не успеваем заказывать, как на следующий день все унесли!

– Борис, погоди. – Леонид покачал головой. – К сожалению, не так все просто. Шпиндели, по-видимому, начали пропадать больше двух месяцев назад, когда академика здесь еще не было.

– Был или не был, господа, я чувствую, что он в этом замешан! – Борис нахмурил брови. – У него могли быть и сообщники. Эдик, например, почему он неожиданно сюда приехал? Строит из себя идиота, а на самом деле присматривается по сторонам, ищет, что плохо лежит...

– Эдик мудак! – презрительно бросил Леонид. – Он до такого не додумается, мозгов не хватит. Я, Борис, больше склонен думать, что это наши русские, со сборки.

– Надо подумать, – Борис хищно оскалился, и глаза его загорелись недобрым огоньком. – Среди них много нечистоплотных людей, кто мог бы такое сделать? Тот из них, кто больше всего озлоблен на компанию, считает себя неудачником, получает мало. Да почти что каждый, у нас же одни бывшие профессора и доценты!

– Они люди жадные. – Леонид задумался. – Денег получают, прямо скажем, немного. Надо бы предложить Ефиму назначить премию за информацию о шпинделях. Наверняка в

этой шайке кто-нибудь мог видеть, как их крали. Например, обратил внимание, что у соседа под столом газетный сверток лежит. Почему нет?

– К академику ниточки тянутся, помяните мое слово! – Борис, казалось, светился изнутри идейной убежденностью. – А с премией идея неплохая, на нее люди накинутся, как мухи на мед.

Слухи о премии распространились быстро, и я заметил, что бывшие советские специалисты еще больше втянули головы в плечи и, идя по коридору, старалются не вращать головой, упираясь взглядами в носки собственных туфель.

Проходя мимо центрального входа, я вдруг увидел, что дверь в компанию открыта настежь и в стоящий около входа грузовик несколько человек таскают картонные коробки с оборудованием.

– Вот так, на глазах у всех шпиндели прут! – пошутил я и тут же пожалел о необдуманной фразе. Пожилой бывший советский изобретатель с курчавой шевелюрой вздрогнул и укоризненно посмотрел на меня.

– Шучу, шучу! Да не смотрите вы на меня волком, – взмолился я, чувствуя неловкость. – Давайте я вам помогу.

– Вам, молодой человек, как я вижу, смешно.– укоризненно сказал он, – А я, к вашему сведению, не пер никаких шпинделей. И вообще никогда в жизни ничего чужого не брал! – чувство юмора явно оставило его.

На следующее утро в компании произошло из ряда вон выходящее событие. Придя рано утром в кафетерий и запихивая в холодильник пакет с завтраком, я неожиданно заметил на стене странный листок. Листок этот висел между большим плакатом, обучающим работников компании правилам оказания неотложной медицинской помощи и другим плакатом поменьше, извещающим сотрудников о том, что любая дискриминация при приеме на работу, будь то по религиозным, расовым соображениям или просто по причине беременности, является нарушением закона.

Я подошел поближе. Листок оказался увеличенной ксерокопией карикатуры, вырезанной из какой-нибудь местной газетенки. На нем был изображен ковбой в широкой соломенной шляпе с дымящимся револьвером в руке, который с интересом смотрел под хвост лошадке, сделавшей подле себя кучу. В кучке испражнений художником были нарисованы какие-то чужеродные предметы, испускавшие свет, неумело изображенный толстыми штриховыми линиями, исходившими прямо из навоза. Чуть поодаль на земле лежал труп с распростертыми руками. Подпись под карикатурой гласила: «Билл, если бы я вовремя покопался в дерьме, я бы понял, что ты не крал мои золотые слитки!». К навозной куче была синей шариковой ручкой неровно проведена большая стрелка, над которой было неровно написано: «Pusik».

Полюбовавшись работой народного гения и преодолев возникший на секунду гадкий порыв сорвать листок и избежать тем самым неизбежного скандала, я хихикнул и ретировался, пустив события на самотек. Результаты не заставили себя долго ждать: расчет неведомого художника был точен. Все приезжающие в компанию сотрудники с утра заходили в кафетерий, загружая холодильник принесенной снедью. Начальство обычно избегало этого маршрута, так как пакетик с сосисками или котлетками, переложенный такими же пакетиками низшего звена, невольно принижал значимость и избранность руководящей элиты.

Через полчаса компания начала шушукаться.

– А ты видел? – шепотом спрашивали друг у друга люди, тщательно скрывая улыбку.

Леонид с решительным видом пулей промчался в кафетерий. За ним туда широкими шагами бежал Борис, сзади торопливо размахивая руками и сопя, шел Андрей.

– Дерьмо! – прошипел Леонид. – Это же надо такую гадость нарисовать! – Он сорвал со стены листок и с омерзением начал торопливыми движениями рвать его на мелкие кусочки, как будто кто-то мог выхватить рисунок и успеть рассмотреть, сделав соответствующие выводы. Сначала он сложил листок пополам, рванул его посередине, затем сложил две половинки вместе и снова разорвал их пополам, продолжая этот

процесс до тех пор, пока в мусорную корзину не посыпался дождь мелких бумажных обрывков.

– Это становится серьезным, господа! – Борис сжимал кулаки, водил челюстями, и в его глазах светилась решительность и непримиримость. – Надо называть вещи своими именами: Это бунт! Бунт, который необходимо жесточайшим образом подавить всеми имеющимися у нас средствами!

– Да, дожили до такого! – Леонид был потрясен. – И этот враг ходит где-то среди нас!

– И бездельничает, – поддакнул Андрей. Бывший диссидент был явно разгорячен проявлением политической активности народа.

– У нас хотя бы раз на Пусике политические карикатуры на стене вывешивали? – холодно спросил Борис.

– Не помню такого, надо Ефима спросить. – Леонид задумался.

– А с приездом Эдика и академика начали! – закончил мысль Борис. – Это заговор! Эта похабная картинка является политическим актом, и к этому надо относиться не с насмешкой, а со всей серьезностью. Это начало войны с хитрым и злонамеренным противником! Они почувствовали, что их разоблачили, почва уходит из-под ног, вот и начали мутить народ! – Борис побледнел от ярости. – Точно, как их предшественники в семнадцатом году!

– Да, – Леонид явно начал прислушиваться к речам Бориса, – все сходится. Только этого нам не хватало! Надо срочно поговорить с Ефимом! Это наверняка Эдик повесил, узнаю его паскудную манеру гадости подстраивать!

– Это его академик подговорил, – с видом знатока вставил Андрей.

– Я предлагаю срочно рассказать об этом Ефиму, – сердито отчеканил Борис, и Команда поднялась со стульев, направившись по направлению к кабинету президента.

Напряжение, казалось, висело в воздухе. Вся компания ждала, что вот-вот что-то произойдет, и результаты не заставили себя ждать.

– Пойдем, поговорим. – Ефим с бледным и искаженным лицом ворвался в сборочный цех и направился прямо к Эдику.

– Хорошо, дядя Ефим. – Эдик радостно вскочил со своего места. – Я уже закончил изучать второй том учебника электроники, но Леонид меня больше не хочет экзаменовать. Хотите, я вам сдам экзамен?

– Сейчас тебе будет такой экзамен, не открутишься! – с садистской усмешкой отпарировал президент. – Пойдем в мой кабинет!

Вскоре из кабинета раздались крики. Ефим кричал басом, ему отвечал фальцет, вначале неуверенно, потом на повышенных тонах, а затем с совершенно скандальными интонациями. Слов из-за стены было, к сожалению, не разобрать, но то, что в кабинете Ефима происходит что-то необычное и из ряда вон выходящее, мгновенно стало понятно всем окружающим.

Эдик появился на своем рабочем месте через час с небольшим. Глаза его сверкали от возмущения, щеки были цвета красного рака. Он схватил большую коробку и начал судорожными движениями бросать в нее книги, стоявшие в небольшом шкафчике.

– Эдик, что случилось? – Я с холодком в груди почувствовал, что события развиваются в плохую сторону.

– Да нет, ничего. – Эдик разговаривал почти что спокойно, только дрожание его голоса выдавало волнение. – Я уезжаю. Так даже лучше, мне давно надо было это сделать. Меня зовут обратно на факультет, я же только из-за мамы с папой держался, не хотел их расстраивать.

– Что сказал Ефим?

– Да нет, – Эдик облизал губы, – ничего особенного. Он кричал конечно, но я на него не сержусь, он больной человек. Я даже не понял, о чем он все время говорил, какие-то спиндели... – Эдик посмотрел на меня чистым и наивным взглядом. – В конце концов,

дядя Ефим немного успокоился и даже пообещал оплатить мне три недели работы вперед и переезд назад в Кембридж, если только я сейчас же исчезну и не буду больше появляться в компании.

– Эдик, – я запнулся и испытал смешанные эмоции: грусть оттого, что нелепая фигура Эдика исчезнет из этих стен, радость за неудавшегося сборщика, возвращающегося в знаменитый университет [4], и легкую тревогу за будущее.

– Ну, я не прощаюсь, увидимся перед отъездом. Спасибо за поддержку. – Эдик пристально посмотрел на меня. – Без тебя и академика здесь бы было совсем тоскливо. Я только хочу, чтобы ты знал: эту карикатуру нарисовал не я. Нет, я бы конечно мог нарисовать, если бы захотел, я же в детстве занимался в кружке рисования, мне руководитель даже несколько раз говорил, что у меня натюрморты очень хорошо получаются. Ты знаешь, рисовать людей гораздо сложнее, но...

– Эдик, ну что ты..., – я запнулся, и мне стало неловко.

– Приходи прощаться, – Эдик улыбнулся, сложив кончики губ. – Мы сложим вещи и вас позовем. Это даже здорово, обратно через Америку я поеду другим маршрутом. – В глазах у него был заметен блеск, который уже давно не появлялся. – Сюда я ехал по северной дороге, а в этот раз поеду через южные штаты. Техас, Аризона... В Аризоне есть замечательный кратер от метеорита, я обязательно там остановлюсь. – Он мечтательно склонил голову на бок. – Будет иногда сниться, что я иду по коридору Пусика. Представляешь, просыпаешься в кошмаре, лежишь, понимаешь, что на самом деле свободен и вытираешь пот со лба. – Эдик застенчиво улыбнулся.

Я вдруг вспомнил, что та же самая мысль приходила мне в голову, и загрустил окончательно и бесповоротно.

Эдик радостно помахал рукой, в последний раз сел в хромированный динозавр и с мягким рычанием отъехал от здания компании. Неожиданно он свернул в сторону и, поднимая горы пыли, понесся по проселочной дороге, идущей через заброшенное поле прямо к автостраде. Сотрудники Пусика этой нелегальной трассой никогда не пользовались, предпочитая не нарушать закон и подъезжая к компании по гладкой, асфальтированной магистрали. Я смотрел из окна на эту сцену, вспоминая огромный автопоезд, чуть не разрушивший здание Пусика. Мне показалось, что с отъездом Эдика заканчивается странная, немного романтичная и наполненная неожиданностями эпоха.

– Ну что, убрался мудак? – Из прохода появился Ефим. – Слава Богу, я уж нашел, чем его прищучить. – Он отвлеченным взглядом посмотрел на меня. – Садист! Он специально сюда приехал надо всеми издеваться. Мерзавец! Подлец! Провокатор! Что смотришь, не веришь? – Ефим явно обращался ко мне.

– Да какой из него провокатор, Ефим? – в недоумении сказал я.

– Листен, Листен, Листен, – Ефим начал раздражаться. – Что ты его покрываешь? Он плохой человек, я тебе говорю! Нечистоплотный, ты знаешь, что он сделал?

– Что?

– Мне рассказали, – Ефим поморщился. – Ты не поверишь, но это факт! Он булку из фургона спер!

– Какую булку? – я ничего не понимал.

– Взял и спер, мне все рассказали. Подошел к фургончику, который обед привозит, погримасничал, огляделся вокруг, убедился, что никто не видит, и спиздил! Схватил бутерброд и спрятал под майку! Да, мать твою! Не веришь? – Ефим затряс руками. – Я тоже не верил, но это на него похоже. Мне такой человек рассказал, которому я как себе доверяю. Схватил булку и за пазуху засунул! Глазки у него вороватые, бегают вокруг,

---

[4] В Кембридже, шт. Массачусетс расположены по крайней мере три знаменитых Американских университета: Гарвардский университет, основан в 1636 году, Массачусетский Технологический Институт (Американский аналог Московского Физтеха) и Бостонский Университет.(ред.)

неужели не замечал? Спиздил бутерброд, мать его так! Два доллара сэкономил, – Ефима передернуло.

– Ефим, ну что вы, не может такого быть!

Я вспомнил, как Эдик, болезненно боявшийся располнеть и стеснявшийся своего возраста, каждое утро пробегал несколько километров вокруг Литтл-Три. Когда приходило время обеда, маленький проржавевший фургончик, управляемый худым китайцем, развозил по окрестным фирмам обеденные бутерброды и кока-колу. Эдик, обычно приносивший пластмассовые баночки с йогуртом из дома, соблазнялся вкусными запахами и, преодолевая искушение, подходил к соблазнительным прозрачным пластиковым дверцам, за которыми лежали румяные булочки с колбасой, куриными шницелями, майонезом и помидорами.

– Ах, да я же сегодня творог принес, – ворковал он. Рука его сама тянулась к дверцам, но, вспомнив о количестве калорий, спрятанных за румяной поджаристой корочкой соблазнительного бутерброда, Эдик отступал в сторону. – Впрочем, – начинал он сдавать позиции, – я сегодня восемь километров утром пробежал. Обычно я пробегаю пять или шесть, а сегодня восемь. – Рука сама тянулась к стеклянным дверцам, но затем со страхом дергалась и пряталась за спину. – Нет, я не могу. – Эдик с надеждой смотрел на меня, будто ища поддержки. – Хотя, – он явно искал спасительный аргумент, – сегодня придется часов до одиннадцати остаться, программы изучать. Лучше я дома ужинать не буду! – Он зажмуривался, и рука тянулась к запретным полочкам, открывала дверцы, нащупывала ближайший бутерброд, спазматическим движением хватала его и вытаскивала на поверхность, как будто спешила перейти запретную черту, за которой уже нет возврата. –Уф... – вытирал со лба пот Эдик. – Он мучался еще пару минут, борясь с соблазном положить булочку на место и совершая круги вокруг фургончика. – Сколько с меня? – робко спрашивал он уставшую китаянку. – Пожалуйста, – после этого с обреченным видом засовывал булку в рот и в одно мгновение поедал ее, словно развратник, спешащий взять от жизни все запретные ее плоды и удовольствия.

«Наверняка кто-нибудь увидел его метания и настучал Ефиму» – понял я. – Ефим, ну что вы, он не мог ничего украсть! – возразил я еще раз.

– Листен, Листен, Листен, Листен! – Ефим напрягся и покраснел. – Точно спер, я знаю. Болезнь такая есть, я где-то про нее читал, не могут люди остановиться и все прут! И он такой же, нечистоплотный. Ты подумай, что он делает? – Ефим скривился. – Борю замучил, Леонида чуть до инфаркта не довел. Он же ссыт мимо унитаза! Ты себе представь, он приехал в компанию, пришел в сортир и гадит прямо на пол! – Ефима передернуло от отвращения. – Вначале булку спер, потом шпинделя! Да, да! – закричал он. – Спиздил шпинделя, на два миллиона! Он такой, он специально сюда приехал, есть такие, что любят всюду нагадить! Карикатуру гадкую на стене повесил, изобразил нас всех кучей говна! Ну, правда, с золотом. – Ефим на секунду задумался и затряс головой. – Спасибо хоть на этом. Наплевать! Ну да хрен с ним, спер два миллиона и пусть гуляет, купит себе домик в Кембридже, мне наплевать. Главное, я так счастлив, что он уедет отсюда, сил уже нет. Я ему сказал: «Если ни разу в компании не появишься, все оплачу, и переезд и месяц вперед.» Пусть только исчезнет. Я же не знал, как от него избавиться! – Ефим фыркнул, как рассерженный кот.

– Ефим, – Леонид учтиво подбежал к президенту с рулоном перфорированной бумаги.

– Ну что еще, опять что-нибудь спиздили, что ли?

– Шпиндели нашлись! В ведомости ошибка - они нам поставили шестнадцать штук, а написали шестьдесят шесть!

– Ну и хрен с ними, – Ефим зевнул. – Главное, что этот садист здесь больше не появится. Почаще бы они такие ошибочки делали! Все, Леня, вздохни свободно, тебя больше про бином Ньютона ни один мудак не спросит!

Эдик уезжал через пару недель. Около дома в самом центре Литтл-Три снова стоял огромный автопоезд, на прицепе которого взгромоздилось хромированное чудовище. На

проводах Эдик немного выпил лишнего, расчувствовался, клялся мне и академику в любви и обещал перетащить нас в Кембридж, как только представится такая возможность. Он уже находился где-то далеко, сам не понимая, как его занесло к Пусику, тряс головой и предвкушал полную романтики поездку по южным штатам.

На следующее утро автопоезд отъехал на восток, в сторону лысых выжженных гор, покрытых утренней прохладой, навстречу розовому восходящему солнцу.

Мне было грустно. Казалось, даже кусты Литтл-Три помнят о хромированном мастодонте и его водителе, выруливающем по утрам на автостраду навстречу сборочному конвейеру.

Когда я вошел в здание компании, деловой Андрей в полосатой рубашке руководил разбором опустевшего рабочего места, еще недавно принадлежавшего ученому садисту.

– С компьютера все стереть! – с важным, начальственным видом распоряжался он. – Полки отдадим в отдел снабжения, там как раз телефонные справочники некуда класть. Кресло на сборку, Донгу не на чем сидеть. Стол к разработчикам для монтажа. Ну, кажется, все, – он удовлетворенно посмотрел по сторонам. Уголок, в котором сидел Эдик, мгновенно опустел, казалось, его здесь никогда не было. Остался только кусок стены, освещенный ярким люминесцентным, чуть подрагивающим светом, вибрирующее пустое пространство, лишенное своего наполнения.

– Дядя Ефим все-таки неправильно организовывает производство, – с ужасом услышал я тоненький голос. Я испуганно обернулся. Вокруг никого не было, опустевший зал светился зелеными огоньками собранных и готовых к продаже систем. – У нас в Кембридже, – капризно продолжал голосок, – никто не работает на таких системах.

– А булку спиздил! – возразил я призраку. – Я уже не говорю про шпиндели!

– Дядя Ефим меня скоро переведет, – вяло, замирая и растворяясь, отпарировал фантом и окончательно исчез в пахнущем канализацией прохладном воздухе, спускающемся с потолка через расчерченные черными свастиками вентиляционные решетки.

Глава 25. Выставка.

В огромном, многоэтажном, сияющем хромированными перилами и переливающимся разноцветными огнями зале гремела выставка. По соседству проходила конференция, и я вспомнил о том, что в свой первый приезд в Америку я делал доклад именно в этом здании. С прошло почти два года, и тени ученых мужей в пиджаках окончательно рассеялись.

В зале, освещенном ярким светом ламп и прожекторов, пульсировала громадная промышленная феерия. Возле стендов многочисленных компаний, уставленных цветными плакатами, металлическими, пыхтящими клапанами и пахнущими горячей смазкой машинами, толклись заинтересованные господа, все, как один в пиджаках и в белоснежных рубашках с яркими галстуками. Китайцы, совершенно неотличимые друг от друга, невысокие, в одинаковых серых костюмах, японцы, индусы в чалмах, шипящими интонациями немцы, американцы - вся эта бурлящая толпа толкалась, выхватывала со стендов проспекты, задавала иногда глупые, иногда осмысленные вопросы, жевала жевательную резинку, пила кока-колу и шумела ровным, мерным и одинаковым гулом, в котором смешивалась воедино разноязыкая речь.

Возле стенда Пусика, абсолютно не отличающегося эстетическим оформлением, происходило что-то невероятное. Стенд сразу же бросался в глаза белыми, несвежими и слегка помятыми занавесочками, неровно, от руки написанным плакатом и несколькими небрежно повешенными обложками патентов, когда-то выданных Ефиму Пусику. Серые коробки с надписью «Pusik» выглядели столь же неэстетично и напоминали армейскую радиостанцию времен Второй мировой войны, которую мне приходилось включать во время обучения на военной кафедре.

Огромная толпа, будто в старые времена в Москве, когда в опустевший обувной магазин вдруг забрасывали итальянские сапоги на меху, ревела вокруг этой маленькой будочки, жадно вглядываясь в зеленые огоньки, светящиеся внутри одинаковых серых ящиков, и пытаясь выведать хоть крупицу новой информации о таинственных системах.

У стенда стоял Леонид, помаргивающий глазами и суетливо объясняющий потенциальным заказчикам свойства удивительных коробок. Рядом расположился Борис, в стандартной полосатой рубашке без галстука, с немигающим взглядом из-под очков и громовым голосом, внушающим уважение к команде, создавшей электронное чудо. Чуть сбоку с важным видом суетился Андрей, одевший по особому случаю тройку с галстуком.

Сцена эта вызывала ревность у благообразных господ, скучающих возле просторных стендов своих компаний, оборудованных профессиональными декораторами. С потолка этих стендов на невидимых ниточках свисали и покачивались электронные системы, лазеры подсвечивали необычными красными и зелеными лучами удивительные изделия, блестящие, отражающие своими полированными боками огромный зал, совершающие сложные манипуляции механическими конечностями и издающие из своих глубин космические электронные звуки. Но все эти атрибуты действовали только на простаков, и толпа продолжала бушевать возле неприглядного стенда с неровной надписью «Pusik».

Мне было скучно. Я уже ответил на многочисленные вопросы ничего не понимающих посетителей, обменялся с ними визитными карточками и с грустью смотрел на бурлящее вокруг море людей и на розового от гордости и удовольствия Андрея.

Откуда-то из глубины ярко освещенного зала выплыли академик с Олегом, усталые, несущие в руках пачки глянцевых проспектов. Они остановились около стенда, положив проспекты на краешек стола, и перевели дух. Борис недружелюбно сжал губы и напустил на себя еще более грозный вид, а Андрей немедленно покраснел и с недовольным лицом подскочил к ним.

– Я вас очень попрошу не стоять около стенда! Вы загораживаете нашу продукцию от потенциальных заказчиков.

– Да, да, извините, – академик начал судорожно запихивать проспекты в портфель.

– И еще, – Андрей поморщился и перешел на шепот. – Что вы вообще делаете на этой выставке? Вам необходимо заканчивать свой проект, а не глазеть по сторонам. И, пожалуйста, прекратите разговаривать по-русски, это неприлично! Вы подрываете наш авторитет. Я уже не говорю о том, что у вас вид какой-то непритязательный… – Он с неодобрением посмотрел на академика, скользнув глазами по закатанным рукавам его рубашки.

Я с грустью посмотрел вокруг. «Господи, хоть бы увидеть одну симпатичную женскую фигурку, на которой мог бы отдохнуть взгляд», – подумал я, бросив взгляд на искривленное лицо Бориса.

С этим делом в знаменитой долине было напряженно. Изредка в проходящей мимо меня толпе мелькали женщины. Почему-то глаз совершенно не задерживался на местных представительницах женского пола. Высокие или низкие, полные или худенькие, они непременно имели какой-то неприступный, независимый и жесткий вид, напоминая ободранных голодных кошек, только что вылезших из лужи с мазутом. У них были одинаково безобразные мускулистые ноги и туповатый, совершенно непривычный, подернутый какой-то синтетической пленкой и не обладающий ничем женским взгляд. За два года, проведенных в Америке, я мог по пальцам пересчитать те случаи, когда встреченные женские лица обладали мягкостью черт, внутренним светом и нежностью, и почти во всех случаях обладательницы этих лиц оказывались иностранками.

Однажды я с удивлением увидел в каком-то магазине прекрасное, одухотворенное женское лицо, всмотрелся в него и услышал французскую речь. Другой случай произошел в самолете, когда я летел в Нью-Йорк по делам. Передо мной в очереди на посадку стояла красавица, тонкая, с точеными чертами лица, она наклонялась, чтобы переставить чемодан. Тонкий стан ее сгибался и выпрямлялся, она поправляла заложенные за уши волосы таким грациозным и женственным движением, что от ее облика невольно захватывало дух. Девушка вдруг поймала мой взгляд и улыбнулась, прочитав мои мысли. Она обратилась к женщине постарше, возможно, своей матери, стоявшей рядом с ней, и сказала что-то по-итальянски, со смехом показывая в мою сторону. «Американо», – услышал я и смутился, улыбнувшись в ответ.

Я еще раз посмотрел на толпу и вышел в коридор. Вдалеке шумела конференция, и из большого зала время от времени доносились хлопки, свидетельствующие об окончании очередного доклада. Жизнерадостные люди сновали взад и вперед, то выскакивая из зала в холл, что-то обсуждая, обмениваясь публикациями, то снова забегая внутрь, чтобы послушать очередного выступающего. Я подумал о том, что когда-то и сам принадлежал к таким, непривычным к производственному конвейеру раскрепощенным людям, достал из кармана мелочь и направился к автомату с призывно манящими, покрытыми инеем банками кока-колы и лимонада, мерцающими за стеклянными дверцами.

Вдруг я почувствовал, что наступила тишина. Бурлящая вокруг меня толпа застыла, будто на мгновение выхваченная из темноты яркой фотографической вспышкой. Где-то вдалеке, среди моря одинаковых серых мужских костюмов, мелькнула аккуратная женская головка, плавное движение, едва различимый силуэт, такой желанный, неправдоподобный, будто сны, иногда навещающие меня. Как загипнотизированный, я, ничего не видя перед собой, бросился туда, к высоким дверям, в которые вошла незнакомка.

– Ты куда? – на пути у меня откуда-то возник Андрей. – Тебя все ищут, у нас заказчики на стенде хотят с тобой поговорить!

Я с досадой понял, что толпа возобновила движение и снова начала гудеть.

– Ширинку застегни, – зло буркнул я, так как неожиданно заметил, что бывший правозащитник в добротной тройке, отгонявший людей от стенда компании и делавший им выговоры по поводу непритязательного внешнего вида, забыл застегнуть брюки. Из них игриво торчал наружу кончик правильной полосатой рубашки.

– Фу ты, черт! – прошипел он, судорожным движением заслонил штаны глянцевым рекламным проспектом и шарахнулся в сторону.

Я с досадой смотрел туда, где мелькнул тоненький силуэт, но видел только колыхающиеся, одинаково скучные и чужие лысые, курчавые, рыжие, черные и русые головы. Ничего не замечая вокруг и толкнув на бегу нескольких посетителей, я кинулся к дверям в надежде увидеть ее.

«Она же была здесь, – думал я. – Нет, это не она, не может такого быть. Чудес не бывает. Но эта головка, эти худые плечи... Обычный мираж. Плод воображения.»

Я был уже совсем у дверей и, приоткрыв их, проскользнул в темное пространство зала. На бесконечных рядах стульев во мраке сидели люди. Большой экран был ярко освещен, и стоявший на трибуне обладатель голоса с сильным немецким акцентом водил указкой по множеству квадратиков, соединенных между собой паутинкой черных линий. Я всматривался в темноту, но ничего, кроме неясных очертаний, разобрать не мог.

Раздались аплодисменты, зажегся яркий свет. Я растерянно пытался найти незнакомку, но взгляд безуспешно блуждал среди бесконечных рядов. Свет снова погас, и новый докладчик, на этот раз говорящий на смеси японского и английского, начал безумно нудно что-то объяснять аудитории. От нетерпения я почувствовал раздражение и необоснованную неприязнь к собравшимся в зале. «Если это она или просто похожа на нее, то она должна, должна быть где-то здесь, – думал я. – Я просто хочу увидеть это лицо, убедиться в том, что женщина, напомнившая мне о ней, носит бездарный синтетический пиджак, купленный в американском универмаге, что под глазами уже проступают морщины, а губы намазаны наполовину съеденной помадой ядовитого цвета».

Свет снова зажегся, я начал сканировать ряды кресел, и вдруг увидел эту аккуратную женскую головку. Такая же тонкая шея и острые плечи были у той, которую я когда-то целовал, и я смотрел на нее, с каждой секундой находя все болеше знакомых черт. Голос здравого смысла, который еще минуту назад скептически измывался надо мной, становился все более тоненьким, неуверенным и, исчерпывая все свои аргументы, затихал.

Неожиданно она подняла руку и поправила волосы все тем же движением. Ее рука, с худыми удлиненными пальцами, этот чарующий жест... У меня перехватило дыхание.

И снова погас свет, но я уже впился взглядом в полумрак зала и не сводил глаз с темного, расплывающегося силуэта.

«Обернись, обернись,» – твердил я по-русски, часто дыша. Стоявший возле меня мужчина восточного вида с черными, пышными усами удивленно посмотрел на мое горящее лицо и, на всякий случай, отошел подальше.

Свет зажегся. Казалось, она почувствовала мой взгляд и обернулась. Это была она, во всяком случае, ее точная копия. Я не мог не узнать этого лица, которое снилось мне ночами, с большими расширенными глазами, в которых можно было утонуть, с тонкими губами. Я терялся в догадках и вдруг понял, что она увидела меня и испуганно прикрыла лицо руками.

Она встала и, как завороженная пошла между рядами кресел, глядя на меня. Длинная юбка подчеркивала движения ног, облегая ее фигуру. Мне казалось, что я сплю наяву.

– Ты? – голос ее был все такой же, чуть хрипловатый, вызывающий забытую, глубоко спрятанную боль. – О Господи, что ты тут делаешь?

– Живу... Помнишь, как в том старом анекдоте? «Чего, чего… Живу я здесь, вот чего!» А ты откуда здесь взялась? – Я выдавил из себя это, чувствуя, что с трудом могу говорить.

– У меня доклад... Я заканчиваю диссертацию. Уже несколько лет живу в Париже. Странно... – ее расширенные глаза затуманились, и голос дрогнул.

– В Париже... – я никак не мог перевести дыхание.

– Я наконец вышла замуж... – Она криво усмехнулась.

– Поздравляю, – я ощутил боль.

– А ты?

– Я тоже женат.

– Я думала, мы никогда больше не увидимся... А у тебя появились седые волосы. – Она внимательно посмотрела на меня. – И морщины.

– Это после войны в Израиле, ребенок все время срывал противогаз.

– Ты был там? Так я и знала... Теперь понятно, почему я тогда прилипала к телевизору, смотрела сводки последних известий.

– Ты что, думала обо мне?

– Иногда, – она грустно улыбнулась. – Совсем забыть тебя оказалось непросто. Хотя я очень старалась.

– Ну, ты всегда была талантливой и добивалась своего. Мне это, кстати, ужасно нравилось.

– Не волнуйся, мне это удалось… Но не до конца. – Она внезапно погрустнела и на секунду замолчала. – Проблема была в том, что иногда ужасно хотелось с тобой разговаривать. Вначале я ругала тебя, себя, а потом привыкла.

– Мне иногда казалось, что я разговариваю с тобой...

– Как странно, – она побледнела, – как будто это все происходит во сне.

– Ну, расскажи, как тебе живется. Тебе хорошо?

– Дурацкий вопрос. Почему ты спрашиваешь?

– Как тебе сказать... Я часто вспоминал о тебе.

– Ты вспоминал? Это очень благородно с твоей стороны... Ну, что тебе рассказать? Тогда, когда мы расстались, было очень больно, потом рана стала заживать. Понемногу... Со временем я стала другой, может быть, усталой, циничной, не знаю... Ты меня, дорогой, слишком больно тогда ранил... Во всяком случае, я дала себе слово больше не отдаваться чувствам и стараюсь этому следовать. Мне надо было жить дальше...

– Париж, – повторил я, прислушиваясь к магии этого слова. – Я там так никогда и не был. Набережная Сены с лавками букинистов, мосты с позолоченными скульптурами, запах кофе, старого дерева, белая пыль бульваров... Ну да, конечно, я забыл про Люксембургский сад, скамейки, фонтаны, оркестры, играющие около музеев. Вечером грузные владельцы мясных лавок суетливо убирают свои кровавые лотки, а вертлявые мальчики пытаются заманить прохожих в кабаре Пигаля. Дворец Инвалидов подсвечен прожекторами, на узких улочках шумит толпа, художники на Монтмартре предлагают туристам написать портреты, и внизу мерцают огни.

– Как у тебя это получается? – Она вздрогнула. – Как будто это ты там живешь, а не я... Ну да, так оно все и выглядит, день изо дня. Я люблю этот город, в нем хорошо дышится... Ну, а как ты живешь?

– Болтаюсь по свету... Зачем-то уехал из Израиля, работаю здесь в сумасшедшей русской компании. Починяю серые ревущие коробки...

– Как? А как же работа, твои идеи, ты весь горел этим, – она посмотрела мне в глаза.

– Я буду пытаться, но в Америке сейчас с наукой тяжело. Считай, что я работаю в шарашке за право остаться здесь, да и сам не знаю, нужно ли мне это?

– У тебя глаза уставшие. – Она вдруг протянула руку и провела ей по моему лбу, пристально всматриваясь в лицо. – О Господи, – повторила она хрипловатым подрагивающим голосом. – Это все-таки ты.

– Похоже на то. Бывает же такое... А я часто о тебе вспоминал.

– Ушел ты без особых сожалений, так что не рассказывай мне про свои запоздалые муки совести, – губы ее скривились.

– Прости. Я, наверное, хотел что-то доказать самому себе.

– Ну что, доказал? Черт бы тебя побрал! Я тебя убить хотела!

– Убей... Ну, или скажи какую-нибудь гадость.

– Ты... – у нее снова задрожали губы. Неожиданно она пошатнулась, присев на диванчик, и на ее глазах выступили слезы.

– Ну, не надо, пожалуйста, я тебя прошу, – я присел рядом с ней и сам не заметил, как начал гладить ее по голове.

– Что же ты наделал, милый, – ее бил озноб, и на нас уже начали оборачиваться.

– Пойдем погуляем, – предложил я.

– Да, сейчас. – Она встала и нетвердой походкой прошла несколько шагов. – Здесь у вас есть какие-нибудь кафе, где можно посидеть?

– МакДональдс, – пошутил я. – Тебе нравятся простые, толстые грубоватые мексиканцы и колющиеся наркотиками школьники?

– Мне уже все равно, – она вдруг рассмеялась, и ее глаза засветились лукавой искоркой. – Вот так кавалер, не видел меня много лет и ведет в МакДональдс.

– Хорошо, хорошо, здесь есть итальянский ресторан, в котором подают плохо сваренные макароны, посыпанные какой-то зеленоватой дрянью.

– Пошли куда угодно, – голос ее неожиданно почерствел, и я почувствовал пустоту внутри.

Мы вышли на залитую солнцем площадь, и она достала из сумочки сигареты.

– Ты куришь? – с удивлением спросил я.

– Да, иногда много, – она странно скривила губы и затянулась.

– В Америке принят стерильный образ жизни, – я с увлечением развивал эту тему, которая давала возможность говорить, не притрагиваясь к тому, что тяжелым грузом лежало на сердце. – Курить нельзя, часто даже на улицах, зато у каждого дома полы застелены жуткими синтетическими коврами, с которых летит стекловата, и поэтому у них каждый второй болеет раком. Так что все скомпенсировано.

– В Европе почти все курят. – Я смотрел на ее рот, губы, которые я когда-то целовал, прислушивался к ее голосу и чувствовал, что растворяюсь в этой женщине, как когда-то, когдасоциализм казался нерушимым и на дачном участке росли дикие цветы...

Мы шли мимо памятника Ленину. Вождь пролетариата с простертой вперед рукой, изрядно обгаженный необладающими классовой мудростью птицами, скорее напоминал кургузого мужичка с Рижского рынка, пытающегося сбыть по кооперативным ценам свой товар. Было прохладно, дорожка, уходившая от станции, вела между домиками старых большевиков, мимо маленького мостика через речку, в которой переливались под темной водой водоросли, мимо высоких, заслоняющих небо елей, пруда, где на плоту катались дети, отталкиваясь ото дна длинными шестами, маленькой плотинки, в которой шумела, переливаясь, вода...

– Когда я была маленькой, мы сюда приходили ловить пескарей и купаться, а с цементной плотины прыгали, – сказала она.

Воздух уже пах осенью, запоздалые сыроежки тут и там торчали около лесной тропинки. Начинало вечереть.

– Странно, – она посмотрела на усыпанную желтыми листьями лесную опушку. – Папа катал нас на велосипеде, в домах играла музыка, и все казалось таким надежным, устойчивым. Мы убегали в лес играть в индейцев, помнишь, давным-давно шли такие романтические фильмы? Смуглые индейские девушки ходили с накрашенными губами, их непременно спасали от злодеев благородные мужчины, и справедливость всегда торжествовала. Мне иногда кажется, что все это было сном... По выходным в гости приходили соседи, мы разводили костер, жарили шашлыки. Родители разговаривали, смеялись, пили вино, и, казалось, эта жизнь никогда не закончится. А потом мы как-то незаметно начали взрослеть, научились тихо издеваться над программой новостей и вести конспекты по политической экономии. И вдруг заболел и умер папа, и тогда я поняла, что этот мир исчез навсегда.

Я обнял ее. Она вздрогнула от неожиданности и посмотрела на меня своими черными глазами, учащенно дыша.

– Я... – я запнулся, с трудом сдерживаясь и ощущая напряженные и дрожащие плечи, отзывающиеся на едва заметные прикосновения моих пальцев. – Ты знаешь, у тебя

удивительные глаза, я в них будто тону. – Я поцеловал ее, с каждым мгновением все более теряя ощущение реальности. Странное, поглощающее до основания чувство неожиданно захватило меня, я парил в темном пространстве среди звезд, испытывая при этом нежность, желание всегда быть с ней и слышать, слышать это учащенное дыхание...

– А ты не умеешь целоваться, – смеясь, сказала она, потирая пальцем губу, и оттого показалась еще более прекрасной.

– Ничего себе, – я ощутил приступ ревности. – Мне этого еще никто не говорил!

– Я тебе говорю, – глаза ее смеялись, смотрели прямо в мои, и неожиданно взгляд ее изменился. – Пойдем быстрее.

Мы прошли мимо ветвящейся стены плюща, покрывавшей калитки и покосившийся забор, и оказались около ее дома. Откуда-то издалека тянуло сладковатым дымком, какой бывает от горящих осенних листьев. Она открыла дверь на скрипящую под ногами веранду. В углу спрятался старый диван с обтрепанными подушками, а на столе, покрытым вытертой клеенкой, стояла бутылка из-под молока с засохшими полевыми цветами.

– Поцелуй меня еще, – она смотрела на меня, чуть приоткрыв рот, и в ее глазах снова появился туман...

Я начал поцелуй, уже потеряв уверенность в правильности своих действий, но даже не успел задуматься об этом, как уже не видел никого, ничего, чувствуя только ее рядом, сжимая маленькие плечи, чувствуя дрожь, поднимающуюся в ее теле, упругую грудь и теряя сознание от происходящего. Она была прекрасна, таинственна, мудра, и желание то перетекало в нежность, то, ударив бумерангом, возвращалось обратно, заставляя сжимать зубы.

– Да, милый, да, – шептала она. Мы держали друг друга, и я все еще не мог поверить в происходящее, понимая, что никогда еще в жизни не был так счастлив. Веранда понемногу начинала сливаться с наступавшими сумерками. С улицы тянуло прохладой и влажностью, и неожиданно за окном застучали первые капли дождя.

– Я люблю тебя...

– Тсс... Молчи... – она приложила палец к губам. Ливень шумел, пахло мокрой листвой, но мы никак не могли встать и смотрели в глаза друг другу, время от времени осознавая свершившееся и начиная весело смеяться.

На перекрестке с визгом затормозила машина, и я вздрогнул от неожиданности.

– Осторожно. – Она затянулась и выпустила дым.

– Тебе не идет, когда ты куришь.

– Какая разница... – Она усмехнулась.

– Не говори так! Ты красивая.

– Была... Я совершенно обычная, немного уставшая женщина.

– Нет, для меня ты всегда останешься... – Я запнулся. – И потом, ты совершенно не изменилась.

– Правда? – Она горько улыбнулась. – Спасибо, комплименты ты делать не разучился.

– Прости меня. – Мне вдруг показалось, что прошедших лет не было.

– Никогда! – Она замкнулась и поежилась. – Ну, где здесь кормят этими вашими спагетти?

Мы зашли в ресторан. Чернявый мальчик в белом переднике бросился усаживать нас за стол, поставил на скатерть бутылку с зеленоватым маслом, корзинку со свежевыпеченным хлебом. Она достала еще одну сигарету.

– Ты что делаешь, здесь запрещено курить!

– Что они у вас, совсем свихнулись? – пожала она плечами и спрятала пачку.

– Ты давно вышла замуж?

– Почти три года.

– Он тебя любит?

– Кажется, да. И потом, это не твое дело.

– Ты вытащила счастливый билет...

– Откуда ты только взялся на мою голову… – Она пристально посмотрела на меня. – Я уже тебя давно забыла, внушила себе, что это было сном. И вот ты опять нашелся... – Она прикрыла глаза ладонью.

– Не надо, – мне стало неловко. – Если ты хочешь, я сейчас встану и уйду, и ты меня больше не увидишь.

– Нет, – казалось, что она напугана. – Побудь со мной немного, – она прикрыла глаза. – У меня легкий приступ мазохизма.

– Хорошо, – волна эмоций захватила меня, и я снова был в этом дачном домике, и запах травы бил в лицо, и мы падали в пропасть, и по окнам стекали капли дождя, и верхушки елей едва виднелись в сиреневой пелене. Как хорошо было разговаривать с ней, когда только начинал говорить что-нибудь, а она с веселой иронией заканчивала за тебя фразу, и я застывал, совершенно не понимая, как она могла прочесть мои мысли. Она снова произносила вслух то, о чем только что думал, подмигивая своими длинными ресницами и смеясь хрипловатым голосом. И что-то накатывало из покрытого влажной темнотой сада огромной волной, подхватывающей нас обоих. Она замирала, глядя на меня, и только ее глаза надвигались, заслоняя все вокруг. Во дворе шумели мокрые листья, удары молнии освещали старую веранду, громыхал гром, и мы каждый раз испытывали странное чувство того, что мы как две половины одного целого, наконец нашедшие друг друга...

– Ваш заказ, – сквозь туман воспоминаний неожиданно возник официант, похожий на молодую гориллу, и поставил перед нами дымящиеся тарелки с непривлекательной зеленоватой массой, из которой торчали редкие ломтики грязно-розового цвета. – Не желаете ли чего-либо еще?

– Спасибо... Принесите нам летний дождь, веранду и бутылку советского шампанского... – неожиданно вырвалось у меня.

– Прошу прощения? – На его лице с низким лбом и маленькими, вдавленными, черными как маслинки глазками, проскользнуло недоумение.

– Да нет, это я пошутил, – неожиданно я снова почувствовал, что горло сдавило и стало невозможно произносить слова.

– Понимаю, – он пристально посмотрел на меня, затем на мою спутницу, и вдруг лицо его потеплело, а черты стали почти человеческими. – Наслаждайтесь обедом, – он улыбнулся. – Может быть, закажете десерт?

– Что с тобой? – она пристально посмотрела мне в лицо, рассеянно ковыряя вилкой зеленоватое пюре.

– Так, – я с трудом выдавил из себя окончание фразы, – одолели воспоминания.

– Какие?

– Ты знаешь, у нас в компании этот ресторан наверняка бы был назван «правильным». Ты знаешь, что такое правильные рубашки, брюки, носки, пояса, ботинки, магазины, города, рестораны и государства?

– Нет, при чем здесь рубашки? – она недоуменно взглянула на меня.

– У правильных рубашек сзади вешалочка и складочка, и горе тем, кто приходит в компанию без нее. У нас на входе стоит вице-президент и каждого входящего тщательно проверяет на предмет этой детали. Тех, кто пришел без складочки, отправляют чистить сортиры. А ресторан этот правильный, потому что официант похож на гориллу, но в то же время совершенно дрессированный и очень вежливый. Иногда даже на человека становится похож и десерт предлагает, как в цирке... – Я понес какую-то бессвязную чушь, стараясь убежать от скрывающегося внутри холода.

Она весело засмеялась, впервые за все время, чуть наклонившись вперед и прикрыв губы ладонью.

– Все ты врешь, хочешь запутать меня. – Она испытующе взглянула мне в глаза. – О чем ты думал?

– Тебя не проведешь, – мне стало жутко, и я понял, что врать ей не могу. – Я думал о тенях, которые приходят ночами в темноте. Знаешь, когда лежишь с открытыми глазами и призраки, как черные бабочки роятся вокруг.

– Это мне очень хорошо знакомо... – Глаза ее погрустнели, и в уголках губ появилась горькая складка. – Ну что ты за человек такой? Мы с тобой какие-нибудь двадцать минут вместе, а кажется, что прошла целая вечность.

– Ты помнишь, когда мы познакомились, нам в первый же вечер показалось, что мы знакомы уже много лет...

– Прекрасно помню. Ты перевернул мне всю душу, сумасшедший, негодяй! Скажи, ну быстро, не отпирайся, – глаза ее загорелись, и она нервным движением неожиданно крепко схватила меня за руку, – у тебя хоть раз потом что-нибудь подобное было? Отвечай! Я требую!

– Нет, никогда. – То, что она только что сказала, преследовало меня год за годом ночами, не давая спать, заставляя задыхаться, хватая воздух ртом, и я почувствовал, что комок снова поднимается изнутри и сдавливает горло, – Я люблю тебя.

– Запоздалое признание, – она усмехнулась той удивительной горькой и немного циничной улыбкой, которая всегда так волновала меня.

– Прости меня, – я взял ее за руку.

– Поздно. – Она бросила вилку и достала сигарету. – Ужасно хочется курить. Эта ваша вермишель по-американски действительно жуткая гадость... Пойдем отсюда.

Мы вышли на улицу, и она жадно затянулась. Мы молчали. Высокие, освещенные солнцем пальмы медленно колыхались, цементные застекленные кубы немигающим взглядом смотрели на нас узкими глазницами одинаковых окон. Над самыми крышами домов с ревом заходили на посадку самолеты. У светофора, молчаливо подперев лицо кулаком, сидел на тротуаре пожилой негр в лохмотьях. Он думал о своем, уставившись в одну точку на сером асфальте и прислушиваясь к шороху проносящихся мимо шин.

От пейзажа веяло пустотой и потерянностью, словно не люди жили в этом городе, ставшем легендой и символом инженеров всего мира, а автоматы, механическими движениями совершавшие свои жизненные функции в перерывах между работой в одинаковых освещенных ровным светом и кондиционированных помещениях, заполненных тускло светящимися экранами. Они поднимали глаза, вращая механическими шарнирами шеи, скрипя, поднимались, съедали зеленоватую массу, безжизненно улыбаясь, и снова возвращались в свои здания. Здания... Я совершенно забыл про Пусика, о том, что меня искал Андрей, и внутренне сжался, представив себе предстоящий скандал, холодные и издевательские глаза Бориса, фыркающего от возмущения Андрея и злющего, с белым от ярости лицом Леонида.

«Мне нужно срочно бежать на стенд, меня могут искать,» – с холодком внутри хотел крикнуть я, но не смог. Я смотрел на ее замкнувшееся лицо, длинные ресницы, губы, нервными движениями выпускающие дым.

– Я люблю тебя, – я обнял ее за плечи и поцеловал. Она замерла от неожиданности. Ее сухие, немного обветренные губы были чужими и безжизненными.

– Не надо, – она снова затянулась, – нам еще только не хватало мелодраматических сцен.

– Я люблю тебя, – я посмотрел ей в глаза и увидел, что зрачки расширились.

– Я не могу... – Она остановилась. – Чего ты хочешь?

Не знаю. Просто…

– Ты... – Она задохнулась. – Когда ты ушел, я помню эти длинные дни, ночи. Вечера, одна в тишине, так что барабанные перепонки могут разорваться.

– Девочка, – я прикоснулся к ее щеке, – я просто хочу еще немного посмотреть на тебя после всех этих лет. Я ужасно по тебе соскучился.

– Ты хотя бы понимаешь, что теперь все кончено? Все, что бы ты ни делал и ни говорил. Ты можешь понять, что ничего уже не вернуть, как не вернуть мертвого из могилы, как бы ты ни любил его? – Она махнула рукой и отвернулась.

Ее слова резали сердце, я понимал, что она права, но дремавшее внутри чувство уже вернулось и вспыхнуло как костер, политый керосином. Я хотел быть с ней каждую секунду, держать ее руку и разговаривать, и слышать только этот хрипловатый голос, и целовать эти губы.

– К твоему сведению, я сегодня вечером улетаю...– голос ее упал. – Мы с мужем едем отдыхать в Венецию.

– Нет! Останься хотя бы еще на день!

– Поздно, дорогой. Я уже несколько дней здесь. И потом меня ждут...

– Если бы я только знал! Не уезжай! Я не могу без тебя. – Я понимал, что это звучит глупо.

– И что дальше? Ты, может быть, уйдешь от семьи, от своего ребенка? Поздно... – Она снова закурила.

– Не кури так много, ты отравишь себя!

– Обычно я курю меньше.

– Я не знаю, как дальше жить.

– Это пройдет. И жить ты сможешь, как и раньше... Мог ведь все эти годы и ничего, даже посвежел. Лучше проводи меня, – она поежилась. – Прошлого не вернешь. Расскажи мне о себе.

– Да и рассказывать особенно нечего. Рубашка у меня правильная, со складочкой, чтобы не выделяться. Работаю, преодолевая отвращение, неинтересно... Зарабатываю деньги, чтобы прокормить семью. Продаю душу дьяволу, вернее дьяволам. Их у нас много, некоторые злые, некоторые глуповатые, есть сволочные, даже сумасшедшие. Изучаю жизнь в аду, анализирую...

– Не смей, – она поморщилась, – это плохо кончится, я же тебя знаю. Ты или запьешь от тоски или просто заболеешь и выйдешь из игры. Неужели тебе некуда уйти?

– Вид на жительство, не забывай... Да нет, уйти, может быть, и можно, но некуда. В общем-то, всюду примерно одно и то же...

Мы зашли в холл гостиницы, с пола до потолка уставленный зеркалами. Наши фигуры шли сбоку, отражались в потолке и мелькали где-то впереди.

– Посмотри, – я показал ей на зеркальные стены. – Вот если бы можно было так раздвоиться, как в этих зеркалах. Тогда один вернулся бы вечером домой и выпил рюмку водки, другая села бы на самолет и улетела в Париж. А нашим отражениям можно было бы взяться за руки и раствориться в пространстве.

– За свои ошибки нужно уметь расплачиваться, милый. – Она время от

времени испуганно посматривала на меня.

Мы зашли в лифт и впервые остались наедине. Она закрыла глаза и уронила голову мне на грудь. В тускло освещенном коридоре пахло химией и одинаковые ряды дверей с золотыми номерами тянулись вдаль. Она открыла одну из них. Щелкнул электронный замок, и я увидел стерильный номер с эстампами на стенах и хрустальной пепельницей на столе.

– Нравится? – Голос ее дрогнул. Она указала на картинку, изображающую стилизованную вазу с цветами, бросила на стол какие-то бумажки, которые держала в руке, и подошла к окну. За занавеской шумела улица, по ней катились полированные автомобили, в которых сидели одинаковые люди в белых рубашках с цветными галстуками. Рука ее схватила край занавеси и судорожно скомкала ее. Я подошел ближе. С ее длинных ресниц скатывались слезы и беззвучно текли вниз по щекам.

– Не надо, я тебя прошу... – я обнял ее.

– Представь себе эту пустоту... – Ее голос дрожал. – Я сяду в самолет, внизу огромный океан, я прилечу домой, он меня встретит, я соберу бессмысленные чемоданы, и мы

поедем по аккуратным сельским дорогам мимо полей и вылизанных домиков, заросших цветами...

– Не надо, прошу тебя. – Я начал гладить ее волосы, – мне надо было сразу же убежать от тебя. Подумай обо всем плохом, что я сделал тебе. К тому же я устал, ношу строгие темные носки и темно-синие брюки, пью водку, курю, вечерами напиваюсь крепкого кофе, ночью храплю, утром у меня совершенно помятый и обрюзгший вид.

– Идиот! – она вырвалась, и на лице ее появилась злость. – Неужели ты думаешь, что я простила тебя?

– Конечно нет, наоборот... Все, что ты тогда пережила, со временем пропало, ушло глубоко внутрь, а теперь медленно, как дрожжи, начинает вспухать и вылезать наружу.

– Ты дьявол... – Она отшатнулась. – Я сейчас думала об этом именно такими словами.

– Я чувствовал все, что происходит с тобой, хочешь я тебе расскажу? Холодные промозглые вечера, темные коридоры, отчаяние, ты смотрелась в зеркало... Помнишь эту тусклую лампочку в твоем коридоре? Напротив вешалки и старого зеркала.

– Прекрати, мне страшно! – Она вскрикнула и схватила меня за руку холодными пальцами.

– Я люблю тебя, – я прижал ее подрагивающие плечи к себе. – Ты помнишь...

– как мы тогда ехали в электричке... – неожиданно закончила она за меня с легким оттенком иронии.

– Ведьма, читающая чужие мысли! – Я вздрогнул. – Где твоя метла?

– В Париже, я...

– Сюда прилетела на самолете... – игриво сказал я за нее. Ее мысли, казалось, сами возникают у меня в голове. Она посмотрела на меня странным, затуманенным взглядом, от которого пробежал холодок по спине и появилось ощущение, что тело отрывается от пола. Я как будто смотрел на себя ее глазами, и все чувства, горечь, боль, напряжение и желание, растущее в ней, передавались мне и пульсировали в крови.

– Что с нами происходит? – Она, похоже, чувствовала то же самое. – Я больше не могу…– Она закрыла глаза, и мы уже не принадлежали себе, словно какая-то посторонняя сила тянула нас друг к другу.

Я снова чувствовал и познавал эту женщину, легкий аромат духов, ее горячее дыхание, стоны, дрожащие веки и волосы, ускользающие из моих рук. Окружающее перестало существовать, казалось, прошлое и будущее исчезли, слившись в одну точку и остановив мелькание времени.

– У меня опять это чувство, как будто мы всегда были вместе. – Голос ее был медленным и немного отрешенным. – Ты что-нибудь понимаешь?

Мы лежали рядом. Все казалось нереальным, будто происходящим ранним утром, когда только начинаешь просыпаться и вспоминаешь только что увиденный сон. Сон этот, еще разноцветный и выпуклый, захватывает воображение, в него хочется вернуться, и еще несколько минут он кажется не менее реальным, чем прожитый вчера день. А потом он начинает ускользать, и чем больше боишься его потерять, тем быстрее и безжалостнее он рассеивается в утреннем свете.

– Я люблю тебя. – Я смотрел на нее, еще более желанную и недоступную чем раньше.

– Ты знаешь, как нам жить дальше?

– Нет.

– И я не знаю... Прости, я закурю. – Она привстала с постели и, прикрывшись простыней, потянулась за сигаретами.

– Я знаю только одно: я не смогу больше без тебя. Ты все эти годы не отпускала меня, то виделась во сне, то мерещилась на улице. Хочешь послушать? Однажды, когда я уже давно уехал, мне приснилось, что я иду по незнакомому городу, темному и холодному, в окнах тускло светятся лампочки, я потерялся и не знаю, что делать дальше. И вдруг, пройдя в кромешной тьме по какому-то переулку, я с удивлением обнаруживаю, что стою около твоего подъезда. И так хочется позвонить в дверь, увидеть тебя, сказать тебе все,

но я боюсь… И я стою и представляю, что ты каждый день проходишь здесь по улице, берешься за эту дверь… А однажды, уже наяву, на залитой ярким светом улице, я увидел женщину, похожую на тебя, только уже пожилую, и как ребенок пытался себя убедить, что это ты, прилетевшая из будущего. Или вот еще история: как-то в гостях у знакомых я увидел альбом с видами Москвы, начал его просматривать и вдруг наткнулся на фотографию, на которой был виден угол твоего дома. Даже твои окна были видны, только снято издалека. Фотографии были недавние, и я начал вглядываться, мне показалось, что в одном из окон кто-то стоит. Весь вечер с этим альбомом не мог расстаться, надо мной кто-то даже пошутил: «Вот, мол, как его ностальгия заела…»

– Мне пора улетать, – вдруг испуганно сказала она, обнаженная вскочив с кровати, грудь ее колыхалась. Она судорожно начала запихивать в чемодан вещи и пытаться его закрыть.

– Ну помоги, что же ты лежишь? – Она начала натягивать на себя платье.

Мы бегом выбежали из номера, и я помчался за машиной, стоявшей неподалеку. В темном салоне пахло пластмассой.

«Господи, – вдруг подумал я. – Сегодня утром я ехал в этой машине один, а тем же вечером жизнь перевернулась, но я везу ее в аэропорт и, может быть, больше никогда не увижу!»

Одинокая, маленькая фигурка с развевающимися волосами стояла на улице рядом с чемоданом, освещенная вечерними фонарями. Лицо ее было замкнутым и уставшим. Она откинулась на сиденье и закурила.

– Ты убьешь себя этими сигаретами.

– Это только сегодня... Впрочем, спасибо, я буду бросать.

Мы молчали, светилась зеленоватым цветом приборная доска, и шуршали, постукивая по дорожным швам, шины. Огни встречных машин пробегали по нашим лицам, как лучи прожекторов, ощупывающие пограничную полосу и выхватывающие из мрака песок и черные кусты.

– Ты знаешь, сегодня я...

– Тсс... Молчи... – сказала она таинственным голосом, словно пришедшим из далекого прошлого, и приложила палец к губам. – Не надо слов. Лучше давай читать мысли.

Аэропорт накатился на нас сверкающей громадой, и все смешалось, она плакала, я кусал губы, чемодан уплыл по транспортеру в открытую черную пасть. Ей пора уже было убегать на посадку, мы держались за руки.

– Прощай, – она сжала мою ладонь. – У меня такое чувство, что мы еще когда-нибудь встретимся.

– Я буду думать о тебе каждую секунду, может быть, ты что-нибудь почувствуешь...

– Я тоже буду думать о тебе. О Боже... – Она кинулась порывистым движением в холл за барьер, обернулась, и глаза ее отчаянно сверкнули, навсегда отпечатавшись в памяти, как фотография.

Я спустился в гараж, покачиваясь и ощущая сосущую пустоту в груди. Она забыла сигареты. Полупустая мягкая пачка лежала на сиденье, мои руки дрожали. Ревели взлетающие самолеты, долина погружалась в ночь. Мерцающие огни расплывались перед глазами от слез, я гнал машину по автостраде, еще не понимая и не веря в происшедшее.

Дома было темно, и все уже спали. Я подошел к ребенку. Он безмятежно раскинулся на кроватке, сладко сопя и поднимая брови. «Что же тебя ждет в этой жизни, малыш? – подумал я с горечью и вспомнил, что называл так ее. – Она уже летит где-нибудь над ночным океаном, а внизу крохотными свечками горят одинокие корабли, потерянные в черной мгле», – понял я...

Компания Пусика была освещена ранними лучами солнца, ласкового и чуть розоватого, пробивающегося через клочья утреннего тумана. Черные, навевающие тоску стекла нависали над зеленой лужайкой. «У нее уже вечер, – думал я, поднимаясь по лестнице. – А здесь ничего не изменилось, да и не могло измениться»

– Ты куда пропал вчера? Ты что себе позволяешь? – Андрей с надутыми красными щеками возмущенно пыхтел, выпятив глаза. – Теперь будешь отвечать по всей строгости! – он возмущенно покачал головой. – Иди срочно к Леониду объясняйся! Заказчики тебя ждали, я уже не говорю о том, что после обеда Ефим приехал, спрашивал о тебе. Да за такое тебя уволить мало!

– Я был на конференции, слушал доклады, – спокойно соврал я.

– Какой еще к черту конференции? – Андрей сверкнул глазами и сделал резкое движение руками. – Ты что, сюда приехал по конференциям расхаживать? – зашипел он.

– Знаешь, я тебе кое-что скажу. Идите к чертовой матери вы все вместе с вашими схемами, заказчиками, Леонидом, Борисом и дисциплиной! – зарычал я. – Я вас не устраиваю, пожалуйста, я завтра же уйду и никогда вас не увижу! – «Если бы она меня видела», – подумал я вдруг.

– Как ты смеешь? – начал он и вдруг осекся, с недоумением посмотрев на меня. – Да нет, собственно ничего страшного не произошло, – он пожал плечами, – Чего ты кричишь? Просто в следующий раз предупреждай Леонида.

Я вздохнул и пошел в кабинет к вице-президенту. Борис сидел там же и, слегка презрительно скривив губы, пристально посмотрел на меня.

– В чем дело? Где ты вчера шлялся? – Леонид был белым от ярости, как я и предполагал.

– Извините, пошел послушать доклады и застрял, – снова соврал я.

– Это тебе что, Академия Наук, что ли? Ты учти, ты серьезно подорвал свою репутацию, и доверия тебе больше нет! Иди, объясняйся с Ефимом, и посмотрим, что он тебе скажет, – губки его гаденько скривились.

– Ефим так Ефим. – Мне было все равно, потому что перед глазами светились силуэты Эйфелевой башни. Леонид удивленно взглянул мне вслед.

– Все-таки все у них в этой Академии Наук были сдвинутые, – громко, так чтобы я услышал, выругался он.

– Ну что, – Ефим усмехался, наливая себе стакан кофе, – проштрафился? Куда ты исчез? Слушай, не переживай, правильно сделал! Я тебе говорю, тебе вообще на этой выставке делать было нечего. Я Леониду сразу сказал, чтобы тебя туда не посылали.

– Я зашел на конференцию и заинтересовался докладом, – покривил я душой. Ефим подозрительно взглянул мне в глаза.

– Листен, Листен, тебе не идет, ты только не ври, понял? Что ты хитришь? С бабой был, так и скажи, я никому не расскажу.

– Ефим... – мне стало не по себе.

– Да, я все чувствую, меня не проведешь, – президент отхлебнул кофе. – Правильно, я сам такой же был, так и надо. Молодец, я тебе давно говорил, отвлекись, может идея какая в голову придет. Надо отвлекаться. Так что забудем об этом, – он подмигнул мне с видом заговорщика.

Жуткое и одновременно противное ощущение, как будто кто-то подсмотрел за моей жизнью в замочную скважину, не покидало меня. Внезапно неясное дуновение коснулось меня и почему-то забилось сердце. Я вздрогнул, потому что почувствовал, что над Эйфелевой башней опускался красноватый закат, и что она смотрит на него.

«Храни Господь простых, нормальных людей, живущих спокойной жизнью и не верящих в любовь, природу, чтение мыслей, космос и тайны человеческой души,» – неожиданно подумал я.

Глава 26.
Лотерея Жизни.

– Ефим, все прекрасно получается, посмотри! – академик радостно пытался продемонстрировать президенту результаты измерений. – Что бы там Борис ни говорил, оба способа сходятся с огромной точностью, так что теперь мы можем сверлить отверстия где угодно.

– Листен, при чем здесь Борис? – Ефим недоуменно посмотрел на академика. – Я как к тебе не приду, все слышу: «Борис, Борис.» Ты совсем с ума сошел, что ли?

– Да нет, Ефим, я ведь в том смысле, что он все время кричал про лысенковщину, лженауку, смешно право. Какая там лженаука, ты посмотри, как все здорово получается!

– Нет, – Ефим неожиданно побагровел от гнева. – Это ты специально, совсем охренел, устроил с ним соревнование, кто кому что сможет доказать. Ты мне это брось! Слышишь? Брось немедленно! – он перешел на крик.

– Ефим, ну что ты? – растерянно развел руками академик.

– И что ты все время разводишь своими руками, что это за идиотские жесты, твою мать! Ты меня из себя выводишь, я как тебя увижу, начинаю звереть!

– Ефим, – академик окончательно перестал понимать, что происходит, – ты все-таки посмотри, как получается отлично. Все, задачка решена на все сто процентов, больше никаких сомнений быть не может.

– Опять ты рапортуешь как на партийном бюро! – Ефим в ярости взревел. – Ты что, совсем тронулся? Что ты отчитываешься, привык что ли? Скажи, – Ефим слегка присел, и на лице у него появилось гадкое выражение, –привык перед начальниками отчитываться и шапками всех закидывать? Прекрати сейчас же, а то я за себя не ручаюсь!

– Да я же серьезно говорю, – академик с удивлением посмотрел на Ефима и машинально взял его за руку чуть ниже локтя. – Не нервничай, посмотри на установку, красота какая получается.

– Не прикасайся ко мне! – Ефима перекосило от ярости и он выдернул руку. – Меня от этого трясет! Это ты власть свою хочешь так показать, вцепиться и не выпустить! У меня один знакомый был, он баб когда видел, так же хватал, сильно сжимал руку и не выпускал, пока не трахнет. Любишь власть, да? Руководить хочешь, начальником быть? Не можешь без этого, свихнулся на своей власти, идиот! Ты и Бориса из-за этого с дерьмом смешал, тебе абсолютной власти хотелось, не мог допустить, чтобы проектом кто-нибудь еще занимался!

– Ефим, в чем дело? – академик отошел в сторону и испуганно посмотрел на искаженное от ярости, перекошенное лицо Ефима. – Давай лучше поговорим в другой раз, когда ты успокоишься, я не привык к таким крикам.

– Ах, не привык! – Ефим заскрипел зубами от ярости. – А проект стоит, ни хера не сделано! Конкуренты уже подставки выпускать начали, ты знаешь, сколько я на них потерял? Миллионы, и все из-за тебя и твоих ученичков. Жлоба этого, с пузом, выписал неизвестно зачем!

– Что значит - проект стоит? – холодно спросил академик. – Все досконально рассчитано и измерено.

– На хер мне твои расчеты? – Ефим в раздражении сгреб со стола бумаги, авторучки и резким движением швырнул все это на пол. Листочки, как белые голуби, разлетелись по комнате. – Ты расчетами и установками занялся специально, чтобы Борису свою правоту доказать. Мне, кто прав, неважно, ты понял? Мне подставку надо выпускать. Ты бы давно взял и начертил чертеж, что и где просверливать вместо своих идиотских упражнений. – Ефим в ярости стукнул ногой по креслу и вышел из комнаты. Колесики взвизгнули, кресло покатилось в угол комнаты, с размаху ударилось об угол стола и упало.

– Бог ты мой, – Олег был перепуган. – Что это с ним?

– Я и сам не пойму, – у академика дрожали пальцы. – Вы знаете, Олег, на меня никогда в жизни никто так не кричал. А я еще оправдывался, даже противно. У меня такое чувство, что я только что сделал колоссальную ошибку. Вы знаете, когда он только повысил голос, надо было сразу же его оборвать. А я все время про Володю думал, сдерживался. Ведь Ефим ему обещал, что вызовет сюда, иначе пропадет парень. Если бы не это, хлопнул бы дверью и ушел.

– Куда же вы пойдете, – Олег нахмурился. – Только если в Россию возвращаться.

– Да, – академик вздохнул, – с этими дырками я совсем свои дела запустил. Надо было со знакомыми связаться, может быть, удалось бы поработать где-нибудь в университете.

– А виза? – спросил Олег. – Для этого вашу визу изменять придется.

– Да, – академик смутился, – я, право, об этом как-то не подумал. Что это на Ефима нашло, ума не приложу. И ведь на результаты и краем глаза не посмотрел, что за удивительный человек! Надо действительно приготовить чертеж, пусть они просверлят свои дырки и угомонятся. Вы умеете чертить?

– Ох, у меня с этим плохо. – Олег страдальчески поморщился.

– А я, коллега, представьте себе, что-то помню. Я после школы некоторое время слесарем и токарем на станке работал, да и потом всю жизнь себе для установок сам детальки вытачивал. Это раз плюнуть, мы сейчас все за полчаса набросаем. – Академик, напевая под нос, разложил на столе большой лист бумаги и начал рисовать карандашом тонкие линии.

– Эх, нехорошее у меня чувство, – вдруг грустно сказал Олег.

– Не каркайте, коллега, – академик весело посмотрел на него. – Вот увидите, скоро Ефим отойдет и придет извиняться. А тут мы ему чертежик и подсунем...

Президент, надев очки и громко, раздраженно сопя, ввалился в комнату около восьми часов вечера.

– Где чертеж, черт побери? – закричал он прямо с порога. – Готов чертеж или нет, я тебя спрашиваю!

– Вот, посмотри Ефим, – академик явно не ожидал напора и смешался, протягивая расчерченный лист бумаги.

– Что это? – в недоумении спросил Ефим и, скривив губы, начал внимательно всматриваться в рисунок. – Что это за говно, я тебя спрашиваю?

– Что? – переспросил академик.

– Почему шесть отверстий? Листен, Листен, Листен, Листен, ты совсем охренел. Это ты что, нарочно самовольничаешь? Ты что о себе возомнил? Где разметка? Это что за закорючка сбоку? Что же ты, идиот, нормального чертежа начертить не можешь, что ли?

– Ефим, – академик машинально развел руками. – Во-первых, я попрошу так со мной не разговаривать, я к этому не привык. А во-вторых, я все-таки не чертежник!

– Вот, – Ефим затрясся от злости. – В этом ты весь! Ты, мать твою, ученый! Белоручка, командовать хочешь, а руки марать так кто-нибудь другой! А ты у меня пойдешь сортиры мыть! Да, он, видите ли, не чертежник! Да из тебя инженер, как из моей задницы оратор! Члены царской семьи в Нью-Йорке таксистами работали - и ничего! И не разводи руками, я от этого зверею! – взвизгнул он. – Я тебя видеть не могу, больше не буду в эту комнату заходить, иначе сорвусь и за себя вообще не ручаюсь, голову тебе оторву! – Ефим разорвал чертеж и бросил скомканные обрывки на пол. –Да! Что тебе? – в раздражении сказал он, увидев почтительно замершего на пороге Джона. – Что это у тебя в руке?

– Это я, Ефим, детальку выточил. – Джон, увидев сверкающие глаза президента, слегка подался назад.

– Дай сюда! – Ефим поманил его пальцем. Пожилой седовласый джентельмен машинально сделал движение, как будто ребенок, пытающийся спрятать от мамы конфету, но тут же спохватился и послушно протянул президенту ладонь с маленькой металлической штучкой.

– Иди, иди ко мне, – усмехнулся Ефим. Он схватил детальку и с яростью запустил ее в соседнюю комнату. Раздался жалобный стеклянный звон, и кто-то испуганно вскрикнул.

– Вот он, – Ефим показал пальцем на академика, – возьмет в руки паяльник и пойдет в цех работать! – Ефим всплеснул руками и вышел из комнаты.

– Ничего не понимаю, – академик растерянно посмотрел на Олега. – По-моему, он сошел с ума. Только вчера мы прекрасно беседовали, обсуждали планы на будущее. Может быть, у него осложнение болезни? Знаете, бывает такое временное помутнение сознания.

– Теперь совсем плохо будет, – Олег нахмурился. – Вы же знаете, мне Борис с Леонидом прохода не дают, я уже боюсь пойти в кафетерий и кофе себе налить. Только на кого-нибудь наткнешься, сразу начинаются гадкие намеки, угрозы. А теперь еще и Ефим взбесился... Наверное, придется уезжать, как это не обидно.

– Да я и сам не понимаю, – академик в недоумении развел руками, – при чем тут мои жесты, власть? Разве я когда-нибудь хотел власти? Олег, скажите честно, я когда-нибудь на вас давил, принуждал?

– Григорий Семенович, да Бог с вами! О чем вы говорите, мне с вами работать было очень приятно, клянусь.

– Спасибо, – у академика закружилась голова, и он прислонился к столу. – А то вы знаете, я уже сам себе не доверяю, может быть, я действительно давлю на людей, поступаю как властный старый самодур. Даже в голове что-то поехало в сторону. – Академик повращал шеей.

– Вам нельзя волноваться, – испуганно вскричал Олег, –посмотрите, у вас в глазу кровоизлияние, весь правый глаз кровью залит, и лицо покраснело.

– Да? – удивился академик, – а я-то думаю, что же это все как в тумане, – он, кряхтя, сел в кресло. – Да, иногда чувствую себя совсем стариком. Честное слово, если бы кто-то рассказал про сегодняшние события, не поверил бы. Меня друзья предупреждали, что Ефим иногда выкидывает фокусы, но говорили, что он человек очень порядочный, погорячится и отойдет, а если слово дал, обязательно сдержит. Ведь он же Володе обещал его пригласить!

– Я бы на вашем месте срочно связался с друзьями, может быть, они смогут помочь. – Олег нервно провел рукой по волосам. – А там, глядишь, и Володю удастся куда-нибудь пристроить.

– Да, может быть вы и правы. Черт, как будто снится все! – академик встряхнул головой. – Олег, я право чувствую себя перед вами виноватым, ведь теперь из-за меня и вам несдобровать.

– Ничего, я выдержу. А не выдержу, уеду, и дело с концом!

– Нет, нет, это вы погодите, – академик, прищуриваясь, надел очки и достал из ящика стола пухлую записную книжку в кожаном переплете. В книжку были вложены бесчисленные листочки, обрывки бумаги, исписанные адресами, перечеркнутые закорючками формул и диаграммами. Старая кожа на переплете книжечки вытерлась и обтрепалась.

– Вы знаете, что мне удалось раскопать в перерывах между изучением этих дырок, будь они неладны? – Академик воодушевился, лицо его осветилось лучезарным и одновременно ироничным взглядом, и он лукаво взглянул на Олега. – За это, уважаемый, можно и Нобеля схватить, если повезет. Ну да хрен с ним, с Нобелем, динамитчик паршивый, не в нем дело! Я тут как-то сидел и смотрел на уравнения, результатики-то наших старых, еще московских экспериментов у меня с собой. И выявилась поразительная, красивейшая закономерность! Все это проглядели, вернее, знаете, как бывает: грибы когда-нибудь собирали? Все грибнички рвут с утречка с корзинками в заветные чащи, полянки, чешут через лес в своих резиновых сапогах, сердце ёкает: «А вдруг мою полянку уже обобрали»... А кто-то сел отдохнуть, и мать честная! Вдоль самой дорожки, по которой только что толпа промчалась, растут родимые, белые, крепкие, с коричневой шляпкой!

– Ну, вы художественно излагаете, – Олег заинтриговано посмотрел на академика, – даже самому в лес захотелось! Там тишина, листья шуршат и вокруг ни Ефима, ни Бориса...

– Ну да, так вот я обнаружил явление удивительное, которое столько всего объясняет, что все эти профессора из местных университетов будут меня на руках носить. А может быть, – и академик торжествующе посмотрел на Олега, – и вас со мной в придачу. К тому же в промышленности это если не переворот, то все-таки небольшая революция.

– Я-то причем? – Олег удивился. – Это же ваша работа.

– А кто об этом знает? Не выпендривайтесь, Олег. Считайте, что это нас из окопа вытаскивают... Я сейчас позвоню своему старому другу, американцу, он у меня в гостях в Москве целый месяц жил. Он здесь недалеко работает, директор большой лаборатории, знаменитость. Нобеля он, правда, не схватил, размаху не хватило, но медалей и призов всяких до хрена, что твой Брежнев на параде! Я ему намекну на мое открытие, он мужик цепкий, наверняка что-нибудь устроит.

Академик снял телефонную трубку и, прищуриваясь, с трудом разбирая мелкие цифры, набрал номер.

– Билл, – это Григорий, из Москвы. Нет, я в Америке. Ну видишь! Ты знаешь, я здесь недалеко, работаю в компании «Пусик». Ну да, это компания так называется... Нет, недавно, но закрутился, только сейчас собрался позвонить. Да, и я чертовски рад! Работа? Прекрасно, у меня есть кое-что новенькое, закачаешься! Давление в нашей задачке в тысячи раз вырастает... Интересно? Конечно, встретимся. Среда? Отлично, диктую адрес...

– Ну, что? – Олег заинтересованно подошел поближе.

– Клюнул как миленький. В среду примчится. Он хороший мужик, сильный, цепкий. – Академик от волнения потер лоб ладонью. – Эх, ваш покорный слуга, конечно, осел и старый тупица. Как же так, накинулся на эти подставки, все забросил. Надо было сразу же ему позвонить. Да у меня и в других штатах несколько хороших знакомых в университетах есть. Ведь мы в России в нашей области все-таки пионерами были, на всех симпозиумах приглашенные доклады, американцы в рот нам смотрели!

– Да, – Олег скептически посмотрел по сторонам. – Как в сказке: нам бы день простоять, нам бы ночь продержаться. До среды, между прочим, еще два дня.

– Я, – академик вдруг как-то обмяк и сел на стул, – когда он отойдет, схожу к нему и поговорю по-человечески. Что это такое, должен же он понимать, что так не поступают. А если он еще раз на меня голос повысит, брошу все и уеду назад. Хотя, по совести говоря, мне и уезжать-то толком некуда. И с Володей беда, обнадежил парня, он там крутится, что-то для частников чинит, чтобы детеныша накормить... – Академик задумался. – Черт побери, что за жизнь идиотская пошла...

Солнце уже давно село, и улица освещалась лишь лиловым светом фонарей и огнями изредка проезжающих автомобилей. В религиозном центре происходила церемония, и около него скопилось огромное количество машин. На втором этаже в небольшой комнате заседала за закрытыми дверями Команда, до которой быстро дошли слухи о том, что академик вышел из фавора.

– Все и так было понятно с первого же дня, когда этот старый болван появился здесь! – Борис торжествующе оскалился, и по лицу его пробежала презрительная усмешка. – Наконец-то Ефим понял, что для компании этот махинатор как гангрена, которую ржавой тупой пилой нужно отпилить!

– Да, да ребята, – Леонид был полон сил. – Все нормально, Эдика выперли, академика Ефим вышибет не сегодня, так завтра, так что можно считать, мы победили!

– Надо бы поговорить с Ефимом и установить порядок приглашения и приема на работу новых людей. – Борис гремел, как динамик на городской площади. – Иначе результаты получаются плачевные! С этой парочкой, не считая Олега и верных ученичков, у меня ушло столько крови и нервов, сколько я за весь предыдущий год не потратил. Так что, – он на секунду задумался, явно что-то подсчитывая, – я оцениваю ущерб компании

примерно в два с половиной миллиона, по миллиону с четвертью долларов на каждого из мудаков. Надо сделать так: во-первых, брать людей только проверенных, подходящих нам по стилю. Вот Сергей приехал, и все нормально, начальство слушает, рубашка правильная, задания исполняет. Во-вторых, каждому при приеме устраивать самый жесточайший экзамен, нам нужны люди только высочайшего уровня. В-третьих, – Борис оглянулся вокруг. – У нас слишком много русских, это пора кончать. – Он понизил голос, приобретший снова железные непримиримые интонации. – Я считаю, из России надо брать только людей действительно уникальных, которые за визу будут готовы выкладываться по четырнадцать часов в сутки без выходных! И стараться набирать американцев, сейчас такая безработица, на улице полно сильных людей. Хорошо бы, – тут Борис мечтательно поджал губы, – устроить небольшую чистку, уволить человек семь-восемь, самых отпетых. Они тут распустились, ходят вокруг компании во время обеда, курят!

– Борис, Борис, – Леонид испуганно замахал руками, – Не так все просто. Где ты найдешь американцев, которые так будут выкладываться за скромную зарплату! Ты с ума сошел, они к этому не привыкли. А хорошим специалистам надо хорошо платить, и все они давно сидят на тепленьких местах. А ведь могут попасться и такие, что Ефим на них накричит, а они в суд подадут за оскорбление личности. Вот и разбирайся с ними потом!

– Как тот пакистанец? – Борис усмехнулся. – Подал на компанию в суд за то, что Ефим дискриминирует мусульман в пользу русских и евреев.

– И чем это кончилось? – заинтересованно вступил в разговор Андрей.

– Ничем, – Борис засмеялся, – он же полным лопухом оказался. У него одним из главных аргументов было, что у Ефима работает девушка по имени Израиль, а она из каких-то папуасов что ли, словом такая же еврейка, как и я. Судья как об этом узнал, распустил заседание и дело закрыл.

– Вот видишь, – Леонид серьезно посмотрел на Бориса. – А американец такого промаха может и не допустить... Нет, я считаю, что все развивается нормально и нервничать уже нечего. А людей надо погонять посильнее, чтобы не расслаблялись, и через неделю все будет в полном порядке!

С потолка раздавалось шуршание кондиционера, и в комнату спускался чуть сладковатый запах, принесенный из канализационного коллектора. В соседнем здании басом пели хоралы, и с улицы доносились веселые крики детей.

Среда наступила неожиданно быстро. Приехавший посмотреть на академика знаменитый американский профессор словно сошел с картины, изображающей надутого американского буржуя. Строгое, идеально выбритое, не выражающее особых эмоций лицо с немигающими зеленоватыми глазами за золотыми стеклами пенсне, добротный серый костюм с торчащими из кармана золотыми ручками, хрустящий накрахмаленный воротничок белой рубашки, кожаные ботинки - все это как нельзя более подходило к образу холеного буржуазного специалиста.

– Григорий, – на лице гостя появилось вежливое и застывшее подобие улыбки – Сколько лет! – Он пожал руку академика. – Поздравляю с приездом! Вот как велика сила демократии, подумать только, что ты здесь!

– Билл, я тоже ужасно рад. Теперь сможем обсуждать научные проекты, результаты... – академик слегка нервничал и суетился, усаживая гостя на вертящийся стул.

– Ну, рассказывай, чем ты здесь занимаешься, какие успехи. – Профессор аккуратно сел на стул, достал из кожаной папки блокнот, перевернул в нем чистый листок бумаги, достал из кармана золотую ручку и поправил пенсне.

– Да, в общем-то, в компании у меня работа прикладная, не исключено, что и временная. – Академик усмехнулся. При этих словах брови гостя поднялись, и он на мгновение напрягся, но тут же вежливо улыбнулся и снова стал вежливым и чинным. – Главное, у меня недавно получились прекрасные результаты по той проблеме, которой мы с тобой раньше занимались, помнишь? Это целый переворот, оказывается, что изменения давления происходят со скоростью, в тысячи раз превышающей ожидаемую!

– Неужели? – золотое перо забегало по бумаге, и Билл с удивлением посмотрел на академика. – Это же действительно уникальный, бесценный результат! У тебя есть экспериментальные данные?

– Конечно, – академик достал из стопки бумаг листочек с диаграммой. – Вот посмотри, что получается.

– Потрясающе, – гость разволновался и испытующе взглянул на академика. – Григорий, поздравляю! Это большая находка. Ты уже опубликовал статью?

– Да какая там статья, – академик усмехнулся, – я тут одной работой был день и ночь занят. Но теперь обязательно напишу. Билл, я думал, может быть, мы вместе в твоей лаборатории поставим кое-какие эксперименты?

– Видишь ли, – Билл привычным движением отложил авторучку в сторону. – Это было бы прекрасно, но мне нужны данные о твоей работе. Это же не так просто. Вот если бы ты приехал к нам и все рассказал подробно, – он пристально взглянул на академика, – мы смогли бы начать думать об этом.

– У меня есть все данные, – академик улыбнулся. – Я расскажу, с удовольствием. Но все-таки, может быть, мне удастся у тебя поработать, лекции почитать, хотя бы на временной позиции.

– Григорий, – взгляд гостя стал непроницаемым, а в голосе появились сухие интонации, – я бы с радостью, но для этого необходим ряд условий. Прежде всего, придется получить финансирование, ты же знаешь, сейчас в науке условия изменились.

– А что изменилось? – академик непонимающе посмотрел на коллегу.

– Вы, например. – Билл серьезно посмотрел на академика. – В России теперь демократия, холодная война закончена. Фонды на исследования почти не выделяются, ставок уже давно нет.

– Да не нужна мне ставка, – академик недоуменно пожал плечами. – Мне бы только на еду и квартиру хватало, а когда сделаем работу, выбьем кучу денег, я в этом уверен.

– Григорий, – укоризненно произнес профессор, – все совсем не так просто. Для того, чтобы получить деньги, необходимо подать заявку в Национальный фонд, а это большая и сложная работа. К тому же рассматриваются заявки только в декабре.

– Что же, до декабря придется ждать? – Академик растерянно взглянул на гостя.

– Да, безусловно. Я думаю, заявку все равно надо подать, у меня есть анкеты, начинай ее готовить. Можно даже совместно с нашей лабораторией подать... Хотя, если быть реалистом, шансов на то, что удастся получить деньги, почти нулевые.

– Почему? Ведь работа многообещающая. – Академик поднял брови.

– Работа прекрасная. Вот если бы ты год назад приехал... Наша лаборатория в прошлом году получила грант по сходной теме, так что в этом году еще одного нам не дадут. Может быть, тебе попытаться взять в соавторы кого-нибудь с Восточного побережья, из Принстона, например -профессора Холла. Они в прошлый раз как раз деньги не получили.

– Но как же так? – академик был потерян. – Билл, но ты же понимаешь, чем это пахнет, если работа получится!

– Григорий, пойми, результаты это одно, а финансирование совершенно другое. Конечно, когда удастся все доказать, опубликовать, поднять шумиху, тогда будет немного легче. Но для этого необходим по крайней мере год напряженной работы, – профессор отряхнул прилипшую к пиджаку нитку. – К тому же, неплохо бы иметь хорошие знакомства с людьми, распределяющими фонды.

– Никогда бы не подумал. Какой-то замкнутый круг получается. Что же ты мне посоветуешь делать?

– Во-первых, обязательно подготовь публикацию, тогда об этой работе начнут говорить. Во-вторых, – гость хрустнул загибаемым пальцем, – подготовь заявку в Национальный фонд. Я бы смог тебе помочь, скорее всего, все равно придется включить в соавторы кого-нибудь из местного университета, это увеличивает шансы. Кстати, у тебя есть разрешение на работу в Америке?

– У меня виза с разрешением на работу...

– Не подходит, – Билл покачал головой. – В этом случае единственное, что остается, это совместный, Русско - Американский проект. Этот вариант может оказаться даже более успешным, так как Конгресс дает деньги на работу с Россией. Хотя тебе, видимо, придется в этом случае вернуться в Москву.

– Ну что же, – академик растерянно посмотрел по сторонам, – это лучше, чем ничего... А я по наивности ожидал, что передо мной будет открыта дорога...

– Григорий, – Билл нахмурился. – Я очень хочу тебе помочь, но давай будем реалистами. Финансируют в среднем одну заявку из ста. Шансов найти для тебя позицию в Университете почти никаких: подумай, ты же известный ученый, тебе с твоими заслугами нужна хорошая позиция. Вакансия для профессора появляется, может быть, раз в два года, и на нее претендуют несколько сот кандидатов, к тому же имеющих безупречный английский язык, – при этих словах Билл укоризненно нахмурился, – американское гражданство и обширные связи.

– Да, язык у меня не блестящий... Погоди, погоди, – академик затряс головой, – а результаты, наука что, никого уже не интересует?

– Ну почему же, – Билл поморщился, – хороший результат – это всегда хороший результат. Но для этого, – голос его стал серьезным и убеждающим, – ты должен быть в Системе. Ситуация очень ухудшилась, Георгий. Я бы на твоем месте подумал о возвращении в Россию. Оттуда ты сможешь приехать к нам по программе научного обмена. Ты знаешь, на эти программы обычно легче выделяются средства.

– Хорошо, – академик задумался. – Этот вариант всегда остается. А все-таки с нашими исследованиями, ты мне можешь чем-нибудь помочь, каковы твои рекомендации?

– Я сделаю все, что от меня зависит, наведу справки, – Билл снова взял ручку и начал делать пометки на листе бумаги. – Но не хочу тебя особенно обнадеживать... Это требует скрупулезной, тщательной проработки. Вот если бы ты был молодым, мог бы пойти на пост-докторат... Это что-то вроде рабочей лошадки при университетском профессоре, но такую позицию найти проще. Тысяч двадцать, может быть даже тридцать долларов в год ты получать сможешь. Я напишу письма знакомым, хотя шансов все равно мало – обычно на такие места берут людей возрастом до тридцати – тридцати пяти лет.

– Но, – академик окончательно смутился, – я думал, что для меня это в некотором смысле пройденный этап.

– Что поделать... – Гость вздохнул. – Мне тебя искренне жаль. Самое вероятное для тебя сейчас – это поискать работу в промышленности, разослать резюме в две-три сотни компаний. Только, – Билл поморщился, – не упоминай своих научных регалий, главное упирай на практический опыт. Может быть, даже техником пойди, если тебя отсюда уволят.

– Да... – академик загрустил.

– Григорий, мы с удовольствием устроим тебе семинар в нашем Университете. – Билл расцвел, широко улыбнулся и засветился энтузиазмом. – Организовать лекцию я смогу, это несложно, – бодро сказал он. – Ну, мне пора, – гость аккуратным движением отодвинул белоснежный рукав рубашки и посмотрел на часы. – Извини, деловая встреча. Да, работа у тебя прекрасная, очень интересно. Срочно публикуй! Я, пожалуй, смогу одного студента к этой теме подключить, приезжай, звони. Какая разница, в Университете ты будешь работать или нет? Ну что же, желаю удачи! – Он крепко пожал руку академику и попрощался.

– Да, Олег, я, прямо вам скажу, озадачен, – академик с грустью потер щеку. – Как-то оттуда, из Москвы, все казалось по-другому. Вы знаете, что меня поразило? Я же чувствовал, что ему ужасно хочется из меня выманить результаты, но в какой-то момент он передумал. Видимо, решил не связываться: статью-то я все равно опубликую, а мороки со мной не оберешься... Ну что же, человек цивилизованный, порядочный. В России бы у меня все результаты директор сразу же спер, быстренько включил бы в свою обзорную статью или доклад, а потом бы вообще заявлял, что это он все сам придумал!

– У меня осталось тяжелое впечатление, – Олег явно был расстроен.

– Подумать только, вы почувствовали? У них голова болит не о работе, а о шелухе: заявки, гранты, деловые связи. А ведь раньше, еще лет шесть назад все было проще... Ну что же, пойду разговаривать с Ефимом, может быть, он выздоровел...

– Не ходите, Григорий Семенович, прошу вас.

– Нет, Олег. Я прятаться не привык, лучше иметь полную ясность во всем с самого начала. – Академик встал, поправил рубашку и решительно поднялся на второй этаж. Ефим сидел в своем кабинете, развалясь в кресле и миролюбиво разговаривая по телефону.

– Ефим, нам необходимо поговорить, – начал академик, когда президент повесил трубку.

– Листен, Листен, Листен! О чем говорить? Ничего не сделано, нуль! Ты какую-то херню порешь, Олег этот с тобой распустился. Ты же его задавил, уничтожил, под себя подмял! – Ефим глухо засмеялся, смех перешел в какие-то надрывные рыдания, и президент вскочил и подбежал к окну.

– Ефим, – академик напрягся. – Я не привык, чтобы со мной разговаривали в таком тоне. Когда ты меня приглашал, мы разговаривали совсем по-другому. Если ты болен или я тебя не устраиваю, изволь, я готов сейчас же уйти.

– Опять ты херню несешь... – Ефим прислонился к окну, зевнул и со скучающим видом посмотрел на улицу. – Ну что мне с тобой делать, я же против тебя ничего не имею. Компания работает прекрасно, денег полно... Работай, делай что можешь, только не рапортуй! Ребята все тобой возмущаются, не мути воду, понял?

– Ефим, ну вот опять! Что ты говоришь, подумай! Я же докладывал тебе о реальных результатах, иди к нам в комнату, пощупай все руками! Кто мной возмущается, почему? Это же дикость какая-то!

– Опять «докладывал»! На хера ты мне докладывал, иди на партсобрании докладывай! – Ефим глухо застонал. – Какие результаты? Вот конкуренты продают подставки, это результаты. Они продали одну штуку, получили деньги. А ты непонятно чем занимаешься. Что ты за чертеж нарисовал с закорючкой сбоку? У меня семнадцатилетний паренек лучше тебя рисует!

– Ладно, Ефим, хватит! Я больше издевательств от тебя терпеть не хочу. Жаль, что так все получилось. – Академик развернулся и пошел к двери.

– Стой, – Ефим одним прыжком покрыл расстояние от окна до дверного проема. – Прекрати это! Провалил проект, победил тебя Борис, признайся себе в этом, а не устраивай сцены вроде истеричной девки, которая хочет, чтобы с нее сорвали юбку и тут же изнасиловали, а для виду изображает возмущение.

– Извини, – Академик попытался выйти.

– Нет, погоди. – Ефим снова глухо зарыдал и схватился за голову. – Ты влезь в мою шкуру, все разваливается, люди работать не хотят. У меня таблетки кончились, голова трещит. Ужас, эти идиоты сами не могут и шага ступить. Ты извини, я не в себе бываю. Хорошо, ты победил. Извини еще раз, я иногда не понимаю сам, что делаю...Не обращай внимания, работай, изучай, что хочешь. Я тебя не трогаю, получи спокойно свой вид на жительство. А получишь, решишь что делать, возвращаться в Москву или уходить в университет. Ведь у тебя голова хорошая, я же знаю.

– Ефим, – академик колебался. – Ты знаешь, я и сам не так уж здоров, такие сцены, вроде той, что ты устроил недавно, не для меня.

– Я к тебе больше не подойду, – Ефим нахмурился. – Я только волноваться начинаю, когда тебя вижу, мне, ты думаешь, это надо? Ты думаешь, мне приятно кричать, это я о помощи прошу, плачу! Да, займись своими проектами, может быть, что-то получится. Володю вызовем, ты же хочешь его получить?

– Ну хорошо, только я тебя прошу, не устраивай больше скандалов.

– Вот и прекрасно. Извини еще раз, – у Ефима был виноватый вид.

Академик с тяжелым сердцем вышел из комнаты. Что-то давило ему сегодня на грудь и не давало дышать. Листы тетради, исчерченные графиками и диаграммами, установки,

карандаш, тихий свет, льющийся с улицы... – А не собрать ли нам простенькую модель? – неожиданно подумал он. – Несколько баночек, колбочек, запаять стекло, сунуть кипятильник и пусть все закипает, бурлит и взрывается. Температуру можно поддерживать, давление тоже. Простенькая моделька, не чета той, что у нас в Москве была, но, может быть, удастся что-нибудь понять...

Через несколько дней модель заработала и начала выдавать забавные результаты. В стеклянной банке торчал кипятильник, рядом громоздился блок питания и ящик со множеством проводков. Из банки выходил тоненький стерженек колбочки, по которой жидкость поднималась вверх и скапливалась в другой баночке поменьше. Рядом стоял серый генератор с несколькими ручками и стерженьки, приклеенные к большой банке эпоксидным клеем. Несколько проводков тянулись в стоящий рядом компьютер, на экране которого светились колонки цифр. Время от времени в баночке происходили необъяснимые пока явления: откуда-то неожиданно возникал серебристый пузырь, рос, несся вверх, упирался в тоненький стерженек и конструкция взрывалась. Раствор бежал вверх по тоненькой трубочке, выплескивался фонтанчиком и начинал бурлить, после чего снова затихал. Внешне спокойная, прозрачная жидкость начинала незаметно для окружающих накапливать энергию, и через несколько минут появлялся очередной пузырь, и все повторялось.

– Потрясающе, – думал академик, – такая незатейливая моделька, а поведение у нее со странностями! – Он крутил ручки генератора, и поведение жидкости менялось, она закручивалась вихрем, зародыши газа срывались со стенок, и в трубочке долго булькало. Лицо его горело от возбуждения, и радость поднималась внутри, будто проносясь вихрем по шкафам, стульям, черным окнам, настольной лампе, листам бумаги и книгам.

– Прикрутите болты, идиоты! – громко донеслось из соседней комнаты. – Научитесь уже думать самостоятельно!

Академик выглянул из двери. Ефим, в черном пиджаке, стоял, засунув руки в карманы.

– Ну, как дела? – озабоченно спросил он. – Как наука? Успокоился, никто тебя не мучает? – он усмехнулся.

– Ефим, – академик неожиданно для себя начал разводить руками и делать приглашающие жесты, – заходи, посмотри, какие интересные вещи получаются. – Он снова поманил президента к себе.

– Ну, что там еще? – Ефим неохотно зашел в комнату. Вид колбочек и кипятильника подействовал на него, как красная тряпка на быка. – Мудак! – заорал он. – Совсем охренел, баночек понаставил! Ты что анализ мочи собираешь?

– Ефим, – ...

– Не подходи ко мне, я от одного твоего вида зверею! – президент компании в ярости заскрежетал зубами и выскочил в коридор.

– Зачем вы его позвали? – Олег укоризненно покачал головой.

– Забылся, – академик, как подкошенный, опустился на стул. – Увидел результаты и обрадовался как ребенок. Никак не могу привыкнуть, все кажется, что передо мной нормальный человек.

– А вы знаете, что меня Леонид с Борисом на совещание вызывают у Ефима. Будут обсуждать, почему до сих пор отверстия не проделаны.

– Да, попали мы с вами в переплет...

– Олег! – раздался с потолка раздраженный голос Леонида, – срочно к Ефиму на совещание.

– Ну вот... – Олег побледнел. – Теперь они за меня возьмутся.

– Я пойду с вами! – академик решительно встал и поправил рубашку. – Я за вас отвечаю.

– Ни в коем случае, вы с ума сошли! Я вам все расскажу. – Олег с обреченным видом вышел из комнаты.

В кабинете Ефима сидел сам президент, мрачный, как главнокомандующий перед сражением. Рядом, с деловым выражением лица, уселись Леонид, с неприступным видом делающий какие-то пометки в тетради, и Борис, зловеще нахмуривший брови. Последний напоминал стервятника, дожидающегося своей очереди около растерзанного трупа антилопы, над которым, урча и терзая его, склонились львы.

– Садись! – Ефим кивнул головой. – Поговорить надо. Почему академик херню порет, а ты его не останавливаешь?

– Ефим, – начал Олег, – Я...

– Не перебивай меня! – взревел Ефим. Он вскочил со стула, и глаза его вылезли из орбит. – Тебя пригрели, сюда вызвали, а ты в политику играешь? Почему ты не приходил, не жаловался на то, что проект стоит? Да ты обязан был! Ты его должен был остановить! Это тебе не Россия, где были начальники и подчиненные.

– Ефим, мы же днем и ночью работали, и результаты...

– Ни хера не нужны мне ваши результаты! Ты должен был академику по морде дать, ни одной подставки до сих пор не выпущено! Как ты смел, как змея, затаился и молчал?

– Мы же все измеря...

– Листен, Листен, Листен... Ты понимаешь, о чем я говорю? И сейчас, ты же сидишь с ним в одной комнате, этот мудак в банки кипятильник сунул, он же ненормальный! Совсем с ума сошел. Ты должен был явиться ко мне и сказать: Ефим, академика надо отправить в сумасшедший дом! И мы бы приняли меры. А ты сидел, как идиот...

– Но это же экспериментальная установка...

– Леонид с Борисом у тебя спрашивали, как проект движется, по-дружески интересовались, а ты, засранец, академика выгораживал! Ты что о себе думаешь? Все, хватит! У тебя последний шанс не потерять работу. Я тебя отдаю Борису, и достаточно мне будет от него услышать хоть одно недовольное слово в твой адрес - поедешь в Россию.

Леонид поджал губы, Борис жестоким, торжествующим взглядом посмотрел на Олега.

Олег с опущенными плечами шел на свое место. «Конец, – думал он. – Вот и все...»

– Олег, ну что? – Академик бросился к нему. – Плохи дела?

– Меня Ефим только что отдал Борису, так что дни мои здесь сочтены...

– Да что вы! Да, пока не забыл, вам несколько раз жена звонила, просила срочно перезвонить домой.

– Господи, не дай Бог, что-нибудь случилось! – Олег кинулся к телефону. – Алло, это я. Что случилось? Да... Что? Не может быть! Что там написано, ты не ошиблась? Прочти еще раз. – Он откинулся на спинку стула и истерически засмеялся.

– Что, что случилось? Все в порядке? – лоб академика покрылся мелкими капельками пота.

– Да, – Олег посмотрел на него безумным, мутным взглядом. – Нам письмо пришло. Мы только что выиграли по лотерее вид на жительство в Америке...

– Это что еще за лотерея? – удивился академик.

– Они проводят примерно раз в год лотерею и выигравшим предоставляют статус постоянного жителя... Теперь с этой бумажкой я смогу искать себе работу!

– Потрясающе... И как вовремя! Я за вас рад. – Академик нахмурился. – Хотя без вас мне здесь будет совсем грустно. Надо же, паршивый клочок бумаги может перевернуть жизнь с ног на голову... – Неожиданно на лице академика появилось ироничное выражение. – Вы только не обижайтесь, мне вдруг ассоциация в голову пришла... Знаете, как в немом кино, играет тапер на рояле, на рельсах лежит связанная жертва с кляпом во рту, а на нее несется огромный, дымящийся паровоз с чугунными колесами...

– И что же дальше? – Олег никак не мог придти в себя, смотря на академика отрешенным взглядом.

– Появляется почтальон в фуражке с кожаной сумкой и кладет на рельсы письмо...

Глава 27. Сигнализация.

– Олег этот, – Ефим подозрительно смотрел мне в глаза. Лицо его было красным, глаза возбужденно сверкали. – Это ведь ты его сюда вызвал? Подлец, очень гадкий, скрытный и нехороший человек.

– Почему, Ефим? – Я с испугом прислушивался к словам, произносимым президентом, но практически не замечал их. Ничего более меня не интересовало, и снова все происходящее казалось происходящим не со мной и во сне. Я думал о ней, и перед глазами стояли каналы Венеции, в которых садилось солнце. Официанты ловко зажигали свечки на столах, покрытых белоснежными скатертями. Пахло свежевыпеченным хлебом и чувство раздвоенности не покидало меня.

– Да ты сам посмотри, – Ефим начал загибать пальцы. – Я его отдал академику, он подленько так начал ему льстить, подыгрывать. Ему надо было скандалить, за проект болеть! Надо было пойти к Борису, к Лёне, прямо сказать: академик – мудак, ни хера не соображает, дело стоит, дырки не просверлены! – Ефим торжествующе посмотрел на меня. – А он? Чем он занимался? С этим сумасшедшим жлобом водку пил, академику жопу лизал. Развел политику, группировки какие-то. Кошмар, Бориса даже в комнату не пускали! Это у вас в России было принято начальства бояться, свои партии создавать.

– Ефим, ну что вы, он же помогал все установки автоматизировать, день и ночь работал.

– Листен, Листен, Листен! – Ефим недовольно скривился. – Он твоему любимому академику только вред нанес. Врезал бы ему вовремя, у того глядишь - и мозги бы на место встали. А он со всем соглашался. А сейчас? Предать его решил, ноги уносит, подлец!

– Ефим, – я перестал понимать, что происходит, перенесясь из вечернего города, испещренного каналами и мостами на плоский американский континент.– Но вы же его сами перевели к Борису.

– Ну и что? Перевел, да, а он сидел тихо, как мышка, ничего никому не рассказывал, а теперь решил ноги уносить! Готовился, вид на жительство получить пытался, анкетки на розыгрыш посылал! – Ефим передернулся. – И тут, только я его придавить хотел, как он взял и уполз! Ловкий, подлец, как рыба с крючка сорвалась! Вильнул хвостом и удрал, черт его возьми! – Президент начал разочарованно покачивать головой как рыболов, упустивший желанную, жирную добычу, уходящую в морские глубины.

– Он случайно грин-кард выиграл, Ефим, это же лотерея.

– Ничего случайно не бывает! – Ефим взревел. – Он, как змея, сидел тихонько, почву готовил! А на вид такой интеллигентный! Удрал, как крыса с тонущего корабля, на любимого академика ему насрать! И каков подлец, ты знаешь, это его лучше всего характеризует, – Ефим презрительно посмотрел на меня. – Взял, спиздил объектив, выдрал его прямо из установки и домой унес!

– Какой объектив? – Я ничего не понимал, потому что солнце уже опустилось над Дворцом дожей. Голуби слетались к фонтану, туристы, освещая площадь вспышками фотоаппаратов, пытались запечатлеть ускользающую в будущее историю, и на высокой башне на площади Святого Марка били часы.

– Я тебе расскажу какой! – Ефим покраснел, и руки его затряслись от негодования. – Из установки, которую они с этим жлобом, с Гришей собирали. И ведь, подлец, у меня разрешения спросил, говорит - Ефим, можно объектив домой забрать, он от моего фотоаппарата. Что я ему мог ответить? Хрен с ним, мы Минолту купим, подумаешь сотня долларов... Но мне принцип важен, как он мог его из установки вынуть!

– Ефим, но ведь это же его объектив! – Я вдруг вспомнил, как пылающий энергией Гриша требовал срочно вставить в установку объектив, и Олег разобрал свой старенький, привезенный из Москвы фотоаппарат «Зенит».

– Листен, Листен, ты что думаешь? – президент зло сверкнул глазами, и я решил больше не затрагивать эту болезненную тему. – Да этот объектив мне на хер не нужен! И установка эта никому не нужна! Дело в принципе! Ты пришел на работу, ты работаешь, сделал установку. И вот решил сбежать, как ты можешь систему разорять? Он, мерзавец, схватил, выкрутил его оттуда со скрипом, скрежетом, положил в свою поганую сумочку и унес ноги! Это, ну с чем тебе можно такое сравнить? – Ефим задумался, неожиданно лицо его приобрело вдохновленное выражение, и он начал излагать: – Ты представь, ты спаял плату, поставил в нее транзистор, а уходя, пришел, мол, идите вы все к черту, схватил его и вырвал с мясом, так что в плате остались дырки и куски проводов! – Ефим задрожал от гнева и возмущения. – С мясом, как живую плоть! Разбирайтесь, мол, сами, а мне на вас на всех насрать. Нет, он подлый, непорядочный человек. А академика я выгоню!

– Ефим, у него же инфаркт будет!

– Ну и хер с ним, пусть будет! А что я могу поделать, он меня раздражает! – Ефим раздраженно развел руками, фыркнул, повернулся и ушел.

«Гондолы... – подумал я, вспомнив о ней. – Она сейчас ходит там, у моста вздохов, пахнет кофе, а волны плещутся у причала, звонят колокола и испуганные стаи голубей поднимаются вверх с площади Святого Марка». – Каким-то образом эта мысль успокоила меня, и то, что происходило там, далеко, казалось настоящей жизнью, тогда как безумие происходящего вокруг более не волновало.

После поспешного ухода Олега, сунувшего в карман злосчастный объектив, комната опустела. Академик старался не выходить из нее, день и ночь следя за удивительными событиями, происходящими в колбочках. Иногда снизу вверх поднимался один пузырь, стоило немного изменить температуру и уровень возмущений, как бурление становилось хаотичным, сорвавшийся пузырь с газом увлекал за собой новые, они поднимались к поверхности жидкости, вызывая все новые и новые всплески, на экране компьютера проскакивали столбики цифр. Эти цифры напоминали академику об Олеге, который судорожно, последней ночью перед своим уходом заканчивал тайком писать измерительную программу.

В прозрачных склянках происходили удивительные процессы, и академик работал с увлечением, забывая обо всем на свете, выбегая в соседнюю комнату только для того, чтобы налить себе кофе, который он выпивал, заедая принесенными бутербродами. Ранним утром академик прокрадывался в комнату и закрывал дверь, а ночью торопливым шагом выходил на улицу, вдыхал полной грудью прохладный воздух, садился в машину и выезжал на пустынную автостраду, освещенную тусклым светом придорожных фонарей.

Время от времени он с досадой вспоминал о том, что статья так и не закончена. Он сознательно торопил себя, пытаясь поставить все новые и новые эксперименты, возвращаясь к старым результатам и с удивлением обнаруживая, что масштабы его открытия расширяются, охватывая все новые и новые области.

Билл так и не перезвонил ему, только прислал вежливое письмо с просьбой сообщить экспериментальные параметры, что академик и сделал. Он набирал его телефон несколько раз, но секретарша однообразно отвечала, что профессор находится на конгрессе или в зарубежной поездке. Несколько звонков другим знакомым также не принесли никакого результата, люди вежливо здоровались, обещали помочь и мгновенно исчезали. Один из них, неоднократно встречавшийся с академиком на научных симпозиумах, вообще отказался разговаривать. Секретарша долго выясняла, кто и зачем звонит, отключалась от линии и переговаривалась с шефом, снова просила подождать, затем взяла телефон академика и пообещала, что ему обязательно перезвонят. Никакого звонка не последовало, и академик с мрачным удовлетворением накинулся на работу, совершенно прекратив свои поиски.

«К чертовой матери! – думал он. – Вернусь в Москву, напишу статью, высплюсь, схожу в лес, и душа отдохнет. И пусть они сидят в своих аккуратных чистеньких домиках, в

университетах с зелеными лужайками, пишут, высунув языки, бесчисленные и бессмысленные пухлые заявки на финансирование, с вежливым видом пытаясь подсидеть друг друга и не отвечают на телефонные звонки, если это только не приносит им выгоды. Все равно я не хочу такой науки, это не наука, а фабрика, что-то вроде Пусика, может быть, чуть более приличная и чинная, но отнюдь не украшенная взлетами духа, этой удивительной и магической атмосферой творчества и открытий, прекрасным общением, вдохновением, людьми с красивыми лицами и горящими глазами, от одного вида которых на душе становится тепло и понимаешь, что жить с ними вместе – счастье...

«Ну нет, – академик улыбнулся, – это я от обиды, не так все трагично, ведь хватают же они Нобелей один за другим, пишут учебники, которыми зачитываются студенты во всем свете, ведь едут сюда тысячи и тысячи светлых голов со всего мира: китайцы, русские, англичане, японцы... Просто я стар, мое поколение и его нормы и ценности уходят в прошлое, и надо принимать этот мир таким, каков он есть... Черт его знает... А, может быть, я все-таки прав, и культура начинает постепенно отмирать на теле человечества, как ненужная мозоль. Товар, деньги, товар, подставки, дырки...

А вдруг, если так оно все и пойдет дальше, вся планета постепенно покроется одинаковыми коробками типа Пусика, шарашками, делающими деньги, клепающими железки, выпускающими все новые и новые цветные, объемные, черт его знает какие еще, телевизоры, компьютеры с идиотскими играми. Лет эдак через сто будут сидеть расплывшиеся, со звериными тупыми мордами в своих комнатах люди, давно потерявшие нормальные человеческие чувства и эмоции, щелкая кнопками и наблюдая за тем, как на экранах рвется крючьями человеческая дымящаяся плоть, синтезированная с помощью суперкомпьютеров... «

За окном садилось солнце. Розовые полоски света легко трепетали на стене, проскальзывая по деревянному шкафу, заваленному бумагами, заброшенной оптической установке и теряясь в углу комнаты. Идиллический пейзаж, неизменный зимой и летом, поле, покрытое свежей зеленью, всадник, гарцующий на лошади, далекие, погружающиеся в полумрак горы...

«Что-то я становлюсь мизантропом, – подумал академик. – Плохой признак. – Он снова задумался. – Пусик – это случай особый. Ну, с Ефимом все понятно, он болен, у него тяжелый характер. Но ребята... Он же собрал вокруг себя сливки, лучшие человеческие мозги, слепленные природой случайно в одном всего лишь черепе из многих сотен и тысяч. Эти мальчики были будущим своей страны, они могли жить, радоваться, творить, строить, а попали в шарашку, из которой вылезают все как один в полосатых рубашках, с прочищенными мозгами и с безжалостным взглядом в глазах. А может быть, их и преобразовывать не надо? – Академик затряс головой. – Нет, скорее, что не я, а Гриша был прав. Просто условия созданы такие, что из людей быстро вылезает, гипертрофирует, как пропущенное через увеличительное стекло, то, что в них заложено природой и сидит внутри. Как когда в бинокль смотришь, все расплывчато, подкрутил фокус, и все становится ярким, рельефным...»

На улице неожиданно быстро стемнело, и уже засветились фонари.

«Черт возьми, быстро летит время. А вся проблема все-таки в культуре. Прошла она мимо них, не зацепилась, научились ребята решать уравнения, разрабатывать схемы, долго и тяжело работать, а о душе так никто и не подумал... Пропали традиции, выросло поколение технарей, утилизаторов. Не может человек, впитавший в себя живопись, литературу, музыку, познавший боль и отчаяние других людей, подлость и вершины духа человеческого, опускаться до низости, исповедовать куцую жестокую идеологию, наслаждаться, подчиняя других... Да ну к черту, – академик рассердился на себя и махнул рукой, словно отгоняя назойливые мысли. – Что это я? Пусть лучше будут технарями, чем гоняются по улицам в джипах, расстреливая друг друга из автоматов и подсылая наемных убийц. Работать, работать...»

Время катилось, едва слышным шорохом осыпаясь в пустоту.

– Кто-нибудь еще остался? – Борис явно устал, лицо его было слегка помятым. – Опять пришлось полтора часа со схемами разбираться. Леонид, придется менять поставщиков,

микросхемы не соответствуют паспортным параметрам, и у нас в системах возникают сбои!

– Завтра поднимем шум. Все, времени два ночи, никого уже нет, – Леонид подошел к пульту и набрал код. – Здание на охране, поехали домой.

– Распустились люди! – Борис, выйдя на улицу, перешел на русский. – Эти русские на сборке... Каждый думает о своей выгоде, пытается побольше урвать, в воскресенье их не выгнать на работу... Это что за свет на первом этаже горит?

– Академик, мудак, забыл погасить! – Леонид ругнулся.

– Идиот, у себя в квартире бы не оставил! А в компании, пожалуйста, я, видите ли, забывчивый, фирма не обеднеет! Вот она, типичная советская манера. – Борис заскрежетал зубами. – Меня от этого трясет! Слава богу, Ефим его собирается уволить.– Две фигуры отошли от здания и скрылись во тьме.

Со дна колбочки поднялся еще один серебристый пузырь, булькнул, и столбик жидкости фонтанчиком вырвался из маленькой трубки. Глаза слипались, и в голове начинало шуметь. Тени, воспоминания, мысли, исписанные листочки бумаги с графиками мелькали перед глазами, как в хороводе, перемешиваясь, то явственно возникая, то рассыпаясь, и академик почувствовал, что сильно устал.

«Эх, поздно уже, – он посмотрел на часы. – Мать честная, два часа! Ну и засиделся я сегодня.» – Академик встал, расправил затекшие плечи, набросил на плечи куртку и подошел к двери. В коридоре неярко горела фиолетовым светом лампочка, и здание, похоже, было абсолютно пустым.

Он сделал шаг вперед, и вдруг белая коробочка, висящая около потолка, мигнула зловещим ярко-красным светом, совсем как злобным подслеповатым глазом, и где-то вдалеке раздался противный, тревожно и хрипло жужжащий звонок.

«Черт, – испугался академик, – что это такое?» – Он замер, коробочка перестала мигать и неподвижно уставилась на него, слегка поблескивая странным фиолетовым отсветом стеклянных фотоэлементов. Академик застыл на месте, неожиданно почувствовав, что мурашки побежали по спине. Ему казалось, что из этой коробочки на него смотрит что-то недоброе, жестокое, безжалостное, бесконечно далекое и холодное, как космическая пустота, как серые коробки Пусика, набитые бездушными жучками микросхем. Он машинально попятился назад к двери, коробочка тут же судорожно замигала кровавым глазком и вдруг ослепила его яркой вспышкой. От неожиданности академик испуганно вздрогнул, прикрыв ослепшие глаза рукой и, потеряв равновесие, упал на пол, больно стукнувшись коленкой о дверной косяк. В пустом, освещенном фиолетовым светом коридоре надрывно завыла сирена.

«Господи, что же это?» – с ужасом подумал он и попытался подняться. Тут же, чуть поодаль в коридоре, под потолком засветилась фиолетовым отблеском камера и, мягко жужжа моторчиком, уставилась на него тупым черным объективом, поймав скорчившееся тело в фокус.

«Как дуло пулемета,» – с омерзением подумал академик и попытался подняться на ноги. Страх, неестественный, подсознательный, словно пришедший из детских снов, начал проходить.

«Черт побери! – мысль эта неожиданно пронзила его. – Ведь завтра об этом все узнают, начнут издеваться. – Он содрогнулся, представив себе предстоящую реакцию Ефима. – Ведь он, чего доброго, объявит, что я хотел к нему в кабинет залезть и в его столе рылся, а у Бориса секретные бумаги украсть, кто знает, что ему в голову взбредет... Угораздило же так поздно засидеться... Все, это конец, надо увольняться. Нельзя насиловать себя, поеду домой в Москву. Хотя бы успеть установку разобрать, данные обработать...»

В глухой голос сирены вмешался другой, более звонкий, и стены коридора неожиданно осветились красными и голубыми всплесками маячка. Около здания с визгом затормозили две полицейские машины. Академик приподнялся на колени и увидел, что из передней машины выбежал человек в форме с пистолетом в приподнятой руке, за ним еще один и они решительно побежали к зданию.

Входная дверь распахнулась и полицейские, что-то надрывно и хрипло крича по-английски бежали к нему, беря на мушку скорчившегося на полу старика.

«Да что же они, в конце концов!» – Академик попытался что-то крикнуть, но неожиданно страшная боль пронзила его где-то в груди, и он ощутил, что не может вдохнуть.

– Я не... – он рухнул вниз с колен, сильно ударившись о пластиковый пол головой, и неожиданно увидел перед глазами прохладную лестничную клетку на Петроградской стороне, высокие, своды окон, явственно ощутил тишину, пронизанную гулким эхом, маму, открывающую резную деревянную дверь, и себя, маленького, старающегося ступать по черным квадратам кафельных плиток. Нога в высоких потертых кожаных ботинках все время как назло съезжала в сторону, попасть на плитку никак не удавалось, от отчаяния он начинал плакать. «Мама,» – хотелось пожаловаться и прильнуть к ее теплому, пахнущему шерстью пальто. Он неожиданно почувствовал, что безумно по ней соскучился, и уже хотел об этом сказать, но вдруг наступила пронзительная темнота...

Здание компании было освещено мигалками полицейских машин, и скорая помощь с воем отъезжала от компании. В машине сидел полицейский вместе с разбуженным и срочно примчавшимся Леонидом, подписывающим бесконечные бумаги. Ночь медленно приближалась к концу, в кустах уже начинали петь птицы, и вскоре на востоке зарозовела кромка неба над темными силуэтами гор. Утро подступило быстро, и яркие лучи солнца уже били наискосок, отбрасывая зеркальные зайчики на автомобили и здания. Включилась поливочная система и холодные прозрачные струйки воды забили из-под земли. Пахло свежей травой.

– Мудак! – Леонид был взбешен. – Кто же мог знать, что этот идиот будет сидеть со своими склянками до двух ночи!

– Мы здесь не при чем, – Борис, недовольно поджав губы, явно давал понять всем своим видом, что продолжать разговор он считает неуместным.

– Мать вашу! – Ефим раздраженно ходил по кабинету. – Мало мне проблем, теперь полиция будет выяснять, что к чему... Угораздило же его инфаркт схватить. Как его состояние?

– Врачи ничего определенного сказать не могут, откачают, наверное, куда они денутся! Они за пять минут были на месте, он умереть не успел. – Леонид брезгливо поморщился.

– Ну что поделать, – Ефим начал успокаиваться. – Может быть, даже к лучшему, что так получилось. У нас на моей памяти человек пять инфаркт хватали, но только когда я на них орал. Ну да ладно, заболел и дело с концом. Жаль человека, он ведь сильный специалист был, верно?

– Да, – Леонид растерянно нахмурился, – он неплохо соображал.

– Ну да... – Ефим рассеянно посмотрел на Бориса. – Жалко, сердце отказало. Толковый мужик, интеллигентный, литературу знает... Если выживет, я ему оплачу и больницу, и билеты назад, подкину денег, пусть лечится. Поедет в Россию, отдохнет, а там посмотрим. Не в Швейцарию же его в пансионат посылать... Ну, рассказывайте, что у вас там с микросхемами за история?

Глава 28.
Бред.

После роковой ночи время странным образом сжалось, потекло стремительным, белым, неразборчивым и мутным потоком мимо моего сознания, и вскоре я заболел.

Встав утром с постели я почувствовал, что комната плывет перед глазами, и упал на пол с жуткой головной болью. До сих пор не знаю, было ли это результатом накопившейся усталости и нервного переутомления, или просто обычным гриппом, который носился в освещенных немигающим светом залах компании Пусика. Я лежал на диване, смотрел на залитые солнцем, качающиеся за окном зеленые ветви сосны, создававшие причудливые тени на стенах, и перебирал в памяти недавние события.

Академика выписали из больницы. Он не стал ни с кем встречаться и улетел в Москву ближайшим рейсом Аэрофлота, причем провожать его поехал сам Ефим, который за пару дней до этого оплатил космические счета, пришедшие из госпиталя. Вернулся он мрачным и устроил жуткий разгон Леониду и его помощникам, как всегда, из-за непросверленных дырок.

Олег удачно устроился на работу в одной из огромных корпораций, первое время удивляясь тому, что на него никто не кричит. Буквально через месяц он посвежел, начал ходить с расправленными плечами, кожа на его лице разгладилась, и на щеках появился здоровый румянец. Борис, правда, сделал попытку обвинить его в намеренном вредительстве, якобы Олег специально испортил какие-то ценные Пусиковские программы, но тот пригрозил подать на Бориса в суд, и скандал мгновенно угас.

Я так и не смог найти ее адрес. Мы даже не успели обменяться телефонами и, несмотря на все мои попытки, я не смог найти ее ни в телефонной компании, ни в адресных книгах. Скорее всего, она сменила фамилию. Только время от времени сердце начинало как-то тоскливо давить, и неясные видения возникали перед глазами. В такие моменты стены Пусика становились мне ненавистны, и я выходил на улицу выкурить сигарету. Иногда я садился в машину и гнал ее мимо аккуратных аллей и домиков к площади, на которой стоял ресторан и где через дорогу блестела окнами гостиница, в которой она жила. Негр в оборванных джинсах сидел на тротуаре в том же месте около перехода и прислушивался к шороху шин и к проходящей жизни. Казалось, что пространство на улицах сгущалось, становясь светящимся, дрожащим облаком, и, закрыв глаза, я представлял себе, что она рядом, за углом, в соседнем здании.

Иногда я заходил в ту комнату, в которой когда-то сидел академик. Его стол так и остался на том же месте, в углу пылились установки, собранные Гришей и Володей, стул утащили, и в воздухе стоял запах пустоты и заброшенности. Дни вяло катились один за другим, неразличимые и пустые.

Моя семья, наконец, получила заветный вид на жительство в Америке. Неожиданно пришла повестка, извещавшая нас о положительном решении иммиграционной службы, и мы поехали проходить медицинскую комиссию. Усталый щупленький маленький китаец в белом халате, широко улыбаясь, щупал мне и жене живот, стучал малышу молоточком по коленке и светил лампочкой в глаза.

– Да, – он смутился, – еще одна формальность, закатайте, пожалуйста, рукава.

Мы послушались. Маленький человечек жадно схватил мою руку, потом руку жены и впился взглядом в кожу на сгибе локтя.

– Изумительно, прекрасно, – рассыпался он в комплиментах, не увидев ни одного следа от уколов, – наркотиков не употребляете, все в порядке! – Он схватил печать и поставил ее на серой бумажке, которую запечатал в конверт. – Поздравляю! – и он склонился в почтительном поклоне, как вежливый придворный ворон из какого-то старого мультфильма.

В управлении по иммиграции толпились небритые, оборванные мексиканцы в порванных грязных и потных майках, сидели на скамьях древние вьетнамские патриархи с маленькими седыми бородками, ползали смуглые неумытые дети. Полноватый чиновник, казалось, был так удивлен, увидев перед собой прилично одетых белых людей, что расцвел от радости.

– Поклянитесь, подняв руку, – сказал он, заглянув в анкету, – что не будете проповедовать полигамию на территории Соединенных Штатов Америки.

– Не будем. – Я внутренне содрогнулся, от волнения спутав полигамию с каннибализмом.

– Поздравляю, – Он потянулся к паспортам и брякнул в них красный жирный штампик, дающий его обладателям свободу и право на уход из компании Пусика. Почему-то при этом я не испытал никаких эмоций, только усталость и желание поскорее сесть в машину и включить кондиционер.

Удивительным образом за время моей работы у Пусика я сумел разобраться в какой-то несущественной ерунде, почему-то обрел признание и даже написал небольшую книжку, наглядно разъясняющую инженерам всякие до тех пор неизвестные им премудрости. Книжку расхватали, и я, неожиданно для себя, стал известным и начал получать предложения от различных компаний, как грибы растущих в солнечной долине.

Меня начали приглашать на деловые обеды и уговаривать сменить место работы. В одну из компаний, огромную и довольно известную, я решил сходить и, придя на интервью, увидел свежий номер газеты, выпускаемой для ее сотрудников.

На первой страницы газеты был изображен совет директоров, мудро руководивший корпорацией и хранящий ее от всевозможных бед, столь возможных в бурном море современного бизнеса. Фотографии директоров странным образом напоминали секретарей обкома партии откуда-нибудь из Ивановской области, и это меня сразу же насторожило.

Я перевернул шуршащую газетную страницу. Один из вице-президентов компании гордо поднимал вверх распростертую руку, в которой он держал настенные часы. «Меньше потерь на производстве, больше продукции с меньшими затратами!» – гласила подпись. Далее шел текст, оповещавший сотрудников о том, что в отделе номер пятнадцать в последнее время значительно улучшилась дисциплина труда, возросла производительность и уменьшился процент выпуска бракованных изделий, в результате чего сотрудникам отдела торжественно выданы настенные часы с эмблемой компании.

Я зевнул. Каким-то образом я всегда чувствовал атмосферу в различных присутственных местах: если меня клонило в сон и голову закладывало ватой, дело было плохо...

Меня пригласили пройти внутрь. В огромном зале, освещенном тусклым люминесцентным светом и разгороженном картонными стеночками, было сделано несколько десятков клетушек, в которых, поджав колени, сидели ведущие инженеры компании. С потолка орал громкоговоритель, каждую секунду подзывающий кого-нибудь к телефону. «У нас сегодня вице-президента подсидели, – с таинственным видом сообщил мне один из них. – Теперь такое будет...» – он озабоченно, с серьезным видом покачал головой.

Это было последней каплей. Я выскочил из перегороженной комнаты и сразу же отказался от работы, хотя многие из бывших пусиковцев затем уверяли меня, что на самом деле в этой компании можно было прекрасно и спокойно жить и работать.

Голова начала болеть все сильнее и сильнее. Последующий день я лежал на диване, лицо мое горело, и перед открытыми глазами качались зеленые ветки сосны, то освещенные ярким солнцем, то покрытые белыми сверкающими сугробами. «Откуда здесь может быть снег?» – эта мысль с удивлением проникала в сознание откуда-то извне, при виде нескольких пальм, соседствующих с соснами, я качал головой, и снежные шапки тут же рассыпались и призрачными тонкими струйками утекали с ветвей. Я снова отключался, хотелось пить, и в голове гадко гудело, как будто по соседству работал испорченный трансформатор.

Я снова открывал глаза. В ветвях дерева происходили удивительные явления, я как будто наблюдал картинки из своего детства, целый спектакль, яркий, задавленный в памяти событиями последующих лет и совершенно забытый. Вначале возникал ослепительный белый свет, я зажмуривался, свет рассеивался, и я видел себя с отцом, в яркий солнечный весенний день в Москве, где-то в центре, в районе Петровки, где мы тогда жили. Мне на шею был зачем-то повязан шарфик, и отец придерживал меня за него, чтобы я не потерялся. Мы стояли около большой подворотни и кого-то ждали, наверное, маму, но я не был в этом точно уверен. Рядом работал дворник, в кожаном переднике, с окладистой бородой и с огромной метлой в руках.

– Идите отсюда, – грубо говорил он. – Здесь нельзя стоять!

– Почему? – удивленно спрашивал отец.

– Я сказал, нельзя таким, как вы, тут улицу загораживать! – и он как-то по особенному зло, издевательским презрительным взглядом взглянул на папу.

– Пойдем, малыш, – грустно сказал мне отец. – Они не хотят, чтобы мы тут стояли.

Я был совсем маленьким, но увидел, как у отца потемнело лицо, он задохнулся, схватил меня и потащил в сторону. Я ничего не понимал, почему у моего папы, такого большого и сильного, с грудью, увешанной медалями и орденами, так испортилось настроение... Почему-то эта сцена засела в памяти и теперь, много лет спустя, всплыла в уставшем, болезненном сознании.

Сценка потускнела и рассыпалась на части, дворник с окладистой бородой, только что так явственно выпиравший в просвете между ветками, исчез, снова появился яркий свет, все стало неожиданно тусклым... Дул холодный ветер, школьники в серых потертых пиджаках под грохот барабанов маршировали на плацу. Я шел там, между ними, стараясь попасть в ногу, но все время сбивался, и начальник воинской части презрительно и недружелюбно смотрел на мою сутулую спину... Грязь, солдатские шинели, окопы. Мокрая липкая глина, облепляющая сапоги, люди вжались в нее. Вокруг с грохотом рвались снаряды... «Это уже не со мной», – с удивлением подумал я и снова увидел снежные, ледяные шапки, от которых несся холодный, свежий, пахнущий Арктикой ветер.

Картинка рассыпалась с внезапно налетевшим порывом ветра, и сосновые иголки образовали новый узор... Я глядел из окна маленькой квартирки в Иерусалиме, куда мы переехали во время войны. Над городом удивительно низко висели свинцовые тучи, через которые пробивались столбы света, как будто сошедшие с гравюр Дюрера, и казалось, что Бог вот-вот протянет с казавшегося совсем рядом неба свои руки.

Мы были совершенно нищими, и наш трехлетний малыш нашел в садике возле дома сломанный детский трехколесный велосипед с оторванными педалями и сломанным колесом. Он ужасно обрадовался, так как ему удалось сесть на сиденье и с жутким грохотом сдвинуть велосипед с места. Тут завыла сирена, и мы стремглав бросились домой одевать противогазы... Где-то вдалеке бухнуло. Когда мы вышли, велосипеда на улице не было.

«Где мой велосипед сломанный?» – хныкал малыш, и вдруг мы увидели его в кустах, в стороне от дороги... Со стороны лысых гор Иудейской пустыни на город неслось черное облако, и жуткая, неправдоподобная темнота покрывала белые дома с черепичными крышами...

Неожиданно тело мое, лежащее в постели, стало маленьким, я физически почувствовал, насколько оно ничтожно, и огромная, пенящаяся мутной черной жижей волна подняла меня вверх, выше и выше, на безумную, жуткую, ничем не передаваемую высоту и затем с хрустальным звоном обрушила меня вниз, и я увидел микроскопический металлический шарик, настолько крохотный, что я сам себе казался гигантом по сравнению с ним. И снова, жутких размеров океанская стена мягко унесла меня вверх, голова закружилась, и ослепительный яркий свет залил все вокруг.

В ветвях дерева что-то стало формироваться, какая-то игра теней, неожиданно тени исчезли, и передо мной стояла она. В длинном шуршащем платье, она, казалось, вышла из полумрака и иронично смотрела на меня.

– Ну что, как у тебя дела? – спросила она все тем же, чуть хрипловатым, слегка усталым голосом. Она села на стул и положила ногу на ногу, длинная юбка подчеркнула силуэт ноги. – Мы опять потеряли друг друга, правда? Так глупо, я даже не знаю твоего телефона. – Она внезапно погрустнела и на секунду замолчала, – Мне кажется, что иногда я чувствую, когда ты думаешь обо мне. Вдруг, неожиданно... Какие-то смутные тени возникают перед глазами, сердце начинает биться.

– Ты знаешь, похоже со мной иногда происходит то же самое... – Я попытался приподняться.

– Лежи, герой... – Она усмехнулась. – Я часто думаю о том, что ты мне успел рассказать. Странно все это... Никогда не думала, что ты сможешь превратиться в послушного, запуганного исполнителя бредовых приказов. Ты всегда был такой уверенный в себе. Что же с тобой стало, милый? – Она наклонилась надо мной и взглянула мне в глаза, я ощущал рядом ее дыхание и почувствовал, что меня снова подхватила мутная волна, незаметно набирающая силу и пытающаяся унести меня в высоту. – Ходишь в этих жутких рубашках, темных носках, – она хихикнула и прикрыла лицо ладонью. – Выслушиваешь бред этого вашего безумного начальника. Зачем тебе это?

– Черт его знает, – я почувствовал стыд и унижение. – Ты знаешь, мне иногда кажется, что все это происходит во сне, неестественно, искаженно. А потом будто просыпаешься... Прости меня. Понимаешь, так получилось... Но я никогда не делал ничего...

– Ты сам этого захотел, что значит получилось? – она пожала плечами. – Жизнь у каждого одна. А ты делаешь ошибку за ошибкой... – Глаза ее заполняли размытое, радужное, слегка колеблющееся пространство. – Я все время вспоминаю, как ты отвозил меня ночью в аэропорт... – Голос ее дрогнул, и она внимательно посмотрела на меня. – А ты хуже выглядишь. Тебе плохо? У тебя какая-то тоскливая усталость в глазах...

Она снова наклонилась надо мной, ближе, еще ближе, и поцеловала меня в губы. Я ощущал ее дыхание, прикосновение ее волос, легкое дуновение счастья, и почувствовал, что мутная жижа отступает. Казалось, что я плавно спускался вниз, пришло облегчение, невесомость, и вдруг она растворилась.

Я водил руками по воздуху, не веря потере и мечтая вернуть хотя бы на секунду этот хрипловатый голос и поцелуй, но огромная, черная, густая и вязкая, как нефть, волна снова подхватила меня вверх и понесла в пустоту, как скоростной лифт, от которого все обрывается внутри. Стало очень тихо, я замер на гребне волны и увидел, что ветви сосны остановили свое вечное движение и секундная стрелка часов замерла. От наступившей тишины звенело в ушах. Мне показалось, что я в космосе и огромные, ослепительно белые, горячие шары звезд, застыв, висят в черном безжизненном пространстве, связанные невидимыми напряженными нитями.

И снова пришло падение с жуткой тошнотой, и раздался удар грома. За окном шумел ливень, пахло сиренью, она была здесь, рядом, она целовала меня. Прикрыв глаза, мы медленно растворялись в мерцающем свете и перетекали в темноту, словно тени, отбрасываемые догорающей свечой.

– Не исчезай, – говорил я. – Я люблю тебя. Вот если бы время сейчас остановилось... Хотя это, конечно, просто сон, мы оба это понимаем. Это наше прошлое, а может быть будущее, я не знаю. Но мне так хорошо с тобой...

– Как странно... – Она смотрела мне в глаза. – Мне кажется, что все это когда-то уже было, знаешь? Ты наверняка знаешь, ты не можешь не знать...

Накатила еще одна волна, уже не такая высокая, как раньше, но я терял ее, казалось, ее уносило в эту темную пучину, пенящуюся страшными радужными пузырями. – Нет! – закричал я, – Нет! – я рванулся в сторону, пытаясь поймать ее за руку, снова все залил яркий ослепительный свет, меня встряхнуло, и глаза открылись.

Жуткая головная боль перекатывалась из одного полушария в другое. За окном качались под легким прохладным ветерком ветви сосен, освещенные вечерними лучами солнца. Я лежал на диване. Поблекшие краски комнаты постепенно густели, становились ярче, и я остро ощутил аромат зелени. Начали подступать звуки, на улице мягко шуршали машины, все громче доносились детские крики из расположенного под окном бассейна.

«Где же она? – с тоской подумал я, возвращая болезненное видение. – Вот и все...» – Захотелось плакать, и я уронил голову на подушку и потерял сознание.

На следующее утро я чувствовал себя абсолютно разбитым и бессильным, но бред больше не возвращался. Глаза слегка болели от яркого света, и я, забываясь, снова и снова вспоминал недавние события, пролетавщие перед глазами в ускоренном темпе, как будто кинопленку прокручивали с бешеной скоростью.

– Папа, – кричал сын, – ты выздоровел? Пойдем играть в футбол!

Прошел в бессмысленном беловатом свете еще один день, я встал с дивана, слегка покачиваясь, сел за руль и приехал на работу. Чуть мерцающий свет люминесцентных ламп слегка резал глаза, мой стол с горой бумаг казался чужим. Я взял в руки стоящий в глубине на полке томик стихов, совершивший вместе со мной многочисленные перемещения в пространстве. Одна из страниц была надорвана, и она когда-то аккуратно заклеила ее прозрачной липкой лентой. Я открыл книгу на этой странице и долго смотрел на нее. В груди возникала тупая, далекая боль. Казалось, в этих листах бумаги еще хранится тепло рук, прикосновения, дыхание, шелест, настольная лампа...

– Вот хорошо что ты здесь! Ну что, выздоровел? – Ефим как всегда подкрался бесшумно. – Лучше себя чувствуешь? А ты мне нужен, у меня в кабинете ребята сидят. Я целую бригаду выписал из Петербурга, сильная команда! Иди, посмотри на них, я так и сказал, ты, молодой парень, всей Академией наук руководил.

– Ефим, что вы говорите? – возмутился я.

– Листен, Листен, а на самом деле так все и было! – Ефим пристально посмотрел на меня, покачивая головой. – Ребята про тебя, как про Бога слушали, вот увидишь, как они будут сейчас на тебя смотреть!

Я понял, что искать здравый смысл, спорить, доказывать что-либо было совершенно безнадежно. В кабинете Ефима сидели пять человек, трое мальчиков в костюмах, со сбитыми набок галстуками, с чистыми, открытыми лицами и двое ребят постарше, один из которых мне сразу не понравился из-за бегающих, затаившихся глаз.

«Этот будет вместо Бориса или Леонида,» – с тоской понял я.

– Вот, знакомьтесь, наш ведущий специалист, – Ефим гордо указал на меня.

– Здравствуйте, – они испуганно посмотрели на меня.

«Какие открытые, хорошие лица у этих четверых, – подумал я, – В глазах у них мысль, красота, свобода... А, может быть, я не прав, и у пятого тоже все в порядке? Кто знает... Эх, мальчики, мальчики... Неужели и вас перемелет эта мясорубка, и вылезете вы из нее испуганные, обгаженные, с вывернутыми наизнанку душами и с больной совестью?»

– Ребята толковые, – Ефим обращался ко мне, – с ними горы можно свернуть! Я проверил, они уровень наберут и Леонида с Андреем и Борисом заткнут за пояс. Это я тебе точно говорю! Этих давно пора менять, засиделись, воображают о себе черт его знает что! Что они такого сделали удивительного? Борис вообще ходит как сумасшедший, его Эдик совершенно с ума свел. Как ядовитое насекомое, укусил, пустил свой яд в него и все! Ты посмотри, у него вид такой сумасшедший, забитый, испуганный. Андрей сидит надутый, бездельничает, воображает о себе черт знает что. А Леонид вообще охренел! Он намекал, что хорошо бы зарплату поднять! – Ефим передернулся. – С тобой вот все ясно, я тебя поэтому пока и не трогаю. Ты вот хочешь наукой заниматься, бессеребренник, ну и хрен с тобой! А они работать уже в полную силу перестали, поощрений ждут. Ни хрена они не получат, ни цента! Пусть уходят в другие компании, они ребята сильные, будут в два раза больше получать. А вот эти, – Ефим махнул рукой в сторону своего кабинета, – будут день и ночь пахать, свежие пополнения! И счастливы будут своей зарплате, по крайней мере года два или три... Нет, нет, пора вливать свежую кровь...

Я огляделся. Новая команда с некоторым испугом прислушивалась к Борису, что-то объяснявшему им по-английски с поджатыми губами. Глазки парня постарше бегали...

История повторялась в своей застывшей неизбежности. По слухам, Леонид, Борис и Андрей появились в компании Пусика лет пять-шесть назад точно таким же образом. Вначале смущенные и растерянные, они быстро обжились в непривычных условиях и, как птенцы кукушки, подсаженные в чужое гнездо, с успехом выжили своих

предшественников, которые без малейших сантиментов были выброшены на улицу. По-видимому, сейчас я присутствовал при начале новой фазы в истории компании Пусика.

Мне снова стало хуже, и я поехал домой. В квартире было пусто. Я лег на диван и включил телевизор. Экран засветился. Где-то в Европе шла небольшая война. Из маленькой, обшарпанной машины вылезала пожилая женщина в вытертом длинном пальто и испуганно бежала к колонке набрать в ведро воды. Неожиданно раздавался выстрел, она падала на асфальт, и вокруг ее головы растекалась лужица крови. Из машины выскакивал обезумевший от горя старик и, не обращая внимания на стрельбу, кидался к ней, еще не веря в происшедшее. Эту сцену прокручивали несколько раз, в замедленном темпе.

Я переключил канал. Русские самолеты летели низко над разрушенным городом, покрывая его ковром бомб и взрывов. Горели дома, люди разбегались врассыпную. Женщина, с широким деревенским лицом, в сером пуховом платке, случайно попавшая в кадр, бежала по улице, причитала по-русски и плакала от ужаса.

Армейский грузовик подвозил к объективу камеры трупы убитых детей, и мрачный небритый мужчина стаскивал их за ноги и укладывал один к одному на землю. Стройный высокий джигит с орлиным взглядом и черной бородой смотрел на смерть и разрушения и клялся отомстить за кровь детей, глаза его горели черной яростью, и рука тянулась к несуществующему кинжалу.

«Под зеленым знаменем Пророка,»– неожиданно вспомнил я прочитанных в детстве классиков, и боль поднялась в груди.

Я снова переключил канал. На Красной площади проходил парад Победы.

«Отец должен быть где-то там, – вспомнил о своем недавнем звонке к родителям в Москву. – Мама сказала, что ему даже выдали по этому случаю серый шерстяной костюм и туфли.»

Маленькая кучка выживших стариков с орденами на груди шла, пытаясь отбивать шаг, и я вдруг мельком увидел отца. Он был немного выше окружающих и отбивал шаг, высоко держа седую голову и смотря перед собой. На трибуне стояли президенты России и Америки.

Кровавый век медленно подползал к концу.

.oOo.